И 139/6

Духовн. училища
Т. 1
изд. 2

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ВЪ РОССІИ.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1866.

Traduction du titre au revers.

8174
B(1-2

И 139/6

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ

ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

ВЪ РОССІИ.

Ростиславов

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПУБЛ. БИБЛ. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф. 31-5626

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1866.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объ ученой и административной частяхъ духовно-учебныхъ заведеній 27
ГЛАВА 1я. О начальникахъ духовно-учебныхъ заведеній . . . 29
ГЛАВА 2я. О наставникахъ духовно-учебныхъ заведеній . . . 44
Отдѣленіе 1ое. О предварительномъ подготовленіи наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній къ педагогическимъ обязанностямъ 44
Отдѣленіе 2ое. О жалованьѣ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній 65
Отдѣленіе 3ое. О поощреніяхъ, наградахъ и повышеніяхъ въ духовныхъ училищахъ и о раздѣленіи наставниковъ ихъ на прогрессистовъ, полупрогрессистовъ и непрогрессистовъ 78
Отдѣленіе 4ое. О непечатныхъ привиллегіяхъ прогрессистовъ 99
Отдѣленіе 5ое. О томъ, почему немногіе изъ воспитанниковъ духовныхъ академіи и изъ наставниковъ поступаютъ въ монашество 116
Отдѣленіе 6ое. О значеніи наставниковъ — непрогрессистовъ въ духовныхъ училищахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ начальникамъ прогрессистамъ. 132

Стр.

Отдѣленіе 7ое. О неоффиціальной жизни наставниковъ-непрогрессистовъ. 154

ГЛАВА 3я. О томъ, какъ преподаются науки наставниками духовно-учебныхъ заведеній 162

ГЛАВА 4я. Объ учебныхъ руководствахъ въ духовныхъ училищахъ 214

ГЛАВА 5я. Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніи нѣкоторыхъ свѣтскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ 230

Отдѣленіе 1ое. Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніи русской грамматики, ариѳметики, географіи, латинскаго и греческаго языковъ въ духовныхъ училищахъ . . 231

1. Русская грамматика 231
2. Ариѳметика 234
3. Географія 236
4. Латинскій и греческій языки 245

Отдѣленіе 2ое. О преподаваніи логики и реторики въ духовныхъ училищахъ 251

ГЛАВА 6ая. О раздѣленіи наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ на разряды 305

ГЛАВА 7ая. Замѣчанія о преподаваніи богословскихъ наукъ. . 316

Отдѣленіе 1ое. О причинахъ, которыя препятствуютъ успѣшному изученію всѣхъ вообще богословскихъ наукъ . . 317

Отдѣленіе 2ое. Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніи нѣкоторыхъ богословскихъ наукъ, напр. Церковнаго устава, Объясненія воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ и пр. 325

1. Объяс. Устава церковнаго 325
2. Объяс. воскресныхъ Евангелій 329
3. Объяс. воскресныхъ Апостоловъ 333
4. Ученіе о богослуженіи Православной церкви . . 337
5. Патристика 341
6. Ученіе о расколѣ 343

ГЛАВА 8я. О привиллегированныхъ лицахъ между учениками духовно-учебныхъ заведеній 348

ГЛАВА 9я. О вліяніи школьнаго образованія на учениковъ духовныхъ училищъ 372

Отдѣленіе 1ое. О томъ, какимъ образомъ зараждается, развивается и утверждается школьный механизмъ и формализмъ въ ученикахъ духовныхъ училищъ 373

Отдѣленіе 2ое. О вліяніи школькаго механизма и формализма на развитіе любознательности воспитанниковъ духовныхъ училищъ 398

Отдѣленіе 3ое. О послѣдствіяхъ исключительно-богословскаго настроенія ума 409

Стр.

ГЛАВА 10-я. Объ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. 436

Отдѣленіе 1-ое. Объ уменьшеніи числа экзаменовъ и объ измѣненіи двухгодичнаго курса въ годичный въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 436

Отдѣленіе 2-ое. О томъ, какъ производятся экзамены въ духовныхъ училищахъ 440

Отдѣленіе 3-е. О публичныхъ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 465

Отдѣленіе 4-ое. О составленіи общихъ списковъ и переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 473

ГЛАВА 11-ая. О ревизіяхъ духовно-учебныхъ заведеній . . . 485

ВВЕДЕНІЕ.

Въ послѣдніе четыре года очень не рѣдко встрѣчались въ журналахъ неблагопріятные отзывы не только о семинаріяхъ, но и вообще о всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.*) Обвиненія, которымъ подвергаются они и воспитывавшіяся въ нихъ лица, необыкновенно разнообразны; не только критика касалась внѣшнихъ пріемовъ семинаристовъ, схоластическаго направленія, которое они получаютъ въ училищахъ, но и самая нравственность ихъ подверглась большому сомнѣнію; равнымъ образомъ управленіе духовными училищами не избѣгло порицанія, какъ въ ученомъ, такъ въ экономическомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ. Но по разсмотрѣніи всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ отзывовъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ легко можно замѣ-

*) *Духовно-учебныя заведенія* раздѣляются на *высшія, среднія и низшія,* къ первымъ относятся духовныя академіи, ко вторымъ семинаріи, къ третьимъ уѣздныя училища, — приходскія нынѣ почти нигдѣ отдѣльно не существуютъ. Мы въ своей статьѣ всѣхъ ихъ вообще станемъ называть или *духовно-учебными заведеніями,* или *духовными училищами,* а вездѣ, гдѣ понадобится отдѣльно говорить о низшихъ училищахъ, будемъ прибавлять слова *низшія*, или *уѣздныя.*

тить, что каждый изъ нихъ большею частію касается частныхъ какихъ либо случаевъ, — напр. или говоритъ о низшихъ училищахъ, не трогая семинарій и академій, или объ одной ученой части, опускай экономическую, или разбираетъ не нормальныя отношенія учителей низшихъ училищъ къ смотрителямъ, или осмѣиваетъ недостаточное преподаваніе наукъ, или сожалѣетъ о бѣдномъ положеніи наставниковъ; даже нерѣдко можно было замѣтить чуть не личные намеки на какія-то извѣстныя лица, чуть не пасквили на какое либо одно низшее училище, какую либо семинарію, или академію. Если же дѣло въ иныхъ мѣстахъ касалось, по видимому, всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній, то авторы или описывали только факты безъ объясненія причинъ ихъ и безъ предложенія мѣръ, которыми можно исправить вкравшіяся злоупотребленія; или говорили объ этихъ мѣрахъ и причинахъ, недостаточно ознакомившись съ фактами. Такихъ же статей, въ которыхъ бы духовно-учебныя заведенія разсмотрѣны были въ теперешнемъ ихъ положеніи со всѣхъ главныхъ сторонъ, гдѣ бы подробно были описаны недостатки, свойственные имъ всѣмъ съ немногими развѣ исключеніями, удовлетворительно объяснялись причины этихъ недостатковъ и злоупотребленій и вмѣстѣ съ тѣмъ предложены были мѣры остановить развитіе ихъ въ настоящее и предотвратить по возможности на будущее время, такихъ статей, скажемъ, еще не было. Этимъ мы вовсе не осуждаемъ того, что до сихъ поръ написано о духовныхъ училищахъ, мы сообщаемъ только фактъ, понимая вмѣстѣ съ тѣмъ

тѣ препятствія, которыя отнимаютъ возможность писать объ нихъ такъ, какъ слѣдовало бы по нашему мнѣнію. Кто, не только изъ писателей, но и изъ читателей, не знаетъ, что есть множество *обстоятельствъ, вполнѣ не зависящихъ отъ воли автора*, которыя иногда не даютъ ему возможности высказать десятой части того, что онъ думаетъ? Чтоже это за обстоятельства по отношенію къ духовнымъ училищамъ? Ихъ-то разсмотрѣніемъ мы и намѣрены заняться во введеніи.

Католическое духовенство издавна старалось и теперь старается, гдѣ еще ему можно, присвоить, а во многихъ мѣстахъ дѣйствительно уже присвоило себѣ полную почти независимость и самостоятельность. Оно, т. е. преимущественно папа, кардиналы, епископы, а изъ прочихъ тѣ, у кого есть надежда занять ихъ мѣста, или желаніе выслуживаться предъ ними, серьезно утверждаютъ, что духовенство должно составлять совершенно независимую корпорацію отъ государства, и само завѣдывать своими дѣлами и даже *дѣлишками*, что правительству и государству предоставляется честь защищать его отъ враговъ, что всѣ преступленія духовныхъ лицъ должны быть судимы епископскимъ судомъ и пр. Съ такими убѣжденіями о своей самостоятельности и независимости захочетъ ли намѣстникъ Апостола Петра, захотятъ ли епископы, его намѣстники по всѣмъ странамъ міра католическаго, чтобы не только общество и частные люди, но и самыя правительства имѣли какое либо вліяніе на училища для воспитанія духовенства? Католическое духовенство справедливо называютъ

особымъ государствомъ, котораго глава—папа, и сенатъ-кардиналы находятся въ Римѣ, за тѣмъ епископы — каждый въ своей епархіи — нѣчто въ родѣ проконсуловъ папы, всѣ аббаты, патеры и пр. — чиновники или воины папы и епископовъ, а духовныя училища — кадетскіе, такъ сказать, корпуса, которыхъ воспитанники должны сдѣлаться этими чиновниками и воинами. Всѣ они, и кадеты, и воины, и чиновники и пр. прежде всего подданные папи, а за тѣмъ уже предоставляется имъ право быть Французами, Нѣмцами, Испанцами, сколько это позволяютъ обязанности по отношенію къ папѣ. При такомъ положеніи дѣлъ католическому духовенству надобно было устроить особые *разсадники*, гдѣ бы можно было передѣлывать Французовъ, Испанцевъ, Нѣмцевъ и пр. въ папскихъ Италіянцевъ и, разумѣется, вполнѣ и безусловно подчинить ихъ надзору епископовъ и папы; отъ вліянія правительства и общества могутъ зародиться въ головѣ и сердцѣ питомцевъ мысли, что они прежде всего Французы, Нѣмцы, Испанцы и пр., а не преданнѣйшіе слуги Его Святѣйшества. Нельзя не отдать чести католическому духовенству въ томъ, что оно въ этомъ случаѣ умѣло развить и довести свою систему до самыхъ малѣйшихъ подробностей. Не многимъ государствамъ — притомъ не католическимъ—удалось ограничить римскій деспотизмъ въ училищахъ для воспитанія духовенства. Напротивъ истинно-католическія правительства (très-catholiques, très-fidèles, très-apostoliques и пр. très...) рѣшительно предоставили епископамъ всю власть надъ духовными училищами, австрійское правительство почти совсѣмъ

подчинило имъ даже свѣтскія учебныя заведенія. Разумѣется, епископы съумѣли воспользоваться своими правами; въ духовныя училища, подъ ихъ вѣдѣніемъ состоящія, уже не проникнетъ вліяніе общества; въ нихъ все состоитъ изъ духовенства; начальники, надзиратели, наставники не могутъ быть иначе, какъ въ званіи патера, аббата, ксендза и проч.; даже прислуга, доктора, переплетчики и пр. все пропитано однимъ духомъ; тулузскій процесъ брата Леотада показалъ, что отъ лицъ, принадлежащихъ къ конвикту, не скоро можно узнать что либо даже о совершающихся тамъ уголовныхъ преступленіяхъ.

Условія исторической жизни русскаго народа спасли его отъ владычества папскаго. Намъ пришлось испытывать грозныя нашествія и въ слѣдствіе ихъ болѣе или менѣе продолжительное владычество восточныхъ народовъ; но нашествія съ запада на Русь слишкомъ рѣдко удавались. Мнимые преемники Апостола Петра многократно посылали арміи для покоренія себѣ Россіи; арміи эти по числу воиновъ были ничтожные въ сравненіи съ арміями Чингисхана, Батыя, Тамерлана и пр., даже не отличались воинственнымъ духомъ и осанкою; онѣ состояли изъ скромныхъ учениковъ Доминика, Франциска, Игнатія Лойолы и пр., въѣзжали не толпами, а даже по одиначкѣ, тогда какъ въ существѣ едвали не страшнѣе были дикихъ ордъ татарскихъ. Но единственнымъ почти слѣдствіемъ этихъ нашествій осталась въ русскомъ народѣ какая-то инстинктивная непримиримая ненависть къ папизму, особенно въ западной и южной Россіи. Да и *мы*, *коренные Москали*, жители бере-

говъ Волхова, Клязьмы, Оки и Волги *никогда ни за что не будемъ католиками*, не смотря на всѣ брошюры Г—ныхъ. По этому у насъ мысль о полной независимости Іерархіи и духовенства отъ государства въ католическомъ смыслѣ не пользуется народностію.

Но, не смотря на это, и на Руси встрѣчаются люди, которые готовы утверждать, что дѣла, касающіяся духовенства вообще и духовныхъ училищъ въ частности, должно предоставить самому духовенству, или лучше лицамъ, занимающимъ высшія степени въ Церковной Іерархіи, что никто—ни государство, ни общество, ни литература, ни, тѣмъ болѣе, частные люди не должны свободно разсуждать объ этихъ дѣлахъ и особенно высказывать о нихъ не очень лестныя мнѣнія, что всякій неблагопріятный отзывъ о духовныхъ училищахъ надобно считать посягательствомъ на святость церковнаго ученія и на неприкосновенность Православной Догматики, оскорбленіемъ нравственности христіанской, чуть ли даже не ересью или расколомъ; и человѣкъ, рѣшившійся съ самою благонамѣренною цѣлію высказывать свое мнѣніе о неудовлетворительномъ теперешнемъ состояніи духовныхъ училищъ, рискуетъ прослыть не только безнравственнымъ, но и безбожникомъ, по крайней мѣрѣ лишиться права на званіе православнаго христіанина. Вотъ, по нашему мнѣнію, въ чемъ заключается причина, почему до сихъ поръ не могло еще появиться критическихъ отзывовъ о духовныхъ училищахъ. По этому и мы прежде всего рѣшаемся подробно разсмотрѣть: точно ли есть какія основательныя при-

чины нравственныя, религіозныя, политическія и пр., которыя бы отнимали у литературы, общества и государства право судить и писать о духовныхъ училищахъ?

Сначала посмотримъ на вопросъ съ политической, финансовой и статистической точекъ зрѣнія. Извѣстно, что въ духовныхъ училищахъ получаютъ свое образованіе почти всѣ дѣти бѣлаго духовенства, только не многія изъ нихъ поступаютъ въ другія учебныя заведенія. Такимъ образомъ на духовныя училища слѣдуетъ смотрѣть, какъ на единственныя почти заведенія, гдѣ дѣти православнаго духовенства могутъ получать научное воспитаніе. По всего духовенства по 10й ревизіи почти 600,000; участь этихъ *шести сотъ тысячъ* посредственно или непосредственно зависитъ вполнѣ отъ духовныхъ училищъ. Неужели общество не имѣетъ права и даже обязанности спросить: да такъ ли воспитываются люди въ этихъ училищахъ, какъ требуютъ интересы государства? Не упускаются ли изъ вида при воспитаніи ихъ какіе либо важные вопросы? Вѣдь тутъ дѣло идетъ почти объ $^1/_{100}$ части имперіи и объ $^1/_{83}$ части православнаго народа. Притомъ эти шесть сотъ тысячъ не составляютъ отдѣльнаго какого либо общества, не имѣющаго связи съ государствомъ; изъ него должны выйти тѣ лица, которыя будутъ нравственными и религіозными наставниками самой крѣпкой, самой многочисленной, самой надежной части русскаго народа. Если нравственность и религія составляютъ основу человѣческихъ обществъ, то эти шесть сотъ тысячъ имѣютъ сильное вліяніе даже на будущность

государства. Неужели же на воспитаніе такихъ людей ни правительство, ни общество, ни литература не должны обращать самаго зоркаго вниманія, а обязаны довѣрять его или самому духовному сословію, или только нѣсколькимъ лицамъ изъ него?

Затѣмъ изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Синода видно, что на содержаніе духовныхъ училищъ ежегодно тратится болѣе 1,200,000 рублей серебромъ, не включая сюда денегъ, употребляемыхъ самими отцами духовныхъ воспитанниковъ. Но и отцы этихъ дѣтей откуда получаютъ деньги? Откуда? — Всѣмъ извѣстно, они лишены права торговать и отлучаться на заработки, почти вовсе не имѣютъ своей собственной земли, или получаютъ её отъ государства, что ни говорите, а деньги на воспитаніе своихъ дѣтей и на содержаніе себя и своихъ семействъ они, большею по крайней мѣрѣ частію, получаютъ отъ своихъ прихожанъ и отъ государства. Всего духовенства, какъ мы сказали, до шести сотъ тысячъ; положимъ, что каждое лицо изъ этихъ тысячъ истратитъ въ годъ среднимъ числомъ по 40 руб. серебр., полученныхъ отъ православнаго народа, — вѣдь это составитъ слишкомъ 24 милліона рублей сер. Еще, — уже давно наше правительство вводитъ оклады сельскому православному духовенству и ввело въ большей части епархій, всѣхъ такихъ суммъ теперь истрачивается 3,335,000 руб. Наконецъ изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода видно, что кошельковой, кружечной и пр. суммъ въ церквахъ собирается ежегодно *до пяти милліоновъ рублей*. Сюда нужно причислять сумму, поступающую отъ доброхотныхъ

дателей въ монастыри и тѣ церкви, которыя не представляютъ отчетовъ о своихъ доходахъ, такихъ доходовъ надобно полагать никакъ *не менѣе пяти милліоновъ рублей*. Всѣ перечисленные нами милліоны рублей получаются не съ Марса, Юпитера, или Нептуна, и даже не изъ за границы нашей матушки Россіи, но отъ ея добраго и православнаго народа. Неужели же не должно государство и общество имѣть самый близкій и непосредственный надзоръ надъ воспитаніемъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ должны будутъ зависѣть нравственная и религіозная жизнь 50 почти милліоновъ жителей и будущность государства, — которыя ежегодно получаютъ отъ правительства и народа до 30 милліоновъ рублей и кромѣ того станутъ еще распоряжаться 10тью милліонами рублей? Дай Богъ, чтобы это вліяніе, этотъ надзоръ болѣе и болѣе увеличились! Но государство и общество могутъ надзирать за духовными училищами и имѣть благодѣтельное вліяніе на нихъ въ томъ только случаѣ, когда настоящее состояніе послѣднихъ будетъ извѣстно.

Изъ нашихъ словъ нѣкоторые, можетъ быть, выведутъ то заключеніе, что мы наводимъ тѣнь подозрѣнія на тѣ лица, которыя должны бы исключительно, по образу католическихъ учебныхъ заведеній, завѣдывать и нашими духовными училищами. Боже сохрани насъ отъ подобныхъ мыслей! Но съ другой стороны также извѣстно, что у всякаго сословія, у всякаго общества есть свои, ему только принадлежащія, идеи. Сами по себѣ эти идеи большею частію ни опасны, ни вредны; напротивъ изъ нихъ соста-

вляется гармонія и вмѣстѣ разнообразіе общественной жизни. Только уже опытами вѣковъ дознано, что сословныя идеи, если позволить развивать ихъ безъ препятствій самому сословію, и особенно только нѣкоторымъ лицамъ его, скоро берутъ перевѣсъ надъ всѣми прочими идеями и становятся не сословными, а егоистическими и самое сословіе обращается въ касту. Это уже участь всѣхъ сословій, всѣхъ обществъ, всѣхъ государствъ, даже каждаго человѣка порознь. Вотъ почему правительство и общество должны имѣть надзоръ самый бдительный надъ тѣмъ, чтобы сословныя идеи не поглощали другихъ идей. Каждый индивидуумъ государства долженъ быть воспитанъ не въ однихъ сословныхъ, а въ общихъ государственныхъ идеяхъ.

Теперь разберемъ разсматриваемый нами вопросъ съ теологической стороны. Здѣсь прежде всего нужно опредѣлить: что именно въ Христіанскомъ Богословіи вообще и въ частности въ нашемъ Православіи должно быть постановлено выше критики? Очевидно, что къ этому относятся только такъ называемые догматы. Но подъ этимъ названіемъ, какъ извѣстно, разумѣются тѣ пункты вѣроученія, которые, основываясь на Священномъ Писаніи или Апостольскихъ Преданіяхъ и будучи утверждены Вселенскими Соборами и прояснены сочиненіями Отцовъ Церкви, приняты Православною Церквію, какъ такія истины, противъ которыхъ никто не смѣетъ вооружаться подъ опасеніемъ прослыть еретикомъ. Послѣ этого неужели кто нибудь рѣшится сказать, что постановленія, которыми въ настоящее время управля-

ются духовныя училища въ нашемъ отечествѣ, или, выразимся языкомъ физики, явленія, замѣчаемыя въ нихъ, должны имѣть, такъ сказать, характеръ догматическій для каждаго сына Православной Церкви? Неужели, говоря, что въ духовныхъ училищахъ плохо преподаются науки, плохо содержатся ученики, мы дѣлаемъ такой же проступокъ, какъ будтобы отвергали таинство воплощенія, благодатныя дѣйствія Святаго Духа, ученіе о послѣднемъ судѣ, безсмертіи души и пр? Нѣтъ, поднимать училища духовныя на такую высоту вовсе не слѣдуетъ. Во всемъ Священномъ Писаніи только и говорится объ однихъ пророческихъ училищахъ; о нашихъ же духовныхъ училищахъ, разумѣется, ни одного пѣтъ слова; затѣмъ ни Апостольскія преданія, ни Вселенскіе Соборы, ни сочиненія Отцевъ Церкви не содержатъ никакихъ правилъ, на основаніи которыхъ должны быть устроены духовныя училища. По крайней мѣрѣ никто не станетъ утверждать, что нынѣшнія постановленія этихъ училищъ заимствованы изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ извлекаются доказательства для подтвержденія догматическихъ истинъ. И потому *не гораздо ли лучше считать духовныя училища чисто человѣческими учрежденіями, а въ постановленіяхъ ихъ видѣть обыкновенныя гражданскія постановленія, о недостаткѣ которыхъ разсуждать нѣтъ никакого преступленія?* Напрасно станутъ выводить неприкосновенность этихъ училищъ изъ того, что въ нихъ преподаются тѣ именно пункты христіянскаго вѣроученія, которые должны быть признаваемы недоступными всякой критикѣ. Мы это

прояснимъ довольно схожимъ примѣромъ. Гражданскіе законы имѣютъ обязательную силу для каждаго безъ исключенія члена общества; за неисполненіе ихъ всякій человѣкъ подвергается опредѣленному наказанію. Но гражданскіе законы весьма подробно преподаются и объясняются въ училищѣ Правовѣдѣнія и въ юридическихъ факультетахъ всѣхъ Университетовъ. Если бы теперь кто нибудь сталъ утверждать, что преподаваніе юриспруденціи въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ много недостатковъ, то неужели это было бы сочтено посягательствомъ на неприкосновенность гражданскихъ законовъ? Но не то ли же самое значитъ основывать неприкосновенность духовныхъ училищъ на неприкосновенности догматовъ Православной Церкви, въ нихъ объясняемыхъ.

Второй отличительный признакъ догматовъ состоитъ въ томъ, что они, будучи однажды приняты Церковію, удерживаются ею уже навсегда; можно въ подтвержденіе ихъ пріискивать новыя доказательства и объясненія; можно изъ нихъ дѣлать новыя приложенія къ жизни; но измѣнить ихъ въ какомъ бы то ни было отношеніи не дозволяется; самые Вселенскіе Соборы только пополняли и развивали догматическое ученіе, но никогда не отмѣняли ни одного догмата, принятаго прежде нихъ. Приложимъ это замѣчаніе къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ по своей древности и значительному вліянію была старинная кіевская академія, основанная Митрополитомъ Петромъ Могилою. Но уставъ ея весьма много уже измѣненъ былъ при открытіи московской заиконоспасской академіи и

семинарій, которыя мало-по-малу устроивались при архіерейскихъ домахъ, особенно же при открытіи александро-невской семинаріи въ С.-Петербургѣ. Петербургская духовная академія въ 1809 году устроена по плану, который далеко различался отъ постановленій не только заиконоспасской академіи, но и александро-невской семинаріи. Въ 1815 году по окончаніи перваго курса въ санктр-петербургской академіи преобразованы совершенно духовныя семинаріи и низшія училища, и отчасти академіи. Затѣмъ значительныя перемѣны въ уставѣ всѣхъ почти духовно-учебныхъ заведеній произошли въ 1838 и 1851 годахъ. Кромѣ того едвали проходилъ хотя одинъ годъ, въ который бы чего нибудь не отмѣняли изъ прежнихъ постановленій и не вводили чего нибудь новаго въ духовныя училища. Эта краткая, такъ сказать, исторія перемѣнъ преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ, не есть ли лучшее доказательство того, что само духовно-училищное начальство никогда не думало придавать постановленіямъ, посредствомъ которыхъ управляются училища, догматическій характеръ; такъ что про лица, которыя всякій неблагопріятный, но справедливый отзывъ объ училищахъ клеймятъ безнравственностію и еретичествомъ, можно сказать тоже самое, что говорятъ о слишкомъ ревностныхъ приверженцахъ католицизма: „ils sont plus catholiques, que le pape.“

Здѣсь могутъ сказать: „хотя постановленія, которыми управляются духовныя училища, нельзя считать неизмѣняемыми и неприкосновенными, подобно догматамъ Христіанской религіи, впрочемъ всякій

неблагопріятный отзывъ о состояніи этихъ училищъ вреденъ для религіи тѣмъ, что онъ косвеннымъ, по крайней мѣрѣ, образомъ подрываетъ довѣріе къ воспитывающемуся въ училищахъ духовенству, къ лицамъ, управляющимъ ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, по причинѣ связи между Іерархіею и Церковію, имѣетъ вредное вліяніе на религіозное настроеніе многихъ простыхъ Христіанскихъ душъ, которымъ не надобно подавать и тѣни подозрѣнія, что въ какомъ бы то ни было отношеніи встрѣчаются недостатки въ дѣлахъ, касающихся духовенства и Церкви.“ Подобныя мысли, если бы онѣ были высказаны даже касательно католицизма, надобно бы было назвать „plus catholiques . . .,“ или „ultra-catholiques.“ Допустивши ихъ, можно будетъ уже считать оскорбленіемъ для духовенства, для сановниковъ, имъ управляющихъ и слѣдовательно для самой религіи, если бы кто совершенно справедливо сказалъ, что поля, обработываемыя бѣлымъ духовенствомъ, не такъ плодородны, какъ поля заботливыхъ крестьянъ и помѣщиковъ, что огурцы, капуста и рѣдька, растущія на монастырскихъ огородахъ, имѣютъ меньшую величину и худшій вкусъ, нежели на огородахъ, содержимыхъ ростовцами и колеменцами, что дома и церкви, построенныя одними духовными лицами безъ участія архитекторовъ, не отличаются прочностію и изяществомъ, что государственные крестъяне, которые приписываются къ архіерейскимъ домамъ, и къ монастырямъ, не всегда бываютъ довольны своею участію и пр. Вѣдь всѣ эти и другія, подобныя имъ обстоятельства косвен-

нымъ образомъ касаются духовенства и слѣдовательно, по силлогизмамъ нашихъ ультра-католиковъ, самаго Православія. Кромѣ того по законамъ русской имперіи каждому даже причетнику или крестьянину, имѣющему дѣло въ духовной консисторіи, или у епархіальнаго архіерея, если онъ остается не доволенъ ихъ рѣшеніями, предоставлено право жаловаться Св. Синоду, или Оберъ-Прокурору его. Даже на опредѣленія Св. Синода можно подавать апелляцію въ Коммиссію Прошеній и къ Государю Императору. Если такимъ образомъ всѣмъ русскимъ подданнымъ дозволено жаловаться на столь высокихъ духовныхъ сановниковъ, каковы епархіальные архіереи, на столь высокое присутственное мѣсто, каковъ Св. Синодъ; если эти жалобы не рѣдко рѣшаются въ пользу просителя; если отъ всего этого, въ теченіи почти 150 лѣтъ не пострадали ни честь духовенства, ни святость и чистота религіи, то за что же считаютъ безбожнымъ и безнравственнымъ поступкомъ, когда кто либо напечатаетъ, что въ духовныхъ училищахъ есть злоупотребленія и недостатки?

Въ разсматриваемомъ случаѣ лучше всего обратиться къ другимъ вѣдомствамъ. Вѣдь, если не трогать догмаговъ Христіанской религіи, то все духовенство со всѣми своими учрежденіями, училищами и пр. составляетъ не болѣе, какъ одно изъ сословій въ государствѣ, а на управленіе его слѣдуетъ смотрѣть также, какъ смотрятъ на всякую вѣтвь администраціи. Посмотримъ же теперь и мы, позволено ли частнымъ людямъ свободно выражать свои мысли касательно прочихъ сословій и касательно постано-

вленій, которыя относятся къ разнымъ вѣтвямъ администраціи? Въ послѣднее время много было неблагопріятныхъ отзывовъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ университетскаго преподаванія. Неужели университеты сочли себя униженными, узнавши о такихъ отзывахъ? Напротивъ профессоры ихъ первые же предложили мѣры къ исправленію замѣчаемыхъ недостатковъ. О гимназіяхъ еще болѣе напечатано было неблагопріятныхъ отзывовъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія не только не обидѣлось ими, но напротивъ поспѣшило ввести разныя улучшенія въ гимназіяхъ. Наконецъ сколько печаталось и печатается статей о злоупотребленіяхъ по судебной части нашего отечества. И въ этомъ отношеніи Министерство Юстиціи не запрещаетъ этихъ статей, а готовитъ, какъ видно изъ журналовъ, и уже обнародовало большія и существенныя измѣненія въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствахъ. Возьмемъ еще болѣе замѣчательные примѣры. Въ 1857 году нашъ всемилостивѣйшій Монархъ предложилъ благородному дворянству улучшить бытъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изложены были и основанія, на которыхъ должно произойти это улучшеніе; но между тѣмъ съ того времени сколько было и сколько будетъ еще напечатано статей о крестьянскомъ вопросѣ, — статей съ мыслями совершенно новыми, о которыхъ въ Высочайшемъ Манифестѣ вовсе ничего не было сказано? Далѣе, кто не помнитъ статьи, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ которой одинъ ученый профессоръ, можно сказать, критически разбиралъ положенія банковаго

и торговаго Общества Ганземана, — положенія, которыя, будучи разсмотрѣны въ государственномъ Совѣтѣ и утверждены Высочайшею властію, должны считаться законами имперіи. Наконецъ въ 1859 году было объявлено въ газетахъ, что при Министерствѣ Финансовъ составлено положеніе о земскихъ банкахъ, и скоро напечатается, что правительство, желая знать мнѣнія литературы и ученыхъ объ этомъ положеніи, приступитъ къ приведенію его въ исполненіе не ранѣе, какъ чрезъ годъ и по разсмотрѣніи тѣхъ мнѣній, которыя будутъ высказаны въ журналахъ. Въ 1860 году по напечатаніи проэкта о земскихъ банкахъ, вновь выражено желаніе, чтобы литература занялась разсмотрѣніемъ его. Точно такимъ же образомъ поступило Министерство Народнаго Просвѣщенія. Оно, напечатавъ новый уставъ для низшихъ училищъ и гимназій, не только всѣмъ позволило разсматривать его, но и вызвалось само напечатать въ своемъ журналѣ тѣ статьи, въ которыхъ обсуживается вопросъ объ училищахъ и гимназіяхъ, даже обѣщалось вознаграждать авторовъ статей денежными преміями. На приглашенія обоихъ Министерствъ литература отвѣтила множествомъ статей, критически разсматривающихъ положеніе о земскихъ банкахъ и народныхъ училищахъ съ гимназіями. Теперь, если Министерства Финансовъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи не только не запрещаютъ, а принимаютъ въ соображеніе мнѣнія литературы о подвѣдомственныхъ имъ частяхъ, если русское могущественное правительство, имѣющее право дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, ничѣмъ

не стѣсняемое и не ограничиваемое, если оно въ дѣлѣ о Земскихъ банкахъ и о народныхъ училищахъ и гимназіяхъ хочетъ слышать мнѣніе публики и ученыхъ; если ученый профессоръ, писавшій о компаніи Ганземана доселѣ съ почетомъ и отличіемъ занимаетъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, если Русскій Царь позволяетъ разсматривать вопросы, для разрѣшенія которыхъ Имъ-же — Его Высочайшею Волею положены основанія; если высказанныя въ этомъ случаѣ мнѣнія не только не были запрещаемы, но даже приняты, какъ слышно, во вниманіе Комитетомъ для устройства быта крестьянъ, если авторы, высказывавшіе эти мнѣнія, не только не были преслѣдуемы и обвиняемы въ неуваженіи къ Правительству, — въ этой, такъ сказать, гражданской ереси, но нѣкоторые даже удостоились благосклоннаго вниманія его; то скажите Бога ради, почему считается большимъ преступленіемъ, нападками на нравственность и религію, когда станетъ кто либо говорить о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ? Неужели поступки и распоряженія наставниковъ и начальниковъ хоть даже напр. семинаріи менѣе доступны обсуживанію публики, нежели Высочайшій Манифестъ о крестьянскомъ вопросѣ, постановленія, разсмотрѣнныя въ Государственномъ совѣтѣ и утвержденныя Высочайшею властію и пр.? Нѣтъ, вы защитники духовныхъ училищъ, если вы запретите обществу и литературѣ высказывать свое мнѣніе о нихъ, то этимъ покажете, что *они не заслуживаютъ никакого участія ни публики, ни литературы, что они не принадлежатъ къ русской адми-*

нистративной системѣ, а къ какому-то другому міру, куда никто не хочетъ или не можетъ заглядывать. А такія мысли унизительны и оскорбительны, какъ для васъ, г. г. защитники, такъ и для предмета, вами защищаемаго.

Но зачѣмъ частному человѣку принимать на себя обязанность говорить о духовныхъ училищахъ, когда ихъ непосредственное начальство бдительно слѣдитъ за ними и вводитъ постоянно новыя улучшенія? Зачѣмъ тратить бумагу, чернила, время и пр. на занятіе, къ которому никто не приглашаетъ? Эти вопросы тѣмъ представляются естественнѣе, что въ настоящее время духовно-училищное начальство дѣйствительно занято улучшеніемъ подвѣдомственныхъ ему училищъ. Въ началѣ 1859 году Оберъ-Прокуроръ Св. Синода циркуляромъ просилъ всѣхъ епархіальныхъ начальниковъ сообщить свои замѣчанія о томъ, какимъ образомъ можно улучшить духовныя училища не только въ ученомъ и нравственномъ, но даже въ экономическомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ. Архіереи требовали формально отъ ректоровъ мнѣніе объ всемъ этомъ; а нѣкоторые ректора (можетъ быть и всѣ, мы по положенію своему не знаемъ этого) словесно или письменно желали знать мнѣнія не только начальниковъ низшихъ училищъ, но и наставниковъ подчиненныхъ имъ семинарій. Сколько такимъ образомъ собрано мнѣній о необходимыхъ улучшеніяхъ въ духовныхъ училищахъ — мнѣній, высказанныхъ лицами непосредственно въ этомъ заинтересованными? Зачѣмъ же тутъ выступать на сцену частному человѣку, о которомъ

даже неизвѣстно, имѣетъ ли онъ какое либо отношеніе къ духовнымъ училищамъ? Но при всемъ уваженіи къ оффиціальнымъ лицамъ даже всѣхъ степеней и ранговъ осмѣливаемся думать, что они не во всѣхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ имѣютъ возможность, желаніе, нужду и даже смѣлость высказать все, что въ извѣстное время надобно преобразовать въ состояніи ихъ подчиненныхъ. 1) У оффиціальныхъ лицъ точно также, какъ у прочихъ людей, есть свои страсти, любимыя идеи, привычки, предубѣжденія, интересы и проч. Всѣ ли они въ состояніи возвыситься надъ этими, по видимому, мелочами, чтобы высказать всю правду касательно улучшеній, которыя надобно произвести во ввѣренномъ имъ вѣдомствѣ? Не помолчатъ ли они кое-о-чемъ, когда это кое-что такъ имъ нравится, или когда отмѣненіе этого кое-чего противорѣчитъ ихъ интересамъ? 2) Оффиціальные люди, какъ и всѣ люди вообще, не любятъ разставаться съ тѣмъ вліяніемъ, которое они имѣютъ на подчиненныхъ; имъ всегда пріятно и желательно распространить и усилить это вліяніе; таково уже устройство человѣческой природы; и если бы теперь какое либо улучшеніе связано было съ ограниченіемъ вліянія оффиціальнаго лица, то согласится ли оно отказаться отъ той власти, которою такъ долго наслаждалось? 3) Оффиціальные люди, какъ люди уже большею частію пожилые, солидные и, по выраженію Китайцевъ, *утвердившіеся на средині*, чрезвычайно любятъ итти протертою дорогою, держаться заведеннаго порядка; оно какъ-то и легче, нежели въ случаѣ какихъ либо преобра-

зованій отдавать новыя приказа́нія, дѣлать новыя распоряженія и пр. Захотятъ ли они теперь сказать о потребностяхъ своихъ подчиненныхъ, если эти потребности удовлетворяются не иначе, какъ съ отмѣненіемъ прежняго рутиннаго порядка? Оффиціальные люди точно также, какъ и весь подчиненный людъ, слишкомъ не смѣлы бываютъ, когда нужно говорить объ улучшеніяхъ, которыя, по ихъ догадкамъ, не совсѣмъ нравятся ближайшимъ или далекимъ ихъ начальникамъ. Напр. если бы для улучшенія подчиненныхъ нужно было увеличить имъ жалованіе, а этого не очень желаетъ высшій начальникъ, то какое оффиціальное лицо захочетъ на себя навлечь его негодованіе, съ особеннымъ рвеніемъ описывая необходимость увеличиванія жалованья? Тутъ, чего добраго, пожалуй, сдѣлаютъ намекъ на то, что есть даже возможность уменьшить оклады. 5) Наконецъ оффиціальные люди, особенно въ званіи начальниковъ училищъ, называя себя отцами своихъ подчиненныхъ, не бываютъ ли иногда въ положеніи отцовъ семейства, которые часто не знаютъ о проказахъ своихъ дѣтей, тогда какъ цѣлый городъ разсказываетъ о нихъ? И добрѣйшіе отцы — начальники всегда ли знаютъ все, что дѣлается ихъ подчиненными, особенно когда себя держатъ на самой почтительной дистанціи отъ нихъ? Нѣтъ, какъ кому угодно, а чрезъ одни оффиціальныя лица не сдѣлаются извѣстными всѣ нужды ихъ подчиненныхъ. Поэтому естественно можно притти къ заключенію: отчего же частному человѣку не высказать своихъ мыслей касательно улучшенія духовно-учебныхъ заведеній. Особенно, если онъ

знаетъ недостатки и потребности ихъ, не имѣетъ возможности скрывать или увеличивать ихъ и искренно отъ всей души желаетъ своимъ отзывомъ о духовныхъ училищахъ принести имъ пользу.

Консерваторы (старинныхъ порядковъ, особенно же безпорядковъ) говорятъ: „что же за бѣда, если какіе либо недостатки и злоупотребленія останутся не замѣченными въ духовныхъ училищахъ? Время есть самый врачъ ихъ; оно укажетъ на нихъ ближайшему начальству; а если послѣднее не обратитъ вниманія, то есть высшее начальство, которое, когда нибудь узнавши, непремѣнно предпишетъ исправить ихъ.“ Въ этомъ случаѣ обыкновенно указываютъ на человѣческій организмъ, въ которомъ не рѣдко даже не шуточныя болѣзни исцѣляются безъ микстуръ, пилюль, хирургическихъ операцій и пр. И мы вполнѣ согласны отдать честь человѣческому организму въ этомъ отношеніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ сказать, что въ немъ въ томъ только случаѣ могутъ исцѣляться безъ медицинскихъ пособій болѣзни, когда ихъ не усиливаютъ и не раздражаютъ какимъ бы то ни было образомъ; въ противномъ случаѣ такъ называемая цѣлебная сила организма не исправитъ здоровья нашего. Положимъ для примѣра, что на рукѣ явился самый обыкновенный прыщикъ, котораго слѣды дня чрезъ два или три совершенно могутъ исчезнуть. Но если человѣкъ сочтетъ обязанностію сорвать его, потомъ оказавшуюся небольшую раночку станетъ расчесывать, усилитъ какими нибудь неумѣстными припарками и пр.; то вовсе нисколько не удивительно, если нры-

щикъ обратится въ гангрену и человѣкъ умретъ, какъ это иногда и случается. По нашему мнѣнію всякій недостатокъ и злоупотребленіе лучше можно назвать *ядомъ*, который непремѣнно производитъ разстройство организма, если дѣйствіе его не уничтожится противоядіемъ. Замѣчаніе это идетъ особенно къ учебнымъ заведеніямъ, потому что нигдѣ почти начальники не любятъ итти по протертой дорогѣ съ такою охотою, какъ въ нихъ: „juvare in verba magistri“ — было и будетъ девизомъ всѣхъ школъ вообще. Пока учимся, мы не прочь пошутить надъ своими педагогами, побранить ихъ распоряженія, но занявъ ихъ мѣста, развѣ немногіе бы изъ насъ захотѣли измѣнить систему, которой держались прежніе наши начальники по училищу. Отъ этого и происходитъ, что училищные недоскатки и злоупотребленія не исцѣляются, а постоянно возрастаютъ; въ прочихъ вѣдомствахъ и вѣтвяхъ администраціи люди имѣютъ право подавать голоса и апелляціи; въ училищахъ же малолѣтныя дѣти лишены этого права, ихъ дѣло только исполнять приказанія, а не разсуждать, *втихомолку плакать*, а не протестовать. И по этому злоупотребленія и недостатки училищные должно, какъ можно скорѣе, обнаруживать и истреблять, иначе они примутъ чудовищные размѣры. Въ духовныхъ училищахъ это замѣчаніе тѣмъ болѣе имѣетъ приложенія, что воспитанники ихъ должны обнаруживать сильное вліяніе на прочія сословія. Имѣя дурное понятіе о духовныхъ училищахъ, прихожанинъ не высоко цѣнитъ своего священника, въ нихъ обучавшагося. Далѣе воспитанники изъ дурно устроенныхъ училищъ вы-

ходятъ со многими недостатками и чрезъ это еще болѣе поддерживаютъ невыгодное о себѣ мнѣніе. Наконецъ и сами они, долго страдавшіе отъ училищныхъ недостатковъ и злоупотребленій, выносятъ много враждебныхъ чувствованій къ бывшимъ своимъ воспитателямъ, — этимъ вторымъ, какъ говорятъ, отцамъ. Всѣ эти чувствованія передаваясь отъ поколѣнія къ поколенію, растутъ, укрѣпляются и безъ всякаго взаимнаго согласія дѣлаются общимъ достояніемъ почти всѣхъ людей. Для многихъ въ настоящее время напр. кажется страннымъ, отчего это стали появляться такъ часто неблагопріятные отзывы о духовныхъ училищахъ; нѣкоторые во всемъ этомъ видятъ закоренѣлую зависть къ духовенству, непримиримую ненависть къ нему его враговъ, какое-то гоненіе или испытаніе Божіе, которое должно переносить съ кротостію и долготерпѣніемъ; — даже какое то навожденіе нечистой силы, вооружающей своихъ клевретовъ противъ истинныхъ ревнителей благочестія. Напрасно такъ думаютъ. Слышимыя нынѣ обвиненія вовсе не новы, они давно уже повторяются; различіе состоитъ только въ томъ, что прежде высказывали ихъ въ разговорахъ, а теперь стали печатать въ книгахъ. Лучше всего было бы узнать и устранить существующія въ самыхъ училищахъ причины и поводы къ этимъ обвиненіямъ; тогда всѣ неблагопріятные отзывы сами собою умолкнутъ и замѣнятся, можетъ быть, восторженными похвалами; право, это гораздо лучше, нежели зажимать ротъ всякому, кто единственно изъ желанія добра говоритъ объ улучшеніи духовныхъ училищъ.

Изъ всего сказаннаго нами объ отношеніи между духовенствомъ и духовными училищами съ одной и между государствомъ и членами его съ другой стороны, очевидно, что постановленія, которыми они управляются, не имѣютъ характера догматическихъ истинъ, что самыя училища принадлежатъ къ человѣческимъ учрежденіямъ точно также, какъ гимназіи, университеты, сельскія училища и пр.; что у общества, литературы и слѣдовательно у частныхъ людей нельзя отнять права разсуждать и высказывать даже въ печати свои мысли о духовныхъ училищахъ, что неблагопріятные отзывы о нихъ не слѣдуетъ считать посягательствомъ на неприкосновенность догматовъ религіи, на святость Церкви, оскорбленіемъ нравственности и пр.; что для самыхъ этихъ заведеній даже полезно и необходимо знать мнѣнія о нихъ не однихъ оффиціальныхъ лицъ, а литературы и частныхъ людей. На основаніи этихъ и другихъ соображеній мы рѣшились съ возможною подробностію высказать свои мысли о всѣхъ вообще духовныхъ училищахъ. Но, можетъ быть, спросятъ: кто же вы, милостивый государь, который осмѣливаетесь говорить о столь щекотливомъ и важномъ вопросѣ? Кто? мудрено вамъ отвѣчать, да кажется и не очень нужно. Въ литературѣ нѣтъ табели о рангахъ и чинахъ, нѣтъ постановленій, которыя бы указывали, кто и о чемъ имѣетъ право писать. Здѣсь коллежскій регистраторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ, — корнетъ, прапорщикъ, юнкеръ и генералъ отъ инфантеріи и кавалеріи, — дьячекъ и епископъ. — мѣщанинъ и первостатейный купецъ и вмѣстѣ

почетный потомственный гражданинъ, — всѣ имѣютъ одинаковый голосъ; говори только правду и умѣй её выразить на словахъ. Поэтому вовсе не считаемъ нужнымъ переписать для васъ свой послужный списокъ или говорить о своемъ происхожденіи, чинѣ, связяхъ и пр. Скажемъ только, что мы вполнѣ знакомы съ состояніемъ и потребностями духовныхъ училищъ, какъ высшихъ, такъ среднихъ и низшихъ, — знакомы не по книгамъ или слухамъ, а по собственному опыту. Единственное наше желаніе — — высказать свои мысли относительно духовно-учебныхъ заведеній. Не ищите въ нихъ какой либо злонамѣренности, желанія унизить кого либо и что либо, личностей и какихъ нибудь „arrières pensées.“ Мы просто-на-просто высказываемъ по совѣсти, что̀ знаемъ и думаемъ. Неужели же это дурное дѣло? Не понравятся вамъ наши мысли? не читайте ихъ, или, прочитавши, забудьте, а еще лучше напишите свое опроверженіе; „ex conflictu opinionum eruitur veritas.“ Но, Бога ради, *позвольте высказать и напечатать эти мысли;* право въ нихъ слишкомъ много правды, можетъ быть, не всѣмъ пріятной, но за всѣмъ тѣмъ все таки правды полезной не только для общества, но и для самихъ духовныхъ училищъ.

Въ своихъ замѣчаніяхъ мы, описывая теперешнее состояніе духовно-учебныхъ заведеній и показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ можно, причины его, разсмотримъ постепенно *1) учебную и административную, 2) нравственную и экономическую и 3) гигіеническую части духовныхъ училищъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объ ученой и административной частяхъ духовно-учебныхъ заведеній.

Научное образованіе въ училищахъ зависитъ отъ весьма многихъ обстоятельствъ; программа преподаваемыхъ предметовъ, метода, которой держатся при преподаваніи, продолжительность времени обученія, способности и усердіе педагоговъ и пр. играютъ въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе важную роль. Спорить о томъ, которое изъ этихъ обстоятельствъ имѣетъ преимущественное вліяніе на училища, здѣсь не мѣсто. Но намъ кажется, что едвали не болѣе всего ученое образованіе воспитанниковъ зависитъ отъ Гг. Педагоговъ, къ которымъ мы относимъ не только *высокостепенныхъ начальниковъ*, но и *смиренныхъ наставниковъ*. Въ самомъ дѣлѣ дѣльные педагоги при дурной училищной программѣ и непродолжительномъ курсѣ съумѣютъ развить способности учениковъ и сообщить много свѣдѣній; но у бездарныхъ и безпеч-

ныхъ начальниковъ и наставниковъ при образцовой программѣ, въ теченіи 10—15 лѣтъ ученики могутъ оставаться глупыми. Вотъ почему мы здѣсь хочемъ начать свое обозрѣніе ученой части духовныхъ училищъ съ Гг. Педагоговъ. Но предварительно обратимъ вниманіе на то рѣзкое различіе, которое даже по внѣшнему виду находится между педагогами свѣтскихъ и духовныхъ училищъ. Извѣстно, что начальники и наставники свѣтскихъ училищъ всѣ безъ исключенія, кромѣ законоучителя, принадлежатъ къ одному и тому же сословію; развѣ изрѣдка коегдѣ вмѣсто статскаго вицъ-мундира мелькаютъ эполеты. Духовно-учебныя же заведенія въ этомъ случаѣ представляютъ большое разнообразіе; педагоги въ нихъ раздѣляются, если не на четыре, то по крайней мѣрѣ на три *категоріи*. На *первомъ мѣстѣ* ставимъ иночествующихъ педагоговъ; не по числу или по чему либо другому, а по своему вліянію они заслуживаютъ эту честь. *Второе мѣсто* занимаютъ лица, которыя, поступивши въ бѣлое духовенство, продолжаютъ свою службу при духовныхъ училищахъ. *Къ третьей категоріи* относятся тѣ, которые, не желая, или не надѣясь быть иноками и священниками, оставляютъ духовное званіе и получаютъ гражданскіе чины. Наконецъ *къ четвертому разряду* принадлежатъ тѣ, которые не поступаютъ ни въ монашество, ни въ священники, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказавшись отъ духовнаго званія, не получаютъ никакихъ чиновъ, а иногда остаются на всю жизнь при той ученой степени, которую они получили, окончивши курсъ въ семинаріи или академіи.

Впрочемъ лица послѣднихъ двухъ разрядовъ соединяются въ одинъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ *свѣтскихъ*. По всѣхъ перечисленныхъ нами категорій педагоги духовно-учебныхъ заведеній раздѣляются, какъ и въ свѣтскихъ училищахъ, существеннымъ образомъ на два разряда: на наставниковъ и начальниковъ. Изъ уваженія къ старшинству, правамъ и привиллегіямъ послѣднихъ, мы съ нихъ начнемъ свое обозрѣніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О начальникахъ духовно-учебныхъ заведеній.

По уставу духовно-учебныхъ заведеній непосредственнымъ главнымъ начальникамъ каждаго изъ нихъ, т. е. ректорамъ и смотрителямъ предоставлены весьма важныя права и преимущества. Начальники низшихъ духовныхъ училищъ почти единственные распорядители по всѣмъ частямъ администраціи; принимаютъ учениковъ, распоряжаются суммами, назначенными для училищъ; — и, что важнѣе всего, аттестуютъ всѣхъ, служащихъ въ подвѣдомственномъ имъ училищѣ. И хотя не могутъ своею властію опредѣлять учителей, но за то имѣютъ полную возможность поставить ихъ въ такое положеніе, что они или сами выйдутъ, или будутъ удалены изъ училища. Начальники семинарій и академій не рекомендуютъ своихъ подчиненныхъ въ послужныхъ спискахъ; — это дѣло здѣсь предоставлено епархіальнымъ архіереямъ, но за то во всѣхъ прочихъ случаяхъ являются

еще сильнѣе начальниковъ низшихъ училищъ. Имъ принадлежитъ исключительное завѣдываніе учебною частію, непосредственный надзоръ за всѣми служащими, право доводить до высшаго начальства о ихъ неисправностяхъ, рѣшительный, чуть не единственный голосъ во всѣхъ дѣлахъ училища. Если къ этому прибавить, что они почти всегда бываютъ въ санѣ архимандрита, близки къ занятію епископской каѳедры, ближайшія особы къ Преосвященному, первыя по немъ лица, почти всегда единственные проводники, чрезъ которые доходятъ до епархіальнаго начальника извѣстія о состояніи, нуждахъ и пр. училища; то понятна будетъ вся ихъ сила.

Напрасно возражаютъ, что будто бы начальники всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній ограничены нѣкоторыми постановленіями и лицами, напр. въ низшихъ училищахъ смотритель имѣетъ помощника въ инспекторѣ, которому преимущественно предоставленъ надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ и который вмѣстѣ съ нимъ *должены подписывать* всѣ представленія въ правленіе семинаріи; далѣе смотритель къ ревизіи суммъ обязанъ, кажется, приглашать еще одного изъ учителей, на ученическихъ спискахъ имѣть подписи наставниковъ, кромѣ своей и инспекторской. А въ семинаріяхъ и академіяхъ есть даже цѣлыя присутственныя мѣста съ секретаремъ, канцеляріею, служителемъ при ней, съ отдѣльными членами, которыхъ права и обязанности опредѣлены въ уставѣ, которые даже имѣютъ право давать отдѣльный голосъ, обязаны подписывать журналы и представленія, *имѣютъ счастіе* получать выговоры и

особенно участвовать въ уплатѣ какимъ либо образомъ истраченныхъ денегъ.

Но замѣчательно, что права начальниковъ училищъ, или предоставленныя имъ по уставу, или присвоенныя обычаями, строго соблюдаются; возраженіе противъ нихъ считается поступкомъ не только либеральнымъ, но и возмутительнымъ. Между тѣмъ прочія лица, болѣе или менѣе долженствующія участвовать въ училищной администраціи, слишкомъ умѣренно пользуются своими правами и преимуществами, притомъ не безъ причины. Въ низшихъ училищахъ инспекторъ и учители, которыхъ рекомендація и репутація вполнѣ зависитъ отъ начальника, никогда и не думаютъ противорѣчить ему, подписываютъ все, что имъ ни прикажутъ; даже и инспекторъ рѣдко можетъ обнаруживать свою самостоятельность. Въ семинаріяхъ же и академіяхъ, не смотря на особыя комнаты для засѣданія членовъ правленій и конференцій, дѣла рѣшаются большею частію въ кабинетѣ ректора имъ однимъ при участіи секретаря преимущественно. Зависимость отъ ректора всѣхъ служащихъ лицъ, утвердившійся обычай и пр. сдѣлали то, что здѣсь, какъ и въ низшихъ училищахъ, участіе членовъ въ дѣлахъ выражается подписью подъ ними. Намъ вполнѣ извѣстно, что въ одной изъ духовныхъ академій въ теченіи 20 лѣтъ по двумъ только дѣламъ происходили открытыя засѣданія въ такъ называемомъ внѣшнемъ правленіи. Въ академической конференціи въ тѣже 20 лѣтъ, кромѣ засѣданій для составленія окончательныхъ списковъ студентовъ, три раза только всѣ члены были при-

глашены къ участію въ разсужденіяхъ. Во внутреннемъ правленіи засѣданія почти тогда только бывали, когда происходили торги на производство работъ и поставку матеріаловъ. Тоже самое съ небольшимъ развѣ различіемъ происходитъ въ прочихъ академіяхъ и семинаріяхъ: *Вездѣ все зависитъ отъ начальства, а прочіе члены только подписываютъ.* Нужна слишкомъ вопіющая несправедливость, нужно слишкомъ близкое отношеніе дѣла къ кому либо изъ *подписывателей*, а больше нужна слабость и безхарактерность начальника, или какія либо еще экстренныя обстоятельства, чтобы членъ правленія рѣшился противорѣчить ему.

Въ одномъ лишь случаѣ начальники академій и семинарій снисходятъ къ своимъ сочленамъ и стараются поставить наровнѣ съ собою не только ихъ, но и другія лица, занимающія какія либо изъ должностей при училищахъ. Это бываетъ въ то время, когда по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ дѣлается начетъ на Правленіе и нужно бываетъ взыскать съ кого либо растраченныя казенныя деньги. Тутъ является неожиданное полное равенство для всѣхъ членовъ и чиновниковъ. Такъ напр. въ началѣ тридцатыхъ годовъ оказалась огромная растрата книгъ въ одной духовной академіи, вмѣстѣ съ тѣмъ открылось, что за нѣсколько лѣтъ библіотека не была ревизуема; также не нашлось ни одного донесенія о сдачѣ и пріемѣ ея библіотекарями и помощниками ихъ. Въ этомъ случаѣ сосчитали всю сумму, которой стоили затерянныя книги, отыскали, кто въ теченіи извѣстнаго періода былъ ректоромъ, инспек-

тромъ, библіотекарями и помощниками ихъ и между этими лицами поровну раздѣлили всю сумму, такимъ образомъ на каждаго изъ нихъ досталось по 500 р. ассиги. Нельзя не замѣтить, что въ то время ректоръ получалъ жалованія 2000, инспекторъ 700, библіотекарь 500, а помощники его 300 р. асс., и все таки сумму между ними раздѣлили поровну и синеходительные начальники, получавшіе 2000 руб. жалованья, не обидѣлись равенствомъ съ помощниками библіотекаря, которыхъ оклады состояли изъ 300 руб. Кромѣ того, по словамъ конечно библіотекарей и помощниковъ ихъ, донесенія о сдачѣ и пріемѣ библіотеки были представляемы; но .... неизвѣстно куда дѣвались. Другой случай былъ въ одной изъ семинарій въ началѣ сороковыхъ годовъ; здѣсь письмоводитель, получивши съ почты около полуторы тысячи руб. ассиг., истратилъ ихъ на свои нужды. Когда нужно было внести эту сумму, то не только всѣ члены правленія заплатили по ровной части, но, неизвѣстно по какому закону, и секретарь былъ приглашенъ къ одинаковому участію въ этой уплатѣ.

Сосредоточеніе столь сильной власти въ рукахъ однихъ начальниковъ духовныхъ училищъ притомъ не всегда согласное съ уставомъ, не можетъ не соединяться съ нѣкоторыми неудобствами и не имѣть дурныхъ послѣдствій для училищъ. Здѣсь укажемъ на тѣ только, о которыхъ послѣ не предоставится случая говорить. Начальники, подобно всѣмъ оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ людямъ, имѣютъ свои слабости и любимыя идеи, часто руководствуются своими страстями, предразсудками и проч. Большою

бѣды еще не было бы, если бы слабости, идеи, предразсудки и страсти ихъ сталкивались съ идеями, страстями и проч. другихъ людей; онѣ бы въ этомъ случаѣ могли сладиться и, такъ сказать, полироваться. Но совсѣмъ другое происходитъ, когда идеи, предразсудки, слабости и страсти прикрыты властію, которой никто не можетъ противорѣчить; когда онѣ раздражаются, подстрекаются и всячески поддерживаются происками, корыстными видами, подлою услужливостію временщиковъ и любимцевъ. Тутъ скоро самый кроткій характеръ дѣлается упрямымъ, самый честный человѣкъ вовлекается въ несправедливые поступки, самый благонамѣренный начальникъ рѣдко не дѣлается своенравнымъ, гордымъ, привязчивымъ, корыстолюбивымъ и проч. Изъ этого правила слишкомъ мало бываетъ исключеній; больше пока не будемъ говорить. По русской пословицѣ: *одинъ въ полѣ не воевода*, одному начальнику училища нѣтъ возможности лично все видѣть, лично всѣмъ распоряжаться, обо всемъ основательно подумать, исключая развѣ низшихъ училищъ; но и здѣсь единственно въ томъ случаѣ, когда начальникъ не развлеченъ никакими другими занятіями и всю свою дѣятельность исключительно посвящаетъ училищу. Въ семинаріяхъ же и въ академіяхъ даже и это условіе нисколько не поможетъ; административныхъ, ученыхъ, экономическихъ и проч. дѣлъ такъ много, что одному лицу всѣхъ ихъ принять на себя не возможно. Отъ этого происходятъ, по необходимости, два послѣдствія. Если начальникъ не хочетъ ни съ кѣмъ раздѣлить своей власти, то его распоряженія не будутъ отли-

чаться основательностію и обдуманностію, по неволѣ придется отдавать приказанія сбивчивыя, впадать въ ошибки и проч. По большею частію едвали не у всѣхъ начальниковъ являются одинъ или нѣсколько „alter ego," такъ сказать, наперсники и намѣстники, любимцы и довѣренныя лица, преимущественно секретарь, экономъ, разумѣется по своей части, рѣдко инспекторъ, но иногда какой либо письмоводитель и даже исполнитель при экономѣ. Счастливы заведеніе и начальники его, если alter ego изъ наставниковъ честный, умный и благонамѣренный человѣкъ; зла еще не много будетъ, кромѣ самолюбій нѣсколькихъ лицъ, ничто и никто не пострадаетъ. Но на дѣлѣ, къ несчастію, это рѣдко случается, всѣ „alter ego," всѣ намѣстники и любимцы, всѣ фавориты и временщики всегда стараются воспользоваться доставшеюся въ ихъ руки незаконною властію. Если даже эти люди принадлежатъ къ членамъ правленія, то и тогда въ училищахъ бываетъ много интригъ, сплетней, паговоровъ и злоупотребленій, особенно по экономической части. Что же теперь сказать, если мѣсто любимца займется письмоводителемъ или исполнителемъ? Каково положеніе служащихъ въ училищѣ, особенно инспектора и экономa, когда какой либо ученикъ, не рѣдко исключенный за неуспѣшность, какой либо отставной солдатъ является ихъ соперникомъ. Въ прежнее время намъ пришлось быть свидѣтелемъ одного разговора. Начальникъ училища очень хвалилъ своего инспектора, тутъ же бывшаго, человѣка истинно почтеннаго и заслуженнаго и съ энтузіазмомъ заключилъ свой панегирикъ словами:

я давно бы оставилъ службу, если бы при мнѣ не было инспектора, письмоводителя и комисара;“ послѣдній былъ отъявленный мошенникъ, предпослѣдній принадлежалъ къ любителямъ Бахуса. Каково же было первому выслушать при посторонннихъ лицахъ свое сравненіе съ этими двумя молодцами? Смѣшно сказать, а очень часто бываетъ, что письмоводитель рѣшаетъ дѣла правленія и притомъ противъ желанія секретаря и членовъ, не исключая самого ректора. Въ журналъ съ нѣсколькими статьями онъ включаетъ обдѣлываемое имъ дѣлишко съ своею, разумѣется, резолюціею, предлагаетъ секретарю для подписи съ замѣчаніемъ, что такъ угодно отцу ректору. Секретарь подписываетъ докладъ: журналъ относится къ ректору, который, не имѣя времени прочитать всѣ статьи его, или полагая, что все сдѣлано сообразно съ его приказаніями, тоже подписываетъ, а прочіе члены, или вовсе не прочитавши, подпишутъ или, прочитавши и даже увидѣвъ несправедливость опредѣленія, не посмѣютъ противорѣчить начальнику.

Но неудобства отъ сосредоточенія власти въ лицѣ одного училищнаго начальника увеличиваются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ отъ особыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ поставлены бываютъ почти по необходимости начальники ихъ и отъ обыкновенія поручать управленіе училищами только извѣстнаго рода лицамъ, притомъ обремененнымъ другими должностями. Въ этомъ отношеніи скажемъ сначала о начальникахъ низшихъ училищъ, а потомъ коснемся семинарій и академій.

1) Между начальниками низшихъ духовныхъ училищъ слишкомъ рѣдко нынѣ можно встрѣтить свѣтскихъ наставниковъ; не очень много также между ними монашествующихъ лицъ, и то большею частію въ тѣхъ только случаяхъ, если училища находятся въ какомъ либо монастырѣ; тогда начальникъ послѣдняго считается почти привиллегированною особою на занятіе смотрительскаго мѣста. Затѣмъ самая большая часть начальниковъ низшихъ духовныхъ училищъ состоитъ изъ лицъ бѣлаго духовенства, а въ уѣздныхъ городахъ должность смотрителя почти всегда предоставляется протоіерею мѣстнаго собора. По видимому, на чтоже лучше искать начальника училища? Кто же можетъ больше принести пользы училищу, какъ не самое почетное лицо въ духовенствѣ всего уѣзда? Но, вникнувши во всѣ обстоятельства, легко увидимъ, что такое соединеніе должностей имѣетъ много неудобствъ, и для училищъ вовсе не можетъ считаться благопріятнымъ. А) Соборный протоіерей уѣзднаго города почти всегда бываетъ благочиннымъ, первымъ членомъ духовнаго правленія, если оно есть въ городѣ, первымъ лицомъ бѣлаго духовенства въ цѣломъ городѣ. Поэтому очень естественно, что онъ должность смотрителя считаетъ побочнымъ, второстепеннымъ занятіемъ, нужнымъ только для того, чтобы получать жалованье съ прибавкомъ нѣкоторыхъ доходцевъ и дослужиться пенсіи, и исправляетъ её не съ тѣми усердіемъ и внимательностію, которыхъ она требуетъ. Такіе смотрители большею частію обнаруживаютъ свою начальническую дѣятельность только веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ, закуп-

кою и расходомъ запасовъ и матеріаловъ по училищной экономіи и предсѣдательствомъ на экзаменахъ. Кромѣ этихъ занятій развѣ раза два, три въ треть года да и то на самое короткое время по какой либо экстренной надобности, или для отданія визита проживающему въ училищѣ учителю и инспектору, побываютъ въ училищномъ домѣ. О томъ же, чтобы слѣдить за исправнымъ преподаваніемъ наукъ, за правильнымъ развитіемъ дѣтскихъ способностей, за приспособленіемъ къ училищу новыхъ педагогическихъ идей, объ этомъ большею частію и не думаютъ. Б) Какъ благочинный и членъ духовнаго правленія, какъ первое лицо духовенства въ уѣздномъ городѣ, соборный протоіерей имѣетъ сильный вѣсъ у губернскихъ властей. Поэтому, если вздумаетъ злоупотреблять своею должностію, то духовенству слишкомъ трудно бороться съ нимъ; тѣмъ или другимъ способомъ онъ легко можетъ отмстить за каждую жалобу. Вотъ почему, понимая свою силу и значеніе, многіе смотрители, какъ это будетъ ниже сказано, злоупотребляютъ предоставленною имъ властію. Наконецъ В) какъ бы смѣшно всякому показалось, если бы городничій уѣзднаго города былъ вмѣстѣ смотрителемъ народнаго училища, а губернаторъ — директоромъ гимназіи? „Какъ можно, сказали бы, совокуплять такія двѣ должности въ одномъ лицѣ? Когда же городничему или губернатору заниматься ребятишками.“ Но нельзя ли тѣхъ же словъ примѣнить и къ смотрителямъ училищъ — соборнымъ протоіереямъ, вѣдь и они — — по отношенію къ духовенству уѣзда почти тоже значатъ, что городничій

по отношенію къ почетнымъ жителямъ города. Соборному протоіерею приличнѣе всего быть не штатнымъ, а почетнымъ смотрителемъ училища. Священникъ или протоіерей какой либо другой церкви еще можетъ управлять училищемъ; но, сдѣлавшись соборнымъ протоіереемъ, онъ долженъ оставить это управленіе.

Кромѣ того очень не рѣдко вредитъ низшимъ духовнымъ училищамъ то обстоятельство, что ихъ начальники не всѣ принадлежатъ къ воспитанникамъ академій, а многіе обучались только въ семинаріяхъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣдніе какъ-то слишкомъ любятъ итти по протертой дорогѣ, держаться старины и рутины; *какъ заведено*, они говорятъ, *какъ было прежде, пусть и теперь такъ остается;* улучшенія чрезъ нихъ можно вводить одними только предписаніями. Но академики, одни хоть на словахъ, а многіе и самымъ дѣломъ ознакомились съ новѣйшими идеями прогресса, цивилизаціи и педагогіи; по крайней мѣрѣ скорѣе поймутъ эти идеи и съумѣютъ лучше приложить ихъ къ дѣлу. Кромѣ того нынѣ очень многіе воспитанники академій попадаютъ въ наставники низшихъ духовныхъ училищъ; въ такомъ случаѣ при смотрителѣ, обучавшемся только въ семинаріи, бываетъ не безъ столкновеній. Академикъ большею частію кандидатъ, а иногда даже и магистръ, имѣетъ высокое понятіе о своемъ образованіи и учености и не высоко ставитъ образованіе и ученость своего новаго начальника. А послѣдній, понимая свою власть, можетъ быть, въ слишкомъ обширномъ значеніи, старается поставить подчиненнаго въ почтительной дистанціи отъ себя, словомъ и дѣломъ дастъ

ему почувствовать, что онъ есть начальникъ, а не другой кто нибудь. Исторія духовныхъ училищъ богата происшествіями относящимися къ столкновеніямъ этого рода; не обходится даже безъ письменныхъ документовъ. Такимъ образомъ гораздо лучше было бы и для благосостоянія и для спокойствія низшихъ духовныхъ училищъ, еслибы начальники ихъ принадлежали къ воспитанникамъ академій. Но тогда надобно улучшить положеніе ихъ, по жалованью и по правамъ сравнять съ профессорами семинарій такъ, чтобы каждый академикъ считалъ для себя не унизительнымъ, а почетнымъ дѣломъ занять мѣсто смотрителя въ какомъ либо училищѣ.

2) Ни въ уставѣ духовныхъ училищъ, ни въ особыхъ какихъ либо предписаніяхъ и указахъ, нигдѣ не сказано, чтобы должности ректора и инспектора семинарій и академій были предоставляемы исключительно лицамъ какого либо одного сословія. Такимъ образомъ ректоромъ даже духовныхъ академій можетъ быть по уставу протоіерей, въ семинаріяхъ уже на нашей памяти ректорскія должности занимаемы были, хотя и рѣдко конечно, лицами бѣлаго духовенства. Инспекторами же въ семинаріяхъ и даже въ академіяхъ, могутъ быть свѣтскіе наставники. За нѣсколько десятковъ лѣтъ такихъ инспекторовъ было очень много въ семинаріяхъ; не безъ примѣровъ даже, что и въ академіяхъ свѣтскіе наставники, если не были, такъ сказать, настоящими инспекторами, по крайней мѣрѣ исправляли должности ихъ. Такимъ образомъ, повторимъ, начальническія должности въ среднихъ и высшихъ духовныхъ училищахъ ни по

уставу, ни по особымъ какимъ либо предписаніямъ не предоставлены исключительно лицамъ одного какого либо сословія. По постепенно укореняющіеся обычаи, вѣроятно, сильнѣе всѣхъ уставовъ и предписаній. Въ настоящее время должности ректоровъ и инспекторовъ не только академій, но и семинарій почти исключительно предоставляются однимъ монашествующимъ лицамъ; нынѣ едвали найдется хоть пять примѣровъ, гдѣ бы инспекторомъ семинаріи было лицо свѣтское, или изъ бѣлаго духовенства; а на ректорской должности въ семинаріи состоитъ протоіерей только кажется въ одномъ Якутскѣ. Привиллегіи вообще не одобряются; ихъ даже въ промышленности даютъ только на извѣстное время. Неудивительно, что и привиллегія монашествующихъ лицъ занимать начальническія должности въ семинаріяхъ и академіяхъ соединена со многими неудобствами. Мы укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Есть какой-то психологическій законъ, не внесенный конечно въ учебныя психологіи, по которому люди, принадлежащіе, такъ сказать, къ двумъ сословіямъ, всегда предпочитаютъ высшее изъ нихъ; и правила, привычки, обычаи, дисциплину его приспособляютъ къ другому сословію. Но, какъ мы сказали, монашествующіе начальники духовно-учебныхъ заведеній принадлежатъ къ двумъ сословіямъ монашествующему и учительскому, первое по каноническимъ правиламъ и гражданскимъ условіямъ выше послѣдняго, въ томъ они навсегда должны оставаться, а это ихъ временное только занятіе. Зачѣмъ же имъ теперь отступать отъ выше-упомянутаго психо-

логическаго закона? Почему правилъ, по которымъ управляется монашествующая братія, не прилагать къ прочимъ своимъ подчиненнымъ? Но между тѣмъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, тоже на основаніи каноническихъ правилъ и гражданскихъ постановленій, должны поступать преимущественно въ бѣлое духовенство и вести не иноческую, а непремѣнно супружескую жизнь; у насъ, какъ всякому извѣстно, до посвященія во священника и діакона нужно непремѣнно вступить въ бракъ.*) Мы никакъ не осмѣливаемся сказать, чтобы такое столкновеніе правъ и постановленій было вредно для училищъ. Но не можемъ не указать на тѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ иночествующіе начальники духовныхъ училищъ, на ту борьбу, которую имъ нужно выдерживать при исполненіи своихъ обязанностей? Если они станутъ управлять воспитанниками, какъ будущими супругами, то чего не скажетъ въ такомъ случаѣ злой языкъ какого либо насмѣшника? Да и самимъ имъ какъ трудно будетъ воспитывать ввѣренныхъ ихъ отеческому надзору питомцевъ не по иноческимъ правиламъ, въ превосходствѣ которыхъ они такъ убѣждены! А если при воспитаніи держаться иноческихъ правилъ, то можно опасаться, какъ бы не оказать вреднаго вліянія на супружескую жизнь будущихъ пастырей. За тѣмъ опять по своему званію начальники исключительно обязаны запи-

*) Въ 1860 году сдѣлано было исключеніе изъ этого правила; одинъ ординарный, болѣе нежели пятидесяти-лѣтній профессоръ академіи, оставаясь холостымъ, былъ посвященъ во священники. Но этотъ случай, повторимъ, есть чистое, даже единственное исключеніе.

маться науками богословскаго содержанія, свѣтскія книги и науки для нихъ считаются также неприличными, какъ свѣтскія развлеченія, но въ духовныхъ училищахъ, на основаніи потребностей нашего бѣлаго духовенства, преподаются многія науки небогословскаго содержанія. Не впадутъ ли въ этомъ случаѣ въ новыя затрудненія начальники духовныхъ училищъ? Оказывая пренебреженіе къ свѣтскимъ наукамъ, преподаваемымъ въ училищахъ и не заботясь о ихъ поддержаніи, они станутъ противудѣйствовать существующимъ постановленіямъ, а поддерживая ихъ — можетъ быть, — собственнымъ убѣжденіямъ. И потому не въ правѣ ли сказать, что вся педагогическая дѣятельность иноческствующихъ начальниковъ духовныхъ училищъ есть рядъ тѣхъ случаевъ, которые въ нравственныхъ философіяхъ и богословіяхъ называются „collisio officiorum," (столкновеніемъ обязанностей).

На неудобства, которыя происходятъ отъ сосредоточенія всей власти въ лицѣ однихъ начальниковъ духовныхъ училищъ, равно какъ и отъ исключительнаго назначенія монашествующихъ лицъ ректорами семинарій и академій, мы здѣсь высказали только, такъ сказать, общій взглядъ. Въ послѣдствіи намъ не одинъ разъ придется обращаться къ этимъ предметамъ; тогда мы лучше ознакомимся съ подробностями.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О наставникахъ духовно-учебныхъ заведеній.

Должность наставника надобно считать почти столь же спеціальною, какъ и должности юристовъ, и къ ней нужно приготовлять молодыхъ людей; иначе они, по крайней мѣрѣ въ первые годы своей службы, немного принесутъ пользы ученикамъ. По этому, желая высказать свои замѣчанія о наставникахъ духовныхъ училищъ, мы прежде всего должны разсмотрѣть ту систему, на основаніи которой они приготовляются къ будущимъ своимъ педагогическимъ занятіямъ.

Отдѣленіе первое.

О предварительномъ подготовленіи наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній къ педагогическимъ обязанностямъ.

Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ очень рѣдко встрѣчаются лица, которыя бы по своему рожденію не принадлежали къ нашему бѣлому духовенству, и воспитывались въ свѣтскихъ училищахъ. Исключеній изъ этого правила слишкомъ мало; такъ напр. въ петербургской духовной академіи преподавалъ философію нѣсколько времени Фишеръ; еще въ ней же, и, кажется, въ другихъ академіяхъ преподавателями языковъ бывали изрѣдка лица, происходившія не изъ духовнаго званія, даже иностранцы; наконецъ преподаваніе сельскаго хозяйства, естественной исторіи

и медицины поручается воспитанникамъ горыгорѣцкаго Института, медицинской академіи и проч. Затѣмъ всѣ прочіе наставники духовныхъ училищъ и по рожденію и по воспитанію принадлежатъ къ духовенству; въ семинаріяхъ и академіяхъ они состоятъ изъ магистровъ и кандидатовъ богословія, получившихъ воспитаніе въ духовныхъ академіяхъ; въ низшихъ училищахъ учатъ, какъ мы уже замѣтили, академики; но большинство преподавателей кончили только курсъ въ семинаріяхъ.

О семинаристахъ, поступающихъ на наставническія должности, много здѣсь распространяться не зачѣмъ. Они существеннымъ образомъ предназначаются и приготовляются къ занятію священническихъ и дьяконскихъ мѣстъ; а должности учительскія поручаются немногимъ изъ нихъ въ томъ случаѣ, когда они по окончаніи курса не находятъ себѣ ни священническаго, ни дьяконскаго мѣста. Далѣе въ педагоги низшихъ училищъ далеко не всегда поступаютъ лучшіе ученики семинарій; не говоря уже о протекціяхъ, такъ называемомъ прекрасномъ поведеніи и даже ..... *о нѣкоторыхъ аккуденціяхъ,* правленіе семинаріи иногда по неволѣ принуждено бываетъ назначить учителями вовсе не отличныхъ учениковъ, потому что лучшіе поступили въ академію, въ священники и проч., или не желаютъ сдѣлаться педагогами. Къ сказанному нечего прибавлять; и безъ того уже видно, какъ хорошо бываютъ приготовлены къ исполненію учительской должности воспитанники семинарій.

Совсѣмъ другаго надобно, по видимому, ожидать

отъ академиковъ; они при самомъ уже поступленіи въ академію знаютъ, что первоначальное ихъ назначеніе — быть наставниками, что начальство имѣетъ право заставить ихъ четыре года прослужить не только въ Иркутскѣ, но и въ Якутскѣ по духовно-учебному вѣдомству, что до этого срока оно можетъ далее не позволить имъ поступить въ священники. Какъ бы, кажется не убѣдится, что надобно приготовляться къ той должности, которой избѣгнуть нельзя? Но извѣстно, что одни подобныя убѣжденія не могутъ приготовить человѣка къ дѣйствительно-исправному исполненію какихъ бы то ни было обязанностей. Въ этихъ случаяхъ главное дѣло состоитъ не въ убѣжденіяхъ, а въ томъ, какъ мы сами приготовляемся и какъ насъ готовятъ къ чему нибудь. Вотъ почему здѣсь нужно обратить вниманіе на то, такъ ли устроена учебная часть въ духовныхъ академіяхъ, чтобы воспитанники ихъ дѣйствительно могли хорошо подготовляться къ наставническимъ должностямъ? Но такъ какъ въ послѣдствіи при общемъ разсмотрѣніи учебной части въ духовныхъ училищахъ, мы будемъ не рѣдко касаться академій, то для избѣжанія повторенія здѣсь скажемъ только о тѣхъ частностяхъ академическаго воспитанія о которыхъ послѣ не будемъ говорить

Хорошая или дурная подготовка воспитанниковъ къ наставническимъ должностямъ зависитъ отъ двухъ причинъ: А) отъ устройства учебной части въ училищѣ вообще и отъ наставниковъ; и Б) отъ самихъ воспитанниковъ. Разсмотримъ то и другое.

А) Учебною частію во всѣхъ вообще высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ завѣдываетъ не одно, или два лица, а цѣлое собраніе наставниковъ подъ названіемъ совѣта, или конференціи. Отъ нихъ зависитъ первоначальное опредѣленіе наставниковъ, повышеніе ихъ изъ адъюнктовъ въ профессоры, раздача ученыхъ степеней и пр. И въ духовныхъ академіяхъ есть также конференціи, только составъ ихъ различается отъ университетскихъ совѣтовъ. Въ послѣднихъ присутствуютъ одни ординарные и экстраординарные профессоры, ректоръ и инспекторъ. Но въ конференціяхъ духовныхъ академій, кромѣ этихъ лицъ засѣдаетъ всегда отъ 6—10 священниковъ или протоіереевъ, не занимающихъ въ академіи никакихъ должностей; были даже примѣры, что въ числѣ членовъ конференціи находились свѣтскіе люди, напр. въ петербургской академіи академики Фуссъ и Грефе. Противъ такого смѣшенія нѣтъ, по нашему мнѣнію, нужды вооружаться; присутствіе сторонихъ образованныхъ и благонамѣренныхъ лицъ въ академической конференціи можетъ членовъ ея оградить отъ той замкнутости и отрѣшенности, даже педантизма, въ которые иногда впадаетъ изолированное ученое сословіе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній.

Но конференція духовныхъ академій мало имѣетъ по крайней мѣрѣ благодѣтельнаго вліянія на нихъ отъ того, что кругъ дѣятельности ея слишкомъ ограниченъ, что нѣкоторыя вѣтви училищной администраціи, которыя бы должны находиться въ ея вѣдѣніи, отнесены къ внутреннему академическому правленію и что дѣлопроизводство въ ней приняло совершенно канцелярскій порядокъ и нисколько не

носитъ на себѣ отпечатка дѣятельности, свойственной ученому сословію.

Отъ академическихъ конференцій рѣшительно нисколько не зависитъ ни опредѣленіе наставниковъ академій, ни присвоеніе имъ званія ординарнаго и экстраординарнаго профессора. Всѣмъ этимъ распоряжается внутреннее академическое правленіе. Только при окончаніи учебныхъ курсовъ конференціи иногда представляютъ новыхъ магистровъ на праздныя мѣста академическихъ наставниковъ; но и это есть не болѣе, какъ одна формальность, которая притомъ можетъ легко измѣниться новымъ представленіемъ академическаго правленія, а иногда даже письмомъ или словомъ ректора академіи. Подобныя распоряженія никакъ нельзя назвать благопріятными для академіи. 1) Внутреннее правленіе существеннымъ образомъ состоитъ изъ ректора и инспектора. При всемъ уваженіи къ ихъ внутреннимъ качествамъ и внѣшнимъ отличіямъ надобно сказать, что они менѣе знакомы съ академіею, менѣе принадлежатъ къ ней, нежели другіе ординарные и экстраординарные профессоры. Большая часть ректоровъ и инспекторовъ до поступленія на эти должности служатъ или въ семинаріяхъ, или въ другихъ академіяхъ; такъ напр. изъ ректоровъ петербургской академіи въ послѣдніе 40 лѣтъ пятеро служили прежде совершенно въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; — двое по нѣсколько лѣтъ были въ академіи баккалаврами, а потомъ гораздо болѣе число лѣтъ были чужды ей и только трое начали, продолжали и кончили почти всю свою ученую службу при академіи. Кромѣ того всякій ректоръ есть вре-

мѣпый гость академіи; напр. въ петербурской среднимъ числомъ они служатъ не болѣе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ поступаютъ куда либо епископами. Какъ угодно, а при такихъ обстоятельствахъ академическіе наставники и даже сторонніе члены конференціи знаютъ нужды академіи и принимаютъ ихъ къ сердцу ближе, нежели ректора. 2) Члены внутренняго правленія академіи по своимъ служебнымъ обязанностямъ очень зависятъ отъ ректора, и потому не могутъ имѣть свободный и самостоятельный голосъ; притомъ ректоръ при двухъ голосахъ, предоставленныхъ ему уставомъ, совершенно равносиленъ имъ обоимъ. Между тѣмъ членовъ конференціи должно быть 16; изъ нихъ всегда найдется нѣсколько человѣкъ, которые свободно могутъ выражать свои мысли и подавать мнѣнія, хотя бы они не согласны были съ мнѣніемъ ректора.

При такомъ положеніи дѣлъ въ наставники духовныхъ академій поступить вовсе не такъ трудно, какъ это бываетъ въ университетахъ, медицинской академіи и проч. Въ университетѣ напр. чтобы сдѣлаться даже адъюнктомъ нужно не только кончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, держать за тѣмъ отдѣльные экзамены вовсе не легкіе на званія кандидата, магистра и доктора; но и часто поучиться еще въ иностранныхъ университетахъ, или сдѣлать себя извѣстнымъ посредствомъ какого нибудь сочиненія; нужно нерѣдко выдержать конкурсъ, говорить пробныя лекціи и за всѣмъ тѣмъ быть избраннымъ не отъ одного или двухъ человѣкъ, но отъ всѣхъ будущихъ своихъ сослуживцевъ. Даже изъ адъюнк-

товъ въ экстраординарные и ординарные профессоры опять тоже не иначе можно поступить, какъ посредствомъ балотировки, производимой всѣми ординарными и экстраординарными профессорами. Но въ духовныхъ академіяхъ, хотя они принадлежатъ также къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, для полученія наставническаго мѣста кандидату нѣтъ надобности подвергаться такимъ предварительнымъ испытаніямъ; онъ опредѣляется также, какъ поступаетъ учитель въ среднія и низшія учебныя заведенія, совершенно почти бюрократическимъ порядкомъ. При окончаніи учебнаго курса вмѣстѣ съ своими товарищами онъ держитъ одинаковый экзаменъ, пишетъ диссертацію, которую читаетъ и аттестуетъ одинъ только изъ членовъ конференціи, и которая публично не защищается, и въ слѣдствіе всего этого получаетъ прямо степень магистра, которая открываетъ ему путь къ наставническимъ мѣстамъ въ академіяхъ. Кромѣ того для поступающихъ въ академическіе наставники нѣтъ никакого конкурса, ни пробныхъ даже лекцій; нѣтъ надобности вояжировать, приготовляться къ занятію каѳедры, или сдѣлаться извѣстнымъ, издавши какое либо сочиненіе. И если исключить значительную часть ректоровъ и инспекторовъ, да слишкомъ рѣдкіе примѣры наставниковъ семинарій, которые иногда вызываются для преподаванія наукъ въ академіяхъ; то всѣ прочіе наставники послѣднихъ *прямо*, какъ говорится, *изъ за парты* переходятъ на профессорскую каѳедру; такъ что нынѣ они съ своими будущими слушателями спятъ въ одной и тойже спальнѣ, встаютъ и ложатся по одному и томуже

звонку, обѣдаютъ за общимъ столомъ въ одной и тойже столовой, а завтра уже должны будутъ читать лекцію недавнимъ своимъ участникамъ въ академическихъ занятіяхъ. Не говоримъ уже о томъ, что такія быстрыя превращенія какъ-то странны и затрудняютъ взаимныя отношенія какъ наставника, такъ и слушателей его, бывшихъ недавно, по школьному выраженію, его *однокашниковъ*. Новый наставникъ большею частію впадаетъ въ двѣ крайности; или, какъ можно скорѣе, старается показать, что онъ уже отъ нихъ отдѣляется *дистанціею огромнаго размѣра;* или, желая удалить отъ себя всякое подозрѣніе въ тщеславіи, старается въ обращеніи своемъ по крайней мѣрѣ внѣ классовъ быть, такъ сказать, *панибратомъ*. Отъ этого и его слушатели смѣются въ первомъ случаѣ надъ спѣсью, а во второмъ надъ неумѣніемъ держать себя сообразно съ новымъ своимъ званіемъ.

Впрочемъ все это можно назвать дѣломъ стороннимъ для наставника; будь, пожалуй спѣсивъ, или уже слишкомъ снисходителенъ, только читай хорошо лекціи. Но въ томъ-то и бѣда, что такимъ людямъ, въ первый по крайней мѣрѣ курсъ, нѣтъ ни физической, ни умственной возможности быть хорошими наставниками. Мы уже не станемъ много говорить о томъ, что иногда академическое правленіе назначало баккалаврами студентовъ, въ полномъ смыслѣ не знавшихъ того предмета, который должны они преподавать; намъ извѣстенъ примѣръ, когда новый баккалавръ нѣмецкаго языка вмѣстѣ съ своими слушателями началъ учиться читать понѣмецки. Воз-

мемъ самый благопріятный случай, когда поручается преподаваніе науки человѣку, ознакомившемуся съ нею за академическою партою. Но самый лучшій студентъ тотчасъ по окончаніи курса остается только студентомъ, какое бы ни давали ему званіе, т. е. человѣкомъ, который учился всему, но исключительно ни чѣмъ не занимался, и слѣдовательно ни по одному предмету не имѣетъ столько свѣдѣній, чтобы быть дѣльнымъ преподавателемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; все, чего онъ можетъ достигнуть; состоитъ только въ томъ, что его лекціи не возбудятъ, можетъ быть, невыносимой скуки и отвращенія. Если-бы всѣ академическіе наставники были откровенны; то они могли бы разсказать о себѣ то самое, что въ очень недавнее время разсказывалъ своимъ пріятелямъ одинъ старый академическій профессоръ. „Мнѣ, такъ говорилъ онъ, вскорѣ по окончаніи курса поручено было читать въ академіи физику и вмѣстѣ съ тѣмъ принять физическій кабинетъ послѣ умершаго предшественника. По физикѣ я былъ совершенною невинностію. Въ семинаріи бывши, я выучилъ къ публичному экзамену о скважности и сжимаемости тѣлъ; въ академіи намъ читали физику по руководству, составленному Двигубскимъ, но безъ всякихъ опытовъ; только по окончаніи лекцій профессоръ пустилъ насъ два раза въ очень небогатый кабинетъ и сдѣлалъ къ нашему удовольствію нѣсколько опытовъ посредствомъ воздушнаго насоса и электрической машины; притомъ безъ системы, безъ объясненій, безъ приложенія къ читаннымъ лекціямъ, а такъ какъ нѣчто въ родѣ фокусовъ. Проучившись

послѣ въ высшемъ отдѣленіи еще два года, я вполнѣ забылъ физику. И вотъ уже въ качествѣ баккалавра, даже исправляющаго должность профессора вхожу въ физическій кабинетъ, узнаю тотчасъ воздушный насосъ, электрическую машину, магдебургскія полушарія, магниты и еще кое-что, а затѣмъ ни названіе, ни значеніе прочихъ инструментовъ были мнѣ извѣстны. Съ описью въ рукахъ ходилъ я долго по кабинету, заглядывалъ въ шкафъ, бралъ въ руки инструменты; но пріемка ихъ не шла далѣе, посовѣтываться было не съ кѣмъ, да и амбиція не позволяла. И уже мѣсяца чрезъ два я донесъ правленію, что мною все найдено въ цѣлости. Но не думайте о мнѣ очень плохо — мы не унывали, набрали книгъ изъ библіотеки, стали ихъ читать, дѣлать съ грѣхомъ пополамъ опыты и даже имѣли храбрость выдавать свои записки. Можете судить, что это были за лекціи, и теперь безъ смѣха и стыда не могу вспомнить!“ Люди, подобные нашему разскащику, не могутъ удовлетворительно читать лекціи въ высшемъ училищѣ, по крайней мѣрѣ на первый разъ. Но въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ быстро наставники духовныхъ академій оставляютъ учебную службу, какъ немногіе изъ нихъ остаются на всю жизнь въ званіи профессора, какъ притомъ затруднительно, или лучше какъ мало причинъ имъ быть дѣльными и усердными преподавателями. Не сердитесь на насъ, Гг. баккалавры и профессоры, за такой отзывъ; не вы, а обстоятельства вашей службы виновны въ томъ, что вамъ всѣмъ нельзя быть тѣмъ же, чѣмъ бываютъ наставники университетовъ. Вѣдь Грановскимъ, Кудрявц-

цевымъ, Куторгою и проч. нѣтъ возможности сдѣлаться прямо съ школьной скамьи; и эти геніальные профессоры на вашихъ мѣстахъ были бы тѣмъ же, чѣмъ вы бываете нѣсколько времени. Съ другой стороны позвольте высказать съ откровенностью правду, вполнѣ намъ извѣстную по нашему опыту, что студенты — ваши слушатели — не отъ всѣхъ васъ получаютъ столько свѣдѣній, сколько бы имъ нужно было сообщить въ высшемъ учебномъ заведеніи. Послѣ этого не обижайтесь если мы пожелаемъ, чтобы ваши воспитанники были приготовляемы къ будущимъ своимъ педагогическимъ занятіямъ лучше, нежели какъ это происходитъ нынѣ.

Къ этому желанію располагаютъ насъ другія обстоятельства, которыя не могутъ назваться благопріятными для ученаго академическаго образованія. На студентовъ духовной академіи конференція ея обнаруживаетъ свое вліяніе только при окончаніи курса, производя экзамены, составляя списки и опредѣляя, какую ученую степень каждый изъ воспитанниковъ долженъ получить. Пріемъ же воспитанниковъ, увольненіе ихъ ранѣе четырехъ лѣтъ, производство прочихъ экзаменовъ зависятъ не отъ нее, а отъ внутренняго академическаго правленія. Конечно пріемные экзамены, нынѣ по крайней мѣрѣ, производятся наставниками, которые отмѣчаютъ отвѣты воспитанниковъ, и списки съ отмѣтками представляютъ ректору. Но вся дѣятельность ихъ и участіе ограничивается одними этими процессами. Ихъ не только не приглашаютъ къ совѣщанію, но нерѣдко оставляютъ безъ вниманія поставленные ими балы. Студентъ можетъ

не отвѣчать или плохо отвѣчать не по одному, а по нѣсколькимъ предметамъ и между тѣмъ все таки будетъ принятъ; развѣ только не имѣетъ протекціи, слишкомъ окажетъ себя неуспѣшнымъ, такъ что всякому даже стыдно защищать его. Такимъ образомъ воспитанники, присылаемые по назначенію семинарскихъ правленій почти всегда принимаются въ академіи. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ не принять ихъ, когда за нихъ непремѣнно есть покорнѣйшая просьба отъ бывшихъ начальниковъ и когда непринятіемъ ихъ можно сдѣлать послѣднимъ большую непріятность? Отъ этого иногда поступаютъ въ академію люди съ совершенно ограниченными свѣдѣніями; напр. въ одной изъ академій, конечно уже давно, былъ принятъ ученикъ семинаріи, сдѣлавшій болѣе 30 грамматическихъ ошибокъ на 20 строкахъ поданной имъ латинской задачи. Даже въ пріемѣ пріѣзжающихъ волонтеровъ не всегда соблюдается полное безпристрастіе.

Мы вовсе не хотимъ приписывать непогрѣшимость академическимъ конференціямъ; члены ихъ могутъ также ошибаться и увлекаться какъ и члены внутренняго правленія; но, какъ угодно, въ собраніи 16 человѣкъ, между которыми есть люди независимые, ошибки и увлеченія менѣе возможны, нежели у двухъ, и особенно у одного. Поэтому нельзя не сказать, что гораздо полезнѣе было бы, если бы пріемъ воспитанниковъ, равно какъ опредѣленіе и повышеніе наставниковъ академическихъ зависѣло не отъ внутренняго правленія, а отъ конференціи. Только въ этомъ случаѣ нужно принять мѣры къ тому,

чтобы въ конференціи *дѣйствительно* разсуждали, чтобы въ засѣданіяхъ ея *дѣйствительно* были отбираемы голоса отъ членовъ, и чтобы *дѣйствительно* рѣшалось все большинствомъ голосовъ. Можетъ быть не вездѣ, но въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, академіяхъ было и по всей вѣроятности сохранится обыкновеніе облегчать труды членовъ конференціи. Зачѣмъ ихъ созывать въ засѣданія? Зачѣмъ заставлять иногда ѣздить за нѣсколько верстъ въ академію? Зачѣмъ утомлять преніями и разсужденіями людей, и безъ того обремененныхъ дѣлами? Добрые начальники и услужливые секретари составляютъ журналы, полагаютъ мнѣнія; одинъ подписывается подъ *докладывано,* и другой подъ *опредѣлено;* затѣмъ уже безотвѣтный служитель разноситъ журналы по квартирамъ господъ членовъ; послѣдніе изъ довѣрія къ секретарю и изъ уваженія къ ректору вполнѣ соглашаются съ ихъ опредѣленіями, подписываютъ журналъ и такимъ образомъ формально утверждаютъ, что они *присутствовали въ засѣданіи, при которомъ ихъ не было, разсуждали о докладѣ, котораго не слыхали, положили мнѣніе, котораго не имѣли.* Такого рода засѣданія нисколько не улучшатъ положеніе дѣлъ. Надобно непремѣнно, чтобы засѣданія *дѣйствительно* существовали и затѣмъ чтобы рѣшеніе большинства было приводимо въ исполненіе, а не измѣнялось по мнѣнію одного или желанію другаго лица. Лѣтъ за 20 въ одной изъ академій нужно было опредѣлить новаго секретаря въ цензурный комитетъ. Недавноприбывшій ректоръ, не ознакомившись еще съ механизмомъ дѣлопроизводства въ

конференціи, рѣшился созвать ее и въ общемъ собраніи посредствомъ балотировки рѣшить кому изъ двухъ претендентовъ нужно предоставить секретарскую должность. Почтенные члены, въ первый разъ получившіе возможность выразить свое мнѣніе и притомъ тайно, избрали не того претендента, котораго желалъ начальникъ. Между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени по квартирамъ господъ избирателей пошелъ журналъ, въ которомъ къ величайшему ихъ изумленію опредѣленъ по несуществовавшему единодушному ихъ согласію секретаремъ другой претендентъ, отвергнутый большинствомъ. Въ этотъ небольшой промежутокъ секретарь умѣлъ объяснить, а ректоръ понять механизмъ дѣлопроизводства въ конференціи. *Пыть, надобно, чтобы мнѣніе большинства дѣйствительно было уважаемо.*

Б) Независимо отъ пріемныхъ экзаменовъ, отъ образцоваго или недостаточнаго преподаванія наукъ студенты духовныхъ академій, можно сказать, имѣютъ право не слишкомъ усердно заниматься науками. Въ самомъ дѣлѣ нетрудно доказать, что штатное число воспитанниковъ духовныхъ академій далеко превышаетъ нужды духовно-учебныхъ заведеній. По отчету Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1856 годъ число наставниковъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ состоитъ изъ 781 человѣка; сюда, разумѣется, причислены преподаватели естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины, которые пополняются воспитанниками не духовныхъ уже академій и въ 48 семинаріяхъ составляютъ итогъ слишкомъ въ 100 человѣкъ; по этому наставническихъ мѣстъ,

для занятія которыхъ академіи приготовляютъ воспитанниковъ, много менѣе 700. Во всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ въ два года по штату должно оканчивать курсъ 210, а ежегодно среднимъ числомъ 105 человѣкъ. Всѣ эти воспитанники получатъ мѣста въ академіяхъ и семинаріяхъ въ томъ случаѣ когда $^1/_7$ и даже $^1/_6$ часть семинарскихъ наставниковъ ежегодно станетъ оставлять службу. Но, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства духовно-училищной службы, о которыхъ сказано будетъ ниже, многіе наставники не оставляютъ ея, и потому число воспитанниковъ академическихъ далеко превышаетъ потребность въ нихъ. Воспитанники петербургской академіи едва ли не бываютъ счастливѣе всѣхъ другихъ касательно полученія наставническихъ мѣстъ; но между тѣмъ часто случалось, что если ихъ оканчивало курсъ штатное число (60 ч.), то даже половина не могла получить мѣста: и если бы многіе изъ нихъ не поступали въ бѣлое петербургское духовенство, то даже магистрамъ недостало бы мѣстъ. Въ другихъ академіяхъ подобныя происшествія, кажется, дѣйствительно случались; но крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ одинъ случай, что магистръ духовной академіи долженъ былъ поступить студентомъ въ медицинскій факультетъ московскаго университета. Чтоже теперь дѣлать воспитанникамъ, неполучающимъ мѣстъ при окончаніи академическаго курса? Они идутъ по двумъ дорогамъ: или поступаютъ въ чиновники, или отправляются въ вѣдомство той епархіи, къ которой принадлежатъ по своему рожденію. Не блистательно бываетъ долгое время положеніе первыхъ; но они

все таки гораздо счастливѣе послѣднихъ. Эти несчастные, явившись на родину, должны вымаливать себѣ у епархіальнаго и семинарскаго начальства кусокъ хлѣба; долго многимъ изъ нихъ приходится ходить по передникъ, или жить гдѣ нибудь въ отцовской лачугѣ на счетъ того, которому уже слѣдовало бы помогать; и наконецъ они или получаютъ священническое мѣсто, на которое имѣли право прежде поступленія въ академію, или какую нибудь учительскую должность въ уѣздномъ училищѣ съ ничтожнымъ жалованьемъ. Кромѣ того чего стоитъ вынести униженное свое положеніе, слышать привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: *да ты вѣрно тамъ только лѣнился, или надѣлалъ какихъ нибудь гадостей; извини, мѣста ты не заслуживаешь, или вотъ ступай на такое-то?* Чего стоитъ встрѣчаться съ бывшими своими товарищами, которые уже на священническихъ мѣстахъ поустроились, хотя они по успѣхамъ и по нравственности были хуже ихъ? Чего стоитъ выдержать косые взгляды прежнихъ наставниковъ и своихъ знакомыхъ, лукавую улыбку учениковъ семинаріи, слышать сожалѣнія отъ отца, а иногда выговоры, что сынъ его напрасно поступалъ въ академію, повторимъ, чего все это и многое другое стоитъ? Не удивляйтесь же послѣ того, что многіе воспитанники академіи въ избѣжаніе стыда и униженія лучше соглашаются поступить канцелярскимъ писцомъ куда нибудь, нежели ожидать милости отъ семинарскаго и епархіальнаго начальства. Все это, разумѣется, давно уже извѣстно воспитанникамъ академій и семинарій. Поэтому значительная часть первыхъ, не считающая

себя въ правѣ разсчитывать на магистерскую степень, не находитъ нужнымъ слишкомъ хорошо заниматься. И въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ изнурять свое здоровье, когда въ перспективѣ въ награду за занятія предстоитъ или мѣсто писца въ какой либо канцеляріи, или, еще хуже, учительское мѣсто въ уѣздномъ училищѣ. Мы помнимъ, какъ одинъ изъ нашихъ любезныхъ товарищей цѣлые два года повторялъ своимъ сосѣдамъ по списку: *къ чему это вы занимаетесь? Вѣдь сколько вы ни сидите, а вамъ уже съ вами не получить мѣста.* Рѣдкій курсъ можно найти, въ которомъ нельзя было бы слышать подобные совѣты, многократно и многообразно предлагаемые воспитанниками академіи другъ другу. Съ другой стороны и ученики семинаріи, особенно лучшіе, слишкомъ хорошо знаютъ, чего имъ нужно ожидать по окончаніи академическаго курса. Прежде поступленіе въ духовную академію считалось особенною честію; но нынѣ семинарскому начальству весьма нерѣдко стоитъ большаго труда найти охотниковъ, особенно изъ лучшихъ учениковъ для поступленія въ академію. Этой старинной чести многіе предпочитаютъ поступленіе не только въ университетъ или медицинскую академію, но даже на мѣсто сельскаго священника или военнаго аудитора.

Безпечности студентовъ благопріятствуетъ еще та метода, которой держатся въ академіяхъ при переводѣ воспитанниковъ изъ одного отдѣленія въ другое и отчасти при окончаніи курса. Въ теченіе пятидесятилѣтняго существованія духовныхъ академій едва ли былъ хотя одинъ случай, чтобы котораго

либо воспитанника само начальство нашло нужнымъ оставить еще на курсѣ въ высшемъ или низшемъ отдѣленіи. Слишкомъ также немного было студентовъ, которые сами рѣшались на то добровольно. Но и въ этомъ случаѣ у воспитанниковъ большею частію были особенныя цѣли; одному изъ нихъ, получившему даже степень магистра, хотѣлось пріютиться въ Петербургѣ. Оставшись въ академіи еще на два года, онъ дѣйствительно вскорѣ по милости добраго и догадливаго начальства получилъ мѣсто наставника при ней, далеко не проучившись двухъ лѣтъ. Другому кандидату, желавшему получить степень магистра, не посчастливилось; онъ вышелъ изъ академіи едва ли не студентомъ. И въ прочихъ академіяхъ также слишкомъ мало было добровольныхъ охотниковъ оставаться въ томъ же классѣ еще на два года. Не чаще примѣры, когда воспитанниковъ духовной академіи увольняютъ ранѣе окончанія курса за недостаточные успѣхи. Наконецъ хотя не много бываетъ академическихъ курсовъ, въ которые бы одинъ, а иногда нѣсколько человѣкъ не оканчивали курса безъ всякой академической степени, но и въ этомъ случаѣ большею частію принимается во вниманіе не успѣхи, а поведеніе. Надобно быть вовсе бездарнымъ или тупоумнымъ человѣкомъ, рѣшительно не заниматься ничѣмъ, ни даже тѣми предметами, которые преподаются ректоромъ, или инспекторомъ; только при этихъ условіяхъ съ такъ называемомъ дурнымъ поведеніемъ можно въ духовныхъ академіяхъ не получить степень кандидата. „Чтоже за бѣда? скажутъ нѣкоторые; если не бываетъ подобныхъ случаевъ, то

очевидно, что всѣ занимаются, какъ надобно. Дай Богъ, чтобы тоже самое происходило и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.“ Подобные возгласы пріятно было бы слышать, если бы обучающіеся въ академіяхъ студенты дѣйствительно такъ занимались, чтобы не было причины ни оставлять ихъ въ одномъ и томъ же классѣ еще на двугодичный курсъ, ни исключать изъ академіи за малоуспѣшность, ни отказывать имъ въ ученыхъ академическихъ степеняхъ. Но хорошо знакомому съ духовными академіями слишкомъ извѣстно, что въ нихъ, какъ вообще и во всѣхъ училищахъ, есть и отличные студенты, есть и посредственные, есть и вовсе неуспѣшные. Описанныя обстоятельства зависятъ отъ укоренившагося обычая никого ни оставлять, ни исключать, ни лишать степени, кромѣ показанныхъ выше случаевъ. Трудно опредѣлить, какимъ образомъ установился этой обычай. Можетъ быть, первоначально причиною былъ двугодичный курсъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ то жалко заставить человѣка взрослаго, а иногда уже и пожилаго еще обучаться два лишнихъ года. Можетъ быть, иногда хотѣли выразить начальствующія лица свое человѣколюбіе, доставляя возможность бездарному и лѣнивому человѣку пользоваться казеннымъ содержаніемъ; могли быть и другія причины. Но отъ чего бы ни происходило это, только обычай утвердился въ академіяхъ слишкомъ твердо. Студентъ поступивши въ академію, тотчасъ узнаетъ, что онъ, занимаясь самымъ легкимъ образомъ, опуская большую половину предметовъ и показывая усердіе къ предметамъ, препода-

ваемымъ начальниками и вліятельными профессорами, при такъ называемомъ хорошемъ поведеніи непремѣнно кончитъ курсъ кандидатомъ, а при нѣкоторыхъ побочныхъ и сторонних пособіяхъ можетъ даже мечтать о магистерствѣ. Это обстоятельство, разумѣется, не можетъ имѣть сильнаго вліянія на тѣхъ изъ студентовъ, которые своими трудами и успѣхами стараются получить степень магистра, занимаются, сколько достанетъ у нихъ силъ. Но что за нужда слишкомъ усердно заниматься тѣмъ студентамъ, которые не имѣютъ притязанія на магистерство? Какъ они ни сиди, имъ уже никакъ не достигнуть этой степени, а съ другой стороны они непремѣнно кончать курсъ кандидатами, если только не подадутъ повода устранить себя отъ этой степени или дурнымъ поведеніемъ, или совершенною лѣностію, или если не навлекутъ на себя неблаговоленія начальства. Присоединимъ, что значительная часть воспитанниковъ не имѣетъ надежды, какъ выше было замѣчено, получить мѣсто въ семинаріи; въ такомъ случаѣ зачѣмъ удивляться, что многіе изъ нихъ такъ живутъ и учатся въ академіи, чтобы только не было причинъ исключить ихъ, или отказать имъ въ степени кандидата. По этому ни одного курса академическаго не найдется безъ такихъ студентовъ, которыхъ вся ученая дѣятельность, особенно въ послѣдніе два года, состоитъ только почти въ посѣщеніи изрѣдка классовъ, въ повтореніи нѣкоторыхъ лекцій, въ написаніи одной или двухъ задачекъ и проч. Былъ примѣръ, что когда студенты явились на экзаменъ по церковной исторіи; то одинъ изъ нихъ прежде прихода экза-

минаторовъ занимался разрѣзываніемъ страницъ печатнаго учебнаго руководства, которое такимъ образомъ до самаго экзамена осталось у него не только нетронутымъ, но даже не разрѣзаннымъ. Этотъ же самый студентъ, человѣкъ вовсе не глупый и не безъ способностей, любилъ подшучивать надъ своимъ землякомъ-товарищемъ, говоря: *что тебѣ, Тихоновичъ, за охота такъ сильно заниматься? Вѣдь ты уже никогда не кончишь курса магистромъ, а степень кандидата получишь, занимаясь по моему*, т. е. почти ровно ничего не дѣлая. Предсказаніе проказника дѣйствительно сбылось; бѣдный Тихоновичъ кончилъ курсъ кандидатомъ и вскорѣ умеръ, а хладнокровный его совѣтникъ, какъ слышно, здравствуетъ доселѣ. Такое равнодушіе, такая апатія къ занятіямъ, разумѣется, имѣетъ очень вредное вліяніе. Студентъ и самъ при помощи ихъ немного пріобрѣтетъ свѣдѣній, да и потомъ на должности наставника не будетъ способенъ возбудить въ ученикахъ охоту къ занятіямъ. Послѣ всего сказаннаго нами объ ученомъ образованіи въ духовныхъ академіяхъ нельзя не прійти къ той мысли, что наставники духовныхъ академій и семинарій недостаточно бываютъ приготовлены къ исполненію педагогическихъ обязанностей. Мы уже не говоримъ о томъ, что имъ ни теоретически ни практически не преподается ничего похожаго на педагогію.

Отдѣленіе второе.

О жалованьѣ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній.

Самая лучшая предварительная подготовка къ какому либо званію или сословію можетъ остаться безполезною отъ обстоятельствъ, которыми обставливается служебная дѣятельность подготовленныхъ лицъ. По этому воспитанники духовныхъ семинарій и академій, хотя бы при окончаніи, или вскорѣ послѣ окончанія курса дѣлались способными и усердными преподавателями, могутъ на самой духовно-училищной службѣ потерять свое усердіе и оставить безъ приложенія свои способности отъ разныхъ препятствій, или отъ недостатка побужденій къ исправному исполненію педагогическихъ обязанностей. Вотъ почему намъ нужно теперь разсмотрѣть тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ находится духовно-училищная служба. Въ этомъ случаѣ прежде всего обратимъ вниманіе на финансовое и матеріальное положеніе Гг. наставниковъ духовныхъ училищъ. И въ самомъ дѣлѣ, что вы ни говорите о любостяжаніи, сребролюбіи, тлѣнныхъ и скоропроходящихъ благъ и пр.; но мы осмѣливаемся думать, да и читатели, вѣроятно, согласятся съ нами, что нельзя быть хорошимъ, не только учителемъ и профессоромъ, но даже плотникомъ или сапожникомъ, если презрѣнные металлы — золото и серебро, или, ихъ представители, кредитные билеты не дадутъ возможности сытно по-

обѣдать и поужинать, тепло одѣться, жить въ удобной квартирѣ и пр. Мы даже по секрету скажемъ, что и тѣ люди, которые такъ краснорѣчиво ратоборствуютъ противъ златолюбія, сребролюбія и вообще деньголюбія, вовсе не избѣгаютъ случаевъ имѣть богатую одежду изъ отличныхъ шерстяныхъ или шелковыхъ матерій, ѣздить на парѣ или четверкѣ вороныхъ, орловскихъ лошадей, въ коляскахъ и каретахъ на лежачихъ рессорахъ, жить въ огромныхъ квартирахъ, пользоваться ловкою и многочисленною прислугою и. пр. И потому думаемъ сначала предложить и изслѣдовать вопросъ: *наставники духовно-учебныхъ заведеній могутъ ли и имѣютъ ли побужденіе быть дѣльными преподавателями при томъ жалованьѣ, которое они получаютъ за свои педагогическіе труды?*

Начнемъ свое описаніе a capite, съ аристократовъ духовно-учебныхъ заведеній, съ наставниковъ академій и притомъ петергбурской. Здѣсь получаетъ профессоръ 3000, а баккалавръ 1500 рублей, только не серебромъ, а ассигнаціями. Конечно эти оклады, даже послѣдній для писцовъ, помощниковъ столоначальниковъ и самихъ столоначальшиковъ въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ показались бы, Богъ знаетъ, какою суммою *и при безгрѣшныхъ доходахъ* позволили бы имъ жить недурно и имѣть остаточки на черный день. Но Петербургъ не Пенза, не Саратовъ, не Алексинъ, не Козловъ; профессоры и баккалавры духовныхъ академій не писцы земскаго суда, не письмоводители становаго пристава, не столоначальники казенной палаты. Они

всѣ безъ исключенія должны принадлежать къ лучшимъ воспитанникамъ академіи, имѣтъ. непремѣнно степень магистра, и, значитъ, при поступленіи на службу, получить чинъ девятаго класса, — лѣтъ чрезъ 10 чинъ статскаго совѣтника и даже сдѣлаться на службѣ *дѣйствительными* или, какъ говорятъ, *генералами;* по правамъ рѣшительно ничѣмъ не различаются отъ наставниковъ университетскихъ. Наконецъ, если не пожелаютъ поступить въ свѣтское званіе, то въ монашествѣ имѣютъ въ виду носить не только митру, но и панагію; а въ бѣломъ духовенствѣ разсчитывать на священническія мѣста въ Петергбургѣ, гдѣ при самой бѣдной приходской церкви священникъ получаетъ не менѣе 1500 рублей, въ большой части за 2000 и даже за 3000 конечно уже серебромъ; а въ лучшихъ приходскихъ петергбурскихъ церквахъ, напр. вознесенской, владимірской и пр. самые причетники, кромѣ готовой квартиры и отопленія, имѣютъ доходу до 2000 и даже до 3000 рубл. ассигн. И такъ первые, лучшіе воспитанники академіи, сдѣлавшись и оставаясь баккалаврами пять, десять и пятнадцать лѣтъ, по жалованью ниже причетниковъ хорошихъ петербургскихъ церквей; сдѣлавшись ординарными профессорами, имѣютъ пріятную надежду сравняться съ этими господами; но никогда не могутъ разсчитывать на половину того, что священникъ получаетъ при посредственномъ приходѣ; а равенство съ священниками лучшихъ петербургскихъ приходовъ для нихъ недостижимо, развѣ только доходы священниковъ считать на серебро, а жалованье профессоровъ на ассигнаціи. Но и здѣсь

послѣднее нерѣдко будетъ ниже перваго. Вотъ что такое по жалованью наставники петербургской духовной академіи, по правамъ равные университетскимъ профессорамъ, будущіе и настоящіе статскіе совѣтники, лица, имѣвшія возможность занять лучшія мѣста въ бѣломъ петербургскомъ духовенствѣ, или достигнуть чрезъ поступленіе въ монашество высшихъ степеней церковной іерархіи, даже сдѣлаться митрополитами! Нечего и говорить, что положеніе ихъ незавидно. Наставники же прочихъ духовныхъ академій получаютъ или такое же жалованье, какъ петербургскіе ихъ собраты, или даже значительно менѣе и слѣдовательно не могутъ возбуждать въ нихъ зависти къ своему положенію. По этому, не говоря о нихъ, перейдемъ къ духовнымъ семинаріямъ.

Здѣсь въ каждой отдѣльно семинаріи по жалованью всѣ наставники равны между собою, кромѣ преподавателей медицины, французскаго, еврейскаго и нѣмецкаго языковъ. По наставникамъ въ различныхъ семинаріяхъ выдается не одинаковое жалованье; кажется въ трехъ или четырехъ такъ называемыхъ первокласныхъ семинаріяхъ (петербургской, новогородской и пр.; — къ нимъ недавно прибавлены московскія) ежегодно получаютъ 1500 руб., во второкласныхъ — впрочемъ очень немногихъ — 1000 руб. а затѣмъ въ наибольшей части 900 рублей, разумѣется, ассигнаціями. Конечно самый низшій изъ этихъ окладовъ болѣе оклада писцовъ не только въ губернскихъ, но даже и въ министерскихъ департаментахъ. Но это обстоятельство для г. г. наставниковъ семинаріи служитъ небольшимъ утѣшеніемъ. Съ ихъ жалованьемъ,

особенно втораго и третьяго разрядовъ, проживать семейному человѣку во всѣхъ губернскихъ городахъ, какъ живутъ скромныя лица средняго сословія, рѣшительно невозможно. А между тѣмъ всѣ они, безъ исключенія, кончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ ученыя степени магистра и кандидата, а по правамъ и обязанностямъ своимъ равны съ наставниками гимназій, въ которыхъ, по новому положенію, старшіе учители нигдѣ не получаютъ менѣе 600 рублей серебромъ. Но не будемъ дѣлать этого сравненія; сблизимъ наставниковъ семинарій съ священниками сельскими. Въ рѣдкомъ изъ селъ священникъ получаетъ денежнаго дохода менѣе 150 руб. серебромъ; но если взять во вниманіе доходы съѣстными припасами, доходы отъ земли, которою онъ владѣетъ, домашнее хозяйство, которымъ онъ при обработкѣ земли можетъ обзавестись, то всѣ его доходы, даже въ самыхъ бѣдныхъ приходахъ, превысятъ жалованье семинарскихъ наставниковъ. Говорить ли еще о священникахъ при хорошихъ и отличныхъ сельскихъ приходахъ, гдѣ одни денежные доходы простираются до 300—500 руб. сер.? Каково же теперь профессорамъ семинарій видѣть, что ихъ ученики, иногда очень посредственные, тотчасъ послѣ окончанія курса занимаютъ мѣста, на которыхъ они могутъ обзавестись семействомъ, жить въ довольствѣ и оставлять копѣйку на черный день? А господинъ профессоръ, часто магистръ, надворный или коллежскій совѣтникъ остается холостякомъ, не имѣя возможности прокормить свою жену и семейство, занимаетъ какую либо лачугу комнаты въ двѣ или три

и продолжаетъ это 25—30 и болѣе лѣтъ? Неизлишне замѣтить, что въ большей части семинарій для наставниковъ нѣтъ казенныхъ квартиръ, что ранѣе четырехъ лѣтъ службы не представляютъ ихъ къ квартирному пособію и что послѣ этого срока только за какія либо особыя заслуги можно удостоиться квартирнаго пособія, которое за всѣмъ тѣмъ во многихъ мѣстахъ состоитъ изъ 40—50 рублей серебромъ.

Спустимся еще ниже, въ низшія духовныя училища; здѣсь казенныя квартиры или неизвѣстны, или состоятъ изъ одной комнаты, даже безъ передней, притомъ иногда для двухъ и болѣе человѣкъ, а о квартирномъ пособіи даже едва ли имѣютъ понятіе. Между тѣмъ въ учителя этихъ училищъ поступаютъ, какъ мы сказали выше, только окончившіе курсъ семинаріи студенты перваго разряда, часто кандидаты, а нерѣдко и магистры духовныхъ академій. Какое же содержаніе получаютъ всѣ эти ученые люди? Здѣсь жалованье не однообразно, какъ въ семинаріяхъ, а учители раздѣляются на шесть N. N. 1 и 2 получаютъ самый высшій окладъ, который уменьшается для слѣдующихъ номеровъ, и для послѣдняго не составляетъ даже половины перваго. Если бы подобный *аристократизмъ* зависѣлъ отъ продолжительной службы; то онъ былъ бы въ извѣстномъ отношеніи еще недуренъ, поощряя и ободряя учителей, рѣшившихся оставаться на цѣлую жизнь въ своемъ званіи. Но онъ здѣсь соединенъ съ аристократизмомъ предметовъ; одни изъ нихъ причислены къ N. 1, другіе къ N. 2 и т. д. Такимъ

образомъ или учителю напр. N. 6 должно всегда оставаться при жалованьи своего номера, сколько бы лѣтъ онъ ни служилъ, или хлопотать о переводѣ себя на другой номеръ и слѣдовательно начать преподаваніе предметовъ, которыми до того времени онъ не занимался; разумѣется, всегда бываетъ послѣднее. Подобное перемѣщеніе иногда происходитъ по всѣмъ номерамъ, и перемѣщаемый субъектъ, постепенно преподавая почти всѣ предметы училищной учености, дѣлается чуть не doctor universalis, и, очевидно, не успѣетъ дѣльно ознакомиться ни съ одною наукою.

Теперь еще посмотримъ, что аристократы и плебеи, что учители всѣхъ номеровъ уѣздныхъ духовныхъ училищъ получаютъ за свои педагогическіе труды? Самые аристократѣйшіе между ними, именно учители первоклассныхъ училищъ, напр. петербургскихъ и притомъ подъ N. 1 получаютъ 750 руб. асс.; слѣдующіе затѣмъ номера менѣе и менѣе, такъ что послѣднему номеру едва ли достанется 400 руб. асс. Съ кѣмъ теперь сравнить этихъ учителей? Причетниковъ богатыхъ петербургскихъ церквей мы поставили въ параллель съ наставниками академіи; даже причетникамъ бѣдныхъ церквей сравненіе ихъ съ учителями петербурскихъ училищъ всѣхъ номеровъ покажется обиднымъ; они по своимъ доходамъ предъ педагогами являются аристократами. Есть другое сравненіе, внушенное намъ сосѣдствомъ александроневскаго училища съ петербургскою духовною академіею. Почему не поискать здѣсь другихъ точекъ соприкосновенія? Въ академіи есть между прочимъ

три лица: фельдшеръ при больницѣ, главный поваръ на студентческой кухнѣ и исполнитель при экономѣ; всѣ они пользуются казеннымъ столомъ и квартирою, а исполнитель получаетъ хорошую одежду; сверхъ того дается жалованье; первому болѣе 500 рублей, второму до 350 руб. а третьему до 300 руб. асс. Какъ угодно, а эти три человѣка обезпечены лучше, нежели учители, особенно послѣднихъ номеровъ, сосѣдняго александро-невскаго училища. По этому образчику уже можно догадываться о положеніи учителей духовныхъ училищъ во всѣхъ прочихъ городахъ Имперіи; укажемъ прямо на третьяклассныя училища. Здѣсь учитель N. 1 получаетъ 525 руб. а послѣдняго номера 250 руб. конечно уже не серебромъ, а ассигнаціями. Въ этомъ случаѣ для сравненія можно бы указать на фельдшера, главнаго повара и исполнителя с. петербургской академіи; но это столичные служаки, а столица всегда должна имѣть преимущество предъ провинціями. Куда уже бѣднымъ учителямъ третьяклассныхъ духовныхъ училищъ равняться съ ними? Поищемъ примѣра около нихъ самихъ; это будетъ ближе къ дѣлу. Но и тутъ какъ-то невольно являются на сцену дьячки и пономари; вѣрно уже болѣе близкаго сравненія для наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ финансовомъ отношеніи отыскать нельзя. Если взять во вниманіе все, что получаетъ причетникъ въ самомъ бѣдномъ селѣ; то его доходы нигдѣ не будутъ менѣе 250 руб. асс. Но во многихъ селахъ подмосковныхъ губерній одного денежнаго дохода достается до 400 рубл. асс. И такъ какъ въ причетники посту-

паютъ большею частію тѣ ученики уѣздныхъ училищъ, которые не могутъ перейти въ семинарію, а иногда исключаются даже изъ низшаго и средняго отдѣленій за неуспѣшность, что каково учителямъ училищъ видѣть, что ихъ негодные ученики при поступленіи на мѣсто бываютъ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи лучше, нежели они, г. г. педагоги? Можно еще указать на другой примѣръ. Въ костромской и разанской губерніяхъ крестьяне, по ихъ выраженію ходятъ съ топоромъ, т. е. занимаются плотническою работою въ другихъ губерніяхъ. Въ 1858 году многіе изъ нихъ, оставаясь на содержаніи подрядчика, заработывали до 500 руб. и болѣе ассиг., а работавшіе только весною, лѣтомъ и осенью до 100 рубл. серебромъ. Что? Дѣлать ли сравненіе съ учителями духовныхъ уѣздныхъ училищъ? А между тѣмъ мужикъ можетъ одѣться въ сѣрый армякъ, или зипунъ, въ овчинный тулупъ, способные противиться всѣмъ стихіямъ міра 20—30 лѣтъ; можетъ обуваться въ лапти, или сапоги, которые подбиты сотнями двумя гвоздей, но за то могутъ проноситься болѣе 10 лѣтъ; можетъ даже лѣтомъ пойти босой въ одномъ бѣльѣ; онъ мужикъ; его никто не осудитъ. Но бѣдный учитель при жалованьѣ даже въ 250 рублей ассигнаціями долженъ непремѣнно имѣть такъ называемые смазные сапоги, сюртукъ суконный, какую либо шинель (учителю въ овчинномъ нагольномъ тулупѣ нельзя же ходить въ классъ), а для торжественныхъ случаевъ даже мундирный сюртукъ. *Господи! Господи! помоги имъ бѣднымъ! Едва ли не на одного Тебя они должны надѣяться.* Помощь Твоя, Господи, нужна

ими бываетъ даже при самомъ поступленіи на мѣсто учительское. Конечно вы, добрый и образованный читатель не безъ удивленія прочитали наши замѣчанія о жалованьѣ учителей духовныхъ училищъ; но какъ вы, должно думать, удивитесь, узнавши, что эти бѣдняки въ иныхъ, можетъ быть, и очень немногихъ мѣстахъ получаютъ должности недешево, что раздавателямъ ихъ надобно первоначально представить документы, скрѣпленные подписью Халчинскаго, что переходъ съ одного N. на другой N. совершается не безъ *акциденцій?* А между тѣмъ все это правда. Въ не очень давнее время пришелъ къ намъ учитель р—го духовнаго училища и спрашивалъ совѣта, какъ ему поступить, чтобы на вѣрнякъ получить учительское мѣсто въ томъ же училищѣ, но подъ высшимъ номеромъ. Первоначально не поняви, въ чемъ находилъ онъ препятствія, мы изумились его вопросу. Учитель былъ на службѣ уже лѣтъ шесть и даже болѣе, отличался исправностію и соперниковъ не имѣлъ. Мы никакъ не придумали, чѣмъ онъ затрудняется. Но горемыка скоро объяснилъ, что онъ былъ уже у раздавателя учительскихъ мѣстъ, что послѣдній не отказалъ ему въ просьбѣ опредѣлить на новое мѣсто; но, не смотря на это, доселѣ ничего не дѣлаетъ. Между тѣмъ, продолжалъ нашъ посѣтитель, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, мѣстораздаватель не иначе изливаетъ свои ..... милости, какъ получивши напередъ благодарность, — только онъ не знаетъ, какъ это вручить ее, самому ли передать въ пречестныя руки, или отдать его письмоводителю П—ну, который-де уже имѣетъ обязанность докладывать

Его В—ію о такихъ акциденціяхъ. Мы изумились разсказу; Его В—іе намъ было извѣстно, даже знакомо; оно изволило получать до 2000 руб. сер. жалованія и доходовъ, не имѣло, даже не могло имѣть ни жены, ни семейства, и между тѣмъ желало получить предварительную благодарность за то, чтобы бѣднягѣ учителю, женатому человѣку, дать возможность вмѣсто 120 получить 150 руб. сер. Но дѣлать нечего, благодарность дана и проситель тотчасъ былъ опредѣленъ на новый номеръ. Онъ же намъ разсказалъ, что его сослуживецъ, опредѣленный не задолго въ причетническій классъ учителемъ на 250 руб. асс. долженъ былъ тому же В—ію дать не въ зачетъ все свое годичное жалованіе. Повѣрьте, весь нашъ разсказъ справедливъ.

Къ жалованью наставниковъ духовныхъ училищъ нѣкоторые причисляютъ такъ называемый *классный окладъ*. Подъ этимъ названіемъ извѣстны тѣ деньги, которыя духовно-училищное начальство выдаетъ докторамъ, магистрамъ и кандидатамъ богословія какъ бы за то, что они предоставили академіи честь воспитать ихъ и истратить на каждаго изъ нихъ не одну тысячу руб. асс. За это *снисхожденіе* съ своей стороны получаютъ ежегодно, — доктора 500, магистры 350; а кандидаты 250 руб. асс. Пособіе это, конечно не мнимое, а дѣйствительное, не формальное, а матеріальное. Но оно выдается въ томъ только случаѣ, когда воспитанникъ академіи или дѣйствительно поступаетъ въ духовное званіе или, находясь въ духовно-училищной службѣ, даетъ обѣщаніе со временемъ сдѣлаться священникомъ или монахомъ. Съ этою

цѣлію еще прежде составленія окончательнаго описка въ академической конференціи, воспитанники академіи собственноручною подписью должны засвидѣтельствовать, въ какое сословіе они намѣрены поступить. Разумѣется, всѣ до одного пишутъ, что у нихъ непреоборимое желаніе принять духовный санъ, хотя потомъ половина, и даже болѣе, никогда не надѣваетъ рясы. И какъ скоро наставникъ изъявитъ желаніе получить заслуженный имъ гражданскій чинъ, то классный окладъ тотчасъ ему прекращается; полученный же имъ прежде тогда только съ него не взыскивается, если онъ оставляетъ духовное званіе по непреоборимымъ препятствіямъ; если напр. представитъ медицинское свидѣтельство, что онъ страдаетъ болѣзнію которая, впрочемъ, не позволяя ему поступить въ духовное званіе нисколько не препятствуетъ остаться на учительской должности *(чудныя же бываютъ болѣзни!)* и если кромѣ того, мѣстное начальство удостовѣритъ, что онъ прежнею своею службою заслуживаетъ *прощеніе* выданнаго ему класснаго оклада. Отсюда очевидно, что разсматриваемое пособіе назначается наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній не за исполненіе педагогическихъ ихъ обязанностей, а за мнимое или дѣйствительное намѣреніе поступить въ духовное званіе. По этому всякій наставникъ, не желающій быть священникомъ или инокомъ, находится въ двухъ крайностяхъ; онъ или долженъ остаться на одномъ слишкомъ недостаточномъ учительскомъ жалованьѣ, или, скрывая свое намѣреніе не поступать въ духовенство, *вынуждается* обманывать доброе свое на-

чальство и пользоваться деньгами, назначаемыми для другой цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ остается внѣ всѣхъ сословій, не бываетъ ни духовнымъ, ни свѣтскимъ человѣкомъ, а какимъ то *межеумкомъ*. Неженатые наставники и не имѣющіе намѣренія обзавестись семействомъ продолжаютъ быть въ этомъ переходномъ состояніи 20 и болѣе лѣтъ; теперь есть даже заслуженные, истинно ординарные профессоры академіи, принадлежащіе къ этой категоріи. Но вдовцы, или желающіе своимъ дѣтямъ усвоить права служащихъ чиновниковъ, должны наконецъ высказать свое роковое *да* или *нѣтъ* и бѣдствовать ..... съ однимъ наставническимъ жалованьемъ. Но и тѣ изъ наставниковъ, которые не изъявили еще этого желанія, находятся въ странномъ положеніи; они сами уже знаютъ, что имъ не быть въ духовномъ званіи, знаютъ, что и всѣ въ этомъ убѣждены, а между тѣмъ продолжаютъ получать деньги за мнимое свое намѣреніе поступить въ духовенство. Что ни говорите, а такой поступокъ *немножко недобросовѣстенъ*. Притомъ классный окладъ, прибавляя кое-что къ жалованью, не доставляетъ наставнику возможности жить безбѣдно; ему далеко еще до жалованья наставниковъ свѣтскихъ училищъ. Плохо это пособіе, которымъ или вовсе нельзя пользоваться или, пользуясь, тяготиться совѣстію и оставаться какимъ-то существомъ переходнымъ, межеумочнымъ! Гораздо лучше было бы, если бы классные оклады были уничтожены, какъ отдѣльная сумма, а вошли бы въ составъ жалованья каждаго изъ наставниковъ. Вѣдь *странно* же награждать людей пенсіономъ за

то, что дали имъ воспитаніе, свойственное высшему учебному заведенію. Да и большая часть священниковъ, протоіереевъ, архимандритовъ, получающихъ классные оклады, слишкомъ хорошо обезпечены доходами отъ своихъ должностей. Наконецъ должно замѣтить, что учители, не получившіе образованія въ духовныхъ академіяхъ, вовсе не получаютъ классныхъ окладовъ.

Отдѣленіе третіе.

О поощреніяхъ, наградахъ, повышеніяхъ въ духовныхъ училищахъ и о раздѣленіи наставниковъ ихъ на прогрессистовъ, полупрогрессистовъ и непрогрессистовъ.

Служащее человѣчество въ Россіи вообще не очень избаловано большимъ жалованьемъ; въ этомъ отношеніи наставники духовныхъ училищъ занимаютъ еще не послѣднее мѣсто, и могутъ жаловаться только на то, что они унижены предъ наставниками другихъ вѣдомствъ и предъ священноцерковнослужителями. Между тѣмъ служащее русское человѣчество находитъ утѣшеніе и облегченіе въ различныхъ поощреніяхъ, наградахъ, вспоможеніяхъ и пр. Къ числу этихъ поощреній, пособій и пр. относятся: 1) *Чины*. Есть еще на Руси люди, особенно между писцами, мѣщанами, причетниками и даже повыше, которые съ какою то завистію смотрятъ на тѣхъ, кого нужно величать *Вашимъ Благородіемъ* или *Высокоблагородіемъ*, а ихъ *Высокородія*, ихъ *Превосходительства* подоб-

нымъ бѣднякамъ кажутся какими-то полубогами, на которыхъ даже взглянуть нельзя безъ особеннаго благоговѣнія. Да и многія *благородныя, высокоблагородныя, и превосходительныя* лица не прочь намекнуть сами о своихъ чинахъ. Тоже можно сказать и о титулахъ и степеняхъ въ духовенствѣ. Какое *Его Благословеніе* не желало бы сдѣлатся *Его Высокоблагословеніемъ?* Какому *Его Преподобію* не мечтается иногда вдали и вблизи *Его Высокопреподобіе* и особенно *Его Пр —во?* Почему же не счесть степеней, чиновъ, титуловъ чѣмъ-то похожимъ на поощреніе? 2) *Ордена.* Ордена! Ордена!! ленты и ленточки въ петличкахъ, на шеѣ, особенно чрезъ плечо! Кто не смотритъ на лентоносцевъ съ особеннымъ высокопочитаніемъ? Впрочемъ ордена все таки можно поставить выше чиновъ; значки послѣднихъ не выставляются, какъ это дѣлается въ Поднебесной Имперіи, ни на фурашкѣ, ни на вицмундирѣ и мундирѣ, а ордена всегда на субъектѣ, ихъ получившемъ; звѣзды даже пришиваются къ шлафрокамъ; проживши съ орденомъ немножко болѣе полустолѣтія, можно разсчитывать на пенсіонъ, а притомъ безъ того всякій видитъ, что идетъ кавалеръ; и солдатъ вытягивается, и будочникъ выпрямляется, и даже квартальный надзиратель не всегда толкаетъ. 3) *Денежныя награды.* Люди солидные и бѣдные предпочитаютъ это поощреніе всѣмъ прочимъ, да кажется и справедливо поступаютъ. 4) Еще болѣе облегчается участь бѣдняги труженика-чиновника или наставника надеждою на такъ называемую *промоцію.* Бѣдняга писецъ въ горькія минуты утѣшаетъ себя надеждою

то, что онъ когда нибудь сдѣлается помощникомъ столоначальника, столоначальникомъ и даже секретаремъ; болѣе смѣлые чиновники мечтаютъ о мѣстѣ совѣтника, начальника отдѣленія, предсѣдателя, директора. И ученая братія, особенно по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія тоже имѣетъ свои надежды и мечты. Учитель уѣзднаго училища воображаетъ нерѣдко себя штатнымъ смотрителемъ; учитель гимназіи даже можетъ надѣяться быть инспекторомъ, директоромъ; профессору университета не закрыта возможность быть ректоромъ, академикомъ и проч. Такимъ образомъ все служащее человѣчество имѣетъ право надѣяться на движеніе впередъ, на какой нибудь прогрессъ. 5) Наконецъ оно иногда находитъ себѣ вспоможеніе, занимая нѣсколько должностей или помогая себѣ частными занятіями. Посмотримъ теперь, сколь много наставники духовныхъ училищъ могутъ разсчитывать на всѣ перечисленныя нами поощренія, награды, вспоможенія и проч.? При разрѣшеніи этого вопроса намъ уже нельзя, какъ мы до сихъ поръ дѣлали, разсматривать наставниковъ духовныхъ училищъ in corpore, потому что милости и пособія на нихъ изливаются не одинаково, притомъ въ этомъ случаѣ играютъ роль не способности, усердіе или продолжительная служба наставниковъ, а то, кто изъ нихъ въ какомъ платьѣ ходитъ. По этому мы, попросивъ г. г. читателей припомнить сдѣланное нами прежде раздѣленіе педагоговъ духовныхъ училищъ на три категоріи, станемъ постепенно говорить о поощреніяхъ, наградахъ и пр. достающихся на долю служащихъ при духовныхъ

училищахъ 1., инокъ, 2., лицъ бѣлаго духовенства и 3., такъ называемыхъ свѣтскихъ учителей и профессоровъ.

1. *Иночествующіе наставники, — они же и начальники.* Привиллегія, предоставленная почти имъ однимъ, занимать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и академіяхъ, а отчасти и въ низшихъ училищахъ, ставитъ ихъ чрезвычайно высоко надъ наставниками прочихъ категорій. Они всегда уже непремѣнно имѣютъ казенную квартиру съ отопленіемъ и почти всегда лошадей, экипажи и кучеровъ, не истрачивая на это своихъ денегъ; слѣдовательно избавлены наибольшею частію отъ непріятностей и расходовъ, соединенныхъ съ наемными квартирами, съ путешествіями по городскимъ улицамъ въ грязи, подъ дождемъ, въ бури и мятели. Далѣе они, какъ лица, посвятившія себя безбрачной жизни, не имѣютъ уже причинъ заботиться о семействахъ; *а одна голова рѣдко бываетъ бѣдна;* но иночествующіе наставники и начальники защищены и отъ этой бѣдности, получая сверхъ наставническаго жалованья другое за начальническую должность. Жалованье инспекторовъ еще незначительно, но оклады ректоровъ всегда равняются окладамъ профессоровъ. Впрочемъ существенное пособіе ректоровъ находится въ томъ, что рѣдкій изъ нихъ не состоитъ настоятелемъ какого либо монастыря. Конечно въ этомъ случаѣ имъ уже перестаютъ выдавать классные оклады, а прежде даже вычиталась треть ректорскаго жалованья; но за всѣмъ тѣмъ почтенные начальники академій и семинарій были и бываютъ не въ убыткѣ. Рѣдкая изъ

обителей, поручаемыхъ ихъ управленію, не доставляетъ настоятелю своему всего до 2000 рублей ассигнаціями; но многія до 1000 рубл. сер. 2000 р. с. и болѣе. За тѣмъ же считать человѣка обиженнымъ судьбою и людьми, когда онъ, теряя 100 или 200 рублей — тоже серебромъ? *Подобныя несчастія переносить не трудно.*

Исполняя вдругъ двѣ должности, начальническую и наставническую, иночествующіе наставники духовныхъ училищъ, естественно, не просто обращаютъ, а даже сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе высшаго начальства, которое дѣлается не только расположеннымъ, но и какъ бы обязаннымъ награждать и поощрять ихъ всѣми приличными способами. Рѣдкій изъ иночествующихъ наставниковъ по окончаніи академическаго курса посылается только на одну должность профессора или учителя; но и въ этомъ случаѣ внимательное къ его сану начальство не позволитъ ему оставаться долго безъ движенія; чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ дѣлается уже непремѣнно инспекторомъ семинаріи или академіи. Большею же частію студенты академій, поступившіе въ иночество, прямо со школьной скамьи дѣлаются инспекторами семинаріи и въ этой должности остаются не болѣе 10 и даже 5 лѣтъ, а потомъ почти всегда получаютъ должность ректора семинаріи, а иногда академіи. За тѣмъ иночествующіе наставники-начальники гражданскихъ чиновъ не получаютъ, но вмѣсто того предъ ними открыты всѣ степени церковной іерархіи. Притомъ чиновъ въ гражданской службѣ цѣлыхъ 14 разрядовъ; въ каждомъ изъ нихъ нужно прослужить

опредѣленное число лѣтъ, а не *шагать* какъ говорится, *вдругъ чрезъ два или три чина*. Между тѣмъ для иночествующихъ начальниковъ духовныхъ училищъ нужно проходить очень немного іерархическихъ степеней. Іеродіаконами они остаются дня три или нѣсколько недѣли; и не дѣлаются іеромонахами прямо только по тому, что, по каноническимъ правиламъ, посвященію въ священника и іеромонаха должно предшествовать посвященіе въ діакона или іеродіакона. За іеромонахомъ конечно есть еще званія соборнаго іеромонаха, строителя, игумена, но иноки-наставники съ этими званіями ознакомливаются, развѣ только будучи баккалаврами академіи или инспекторами семинаріи. Получивши должность инспекторовъ академіи или ректоровъ семинаріи, они вмѣстѣ съ тѣмъ прямо изъ іеромонаховъ возводятся въ санъ архимандрита, а изъ архимандрита поступаютъ въ епископа. При столь маломъ количествѣ іерархическихъ степеней неудивительно, что иночествующіе начальники наставники быстро ихъ проходятъ. Бывали примѣры, что нѣкоторые получали званіе архимандрита чрезъ 3 или 4 года по окончаніи академическаго курса и уже почти всегда получаютъ чрезъ 10 лѣтъ, а степень архимандрита соотвѣтствуетъ седьмому или даже шестому классу гражданскихъ чиновъ. Бывали примѣры, что, не многіе конечно, — достигали епископства чрезъ 8—10 лѣтъ службы, но большая часть ректоровъ семинаріи непремѣнно получаютъ этотъ санъ чрезъ 15—20 лѣтъ; а епископъ равняется особамъ четвертаго класса.

Само собою разумѣется, что людей, столь бы-

стро возвышающихся, надобно отличать отъ другихъ и внѣшними отличіями. Гражданскаго чиновника ранѣе 15 лѣтъ службы можно представлять къ ордену не иначе, какъ по уваженію къ какой либо особенной заслугѣ, а священнику напередъ должно получить набедренникъ, скуфью, камилавку, наперсный крестъ и часто даже протоіерейство, притомъ чрезъ довольно длинные промежутки; и тогда только онъ можетъ удостоиться быть кавалеромъ. Кромѣ того гражданскій чиновникъ и лица бѣлаго духовенства большею частію съ перваго раза получаютъ орденъ св. Анны 3-й степени; такъ что, прежде по крайней мѣрѣ, статскій совѣтникъ и каѳедральный протоіерей должны были первоначально быть кавалерами этого ордена. Но иночествующіе начальники наставники въ наградахъ орденами не подлежатъ этимъ ограниченіямъ. Развѣ инспекторы семинарій получаютъ крестъ 3-й степени св. Анны, но ректора семинарій и академій всегда уже награждаются прямо 2-ю степенью св. Анны; а епископы причисляются къ кавалерамъ 1-й степени св. Анны. Такимъ образомъ лица ученаго иночествующаго духовенства могутъ получать и получали дѣйствительно орденъ св. Анны 2-й степени чрезъ 5—6, и даже 1-й степени чрезъ 10—15 лѣтъ. Если взять во вниманіе всѣ описанныя здѣсь обстоятельства ученой службы иночествующаго духовенства, то положеніе его можно назвать *не только спокойнымъ но даже блистательнымъ;* ему могутъ позавидовать не только лица бѣлаго духовенства, но и гражданскіе чиновники, даже изъ аристократовъ. Въ самомъ дѣлѣ сколько найдете свѣтскихъ или во-

сныхъ лицъ, которыя бы чрезъ 5—8 лѣтъ службы получили чинъ подполковника и даже полковника, или надворнаго и коллежскаго совѣтника вмѣстѣ съ орденомъ св. Анны 2-й степени, а чрезъ 10—15 лѣтъ дѣлались особами 4-го класса и кавалерами 1-й степени св. Анны? Вѣдь, какъ угодно, а такое быстрое возвышеніе изумило бы даже воспитанниковъ пажескаго корпуса, александровскаго лицея, училища правовѣдѣнія, если бы они притомъ вспомоществуемы были аристократическими связями, протекціею, происхожденіемъ и проч. А между тѣмъ въ иночествующемъ ученомъ духовенствѣ подобныя возвышенія вовсе не рѣдкость, какъ сейчасъ мы сказали.

2. *Наставники изъ лицъ бѣлаго духовенства.* Очень многіе изъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, не чувствуя себя способными къ безбрачной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣя расположенія къ свѣтскому званію, стараются поступить на священническія мѣста. Если получится мѣсто при сельскомъ приходѣ, что обыкновенно бываетъ съ большею частію наставниковъ уѣздныхъ училищъ; то ученая ихъ карьера прекращена. Но если священническое мѣсто достанется въ томъ же городѣ, гдѣ находится училище, то наставнику очень нерѣдко, особенно въ уѣздныхъ городахъ, позволяется оставаться при немъ и послѣ того, какъ онъ сдѣлается священникомъ. Положеніе такихъ наставниковъ особенно въ семинаріяхъ, въ финансовомъ отношеніи хорошо. Доходы отъ церкви, жалованье за наставническую должность, классный окладъ составляетъ сумму въ 2000 и болѣе рубл. асс. Даже учители уѣздныхъ

училищъ все таки превосходятъ священниковъ, которые только живутъ доходами отъ церкви. Священники наставники не бываютъ оставляемы безъ наградъ и отличій. Принадлежа къ двумъ вѣдомствамъ, епархіальному и училищному, они при ходатайствѣ то того, то другаго получаютъ набедренники, скуфьи, камилавки и пр., даже иногда, хотя рѣдко, достигаютъ до ордена, разумѣется, 3-й степени Анны. Всѣ эти награды даются далеко не съ тою быстротою, съ какою онѣ изливаются на иночествующихъ начальниковъ-наставниковъ. Пока священникъ учитель или профессоръ ждетъ себѣ еще набедренника, товарищъ его иногда уже архимандритомъ; пока первый мечтаетъ о камилавкѣ или наперсномъ крестѣ, послѣдній имѣетъ Анну и даже Владиміра на шеѣ; пока тотъ сдѣлается протоіереемъ, этотъ уже носитъ панагію. По движенію собственно по учебному вѣдомству для наставниковъ священниковъ не существуетъ. Въ низшихъ училищахъ нѣкоторые еще изъ учителей дѣлаются смотрителями. Но въ семинаріяхъ сколько они ни служи, навсегда останутся только учителями; и если бы даже прежде посвященія въ священники они были инспекторами, то большею частію принуждены бываютъ оставлять эту должность; да и оставаясь на ней, какъ мы выше замѣтили, никогда нынѣ не дѣлаются ректорами. За то сколько для нихъ бываетъ сюрпризовъ, о которыхъ они лѣтъ за 10 или 20 и не думали? Вотъ одинъ изъ ихъ учениковъ поступилъ въ академію, кончивши тамъ курсъ и сдѣлавшись инокомъ, пріѣхалъ начальникомъ тойже семинаріи, гдѣ самъ воспи-

тывался. Какое, надобно полагать, высокое наслажденіе для ветерана наставника священника видѣть, что бывшій его питомецъ уже сталъ его начальникомъ? А вотъ тотъ же самый или другой ученикъ сдѣлался даже епархіальнымъ начальникомъ. Какое опять удовольствіе притти и поклониться тому, кого, можетъ быть, ставилъ на колѣна или по крайней мѣрѣ могъ писать въ первомъ или во второмъ разрядѣ? Развѣ подобныя событія нельзя назвать сюрпризами? Пріятны ли они или нѣтъ, мы, какъ лице не духовное, не испытывали сами, но сюрпризамъ ихъ нельзя не назвать. А потомъ развѣ рѣдкость, что бывшій ученикъ или представитъ своего бывшаго педагога къ наперсному кресту, ордену, или откажетъ въ этомъ; сдѣлаетъ протоіереемъ, или до конца жизни будетъ держать священникомъ. О! много, очень много сюрпризовъ рѣдкихъ, изумительно замѣчательныхъ испытываютъ наставники-священники при семинаріяхъ.

3. *Свѣтскіе наставники обѣихъ категорій.* Недостаточность жалованья за исполненіе педагогическихъ обязанностей восполняется для иночествующихъ наставниковъ жалованьемъ за начальническія должности и доходами отъ монастыря; для священниковъ-наставниковъ доходами отъ исправленія церковныхъ требъ. Чѣмъ же теперь восполняется недостаточность жалованья для свѣтскихъ наставниковъ. которые не бываютъ ни начальниками, ни священниками? Добрые люди и для нихъ придумали разныя утѣшенія. Едва ли не болѣе всего въ этомъ случаѣ указываютъ на нѣкоторыя, существующія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, должности, кромѣ на-

чальническихъ и наставническихъ, напр. должности секретаря, экономa и пр. Изъ особенно обильныхъ академій, семинаріи же не такъ богаты; а низшія училища почти вовсе ихъ не знаютъ. Жалованье по этимъ должностямъ очень незначительно, а иногда даже ничтожно; напр. за должность помощника инспектора въ семинаріяхъ даютъ только 40—100 рублей въ годъ, а нерѣдко ставятъ ее выше всѣхъ человѣческихъ интересовъ т. е. ничего не даютъ, кромѣ права изнашивать платье и обувь. осматривая ученическіе квартиры и получать выговоръ отъ начальника въ случаѣ какихъ либо проказъ семинаристовъ. Не имѣя ли возможности находить людей, которые бы согласились заниматься только этими должностями, или желая сколько нибудь облегчить бѣдное состояніе ученаго сословія, начальство обыкновенно ихъ, съ немногими исключеніями. поручаетъ наставникамъ же; такъ что въ духовныхъ училищахъ все профессорствуетъ, и секретарь профессоръ и экономъ профессоръ и пр. Зачѣмъ доказывать, что всѣ сторонніе должности, кромѣ развѣ должности библіотекаря, не имѣютъ ничего общаго съ званіемъ наставниковъ. даже вовсе ему несвойственны? Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что профессоръ выдаетъ масло и капусту на столъ воспитанниковъ. закупаетъ щетки, перья, метлы и пр., указываетъ, какъ надобно смести паутину или составлять журнальныя опредѣленія о выдачѣ денегъ прачкѣ и пр. А нужда чего не дѣлаетъ? Этихъ должностей наставники съ усиліемъ добиваются, ждутъ отставки, смерти или выхода какого либо предшественника, отъ то-

го не рѣдко даже не большія интрижки. Потомъ, получивши должность, и сдѣлавшись человѣкомъ необходимымъ для начальника, особенно секретарь и экономъ съ своей стороны уже заставляютъ самое начальство быть повнимательнѣе къ себѣ. При всемъ томъ сторонніе должности не улучшаютъ состоянія наставниковъ. Сторонніхъ должностей, какъ замѣчено выше, въ семинаріяхъ очень мало; въ училищахъ вовсе пѣтъ; значитъ большая часть наставниковъ довольствуется однимъ учительскимъ жалованіемъ. Да и счастливцы, получившіе эти должности, все еще не могутъ равняться съ наставниками свѣтскихъ заведеній. А сколько пропадаетъ времени, которое наставникъ-секретарь или экономъ могъ бы употребить на изученіе своей науки; — объ этомъ нечего говорить. Не безъ причины же въ свѣтскихъ училищахъ ни за что не позволяютъ совмѣщать учительскія обязанности съ неучительскими: не даромъ же посмѣиваются надъ профессорами-секретарями и экономами. Подобными аномаліями не улучшается положеніи наставниковъ духовноучебныхъ заведеній.

Относительно же тѣхъ изъ свѣтскихъ наставниковъ, которые не могутъ быть секретарями, экономами и пр., говорятъ добрые люди: отчего имъ не поправлять своего состоянія преподаваніемъ наукъ въ другихъ училищахъ и уроками въ частныхъ домахъ? Дѣйствительно, оффиціальнаго запрещенія на это нѣтъ; точно также, какъ нѣтъ запрещенія дѣлать коробочки изъ картона или щипать корпію и послѣ продавая первыя въ аптекахъ, а послѣднія въ больницахъ, получать вознагражденіе за свои труды.

Къ сожалѣнію только этимъ совѣтомъ воспользоваться нѣтъ возможности. Для преподаванія богословскихъ наукъ въ свѣтскихъ училищахъ избираются люди, дѣйствительно уже поступившіе въ духовенство; такъ что наставнику не только семинаріи, но и академіи, если онъ продолжаетъ ходить во фракѣ и сюртукѣ, всегда предпочтутъ священника, даже діакона, хотя бы первый былъ магистромъ богословія, а послѣдніе не кончали даже курса въ семинаріи. Что же касается до наукъ не богословскаго содержанія, то обучавшіеся въ университетахъ, гимназіяхъ и пр. бываютъ гораздо лучше приготовлены къ преподаванію ихъ, нежели воспитанники духовныхъ академій и семинарій. По этому послѣднимъ слишкомъ трудно попасть наставниками въ свѣтскія училища; въ гимназіи имъ вовсе почти дорога закрыта, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ надобно держать экзаменъ. Кромѣ того, хотя оффиціальныхъ препятствій со стороны духовно-училищнаго начальства къ поступленію въ наставники свѣтскихъ училищъ и нѣтъ; но на самомъ дѣлѣ замѣчается другое. Если бы не боязнь оскорбить чью либо личность, то здѣсь можно было бы представить не одинъ примѣръ, когда наставники духовныхъ академій и семинарій должны были оставлять службу при этихъ заведеніяхъ, какъ скоро начинали обучать въ свѣтскихъ училищахъ; были и конечно есть начальники академій и семинарій, которые смотрятъ на подобныхъ наставниковъ, какъ на отщепенцевъ, какъ на что-то чуже и если терпятъ, то по какимъ либо невольнымъ обстоятельствамъ.

Хорошіе уроки въ частныхъ домахъ не-легко

тоже достаются наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній; и здѣсь имъ предпочтутъ не только учителей, но и воспитанниковъ гимназіи. И очень естественно; въ провинціяхъ народъ разсчетливъ; на одного учителя возлагаютъ по большей части преподаваніе всѣхъ нужныхъ предметовъ и, значитъ, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Но воспитающіеся въ духовныхъ училищахъ выучиваются такъ читать по французски, что ихъ французскій языкъ нужно назвать смѣсью *не французскаго съ нижегородскимъ*, а развѣ *устьсысольскаго съ зырянскимъ*. Притомъ богатые люди, особенно помѣщики, отдавая дѣтей своихъ въ гимназіи, наставникамъ послѣднихъ предоставляютъ и приговлятъ ихъ въ нее. Въ иныхъ губернскихъ городахъ, по слухамъ, во время пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіи первымъ вопросомъ бываетъ: кто тебя приготовлялъ? И если окажется, что приготовителемъ былъ наставникъ семинаріи, то приготовленному, особенно его папашѣ основательно и убѣдительно будетъ доказано, что мальчикъ дурно приготовленъ и что ему надобно взять нѣсколько уроковъ у людей свѣдующихъ въ гимназическомъ преподаваніи. Зачѣмъ же послѣ этого приглашать учителя семинаріи обучать будущихъ гимназистовъ, когда потомъ еще нужно поручить приготовленіе ихъ другимъ лицамъ? Купечество и мѣщанство, не богатые дворяне и чиновники въ провинціяхъ еще разсчетливѣе; учитель долженъ ходить чуть не каждый день, сидѣть часа по два и за это получатъ въ мѣсяцъ 5 или 6 рублей; менѣе четвертака за урокъ; такъ что въ этомъ случаѣ дѣйствительно едва ли не

лучше клеить коробочки для аптекъ или щипать корпію для больницъ; но крайней мѣрѣ платье и обувь не изнашиваются. Наконецъ не должно забывать, что у большей части наставниковъ духовныхъ семинарій и училищъ въ недѣлю бываетъ уроковъ до 16 часовъ и болѣе. Достанетъ ли у нихъ времени для дѣльнаго приготовленія къ своимъ урокамъ, если они еще будутъ имѣть сторонніе педагогическіе занятія? Не будетъ ли ихъ обязанность въ томъ, чтобы, по выраженію одного лица какой-то академіи, Шаховскаго: *поутру вставъ съ разсвѣтомъ* итти *прямо*, конечно не *во дворецъ*, но то въ одно, то въ другое училище, воротиться домой, на скорую руку пообѣдать, послѣ бѣжать на частные уроки и, пришедши поздно вечеромъ, поужинать, лечь спать, а поутру приниматься за тоже. Можетъ быть, въ карманѣ будетъ больше денегъ, но много ли дѣльныхъ мыслей впушитъ подобный наставникъ воспитанникамъ? Есть ли ему врѣмя приготовляться къ урокамъ, читать новыя книги, слѣдить за своею наукою? Нѣтъ, какъ кому угодно, а по нашему мнѣнію *это не профессоръ, даже не учитель, а учебный поденщикъ или разнощикъ.*

Наконецъ еще смѣшнѣе слышать, что наставники духовно-учебныхъ заведній могутъ получить хорошія выгоды отъ участія въ журналахъ, издаваемыхъ въ четырехъ академіяхъ и петербургской семинаріи. Конечно эта выгода не маловажная; посредствомъ ея наживали даже капитальцы. Счастливцы сначала напечаютъ статью, трактатъ и даже цѣлую книгу въ журналѣ, возмутъ рублей 50 и бо-

лѣе за листъ самой крупной печати; потомъ снова напечаютъ отдѣльною книгою и такимъ образомъ двойную награду получаютъ за одно и тоже сочиненіе, не прибѣгая къ двумъ изданіямъ. Но эти выгоды касаются только пяти духовныхъ училищъ, а всѣхъ ихъ болѣе 250. Далѣе нельзя не замѣтить одной странности, что самая значительная часть выгодъ отъ каждаго изъ духовныхъ журналовъ достается двумъ, тремъ лицамъ, за тѣмъ еще человѣка три, четыре получаютъ порядочныя суммы, а за тѣмъ уже кое-что, а еще за тѣмъ вовсе ничего. Странно именно; а на дѣлѣ бываетъ такъ, хотя не получающіе тоже люди дѣльные, нисколько не глупѣе получающихъ. Это секретъ редакціи. Sic, sapienti sat.

Относительно денежныхъ наградъ всѣ вообще наставники духовныхъ училищъ не очень избалованы. Этого рода поощренія еще встрѣчаются въ духовныхъ академіяхъ; въ петербургской есть даже особенный капиталъ въ 30,000 рубл. асс., проценты съ которыхъ должны употребляться единственно въ пособіе наставникамъ. Но въ годъ съ 30.000 руб. асс. можно получить, полагая по 4% на сто, только 1200 рубл. асс. если раздѣлить эту сумму между 20 наставниками академіи, то каждому достается въ годъ 60 рубл. асс., кажется пособіе не очень важное! Вотъ почему эта сумма не раздается иногда по нѣскольку лѣтъ и потомъ уже вдругъ награждаютъ его человѣкъ пять, чтобы не стыдно было получить награду. Въ семинаріяхъ же денежныя награды рѣже, нежели въ академіяхъ; надобно здѣсь большею частію ждать ревизора, надобно, чтобы семинарія

ему понравилась, чтобы онъ рѣшился ходатайствовать о денежномъ награжденіи наставниковъ и чтобы высшее начальство уважало его ходатайство, и за всѣмъ тѣмъ награда достанется 2—3 человѣкамъ, а иногда даже одному. Если ревизоръ станетъ ѣздить чрезъ четыре года, а число наставниковъ состоитъ изъ 16 человѣкъ; то по теоріи вѣроятностей каждый изъ нихъ можетъ надѣяться получить денежную награду чрезъ 32 года. Но и эти награды большею частію достаются или начальникамъ, или наставникамъ-экономамъ и секретарямъ, хотя вовсе нельзя сказать, чтобы они всегда были лучшими наставниками, даже противное заключеніе едва ли будетъ не болѣе вѣрнымъ въ большей части случаевъ. Наконецъ въ низшихъ училищахъ денежныя награды, кажется, принадлежатъ къ такимъ рѣдкостямъ, которыхъ полученіе нѣтъ возможности высчитывать по теоріи вѣроятностей даже при пособіи дифференціаловъ и интеграловъ. Намъ извѣстенъ *одинъ случай*, гдѣ наставникъ уѣзднаго училища получилъ годовый окладъ за то впрочемъ, что исправилъ латинскую грамматику. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право сказать, что самая большая часть свѣтскихъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ финансовомъ отношеніи могутъ возлагать свои надежды только на одно свое жалованье, — то жалованье, которое, какъ мы видѣли, сближаетъ ихъ съ причетниками, исполнителемъ, фельдшеромъ и главнымъ поваромъ С.-Петербургской духовной академіи, съ рязанскими плотниками, а иногда ставитъ даже ниже всѣхъ этихъ джентльменовъ.

Но, можетъ быть, не хотятъ развивать златолюбіе и сребролюбіе въ свѣтскихъ наставникахъ, которые, не будучи отдѣлены, подобно монашествующимъ своимъ сослуживцамъ, преградами отъ мірскихъ людей, легко могутъ заразиться, при матеріальномъ направленіи нынѣшняго вѣка, корыстолюбіемъ; можетъ быть, наставниковъ поощряютъ другими способами? Взглянемъ на нихъ и съ этой стороны.

Прежде всего намъ очень пріятно сказать, что одно изъ поощреній, придуманныхъ для служащаго человѣчества, именно чины въ большомъ ходу по духовнымъ училищамъ; наставники ихъ въ этомъ отношеніи сравнены съ наставниками прочихъ вѣдомствъ. Въ академіяхъ можно дослужиться до *Его Высокородія* и даже *Превосходительства;* въ семинаріяхъ чуть, чуть не до *Его Высокородія*, даже въ низшихъ училищахъ — до *Его Высокоблагородія.* Кажется, чего бы больше? Вѣдь дьячокъ все-таки останется дьячкомъ, плотникъ рязанскій развѣ сдѣлается десятникомъ или подрядчикомъ; но все-таки онъ мужикъ; а посмотрите почетные педагоги титулуются Высокоблагородіями и даже Превосходительствами. Но время не только чинобѣсія, даже чинолюбія прошло; одними чинами довольствоваться, восхищаться ихъ патентами, которыхъ впрочемъ не даютъ, право, не стоитъ. Да и что за генералъ, который получаетъ 3000 руб. асс., не имѣетъ возможности вступить въ бракъ и содержать семейство, и по своему жалованію равенъ причетнику богатыхъ петербургскихъ церквей? Что за полковникъ, т. е. коллежскій совѣтникъ, который бѣднѣе всѣхъ причетниковъ петер-

бургскихъ церквей и всѣхъ сельскихъ священниковъ? Что за маіоръ, т. е. коллежскій ассессоръ, котораго своимъ содержаніемъ превосходитъ фельдшеръ, главный поваръ и исполнитель при экономѣ С.-Петербургской духовной академіи, всѣ почти причетники, костромскіе и рязанскіе плотники? Нѣтъ! Богъ съ ними и съ чинами! *Нечиновному человѣку сносные голодать!*

Но судьба столь щедрая къ свѣтскимъ наставникамъ духовноучебныхъ заведеній по отношенію къ чинамъ, дѣлается скупою, когда дѣло касается орденовъ. Это поощреніе довольно извѣстно въ академіяхъ; съ нимъ особенно познакомились наставники петербургской академіи по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея, благодаря ему, два три дѣльныхъ, дѣятельныхъ и заслуженныхъ профессоровъ наконецъ удостоились чести носить орденъ. Въ семинаріяхъ же знаки отличія были бы вовсе не извѣстны, если бы ихъ не видали на сторонникъ лицахъ и на начальникахъ семинарскихъ. Кажется коронованіе Государя Императора доставило возможность немногимъ свѣтскимъ наставникамъ семинарій сдѣлаться кавалерами, — разумѣется, Анны или Станислава 3-й степени. Когда одного изъ такихъ кавалеровъ, двадцатипятилѣтняго служаку, умнаго, ученаго и образованнаго человѣка поздравляли съ наградою; то онъ остроумно отвѣчалъ; да я получилъ *стани-слава.* дѣйствительно больше этого ему уже не прославиться. О низшихъ училищахъ нечего и говорить; тамъ можно выслужить 35 лѣтъ, да и то едва ли кто догадается представить къ заслуженному ордену по статуту

Говорить ли здѣсь о такъ называемой промоціи? Если бы перемѣщеніе изъ одного города въ другой на одну и туже должность можно было бы считать движеніемъ по службѣ, то свѣтскихъ наставниковъ духовныхъ училищъ нельзя было бы назвать людьми неподвижными; по собственной просьбѣ или безъ нея нѣкоторые изъ нихъ переѣзжаютъ не только изъ Владиміра въ Тулу, но изъ Архангельска въ Воронежъ, изъ Петрозаводска въ Тобольскъ, даже изъ Иркутска куда либо въ Европейскую Россію, притомъ съ полученіемъ прогонныхъ денегъ. Но настоящая промоція — переходъ съ низшей должности на болѣе высшую, изъ состоянія подчиненнаго на степень начальника для свѣтскихъ наставниковъ въ духовныхъ училищахъ вещь почти вовсе неизвѣстная. Развѣ въ низшихъ училищахъ учитель какъ нибудь дѣлается инспекторомъ и даже смотрителемъ. Но въ семинаріяхъ и академіяхъ и мечтать нѣтъ возможности о повышеніи по должности. Мы выше уже замѣтили, что всѣ начальническія должности почти исключительно предоставлены иночествующимъ лицамъ. И если вы знали какого либо профессора семинаріи въ 1836 году, то будьте увѣрены, что онъ, оставаясь въ духовно-училищной службѣ, и въ 1861 году тотъ же профессоръ — съ тѣмъ же жалованьемъ, только съ сѣдыми волосами, впалыми щеками и пр.; только начальствуютъ надъ нимъ люди, которыхъ по возрасту онъ могъ бы назвать дѣтьми своими. Конечно и наставники-священники, какъ выше замѣчено, не лишены этого удовольствія; но они, встрѣчаясь съ своими начальниками, часто имѣютъ право говорить:

Христосъ посреди насъ. (Такъ обыкновенно привѣтствуютъ другъ друга священники, іеромонахи, игумены, архимандриты и затѣмъ цѣлуютъ одинъ у другаго правую руку или цѣлуются). Но свѣтскій наставникъ, не смотря даже на свое Высокородіе и Превосходительство, поклонись пониже своему бывшему ученику, а теперешнему начальнику, да кстати и облобызай его десницу, а иногда и шуйцу. Да! если нужно имѣть идеалъ самой *покойной службы, гдѣ уже нѣтъ никакого движенія впередъ, нѣтъ даже надежды на это*, то неугодно ли поступить свѣтскимъ наставникомъ въ духовныя училища? Тутъ уже вы будете пользоваться совершеннымъ покоемъ.

Послѣ всего сказаннаго нами о трехъ категоріяхъ наставниковъ духовныхъ училищъ, нельзя не обратить вниманія на то различіе, которое находится между нашимъ православнымъ и католическимъ духовенствомъ. Знакомымъ съ исторіею и особенно съ современнымъ состояніемъ западныхъ европейскихъ государствъ вполнѣ извѣстно, что католическое духовенство справедливо упрекаютъ въ какой-то неподвижности, отсталости, какомъ-то одервенѣніи, застоѣ. Но съ другой стороны на западѣ и говорятъ и печатаютъ, что истинное движеніе, постоянный прогрессъ составляютъ принадлежность людей мірскихъ, особенно средняго сословія. У насъ же замѣчается совсѣмъ противное, по крайней мѣрѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Иноки начальники и наставники никогда не остаются безъ движенія, постоянно идутъ впередъ, опереживаютъ даже, какъ мы видѣли, аристократическія сословія, не только не хотятъ,

даже не могутъ остановиться; — continue et semper progrediuntur, (постоянно и во всякое время идутъ впередъ). Это истинные *прогрессисты.* Наставники изъ бѣлаго духовенства не отличаются такимъ прогрессомъ; въ нихъ уже замѣчается неподвижность, отсталость отъ своихъ иночествующихъ товарищей; они заслуживаютъ названіе развѣ только *полупрогрессистовъ.* Но свѣтскіе наставники, не смотря на то, что принадлежатъ къ среднему сословію, рѣшительно не обнаруживаютъ никакого прогресса, даже наклонности къ нему, вѣчно остаются на одной и тойже должности, съ однимъ и тѣмъ же жалованьемъ, въ одномъ и томъ же положеніи, народъ истинно отсталый, неподвижный, залежлый, даже чуть чуть не заплѣсневѣлый. Какъ же ихъ не назвать *непрогрессистами?*

Отдѣленіе четвертое.

О непечатныхъ привиллегіяхъ прогрессистовъ.

Наше нигдѣ еще не напечатанное раздѣленіе наставниковъ духовноучебныхъ заведеній на прогрессистовъ, полупрогрессистовъ и непрогрессистовъ мы сдѣлали, разсмотрѣвши положеніе ихъ со стороны тѣхъ правъ и привиллегій, которыя выражаютая въ постановленіяхъ, уставахъ, указахъ, предписаніяхъ и пр.; — со стороны тѣхъ отличій и наградъ, которыя вносятся въ послужные списки, подтверждаются дипломами, свидѣтельствами и граматами и выстав-

ляются на груди, шеѣ, головѣ, одеждѣ и проч. Но кромѣ этихъ правъ и привиллегій, отличій и наградъ есть еще другія, которыхъ существованіе нельзя подтвердить или опровергать ни указами, ни грамотами, ни послужными списками и пр. Не смотря впрочемъ на этотъ ихъ, такъ сказать, неоффиціальный характеръ, они въ жизни чиновнаго и учащаго человѣчества играютъ важную роль, давая бѣдному труженику, или отнимая у него возможность не съ большимъ горемъ проводить свою жалкую жизнь, ободряя и поддержавая, или на оборотъ ослабляя и уничтожая ничѣмъ не награждаемую его дѣятельность и наконецъ позволяя ему утѣшать себя мечтою, что онъ значитъ нѣчто хоть въ *своемъ муравейникѣ*, или и эту даже мечту убивая. Рѣшившись, сколько позволяютъ обстоятельства, представить полную картину служебной и частной жизни педагоговъ духовныхъ училищъ, мы находимъ нужнымъ поговорить и объ этихъ непечатныхъ и неписанныхъ привиллегіяхъ. Описаніе ихъ кромѣ того намъ покажетъ, что превосходство прогрессистовъ надъ непрогрессистами начинается еще на школьныхъ скамьяхъ; оно доставитъ возможность понять взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ въ академіяхъ и на службѣ и хоть отчасти прояснитъ то ничтожество, на которое непрогрессисты осуждены въ самыхъ даже училищахъ.

Привиллегія, предоставленная иночествующимъ наставникамъ, занимать всѣ начальническія должности въ академіяхъ и семинаріяхъ, служитъ, такъ сказать, источникомъ новыхъ привиллегій для нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ложится свинцовою тяжестію на непрогрес-

систовъ. Выслушайте насъ вы, всѣ г. г. читатели, наши друзья и недруги, защитники и недоброжелатели, прогрессисты и непрогрессисты, особенно вы, люди безпристратные; выслушайте sine ira et studio (безъ гнѣва и предубѣжденія); мы скажемъ правду, которой большая часть еще нигдѣ не напечатана (напечатается ли она и теперь???)

Должностямъ начальниковъ духовныхъ академій и семинарій должно приписывать не только административный, но и ученый характеръ. Не говоря уже о томъ, что почти всѣ эти начальники преподаютъ науки, которыя считаются самыми важными, они сверхъ того обязаны слѣдить за успѣхами учениковъ и ученою дѣятельностію наставниковъ. А что ни говорите, послѣднюю обязанность нельзя поручить людямъ, или вовсе не учившимся или не удовлетворительно ознакомившимся съ науками. Эту потребность духовное начальство очень давно уже понимало; и потому въ послѣднія сорокъ пять лѣтъ всѣ начальническія мѣста въ академіяхъ и семинаріяхъ поручались людямъ, получившимъ полное академическое образованіе и имѣющимъ ученыя степени магистра или кандидата богословія; исключеній изъ этого правила мы не насчитали даже до десяти. Такимъ образомъ нельзя не замѣтить, что въ разсматриваемомъ отношеніи семинаріи были счастливѣе гимназій, гдѣ слишкомъ въ недавнее время инспекторствовали и директорствовали армейскіе маіоры, флотскіе капитаны, отставные столоначальники, совѣтники, и проч., которые не кончили курса даже во второстепенныхъ училищахъ.

Откуда же теперь брать иночествующихъ людей съ учеными степенями для занятія начальническихъ должностей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ? Обращаясь къ монастырямъ, мы найдемъ, что въ нихъ поступаютъ или овдовѣвшіе священноцерковнослужители, или исключеные изъ низшихъ училищъ, рѣдко изъ семинарій ученики, которые, прослуживши лѣтъ десять въ званіи послушника, постригаются въ монахи, или не многія лица изъ другихъ сословій, но между послѣдними очень рѣдко встрѣчаются люди, получившіе воспитаніе даже въ среднихъ училищахъ. Такимъ образомъ въ монастыряхъ почти невозможно найти людей ученыхъ, особенно ученыхъ богослововъ; развѣ только какой либо образованный священникъ, рано овдовѣвшій или иночествующій наставникъ, удаленный отъ училищной службы за разныя разности, составляютъ ученое монастырское сословіе.

Еще можно, по видимому, полагать, что многіе свѣтскіе наставники семинарій и академій — старые холостяки или вдовцы — охотно бы должны были поступать въ иноческій санъ и потомъ быть ректорами и инспекторами. Но такіе случаи очень рѣдки. Большая часть непрогрессистовъ соглашается по разнымъ причинамъ кое-какъ влачить свою незавидную жизнь, нежели, обольщаясь мечтами о ректорствѣ и даже о чемъ либо повыше, поступать въ монашество.

Откуда же, повторимъ, брать иноковъ начальниковъ съ учеными степенями? Остаются одни студенты духовныхъ академій, пока они еще не успѣли оставить академическія стѣны. Въ число ихъ иногда

поступаютъ не устарѣвшіе еще вдовые священники и діаконы, которые послѣ постригаются въ монахи, также іеромонахи, іеродіаконы и послушники, разумѣется кончившіе курсъ семинаріи. Конечно эти люди, проучившись четыре года въ академіи и получивши ученую степень, могутъ считаться достойными кандидатами на начальническія должности въ духовныхъ училищахъ. Но нельзя не сказать, что ихъ бываетъ весьма немного, что они вообще (кромѣ рѣдкихъ исключеній) не принадлежатъ къ лучшимъ воспитанникамъ академій. И въ самомъ дѣлѣ они уже пожили на должностяхъ, отвыкли отъ школьныхъ занятій, бываютъ уже почетныхъ лѣтъ; гдѣ же имъ равняться съ молодцами студентами, которые еще съ юношескою горячностію, съ свѣжими — молодыми силами, съ непотерянною еще привычкою къ школьной жизни занимаются науками? А кромѣ того появляется охота поступить въ академію не всегда же у тѣхъ именно іеромонаховъ, іеродіаконовъ, а умираютъ жены не всегда у тѣхъ священниковъ, которые по способностямъ своимъ могутъ быть умными и дѣльними начальниками.

Вторый и самый многочисленный разрядъ воспитанниковъ академическихъ состоитъ изъ лучшихъ учениковъ, которые высылаются изъ каждой семинаріи въ академію, и которые еще ходятъ не въ рясахъ и подрясникахъ, а въ сертукахъ, иногда же, разумѣется, тайкомъ отъ начальниковъ, въ пальтахъ и фракахъ. Эти-то *сертуконосцы* могутъ быть названы настоящимъ, такъ сказать, магазиномъ, изъ котораго берутся иноки-начальники духовныхъ учи-

лищъ. Но съ перваго раза тутъ является весьма важное, даже, по видимому, непреодолимое препятствіе. По существующимъ русскимъ государственнымъ законамъ въ монашество можетъ поступить только тотъ, кто имѣетъ отъ роду 30 лѣтъ. Изъ этого дѣлается исключеніе для ученыхъ богослововъ, т. е. магистровъ, кандидатовъ и студентовъ духовныхъ академій; имъ позволяется поступать въ монашество 25 лѣтъ отъ роду, но никакъ не меньше. Съ другой стороны между учениками высшаго отдѣленія семинарій нынѣ очень трудно найти людей пожилыхъ, какъ это случалось прежде, большая часть ихъ оканчиваетъ курсъ 19—21 года. А если и есть, которые имѣютъ даже до 25 лѣтъ, то они почти всегда принадлежатъ къ посредственнымъ ученикамъ. По этому поступающіе въ академіи воспитанники самою большею частію бываютъ 20 лѣтъ, а многіе даже моложе; мы помнимъ нѣсколько человѣкъ, которые начали академическую жизнь, имѣя только 17 лѣтъ отъ роду. Послѣ этого всякій увидитъ, что изъ студентовъ академій даже при окончаніи курса слишкомъ немногіе достигаютъ 25, а большая часть бываетъ въ 23 и 24 года; — даже и менѣе. Между тѣмъ кому неизвѣстно, что многіе изъ студентовъ принимаютъ иноческій санъ задолго еще до окончанія курса, иной даже на первомъ или второмъ году своей академической жизни. Откуда же у нихъ берется законное число годовъ? Какимъ образомъ они вдругъ вырастаютъ до 25 лѣтъ? Вотъ съ этого-то пункта и начинаются привиллегіи прогрессистовъ. Мы готовы посвятить васъ, г. читатель, въ секреты

по этой части, — секреты, которые намъ вполнѣ извѣстны.

Каждое изъ академическихъ правленій можетъ безошибочно опредѣлить настоящее число лѣтъ студентовъ, ему подчиненныхъ; потому что при поступленіи семинарскихъ воспитанниковъ въ духовныя академіи посылаются копіи съ метрическаго свидѣтельства, въ которыхъ консисторія оффиціально и документально означаетъ годъ и день рожденія воспитанника; сверхъ того правленія семинаріи въ аттестатахъ прописываютъ также число лѣтъ его. И если бы какая либо гражданская палата или другое судебное мѣсто спросили академическое Правленіе о возрастѣ студента, то въ справкѣ не было бы прибавлено ни одного лишняго дня. Но совсѣмъ другое происходитъ, когда нужно дѣлать представленіе о поступленіи студента въ монашество. Къ представленію тоже прилагается справка о лѣтахъ будущаго инока; только секретарь и члены правленія для этого не находятъ нужнымъ руководетвоваться документами. Всѣ почти подобныя справки пишутся какъ будто по одной формѣ; студенту оказывается всегда 25 лѣтъ; что и скрѣпляется собственноручными подписями всѣхъ членовъ внутренняго правленія и секретаря академіи. Мы знаемъ только одного секретаря, который, не желая кривить душою и составлять мнимыя справки, показалъ настоящее число лѣтъ. И Св. Синодъ при этомъ случаѣ не разрѣшилъ представленія академическаго правленія. Затѣмъ всѣ почти справки, прилагаемыя академическими правленіями о студентахъ, желающихъ поступить въ монашество, несправедливо показываютъ

лѣта, и развѣ только десятая часть ихъ вѣрна. Отъ этого и происходитъ, что воспитанники академій принимаютъ иноческій санъ большею частію ранѣе закономъ опредѣленныхъ лѣтъ; *это мы готовы утверждать хоть предъ зерцаломъ уголовной палаты.* Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, когда поступившіе въ монашество студенты были моложе 21 года.

Прочитавшій высказанныя нами сейчасъ замѣчанія, вѣроятно, изумится, какимъ образомъ академическія правленія, которыя не рѣшились бы сказать неправду гражданской палатѣ или уѣздному суду касательно лѣтъ какого либо студента, какимъ образомъ они же осмѣливаются посылать ложныя справки о томъ же студентѣ въ Св. Синодъ? Академическіе начальники, съ которыми намъ случилось откровенно говорить объ этомъ щекотливомъ предметѣ, думаютъ извинить свой поступокъ какою-то будто бы необходимостію. „Вѣдь что станете дѣлать? говорятъ они. Студенты-монахи нужны для инспекторскихъ и другихъ мѣстъ. И если дѣлать вѣрныя справки о числѣ лѣтъ ихъ; то почти ни одного изъ нихъ нельзя постричь въ монашество. Такъ неужели выгоды духовныхъ училищъ, потребности Православной Церкви и пр. и пр. ограничить какими-то канцелярскими формами?“ Мы знаемъ даже, что одинъ Ар—рь выразился касательно этого предмета слѣдующими словами: *„что же дѣлать? Мы всѣ въ этомъ случаѣ лжемъ: но такъ нужно.“* Другіе иначе объясняютъ оффиціальную ложь академическихъ правленій. По ихъ словамъ составлявшіе и подписывавшіе фальшивую справку о возрастѣ студента слишкомъ хорошо

знаютъ, что ему по метрическому свидѣтельству нѣтъ еще 25 лѣтъ. По съ другой стороны, по ихъ будто бы убѣжденію, студентъ, изъявившій желаніе поступить въ иночество, въ какіе либо пять или десять дней такъ усовершился въ нравственномъ отношеніи, такъ окрѣпъ въ умственныхъ способностяхъ, что каждый изъ этихъ дней надобно считать за годъ, и что слѣдовательно (заключеніе очень логическое) студенту можно поставить не 25, а даже 30 лѣтъ. Не будемъ пока ни оправдывать, ни осуждать то и другое извиненіе, а только позвольте вамъ, г. читатель, напомнить; не правду ли мы сказали, что привилегіи иночествующихъ наставниковъ начинаются съ самаго поступленія ихъ въ иночество? Развѣ въ самомъ дѣлѣ не привилегія въ нѣсколько дней вырости вдругъ на два, на три года, а иногда даже на пять лѣтъ? Да, это именно привилегія — небывалая нигдѣ, вполнѣ необыкновенная.

Она влечетъ за собою много другихъ не менѣе замѣчательныхъ тоже привилегій. Вѣроятно уже отъ неизмѣняемыхъ законовъ природы зависитъ, что прибавка лѣтъ, какимъ бы образомъ она ни происходила, *обязана* уже вести за собою прибавку ума и даже возвышеніе нравственности. Эта *глубокомысленная* истина подтверждается на студентахъ, поступающихъ въ монашество. Обыкновенно къ слѣдующему экзамену послѣ ихъ постриженія въ спискахъ у наставниковъ они болѣе или менѣе возвышаются. Конечно свѣтскіе наставники, мало, разумѣется, понимая достоинство аскетической жизни, и не испытавши вліянія ея на свое умственное образованіе,

оставляютъ новыхъ иноковъ на прежнихъ мѣстахъ, даже иногда понижаютъ. Но наставники-иноки, особенно начальники, собственнымъ опытомъ дознавшіе тѣсную связь между иночествомъ и умомъ, уже непремѣнно поправляютъ ошибку свѣтскихъ наставниковъ при составленіи не только своихъ, но и общихъ списковъ. Точно такимъ же образомъ возвышается и нравственность новыхъ иноковъ-студентовъ; въ спискахъ по поведенію они едва ли не каждый мѣсяцъ выставляются, какъ образцы отличнаго поведенія и занимаютъ преимущественно первыя мѣста, какъ и слѣдуетъ духовнымъ особамъ. Конечно и они не бываютъ безъ слабостей, и они иногда впадаютъ въ проступки, падаютъ подобно всѣмъ людямъ, быстро идущимъ впередъ. Но начальство и въ этомъ случаѣ умѣетъ иначе смотрѣть на ихъ паденія, нежели на шалости прочихъ студентовъ. На долю послѣднихъ выпадаютъ строгіе выговоры при всѣхъ, хлѣбъ и вода, карцеръ, записки инспектора и даже исключеніе изъ академіи; разумѣется *худая трава изъ поля вонъ.* Но изъ поступившихъ въ иночество подобнымъ наказаніямъ никто не подвергается; все ограничивается келейными замѣчаніями; да и резонно, зачѣмъ унижать санъ? Зачѣмъ иноковъ смѣшивать и ставить въ одинаковыя условія съ сертуконосцами? Если же поступленіе въ монашество случится не задолго до окончанія курса, то измѣненія, особенно по части успѣховъ, бываютъ еще быстрѣе; тутъ иногда вдругъ шагаютъ номеровъ чрезъ 10 или 20; извѣстенъ намъ случай, когда одинъ студентъ такимъ образомъ съ 20 номера вдругъ сдѣлался чуть не первымъ. При

составленіи же общаго окончательнаго списка подобныя метаморфозы также очень ясно обнаруживаются. Конечно иногда нѣкоторые изъ либеральныхъ наставниковъ противодѣйствуютъ благонамѣреннымъ усиліямъ начальниковъ; но обыкновеннымъ результатомъ почти всегда бываетъ то, что между такъ называемыми младшими кандидатами рѣдко встрѣчаются іеромонахи; развѣ только слишкомъ совѣстно настаивать на то, чтобы дать имъ степень магистра, или такъ называемаго старшаго кандидата. Наконецъ студенты кончили курсъ; ихъ собираютъ въ залу и объявляютъ, кто изъ нихъ на какую должность назначенъ. И тутъ опять открывается огромная разность между иночествующими и сертуконосцами. Почти не бываетъ примѣра, чтобы кто либо изъ первыхъ не получилъ мѣста, большая ихъ часть или оставляется при академіи, или ѣдетъ на инспекторскія вакансіи въ семинаріи. Напротивъ сертуконосцы почти на половину не получаютъ должностей и принуждены отправляться въ епархіальное вѣдомство и тамъ ходя по передникъ начальниковъ, вымаливать должность при низшемъ училищѣ съ жалованьемъ въ 100 руб. сер.

Можетъ быть, здѣсь кто нибудь скажетъ: „зачѣмъ же вооружаться противъ этихъ привиллегій? Почему же иноковъ студентовъ не отличать по поведенію, не посылать на инспекторскія мѣста, когда они отличаются отъ сертуконосцевъ своими нравственными и умственными качествами, и когда санъ ихъ еще болѣе возвышаетъ эти качества.“ Мы несогласны съ этимъ, но спорить о столь щекотливомъ

предметѣ мудрено; сразу можно прослыть вольнодумцемъ и безрелигіознымъ человѣкомъ, лжецомъ и клеветникомъ. Лучше сослаться на оффиціальныя, такъ сказать, обстоятельства. Мы знаемъ одинъ изъ курсовъ духовной академіи; въ немъ кончило монаховъ-студентовъ шесть человѣкъ. Изъ нихъ одинъ вскорѣ умеръ. Миръ его праху! Человѣкъ былъ умный и добрый, но съ разстроеннымъ здоровьемъ и по этому поступившій въ монашество. Трое другихъ едва ли не ранѣе смерти покойника, — своего товарища, были *отставлены* отъ училищныхъ должностей и помѣщены на смиреніе въ число монастырскаго братства подъ надзоръ суровыхъ настоятелей, едва ли чему либо учившихся. Одинъ было изъ нихъ вновь пытался явиться на училищномъ поприщѣ, поступивъ учиться въ другую духовную академію, но тамъ не могли его продержать болѣе года. Пятый, бывшій сначала инспекторомъ семинаріи, послѣ лишился этой должности, и переведенъ въ другую семинарію просто профессоромъ, потомъ опять повышался и понижался, понижался и повышался, достигъ было ректорства, но едва успѣлъ вступить въ должность, какъ былъ уволенъ отъ училищной службы. Наконецъ шестой сначала шелъ было быстро, былъ инспекторомъ академіи, ректоромъ нѣсколькихъ семинарій; но теперь и онъ, какъ слышно, оставилъ училищную службу. Какъ ни объясняйте такой неудачный исходъ службы всѣхъ шести товарищей, прямо изъ академіи поступившихъ въ баккалавры академій и инспекторы семинарій, но никто, конечно, уже не скажетъ, что они, такъ сказать, испортились

на службѣ. А если спросить преданія академическія, то легко будетъ узнать, что трое изъ отставленныхъ въ первые годы своей службы слишкомъ извѣстны были похожденіями въ время студентческой жизни, но въ глазахъ снисходительнаго начальства санъ прикрывалъ всѣ ихъ недостатки. Дѣлай то, что они дѣлали, свѣтскій студентъ, его бы исключили изъ академіи или ему бы не дали никакой ученой степени, а тѣхъ троихъ послали инспекторами семинарій!

Такое множество привиллегій, которыя инокъ-студентъ или дѣйствительно уже получаетъ или безъ сомнѣнія получитъ, не можетъ оставаться безъ вліянія на него самаго, и должно чѣмъ нибудь обнаруживаться во внѣшнихъ пріемахъ, въ обращеніи съ товарищами и проч. И въ самомъ дѣлѣ вотъ человѣкъ начинаетъ позадумываться, уединяется отъ своихъ товарищей, не участвуетъ въ ихъ играхъ и забавахъ; слышатъ, послышатъ, оказывается, что онъ подалъ просьбу о поступленіи въ монашество. Разрѣшеніе о постриженіи получено, — постригли, перемѣнили имя, данное при крещеніи; и новый инокъ почти всегда становится совсѣмъ другомъ человѣкомъ. Будучи въ сертукѣ, бывало, пошутитъ съ своими товарищами, а тутъ ведетъ себя такъ солидно, что боятся подступить къ нему и прежніе друзья; такъ и смотритъ уже будущимъ начальникомъ, разумѣется не изъ гордости, а отъ развившагося привиллегіями сознанія своихъ личныхъ достоинствъ. Развитіе это неизбѣжно. Въ самомъ дѣлѣ ктоже врагъ себѣ? Кто не отыщетъ въ себѣ тѣхъ качествъ, которыя ему усвояютъ другіе люди, особенно же начальники?

Но привиллегіи бываютъ выгодными только тѣмъ особамъ, которымъ онѣ выдаются; равнымъ образомъ между привиллегированными и непривиллегированными лицами не можетъ быть сочувствія. Послѣ этого весьма естественно ожидать, что студенты-сертуконосцы не питаютъ особеннаго благорасположенія къ иночествующимъ своимъ товарищамъ. Да, кажется, несправедливо и обвинять ихъ въ этомъ. Каждый изъ нихъ учился 10, 12, а иногда и 15 лѣтъ до поступленія еще въ академію: здѣсь вновъ 4 года ломалъ свою голову надъ тетрадями и книгами, растратилъ свое здоровье, даже иногда сократилъ жизнь. Вотъ онъ уже почти у цѣли, надѣется получить хорошее мѣсто въ академіи или семинаріи; бывшіе до сихъ поръ успѣхи ручаются за это. А тутъ вдругъ становится извѣстнымъ, что такой-то, или такіе-то поступаютъ въ иночество. Студенты сертуконосцы уже знаютъ, что съ тѣмъ вмѣстѣ соединено быстрое развитіе умственной и нравственной жизни будущихъ иноковъ. И потому не осуждайте первыхъ и не удивляйтесь, если они въ такомъ случаѣ увлекаются тѣми страстями, которыя такъ сильно разыгрываются въ двадцатипятилѣтнемъ сердцѣ при неожиданной встрѣчѣ съ препятствіями? Какъ имъ не ознакомиться съ непріязненными чувствами къ тѣмъ, которые, будучи хуже ихъ по успѣхамъ и поведенію, между тѣмъ перебиваютъ у нихъ дорогу? А затѣмъ и тѣ студенты, которымъ даже дорога не перебивается, увлекаясь примѣромъ перваковъ и желая, можетъ быть, оправдать собственное униженіе въ глазахъ своихъ и

чужихъ пристрастіемъ начальства къ другимъ привиллегированнымъ ихъ товарищамъ, тоже начинаютъ себя считать обиженными. Въ молодости не любятъ молчать; эти недовольные, разумѣется, не скрываютъ своихъ мыслей; товарищи ихъ слушаютъ съ участіемъ, потому что каждый болѣе или менѣе заинтересованъ въ этомъ вопросѣ. Представьте себѣ, что это продолжается нѣсколько десятковъ лѣтъ, передается отъ одного курса къ другому; и тогда поймете то разъединеніе, ту, можно сказать, пропасть, которою раздѣляются двѣ категоріи студентовъ. Надобно пожить и побыть въ академіяхъ, чтобы это все вполнѣ понять. Нѣтъ насмѣшки, нѣтъ сарказма, которые бы не были высказываемы въ задушевныхъ бесѣдахъ, или даже открыто противъ монашествующихъ студентовъ. Вотъ вамъ примѣръ, случившійся очень недавно. Въ одной изъ академій при окончаніи курса оказалось семь монашествующихъ студентовъ. Какія же дали имъ названія прочіе ихъ товарищи? Названія семи смертныхъ грѣховъ! Что можетъ быть ядовитѣе такихъ названій? Какъ злѣе можно выразить свою ненависть? Но и о ненавидимыхъ надобно судить по человѣчески; они тоже люди и имѣютъ страсти; они не могутъ не платить тою же монетою которую такъ щедро имъ расточаютъ. Такія непріязненныя чувства съ обѣихъ сторонъ остаются надолго, а можетъ быть въ иныхъ и на цѣлую жизнь. Равнымъ образомъ нельзя еще не пожалѣть, что и между членами ненавидимаго меньшинства не всегда бываетъ миръ и согласіе. И опять тоже не осуждайте ихъ, а судите по человѣчески. Вотъ че-

ловѣкъ надѣется кончить курсъ чуть не на первомъ мѣстѣ, но узнаетъ, что другой, близкій къ нему по успѣхамъ, поступаетъ въ монашество и такимъ образомъ является грознымъ его соперникомъ. Начинается внутренняя борьба, natura physica et moralis совѣтуетъ ему не вести аскетической жизни, честолюбіе внушаетъ ему въ ней искать себѣ подпоры; и вотъ новое лицо монашеское. Станетъ ли онъ любить своего соперника? Да и этотъ, разсчитывавшій, можетъ быть, на первое мѣсто, и теперь будучи опять отодвинутъ отъ него, развѣ сочтетъ обязанностію питать благорасположеніе къ первому? Хорошо еще, если они разойдутся послѣ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ. Но что бываетъ, если служатъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Тайныя лѣтописи академій много бы объ этомъ разсказали.

Но въ академическихъ стѣнахъ положенія студентовъ обѣихъ категорій не слишкомъ еще рѣдко различается; казенное содержаніе, одинаковая подчиненность, одни и тѣже классы и уроки уравниваютъ хоть отчасти и привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ особъ. Совсѣмъ другое бываетъ уже, когда они поступаютъ на службу въ семинаріи. Пріѣхавъ на должность, сертуконосецъ долженъ прежде всего избѣгать чуть не цѣлый городъ, отыскивая себѣ квартиру, и наконецъ помѣщается гдѣ либо въ чуланѣ у отставнаго чиновника, или бѣднаго мѣщанина. Напротивъ иноку и начальнику и наставнику всегда готова казенная квартира; его, какъ избраннаго человѣка, и начальство принимаетъ со вниманіемъ; самъ Пр—ый приглашаетъ къ себѣ на чай, а

иногда хлѣба и соли откушать. За тѣмъ иночествующій студентъ почти всегда является въ семинарію инспекторомъ; онъ уже, значитъ, начальникъ. Здѣсь онъ встрѣчаетъ сослуживцевъ двухъ родовъ, или своихъ однокурсниковъ, или старшихъ себя. Хорошо, если первые были хуже или не много лучше его по успѣхамъ и не дѣлали ему никакихъ непріятностей; тутъ дѣла еще кое-какъ улаживаются. Но бѣда, если новый начальникъ былъ менѣе успѣшенъ новаго своего подчиненнаго товарища; академическія предубѣжденія не уничтожаются. Равнымъ образомъ старымъ сослуживцамъ и новому инспектору не легко тоже ужиться. Вѣдь у первыхъ всетаки есть сознаніе, что они не глупѣе послѣдняго, старше иногда десятью, а иногда двадцатью годами, даже нерѣдко бывали учителями его. Вѣдь какъ ни старайся выразить безпредѣльную преданность къ новому начальнику, а скрытая досада не можетъ не проявляться, по крайней мѣрѣ по временамъ; и начальникъ молодой, какъ ни молодъ, не можетъ ее не замѣтить. Почемужь ему не обидѣться этимъ? Но еще хуже бываетъ, если монашествующій студентъ начинаетъ службу наставникомъ, какъ это большею частію бываетъ въ академіяхъ. Старые служаки-свѣтскіе ординарные профессоры пользуются уже авторитетомъ, котораго нельзя не испытать новому сослуживцу; ему приводится быть къ нимъ и внимательнымъ и вѣжливымъ. Но вотъ чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ дѣлается инспекторомъ, потомъ ректоромъ; не легки бываютъ эти перемѣны для старыхъ ординарныхъ профессоровъ; новому ихъ начальнику нельзя же не

выразить того, что времена перемѣнились, что они теперь его подчиненные. Впрочемъ вообще дѣла скоро приходятъ въ обыкновенный порядокъ. Новый начальникъ на первыхъ порахъ старымъ служакамъ отдаетъ еще почетъ и протягиваетъ руку; ну, а которые по моложе, тѣ пусть и сами поклонятся, да еще облобызаютъ протянутую къ нимъ десницу. Потомъ ..... потомъ ..... начальникъ уже часто дѣлается истиннымъ начальникомъ; подойти какъ-то страшно; по неволѣ пониже нужно поклониться, онъ этого, конечно, не требуетъ, ну *а уже такъ дѣла идутъ, что нельзя ничего другаго сказать, кромѣ слушаю-съ.* Не станемъ указывать на примѣры, чтобы не сказать какихъ либо личностей. Но теперь, вѣроятно, всякій пойметъ, отчего слишкомъ часто старые наставники въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ менѣе нравятся начальству, нежели молодые, отчего на послѣднихъ щедрѣе изливается милость, нежели на первыхъ? Но не будемъ больше распространяться о взаимныхъ отношеніяхъ прогрессистовъ и непрогрессистовъ; этому предмету посвящено чуть не все шестое отдѣленіе.

Отдѣленіе пятое.

О томъ, почему немногіе изъ воспитанниковъ духовныхъ академій и изъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній поступаютъ въ монашество?

Судя по тѣмъ привиллегіямъ, отличіямъ, правамъ, которыя достаются на долю иночествующихъ

студентовъ академій и наставниковъ духовныхъ училищъ, а съ другой стороны принимая во вниманіе вовсе незавидную службу непрогрессистовъ, всякій, по видимому, имѣетъ право предполагать, что между студентами духовныхъ академій слишкомъ должно быть много охотниковъ поступать въ иночество, что начальству въ этомъ случаѣ остается только выбирать достойнѣйшихъ по успѣхамъ и поведенію. Въ самомъ дѣлѣ кто таковы воспитанники духовныхъ академій? Преимущественно дѣти провинціальныхъ сельскихъ и городскихъ священниковъ, а иногда и причетниковъ. Такимъ людямъ разсчитывать на блистательное положеніе въ гражданской службѣ нельзя; у нихъ нѣтъ ни протекціи, ни дядюшекъ, ни тетушекъ, ни кузинъ, ни свѣтской ловкости, ни умѣнья говорить по французски и пр., чѣмъ можно подпирать и двигать себя на этой службѣ. Сдѣлаться священникомъ или профессоромъ семинаріи, даже и академіи, право тоже не привлекательно. А между тѣмъ чего не можетъ надѣяться лучшій студентъ академіи, поступивши въ монашество? По ученой службѣ постоянныя отличія и промоціи, далѣе основательныя надежды на самыя высшія должности въ церковной іерархіи, на уваженіе, чуть не на благоговѣніе народныхъ массъ, даже на политическое значеніе. Чего, повторимъ, онъ не можетъ ожидать? Какъ бы, по видимому, не употребить всѣхъ усилій, чтобы начальство дозволило ему поступить въ иноческій санъ? Но опытъ говоритъ совсѣмъ другое. Начальники духовныхъ академій по доброй ли своей волѣ, или по невольной обязанности принуждены бы-

ваютъ употреблять много усилій, чтобы въ студентахъ пробудить, развить и поддержать расположеніе къ поступленію въ монашество. Тѣхъ, въ которыхъ по какимъ либо признакамъ замѣчена будетъ способность къ иноческой жизни, уговариваютъ къ ней еще задолго до окончанія курса. Но дѣятельность начальниковъ въ этомъ отношеніи особенно обнаруживается при окончательномъ экзаменѣ и вскорѣ послѣ него. Въ это время нерѣдко цѣлая половина и даже болѣе лучшихъ и очень хорошихъ студентовъ получаетъ отъ ректора и инспектора приглашеніе оставить свѣтскую одежду; не удостоиваютъ этой чести развѣ слишкомъ уже извѣстныхъ либераловъ. Въ доказательство необходимости такой перемѣны приводятся различныя причины: спасеніе души, полезная служба для Православной Церкви, спокойная и безмятежная жизнь инока, и на оборотъ хлопотливое и нерадостное житье бытье наставника; не забываются и другія менѣе отвлеченныя обстоятельства; высказываются явные или тонкіе намеки на милости и немилости начальства, смотря потому, послушаются ли его совѣтовъ, или нѣтъ. Относительно упрямцевъ иногда употребляются болѣе сильные силлогизмы.

Мы помнимъ одного студента, который въ теченіи четырехлѣтней академической жизни отличался истинно-нравственною жизнію, былъ и въ сертукѣ образцовымъ монахомъ. Но когда при концѣ курса предложено ему было поступить въ монашество; то онъ, не отказываясь рѣшительно, началъ просить отсрочки, выставляя на видъ, что онъ еще не знаетъ ни себя, ни свѣта и потому опасается сдѣлать столь

рѣшительный шагъ въ жизни, не ознакомившись съ нею. Начальники изумились такимъ разсужденіямъ, одинъ изъ нихъ, воспламенившись ревностію иліною послѣ многократныхъ и многообразныхъ увѣщаній *проглаголалъ* новиціату слѣдующую весьма затѣйливую рѣчь: „ваша жизнь до сихъ поръ была истинно иноческая; лучше ея нельзя требовать отъ самаго строгаго анахорета, если, разумѣется, вы не лицемѣрили, и потому вамъ нѣтъ никакихъ причинъ отказываться отъ монашества. Но если вы этого не сдѣлаете, то тѣмъ самымъ покажете, что вы до сихъ поръ лицемѣрили, и слѣдовательно вся ваша нравственность подвергается сомнѣнію. А припомните, вѣдь вы оканчиваете курсъ.“

Разумѣется, совокупность всѣхъ убѣжденій не остается безъ послѣдствій. Вѣдь студенты люди безъ подпоры, безъ связей, безъ протекціи, люди которые во всемъ почти зависятъ единственно отъ начальства, въ случаѣ неблаговоленія его, могутъ потерять плоды своихъ пятнадцатилѣтнихъ трудовъ, люди не знакомые еще съ жизнію, смотрящіе на нее сквозь увеличительное или уменьшительное стекло. И потому удивительно ли, что они уступаютъ нерѣдко настойчивымъ убѣжденіямъ своихъ начальниковъ противъ своихъ задушевныхъ убѣжденій? Но за то знаете ли, что бываютъ случаи, которые отзываются трагедіею? Подавшіе по настоятельному убѣжденію начальства просьбу о постриженіи въ иночество, послѣ одумавшись, впадаютъ иногда въ меланхолію. Двухъ такихъ студентовъ мы знаемъ даже въ одномъ изъ академическихъ курсовъ, хотя послѣ замѣ-

чиной въ нихъ меланхоліи начальство нашло неудобнымъ посвятить ихъ въ монашество, но только одинъ изъ нихъ дешево поплатился; мы слышали, что онъ послѣ сдѣлался почтеннымъ протоіереемъ. По другой, тотъ самый къ которому относилась выставленная нами сейчасъ грозная реплика, продолжалъ оставаться въ больницѣ до самаго назначенія своего въ профессоры П—ской семинаріи, съ большимъ трудомъ отправился туда, но къ мѣсту своей службы не явился; по всѣмъ сдѣланнымъ тогда розыскамъ не могли узнать, что съ нимъ сдѣлалось.

Впрочемъ не смотря на все усердіе прозелитовъ труды ихъ часто не увѣнчаются успѣхомъ, по крайней мѣрѣ блистательнымъ. Можно указать не на одинъ академическій курсъ, изъ котораго рѣшительно никто не поступилъ въ монашество. За тѣмъ лучшіе студенты тоже рѣдко уступаютъ убѣжденіямъ начальства, исключая преимущественно двухъ обстоятельствъ: 1., иногда изъ занимающихъ первыя мѣста каждому хочется остаться при академіи; — перемѣни одинъ изъ нихъ одежду; — найдутся, какъ уже мы намекали выше, подражатели, или лучше соперники и 2., когда студенту является нужда изгладить изъ памяти начальниковъ какой либо важный свой проступокъ; принятый въ такомъ случаѣ иноческій санъ служитъ какъ-бы вторымъ крещеніемъ, очищая новиціата отъ всѣхъ его прежнихъ прегрѣшеній. За тѣмъ большая часть поступающихъ въ монашество студентовъ принадлежитъ къ такъ называемой златой серединѣ; они могутъ, смотря по обстоятельствамъ быть и не быть въ первомъ разрядѣ, получить мѣ-

сто и неполучить. Почему же въ столь сомнительномъ положеніи на одну половину колеблющихся вѣсовъ не положить болѣе объемистаго платья, чтобы оно сдѣлало перевѣсъ въ пользу облекшагося въ него?

Послѣ всего, сказаннаго нами о маломъ количествѣ студентовъ и наставниковъ, которые желаютъ воспользоваться привиллегіями прогрессистовъ, естественно раждается вопросъ: отчего происходитъ такая странность? О всѣхъ обстоятельствахъ, которыми вопросъ этотъ разрѣшается, мы не *можемъ* говорить съ полною откровенностію и подробностію. Укажемъ на тѣ причины, которыя высказать нѣтъ препятствій.

1. Привиллегіи, предоставляемыя прогрессистамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удерживаютъ многихъ студентовъ, притомъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ отъ поступленія въ монашество. Вѣдь и у нихъ, какъ у всѣхъ вообще людей, есть завистники, соперники, даже враги. Поэтому, будь студентъ рѣшительно лучше всѣхъ и по успѣхамъ и по поведенію, но сдѣлайся онъ монахомъ, непремѣнно найдутся товарищи, которые такой поступокъ припишутъ желанію занять высокое мѣсто въ спискѣ или станутъ объяснять другими честолюбивыми замыслами. Между тѣмъ занимай онъ тоже мѣсто въ сертукѣ, подобныя подозрѣнія падаютъ сами собою. И потому не удивляйтесь, что многіе студенты, притомъ лучшіе, изъ благородной гордости, во избѣжаніе всѣхъ подозрѣній не рѣшаются поступить въ монашество. Мы не одинъ разъ слыхали подобную исповѣдь отъ своихъ товарищей и знакомыхъ, равно какъ и отъ людей,

которые помоложе насъ. *Да! привиллегіи, особенно обидныя и вредныя для другихъ, не всякаго могутъ привлекать себѣ.*

2. Непріятныя отношенія, господствующія, какъ мы выше сказали, между двумя категоріями студентовъ, на робкихъ и несамостоятельныхъ, равно какъ и на тѣхъ, которые дорожатъ уваженіемъ товарищей, дѣйствуютъ еще сильнѣе, нежели предъидущая причина. Въ самомъ дѣлѣ, кто незнаетъ, какъ трудно бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, или пренебрегать имъ? А въ школахъ есть тоже *свое домашнее общественное мнѣніе*, которымъ не дорожитъ развѣ рѣдкій осмѣлится. И потому опять не удивляйтесь, если иной студентъ не поступаетъ въ монашество изъ опасенія подвергнуться сарказмамъ своихъ товарищей, встрѣчать ихъ косые взгляды, слушать ихъ тонкіе, а иногда и грубые намеки, и, пожалуй даже попасть въ разрядъ смертныхъ грѣховъ. Въ обоихъ разсмотренныхъ нами обстоятельствахъ вниманіе начальства къ преслѣдуемымъ, гоненія на преслѣдователей, не защитятъ первыхъ и навѣрное раздражатъ послѣднихъ. *Масса даже* per vim inertiae *всегда сильна.*

3. Поступая въ какое либо сословіе, или даже принимая на себя извѣстную должность, мы почти всегда разсчитываемъ на то, есть ли возможность въ случаѣ какихъ либо неудачъ и неудовольствій оставить ихъ? И чѣмъ *безвыходнье* сословіе, тѣмъ меньше охотниковъ поступать въ него. Но у насъ въ Россіи самое безвыходное сословіе есть монашество. Конечно послѣ длиннѣйшей процедуры и его можно оставить, но за то надобно будетъ приписаться къ

податнымъ сословіямъ. И потому поступающій въ монашество человѣкъ съ ученою степенью долженъ помнить, что ему придется умереть монахомъ, какія бы онъ непріятности ни встрѣтилъ въ иноческой жизни. Какъ угодно, а сдѣлать такой, можно сказать, отчаянный шагъ въ 25—35 лѣтъ даже человѣку съ сильною волею нелегко, — скажемъ, — страшно! Намъ по крайней мѣрѣ эта безвыходность всегда казалась грознѣе всего.

4. Жизнь прогрессистовъ, не смотря на множество привиллегій, имъ предоставленныхъ, не всегда можетъ назваться счастливою и веселою; и имъ иногда приходится проводить безсонныя ночи; и они часто сидятъ въ кабинетѣ, поддерживая обѣими руками свою озабоченную голову; и на ихъ щекахъ, а иногда и на подушкахъ можно найти слѣды слезъ. Не исполнившіяся желанія, встрѣчаемыя препятствія, неудавшіеся планы, гнетъ сверху, холодная вѣжливость и иногда и насмѣшки съ боковъ, раболѣпная, подлая услужливость снизу и пр. и пр. много причиняютъ горя. Только это горе переноситъ прогрессистамъ тяжелѣе, нежели семейнымъ людямъ, даже холостякамъ непрогрессистамъ. Семейный человѣкъ забудется смотря на рѣзвыя игры своихъ дѣтей, развлечется ихъ ласками, найдетъ себѣ отраду и утѣшеніе въ любви жены, въ участіи родныхъ. Даже холостякъ, хотя бы онъ былъ непрогрессистъ, пойдетъ въ театръ, на бульваръ, въ публичный садъ, просидитъ съ пріятелями нѣсколько часовъ за зеленымъ столомъ, или оживится съ ними живительною влагою. Во всѣхъ случаяхъ и холостякъ и семейный человѣкъ

знаютъ, что они не прикованы къ своему званію, могутъ его оставить, даже въ случаѣ отставки не будутъ заперты въ какой либо монастырь, а останутся вольными казаками. А прогрессистъ сиди одинокимъ въ своемъ кабинетѣ, пожалуй раздѣляй свое горе съ послушникомъ—исключеннымъ семинаристомъ или съ служителемъ—отставнымъ солдатомъ; поѣзжай, пожалуй, размыкать свое горе къ мнимымъ пріятелямъ; но помни, что тамъ каждая мина твоя подмѣчена, каждое словое запомнено, каждая линняя выпитая не только рюмка, а даже капля высчитана, что объ всемъ этомъ на слѣдующій день бюллетени разнесутся по цѣлому городу съ варіантами и прибавленіями. Поѣзжай скорѣй опять въ свою квартиру и утѣшай себя безвыходностію своего положенія. Мы вовсе не принадлежимъ къ счастливцамъ *міра сего*, но, право, не жалѣемъ, что не захотѣли быть прогрессистами. *Охъ! какъ часто тяжели бываетъ ихъ жизнь?*

Но тяжесть эта дѣлается невыносимою отъ разочарованія. Мы выше сказали, что большая часть студентовъ духовныхъ академій поступаютъ въ монашество не по искреннему, сердечному расположенію а или увлеченные какими либо разсчетами, или ослѣпленные множествомъ будущихъ привиллегій и отличій, или убѣжденные, а иногда и принужденные настойчивостію начальниковъ, которые очаровали ихъ картинами предстоящаго величія. Но вотъ студентъ уже монахъ и на службѣ; призма отъ глазъ отодвинута; наружные цвѣты на предметахъ исчезли; завѣса упала; жизнь и вся ея обстановка явилась въ

настоящемъ видѣ, — жизнь сухая, монотонная, безвыходная. Тутъ еще приходятъ непредвиденныя и часто неотразимыя обстоятельства. Чего на службѣ не случается? При всей ловкости и угодливости иногда никакъ не понравишся начальнику; при всей честности навлечешь на себя подозрѣніе въ корыстолюбіи; при всемъ желаніи быть исправнымъ надѣлаешь множество промаховъ. И затѣмъ грозитъ отставка; или мы отодвинулись на задній планъ; товарищи насъ обогнали, въ туманной будущности обрысовывается не возвышенное мѣсто по срединѣ каѳедральнаго собора, а настоятельскія комнаты какого либо монастыря въ уѣздномъ городѣ, а иногда братская келья. Въ этихъ-то обстоятельствахъ прогрессисты испытываютъ настоящее разочарованіе. Одни изъ нихъ при слабости характера, при недостаткѣ энергіи, не выдерживаютъ испытанія и, такъ сказать, *надламываются*. Объ нихъ въ настоящее время въ церковной лѣтописи Духовной Бесѣды печатается: N увольняется изъ духовноучилищной службы и причисляется къ братству N монастыря. Другіе же, или владѣя сильною волею и здравымъ смысломъ, или умѣя прикрывать свои слабости, продолжаютъ и службу и борьбу съ нею, выслуживаются и дослуживаются всего. Но за то чего имъ не приходится выносить? Внутренняя борьба съ своими не только страстями, но и мыслями, гоненія отъ враговъ, опасеніе за свою будущность, необходимость въ одномъ случаѣ скрывать свои качества, а въ другомъ выставлять тѣ, которыхъ не имѣютъ; — развѣ все это дѣлаетъ жизнь пріятною? Вы, свѣтскіе люди, вѣроятно, объ этомъ не только

не знаете, но и не догадываетесь; ослѣпленные внѣшнею представительностію прогрессистовъ, вы имъ завидуете и даже, на словахъ, готовы отказаться отъ своего аристократизма, чтобы быть Monseigneur ами. Но вы не имѣете возможности заглядывать за кулисы: предъ вами прогрессисты не откровенны. Намъ очень недавно случилось быть у одного прогрессиста, получившаго почти все, чего можно достигнуть въ церковной іерархіи. Передъ нами у него сидѣлъ одинъ магнатъ, графъ и пр. и пр. и въ разговорѣ восхищался положеніемъ духовныхъ магнатовъ. По уходѣ графа, прогрессистъ, принявши насъ, возобновилъ прежній разговоръ. *Да*, сказалъ онъ, *они не знаютъ нашего положенія; они завидуютъ намъ. Но если бы имъ извѣстно было, какія лишенія достаются на нашу долю, что должны мы переносить, тогда бы пожалѣли объ насъ.* Да, вы, свѣтскіе люди, этого не знаете, а мы непрогрессисты все знаемъ. Мы даже не имѣемъ нужды прибѣгать въ этомъ случаѣ къ догадкамъ и соображеніямъ, впрочемъ вовсе не глубокимъ. мы все видимъ; намъ многое даже разсказываютъ, или какъ старымъ друзьямъ и товарищамъ, или изъ непреодолимой потребности высказать то, что тяготитъ душу.

Наконецъ должно еще присовокупить, что только не многіе изъ прогрессистовъ успѣваютъ вполнѣ воспользоваться привиллегіями, имъ предоставляемыми; только нѣкоторые достигаютъ той цѣли, о которой мечтаютъ при поступленіи въ монашество; а очень значительная часть послѣ разныхъ переворотовъ смѣшивается съ монастырскою братіею и умираетъ гдѣ либо въ темной кельи. Мы знаемъ три, слѣдовав-

шихъ другъ за другомъ, курса одной изъ духовныхъ академій. Изъ принадлежавшихъ къ нимъ студентовъ поступило въ монашество 15 человѣкъ, притомъ 11 магистровъ, одинъ старшій кандидатъ и трое младшихъ кандидатовъ. Имъ въ настоящее время всѣмъ можно было дослужиться до епископскаго сана, потому что уже много теперь есть епископовъ, которые гораздо моложе ихъ. Но сколько, вы думаете, изъ этихъ 15 ученыхъ людей, притомъ 11 магистровъ по настоящее время достигло епископства? *только двое;* четверо умерло, четверо давнымъ давно отставлены отъ ученыхъ должностей, не прослужившіи даже 3—4 лѣтъ, двое или трое (хорошо не знаемъ) не состоятъ тоже въ училищной службѣ, но по крайней мѣрѣ управляютъ монастырями; одинъ самъ отказался отъ службы, и наконецъ одинъ еще, кажется, гдѣ-то въ семинаріи учитъ и начальствуетъ. Какъ хотите, а приведенный нами примѣръ не слишкомъ ободрителенъ для тѣхъ наставниковъ и студентовъ, которые захотѣли бы причислиться къ прогрессистамъ. Послѣ этого не удивляйтесь же, что вдовые полу-прогрессисты не рвутся поступить въ монашество. Имъ часто отсовѣтываютъ это дѣлать вами прогрессисты. Да и къ чему совѣты? *Мы сами все знаемъ.*

5. Прогрессистамъ предоставляются начальническія должности въ духовныхъ училищахъ не потому исключительно, что они принадлежатъ къ иноческому сословію; но по вниманію къ ихъ ученымъ степенямъ и образованности. Объ этомъ, кажется, споритъ никто не станетъ; въ противномъ случаѣ, если бы дѣйствительно только монашество одно само по себѣ давало

право на командованіе духовною ученостію; то ректорами семинарій и даже академій слѣдовало бы дѣлать тѣхъ старыхъ и суровыхъ настоятелей третьяклассныхъ и заштатныхъ монастырей, которые съ 15—20 лѣтъ поступили въ монастырь, пробыли лѣтъ 10—15 послушниками, прослужили лѣтъ по 10-ти іеродіаконами и іеромонахами и такимъ образомъ, прошедши всѣ степени монашества, достигли до званія настоятеля. По этому можно было бы полагать, что какъ скоро кандидаты и особенно магистры богословія, — полу-прогрессисты и непрогрессисты, не прекращавшіе своей ученой жизни, поступаютъ въ монашество, то ихъ тотчасъ сдѣлаютъ, смотря по ихъ лѣтамъ, не только инспекторами, но и ректорами; а заслуженныхъ священниковъ и протоіереевъ даже облекутъ въ сакосъ и омофоръ (одежды, возлагаемыя на епископовъ во время богослуженія). Но на самомъ дѣлѣ этого почти никогда не бываетъ. Всѣ привиллегіи остаются за тѣми прогрессистами, которые поступили въ монашество, или на студенческихъ скамьяхъ, или тотчасъ по окончаніи курса. Вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ (не большая ли часть?) считаютъ себя *урожденными*, а прочихъ кандидатовъ и магистровъ, поступающихъ въ иночество уже съ съ должностей, *личными монахами* (нельзя же здѣсь не приложить раздѣленіе дворянъ и почетныхъ гражданъ на потомственныхъ и личныхъ,*). Личные

*) Кстати сказать, что въ монастыряхъ *потомственными* и *урожденными* иноками называютъ себя тѣ, которые съ молодыхъ лѣтъ начали монастырскую жизнь съ послушника, а поступающіе въ зрѣлыхъ лѣтахъ, особенно діаконы и священники, считаются *личными*.

иноки не вдругъ вступаютъ во всѣ права прогрессистовъ. Сначала имъ нерѣдко не одинъ годъ приходится оставаться на прежней профессорской должности, затѣмъ прослужить еще большее число лѣтъ инспекторомъ, а ректорство получить развѣ посѣдѣвши, а до чего либо повыше *далеко*, какъ говорятъ, *имъ тьсня*. Къ нимъ, какъ людямъ ознакомившимся съ сустою мірскою, замѣтно у настоящихъ прогрессистовъ, у урожденныхъ монаховъ недовѣріе. Не споримъ, что есть исключенія, но большинство подчинено общему закону. Это обстоятельство препятствуетъ многимъ вдовымъ и неженатымъ наставникамъ надѣвать клобукъ и черную рясу. Что ни проповѣдуйте о смиреніи, а все-таки тяжело послуживши не только 5—10, а даже 20—25, опять начинать службу также, какъ какой нибудь студентъ иноковъ; тяжело быть подчиненнымъ того человѣка, который много моложе и не отличается отъ насъ одеждою. Будучи непрогрессистомъ, наставникъ уже знаетъ, что начальническія мѣста ему недостижимы. Но бросить сертукъ и фракъ, облечься въ черную рясу и по прежнему оставаться непрогрессистомъ, или въ темной дали надѣяться усвоить себѣ права прогрессистовъ не всякій согласиться. Настоящаго непрогрессиста, по крайней мѣрѣ, платье и головной уборъ не стѣсняютъ.

Извините насъ, Гг. прогрессисты, что мы съ такою откровенностію и особенною ясностію объ васъ говорили. Въ глубинѣ своей души многіе и изъ васъ сознаются, что наши слова справедливы. *Мнѣ старику лгать нѣтъ причинъ; кромѣ того я не могу уже быть ни прогрессистомъ, ни непрогрессистомъ.* Но

на прощанье позвольте выказать не совѣтъ, — на это мы не имѣемъ права, а свое мнѣніе, какъ бы уничтожить тѣ аномаліи въ вашемъ сословіи, о которыхъ мы говорили. Прежде всего, повѣрьте не намъ а Богу, надобно прекратить несчастное и противозаконное обыкновеніе прибавлять лѣта студентамъ академіи, желающимъ поступить въ монашество. Мы осмѣливаемся сказать: „вѣдь законы пишутся не для того, чтобы не исполнять ихъ; вѣдь ложная справка считается противузаконнымъ поступкомъ, вѣдь обманывать св. Синодъ не только совѣстно, даже преступно; вѣдь начинать такое святое дѣло, какъ поступленіе въ ангельскій чинъ, оффиціальною, сознаваемою ложью грѣшно предъ Богомъ, стыдно предъ людьми; вѣдь вы должны служить намъ образцами добродѣтелей, примѣрами въ исполненіи нравственныхъ и гражданскихъ обязанностей. Зачѣмъ же такъ открыто, такъ даже дерзко, такъ повсемѣстно нарушать законъ, который предписывается гражданскими постановленіями? Далѣе, если кто изъ студентовъ, дѣйствительно имѣя 25 лѣтъ, изъявитъ желаніе поступить въ монашество; — пусть идетъ. Но нѣтъ надобности за это одно возвышать его въ спискахъ, отличать по поведенію, изливать на него ничѣмъ еще незаслуженныя привиллегіи и чрезъ все это обижать другихъ студентовъ и вооружать ихъ противъ своихъ товарищей иноковъ. Не нужно этими привиллегіями внушать ту мысль, что поступленіе въ иночество можетъ иногда назваться спекуляціею, а не выраженіемъ искренняго глаголестія, не желаніемъ благородной души пожертвовать удоволь-

ствіями семейной жизни съ тѣмъ, чтобы безъ препятствія служить церкви и быть полезнымъ духовному просвѣщенію.“ Dixi.

Но здѣсь намъ могутъ сказать; кого же дѣлать начальниками духовныхъ училищъ? Объ этомъ безпокоиться не нужно: *мѣсто свято не будетъ пусто.* Инспекторскія должности можно и даже должно поручать свѣтскимъ наставникамъ, что разрѣшено уставомъ и очень часто бывало на самомъ дѣлѣ. Инспекторская должность есть отчасти полицейская и почти совершенно свѣтская. Инспектору нужно ходить по квартирамъ учениковъ и днемъ и ночью, слѣдить за послѣдними по цѣлому городу, на гуляньяхъ, даже по трактирамъ, разбирать взаимныя жалобы хозяекъ и семинаристовъ, говорить иногда съ учениками о такихъ шалостяхъ и поступкахъ, о которыхъ цѣломудренному иноку даже слушать не захочется. Что же касается до ректорскихъ мѣстъ, то они во первыхъ могутъ быть занимаемы заслуженными наставниками протоіереями, чему также уставъ не противорѣчитъ. Но и кромѣ того на ректорскія мѣста всегда найдутся достойные люди изъ наставниковъ, которые согласятся поступить въ иночество. Когда больше не будетъ *урожденныхъ* ученыхъ иноковъ, то въ студентахъ скоро уничтожится то непріязненное къ монашеству чувство, которое въ нихъ нынѣ развивается несправедливыми привиллегіями, изобрѣтенными для иноковъ студентовъ. Свободные отъ этого чувства, многіе вдовцы наставники, не связываемые дѣтьми, станутъ непремѣнно поступать въ монашество; къ нимъ присоединятся многіе изъ

холостяковъ — непрогрессистовъ, которымъ прискучитъ безцвѣтная и безцѣльная ихъ жизнь. Неужели эти люди, ознакомившіеся съ жизнію не по книгамъ, а на самомъ дѣлѣ, испытавшіе ея удовольствія и непріятности, основательно изучившіе самихъ себя, понявшіе всю пустоту мірскихъ заботъ и послѣ всего этого рѣшившіеся одѣться въ черную рясу, — неужели, повторимъ, они будутъ на начальническихъ должностяхъ хуже тѣхъ *урожденныхъ монаховъ*, которые только при помощи безчисленнаго множества привиллегій достигаютъ высокихъ степеней?

Отдѣленіе шестое.

О значеніи наставниковъ-непрогрессистовъ въ духовныхъ училищахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ начальникамъ-прогрессистамъ.

Между наставниками духовно-учебныхъ заведеній есть добряки, которые бы даже безъ наградъ благодушно сносили свою горькую судьбу и жили при недостаточномъ жалованьѣ, если бы находили сочувствіе въ своихъ слушателяхъ, видѣли ихъ къ себѣ уваженіе и сверхъ того встрѣчали ласку и одобреніе, хоть на словахъ, отъ своихъ начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть дѣйствительно удовольствіе чистое, безкорыстное и благородное передавать свои свѣдѣнія другимъ, слѣдить, какъ они прививаются къ молодому поколѣнію. Далѣе какъ бы въ придачу къ этому, почему не пожелать, чтобъ мы имѣли вліяніе на учениковъ, которымъ станемъ

передавать свѣдѣнія, чтобы они уважали и любили, по крайней мѣрѣ, не презирали, не считали насъ ничтожными существами въ самомъ даже училищѣ? А за тѣмъ кому неизвѣстно, что значитъ обращеніе начальника? Его ласковое слово, его одобрительная улыбка, снисходительное вниманіе ободряютъ, или, какъ выражаются поэты, окриляютъ подчиненнаго. Онъ забываетъ свое жалкое существованіе, малое жалованье, нужды и лишенія: „не *перемѣню*, говоритъ, *своей службы; такого отца начальника, какъ мой, не скоро найдешь.*“ Посмотримъ, каково положеніе наставниковъ т. е. полупрогрессистовъ и непрогрессистовъ духовныхъ училищъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Возбуждать и пріобрѣтать сочувствіе къ своимъ словамъ въ ученикахъ формальнаго запрещенія нѣтъ. Конечно частенько наставники встрѣчаютъ кое-какія препятствія въ этомъ случаѣ. Но съ другой стороны иногда слышатся даже совѣты въ родѣ слѣдующихъ: „преподавай хорошенько, будь ласковъ и добръ, ты пріобрѣтешь и любовь и уваженіе дѣтей.“ Подобные совѣты хороши въ приложеніи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, къ вольнымъ слушателямъ и вообще къ взрослымъ людямъ. Въ глазахъ ихъ дѣльный, краснорѣчивый и благородный профессоръ можетъ всегда надѣяться на пріобрѣтеніе уваженія и вниманія. Что же касается до учениковъ низшихъ и среднихъ училищъ, то предложенный совѣтъ не всегда достигаетъ цѣли. Дѣтямъ больше нравится поиграть, нежели сидѣть надъ дѣломъ; — побѣгать, нежели съ напряженнымъ вниманіемъ слушать нѣ-

сколько часовъ, хотя бы самаго Платона; тутъ необходимы не одни поощренія, но и побужденія, по крайней мѣрѣ убѣжденіе, что наставникъ что́ нибудь да значитъ. Вотъ почему наставникамъ надобно всегда предоставлять вліяніе на учениковъ; сознаніе этого вліянія заставитъ послѣднихъ быть повнимательнѣе къ словамъ первыхъ, а самаго наставника ободритъ и воодушевитъ къ педагогическимъ трудамъ. Не приписывайте гордости, если кто старается пріобрѣсти подобное вліяніе. Это есть не что иное, какъ простое желаніе человѣка, иногда сорокалѣтняго и даже пятидесятилѣтняго — не оставаться вѣкъ пулемъ и ничего не значить даже предъ мальчиками.

Въ свѣтскихъ училищахъ предоставлено наставникамъ право имѣть вліяніе на учениковъ при составленіи ученическихъ списковъ, при пріемѣ и выпускѣ воспитанниковъ. Конечно и въ духовныхъ училищахъ въ извѣстные сроки требуются отъ каждаго наставника списки. Въ академіяхъ при окончаніи курсовъ составляется даже конференція, гдѣ смѣлый наставникъ можетъ высказать свое мнѣніе. Но въ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ все вліяніе наставниковъ ограничивается *процессомъ*, такъ сказать, составленія и переписыванія списка. Затѣмъ отчасти на основаніи устава, отчасти по утвердившимся обычаямъ все зависитъ отъ начальника; онъ можетъ по своему усмотрѣнію измѣнить списокъ, повышая и понижая какихъ ему угодно учениковъ. Наставники даже не приглашаются на совѣщаніе при окончаніи курсовъ; имъ только предоставлена честь и удовольствіе получать выговоры отъ правленій академій и семинарій,

когда посланный безъ ихъ согласія туда ученикъ дурно выдержитъ экзаменъ по ихъ предмету. Ничтожество наставниковъ скоро замѣчено будетъ учениками. Они поймутъ, что имъ нѣтъ надобности уважать всѣхъ наставниковъ; *сила вся заключается въ начальникахъ, да еще въ двухъ, трехъ наставникахъ, почему либо близкихъ къ нему; имъ только и кланяйся, предъ ними только благоговый, и будешь счастливъ.* Мы сами въ 1856 году, идя съ ученикомъ семинаріи, услышали отъ него, что съ нами встрѣтился одинъ изъ его наставниковъ,—человѣкъ весьма дѣльный, но преподаватель свѣтской науки. Когда мы спросили ученика, почему онъ не поклонился ему, тотъ отвѣчалъ: *да этимъ* (замѣтьте *этимъ*) *мы не кланяемся.* Мы рѣшительно не можемъ объяснить, почему отнято у наставниковъ семинарій и низшихъ училищъ право имѣть вліяніе на своихъ учениковъ даже при составленіи окончательныхъ и переводныхъ списковъ; почему дѣла ведутся такъ, что ученики имъ даже не хотятъ кланяться? Вѣдь въ пространномъ объясненіи пятой заповѣди наставники причислены къ тѣмъ лицамъ, которыхъ надобно уважать и почитать, и притомъ рѣшительно ни въ одномъ катихизисѣ не сдѣлано исключенія касательно наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Мы хотимъ объяснить это теоріею одного знакомаго намъ математика и физика. Онъ полагаетъ, что каждому человѣку при самомъ рожденіи отпущено, такъ сказать, на цѣлую жизнь извѣстное количество добрыхъ и дурныхъ качествъ, и что, если кто слишкомъ съ начала жизни станетъ расходовать запасъ какихъ бы то ни было качествъ,

тотъ къ концу жизни останется безъ нихъ, — напр. бывши сначала филантропомъ, сдѣлается мизантропомъ. По этому намъ математикъ и физикъ совѣтуетъ быть во всемъ умѣреннымъ. Не на основаніи ли этой теоріи думаютъ, что и ученикамъ духовно-учебныхъ заведній отпущена отъ природы только извѣстная доза послушанія и уваженія къ старшимъ. И что если ее растрачивать на всѣхъ наставниковъ, то она скоро истощится? Съ этою цѣлію и сдѣланы такія распоряженія по ученой части, чтобы ученики весь запасъ даннаго имъ отъ природы послушанія и уваженія выставляли только предъ глазами однихъ своихъ начальниковъ и нѣкоторыхъ только наставниковъ съ ихъ науками; а прочимъ удѣляли какую либо расхожую мелочь.

Можно бы многое прибавить здѣсь о томъ незавидномъ, даже смѣшномъ положеніи, въ которое наставники непрогрессисты духовныхъ училищъ поставлены даже относительно своихъ учениковъ. Въ послѣдствіи мы выскажемъ не одно замѣчаніе, не одинъ фактъ касательно этого предмета. По теперь только замѣтимъ, что ничтожество, на которое осуждены не прогрессисты въ самыхъ училищахъ, препятствуетъ имъ дѣльно исполнять свои педагогическія обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это ничтожество и не лишало наставника уваженія учениковъ, котораго онъ въ правѣ требовать; если бы не уничтожало вліянія его на нихъ, безъ котораго не можетъ быть хорошихъ успѣховъ; то и при такихъ условіяхъ оно слишкомъ бы непріятно дѣйствовало на него; *сознаніе своего ничтожества, своего униже-*

нія убиваетъ дѣятельность въ сознающемъ. Но если разсматриваемое обстоятельство отнимаетъ уваженіе учениковъ и уничтожаетъ вліяніе на нихъ; если наставникъ замѣтитъ, что ученики на половину или даже менѣе посѣщаютъ его уроки, или сидя на нихъ не слушаютъ, или, слушая, не запимаются ими послѣ; если даже въ утѣшеніе ему скажутъ: „да что за охота вамъ обращать на это вниманіе, ходите въ классъ, сидите въ немъ законное число часовъ, а слушаютъ васъ или нѣтъ, что за бѣда?“ — Если все это соединится съ сознаніемъ ничтожества своего, то самый дѣятельный умъ потеряетъ охоту дѣйствовать; самая неугодливая голова пойметъ свое ничтожество; самый равнодушный и терпѣливый человѣкъ оскорбится своимъ смѣшнымъ положеніемъ. Зачѣмъ корпѣть надъ приготовленіемъ урока, изнурять свое здоровье, когда не станутъ слушать, или, слушая, не будутъ заниматься. Вы, г. читатель, при этомъ случаѣ, можетъ быть, станете осуждать тѣ лица, которыя препятствуютъ наставникатъ духовныхъ училищъ пріобрѣтать уваженіе учениковъ. Эхъ, господинъ, вы судите по свѣтскимъ училищамъ! По тамъ наставники люди прогрессивные; а мы уже вамъ сказали, что свѣтскіе наставники духовныхъ училищъ люди вполнѣ отсталые, совершенные *непрогрессисты*; а наставники священники могутъ назваться развѣ *полупрогрессистами*. Такъ зачѣмъ же подобнымъ людямъ предоставлять вліяніе на учениковъ? Они, пожалуй, и ихъ тоже сдѣлаютъ отсталыми людьми. Не лучше ли все отдать на волю начальниковъ, которые въ семинаріяхъ и академіяхъ принадлежатъ къ настоящимъ *прогрессистамъ*.

Ознакомившись отчасти съ тою ролею, которая усвоена наставникамъ духовныхъ училищъ по отношенію къ ихъ ученикамъ, никто, конечно, не станетъ ожидать, чтобы непрогрессисты могли имѣть слишкомъ большое значеніе въ глазахъ начальниковъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мальчикъ даже сынъ какого либо дьячка — не находитъ нужнымъ *кланяться этимъ;* то не странно ли требовать отъ начальника, да еще начальника не простаго, а прогрессиста, чтобы онъ высоко цѣнилъ учителя непрогрессиста? Вѣдь право неестественно подобное требованіе. Кромѣ того не нужно забывать о тѣхъ взаимныхъ чувствованіяхъ, не очень пріязненныхъ, которыя, какъ мы прояснили въ четвертомъ отдѣленіи, питаютъ другъ къ другу студенты иночествующіе и сертуконосцы. Вотъ почему, приступая къ описанію отношеній наставниковъ духовныхъ училищъ къ ихъ ближайшимъ и высшимъ начальникамъ, мы хотимъ сдѣлать наибольшое отступленіе; оно поставитъ васъ, г. читатель, на ту точку, съ которой сами прогрессисты и защитники ихъ смотрятъ на эти отношенія. Вообразите, любезный читатель, что вы находитесь на царско-сельскомъ ипподромѣ, или даже на аскотскихъ скачкахъ въ Англіи. Вотъ нѣсколько благородныхъ, даже благовоспитанныхъ животныхъ, вѣчныхъ спутниковъ и товарищей человѣка, ожидаютъ сигнала, чтобы доказать свое превосходство предъ соперниками. Сигналъ поданъ; они побѣжали; — двое или трое изъ нихъ взяли тотчасъ передъ, въ нѣсколько минутъ обѣжали ипподромъ и притомъ не сбившись ни одного раза, а другія еле движутся, оста-

навливаются и даже наконецъ рѣшаются лечь на бокъ и покоиться, не двигаясь съ мѣста. Не отдали ль бы вы предпочтенія первымъ? Стали ль бы жалѣть о послѣднихъ, если бы ихъ хозяева, вмѣсто овса и сѣна, дали имъ только солому, вмѣсто чистой конюшни предоставили бы имъ самимъ искать отдыха на общемъ скотномъ дворѣ? Вѣдь, хоть они и животныя, а относительно ихъ надобно быть справедливыми; воздавая каждому изъ нихъ по дѣламъ его. Посмотрите даже, какъ обогнавшіеся животныя съ пренебреженіемъ смотрятъ на отсталыхъ и залежавшихся! Какъ же послѣ этого обвинять прогрессистовъ, если они не питаютъ уваженія къ своимъ собратамъ и подчиненнымъ непрогрессистамъ? Вѣдь жизнь есть тоже ипподромъ, сказалъ какой то греческій мудрецъ. И какъ же уважать человѣка, который остается вѣчно въ одномъ и томъ же положеніи, съ однимъ и тѣмъ же жалованьемъ? Животное еще можно простить, — оно животное; ну, а человѣкъ рожденъ для движенія, для прогресса, а между тѣмъ сидитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Даже со стороны прогрессистовъ благородно принять непрогрессистовъ не только подъ свое высокое покровительство, но и подъ свой отеческій и начальническій надзоръ, смотрѣть за ними, какъ за слабыми дѣтьми. Такъ они и поступаютъ большею частію. Но и здѣсь *должно будто бы судить о прогрессистахъ, какъ о людяхъ.* Мы уже сказали что люди, принадлежащіе, такъ сказать, къ двумъ сословіямъ, имѣютъ полное право предпочитать то, которое стоитъ выше, нравится имъ больше, нежели другое; поэтому

правила, обычаи, привычки, дисциплину перваго приспособлять къ послѣднему. Почему же послѣ этого прогрессистамъ инокамъ вмѣстѣ и начальникамъ на отсталыхъ, залежалыхъ людей не распространить благодѣтельнаго вліянія правилъ, свойственныхъ иноческому сословію? Но по правиламъ, установленнымъ Антоніемъ Великимъ, Ѳеодоромъ Студитомъ, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, повиновеніе, — безусловное повиновеніе начальнику есть существенная обязанность подчиненнаго инока. Чегобы первый ни потребовалъ, послѣдній исполняй все безропотно. А по этой весьма основательной причинѣ наши прогрессисты имѣютъ будтобы полное право пріучать непрогрессистовъ къ безусловному смиренію и сознанію собственнаго ничтожества, или, выражаясь по фихтовски, къ *абсолютному отреченію отъ собственнаго я.* Но по устройству человѣческой природы ни одно возвышенное намѣреніе относительно своихъ ближнихъ не можетъ обнаружиться иначе, какъ въ какихъ либо внѣшнихъ формахъ. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ формы эти слишкомъ разнообразны и большею частію зависятъ отъ личнаго характера начальника, отъ господствующихъ преданій въ учебномъ заведеніи. Всѣ эти формы описывать нѣтъ возможности; мы только укажемъ на блестящій результатъ филантропическихъ усилій прогрессистовъ пріучить своихъ подчиненныхъ непрогрессистовъ къ безропотному повиновенію, къ безпредѣльному смиренію.

Видали ль, знаете ли хоть по слухамъ тѣ сцены, которыя бывали въ деревняхъ, когда виновные мужики и бабы являлись предъ грозное лицо барина,

чтобы получить достойное и неизбѣжное возмездіе за свои преступленія? Гдѣ либо на дворѣ, или въ какомъ нибудь сараѣ стоятъ они съ поникнутыми головами, мужики безъ шапокъ и развѣ искоса посматриваютъ на длинные и полновѣсные пучки березовыхъ вѣтвей, заготовленныхъ для ихъ угощенія, а бабы всхлипываютъ, или, извините за выраженіе, *ревутъ чуть не во все горло.* Раздается роковое слово: *идетъ;* мужики и дабы встрепенулись, вытянули свои шеи, поворотили свои глаза туда, откуда приближается грозный судія, и какъ скоро онъ войдетъ или подойдетъ, то, желая смягчить гнѣвъ своего владыки, дѣлаютъ ему цѣлымъ міромъ земный поклонъ и, лежа въ уничиженномъ положеніи, молятъ о своемъ прощеніи. Подобная сцена, разумѣется тяжела, вовсе не гуманна; тутъ дѣйствуетъ страхъ наказанія, надежда помилованія, старостина палка, заготовленныя розги и даже вѣковое рабство. Но представьте себѣ, что люди свободные, — совершенно свободные, какъ это можно доказать многочисленными статьями свода законовъ, — что эти свободные люди безъ старостиной палки, не чувствуя никакой за собой вины, явились къ начальнику, не для полученія наказанія, даже не для выговора, а для поздравленія съ какимъ либо праздникомъ и т. п.; — представьте, что они единственно изъ безпредѣльнаго уваженія къ своему патрону, изъ желанія выразить свою безграничную ему преданность, почувствуя смиренія, изъ сознанія собственнаго ничтожества предъ высокимъ саномъ своего начальника, дѣлаютъ ему поклоненіе; — это уже не мужицкая сцена, а истинно патріархальная, ко-

торой происхожденіе и значеніе надобно отъискать въ допотопныхъ временахъ. Такія-то умилительныя сцены еще можно встрѣчать и нынѣ, а прежде ихъ было слишкомъ много въ духовныхъ училищахъ. Вотъ цѣлое ученое сословіе наставниковъ непрогрессистовъ, полупрогрессистовъ и даже самихъ начальниковъ прогрессистовъ является, положимъ, въ какой либо праздникъ къ своему высшему общему начальнику для поздравленія, къ самому Его Пр—ву. Всѣ стоятъ въ почтительномъ и чуть, чуть не благоговѣйномъ ожиданіи. Наконецъ отверзуются двери и едва начальникъ переступилъ порогъ ихъ, какъ все сословіе, магистры и кандидаты въ узкихъ и болѣе просторныхъ одеждахъ, въ форменныхъ сюртукахъ и рясахъ, въ клобукахъ, камилавкахъ и скувьяхъ, съ крестами въ петлицѣ, на шеѣ, — все распростирается предъ появившимся свѣтиломъ. Начальникъ даетъ имъ общее благословеніе въ этомъ смиренномъ положеніи; они встаютъ и начинаютъ каждый отдѣльно подходить къ нему и получать, по свойственной ему снисходительности, новое благословеніе. Усерднѣйшіе, а иногда и каждый, тутъ вновь дѣлаютъ поклоненіе и даже два — предъ полученіемъ благословенія и послѣ него. Когда всѣ подойдутъ и вновь выстроятся съ лицами, покраснѣвшими и сіяющими, разумѣется, отъ удовольствія, что удостоились такого отеческаго пріема, выслушиваютъ нѣсколько наставительныхъ изреченій и потомъ отпускаются. Тутъ вновь начинается поклоненіе; нельзя же не выразить своей благодарности за столь превосходный пріемъ. Согласитесь, что такія сцены, конечно, не повсемѣст-

ныя нынѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, совершенно неизвѣстныя въ другихъ сословіяхъ, — согласитесь, что онѣ истинно патріархальныя, отзываются какими то отеческими съ одной и сыновными съ другой стороны отношеніями; вѣдь тутъ, повторимъ, нѣтъ ни палки, ни преступленія, ни наказанія; тутъ только выраженіе того смиреннаго положенія, той кротости, того послушанія, къ которому пріучены подчиненные. Прибавьте къ этому, что разговоръ ведется всегда по образцу древнихъ Римлянъ, которые только про себя говорили *мы*, а всякому непремѣнно *ты;* даже цезари этимъ *ты* не обижались. Такимъ образомъ, какъ угодно, *описанная нами сцена истинно античная, археологическая, даже допотопная!*

Вообще въ отношеніяхъ между наставниками и начальниками духовныхъ заведеній съ одной и ближайшею къ нимъ высшею властію съ другой стороны *защитники прогрессистовъ замѣчаютъ много семейнаго, отеческаго.* Вы напр. знаете, что отецъ, лаская своего сына, называетъ его иногда *дурачкомъ, глупенькимъ*, вовсе впрочемъ не считая его такимъ, а напротивъ будучи въ восхищеніи отъ его дѣтскаго ума. Подобное случается видѣть на частныхъ и публичныхъ испытаніяхъ въ духовныхъ училищахъ. Какая, говорятъ, нужна простота и чистота нравовъ, какія семейныя отеческія отношенія, когда главный начальникъ вдругъ говоритъ при всей публикѣ наставнику иногда тоже не молодому: *экой ты дуракъ, что это ты за глупости городишь?* Мы помнимъ какъ такой комплиментъ получилъ человѣкъ съ Вла-

димiромъ и Анною на шеѣ. Не думайте, чтобы отъ этого произошли какая либо соблазнительна сцена; вовсе ничего подобнаго не случилось. Получившiй комплиментъ въ чувствѣ сыновней преданности очень низко поклонился сказавшему. Мы даже знали одного начальника духовнаго училища, который бывалъ въ восхищенiи, если высшiй начальникъ на экзаменѣ, выражаясь по свѣтски, *распекалъ* его. *Ну слава Богу*, говаривалъ онъ, *теперь все хорошо, онъ доволенъ, а я уже боялся, не сердитъ ли онъ на меня изъ за чего нибудь.* Это истинное происшествiе! И распекавшiй и распекавшiйся еще теперь живы.

Описанныхъ нами патрiархальныхъ сценъ конечно не бываетъ между наставниками духовныхъ училищъ и непосредственными ихъ начальниками, но, разумѣется, между тѣми и другими находится дистанцiя огромнаго размѣра. Мы пока не станемъ указывать на примѣры, а выскажемъ доказательство a priori. Вы знаете, что въ природѣ нѣтъ скачковъ, а вездѣ самая строгая постепенность, незамѣтный переходъ отъ одного къ другому. Далѣе ботаника вполнѣ подтверждаетъ, что растенiя раздѣляются на вертикально растущiя и на ползающiя, а зоологiя и анатомiя доказываютъ, что человѣкъ по устройству ногъ своихъ можетъ и долженъ удерживать вертикальное положенiе. Теперь неужели вы думаете, что распростертое, горизонтальное положенiе, которое мы замѣтили въ вышеописанныхъ сценахъ, неужели оно составляетъ скачекъ? *Иныѣ до этого дошли постепенно.* Еще спросите всякаго эквилибриста, чего ему стоили тѣ неестественныя позы, которымъ вы такъ

удивляетесь, сидя въ балаганѣ? Поэтому можете догадаться, что должна же быть практика, которая пріучила наставниковъ, и прогрессистовъ и непрогрессистовъ, принимать въ извѣстныхъ случаяхъ положеніе втораго указаннаго нами разряда растеній. И кто же могли быть лучшими наставниками ихъ по этой части, какъ не ближайшіе ихъ начальники? Кажется такъ. Тутъ конечно распростертыя положенія не часто встрѣчаются; но при поклонахъ соблюдается не только прямый, и даже острый уголъ; — слышится конечно больше *вы*, но иногда прорывается и величественное *ты* и пр. Не осуждайте за это почтенныхъ ближайшихъ начальниковъ; вѣдь они со временемъ надѣются быть высшими и уже знаютъ, что ихъ подчиненнымъ никогда съ ними не сравняться. Почему же имъ не устроить дѣла такъ, чтобы заранѣе, хоть не много пріучить себя къ наслажденію, которое они станутъ испытывать, достигши величія? Быстрые переходы, а особенно скачки, какъ мы замѣтили, не хороши; вездѣ лучше соблюдать постепенность. Отчего же не потребовать отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы они выражали свою почтительность къ нимъ въ довольно грандіозныхъ формахъ? Почему не поставить своихъ подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ робкихъ и покорныхъ, въ такое положеніе, чтобы они еще издали, саженей за 5—10, обнажали свои головы при встрѣчѣ съ начальникомъ, дѣлали такой поклонъ, который бы рѣзко показывалъ дистанцію между привѣтствующими другъ друга? Почему какъ будто бы не замѣчать, что подчиненный, не смотря на порывистый вѣтръ, на сильный морозъ,

стоитъ съ обнаженною головою? Зачѣмъ стѣснять его въ выраженіи своей преданности и почтительности?

Понравилось ли вамъ, добрый и любезный читатель, обращеніе прогрессистовъ съ непрогрессистами? Какое чувство пробудили въ васъ описанныя нами сцены? Негодованіе ли на требующихъ и принимающихъ поклоненія? Сожалѣніе и презрѣніе къ поклоняющимся? Что скажете и о причинахъ, которыми стараются извинить и даже выставить въ благопріятномъ свѣтѣ взаимныя отношенія начальниковъ и наставниковъ духовныхъ училищъ? Причинъ, кажется, очень много; и онѣ такъ разнообразны! Для подтвержденія ихъ призваны на помощь царскосельскій ипподромъ, аскотскій скачки, эквилибристика, зоологія, ботаника, крѣпостное право, прогрессисты и непрогрессисты. Но если вамъ все это кажется не удовлетворительнымъ, то для вашего убѣжденія, можетъ быть, еще укажется на то, что прогрессисты представляютъ, или будутъ со временъ представлять лице Того, *предъ которымъ преклоняются вси племена земныя.* Такъ какъ же теперь какому либо забытому всѣмъ свѣтомъ непрогрессисту не распростираться, не повергаться ницъ предъ столь высокими особами? И почему *симъ особамъ* не принимать *оныхъ преклоненій,* какъ необходимую дань величію ихъ настоящаго или будущаго сана, какъ выраженіе ничтожества поклоняющихся предъ Тѣмъ, Кого они—принимающіе поклоненія — изображаютъ, или будутъ изображать въ своемъ лицѣ. Думайте вы, г. читатель, какъ угодно, оправдывайте прогрессистовъ всѣми

возможными, даже невозможными доказательствами; но мы открыто заявляемъ себя на сторонѣ непрогрессистовъ; мы искренно соболѣзнуемъ объ ихъ болѣе нежели униженномъ положеніи, даже чуть чуть не рабскомъ.

Но здѣсь защитники прогрессистовъ могутъ сказать: „вѣдь равными всѣмъ быть нельзя; родъ человѣческій непремѣнно долженъ раздѣляться на начальниковъ и подчиненныхъ; и первые, разумѣется, во всемъ и по всему должны отличаться отъ послѣднихъ и стоять выше ихъ.“ Кто не знаетъ неравенства людей и состояній? Но вездѣ оно объясняется естественно. *Мы понимаемъ* невольничество негровъ въ нѣкоторыхъ изъ сѣверо-американскихъ штатовъ; негръ, своимъ цвѣтомъ, своими, какъ говорятъ, способностями отличаясь отъ бѣлаго, какъ будто точно рожденъ для прислуживанія ему; негръ былъ рабомъ Египтянъ, остается имъ у Турокъ; вѣроятно ему суждено быть въ такомъ положеніи надолго еще. — *Мы понимаемъ* наше бывшее крѣпостное право; и тутъ первоначально разность племенъ, право побѣдителя надъ побѣжденными провели черту между боярствомъ и смердами: потомъ какому либо пращуру за его услуги даны были отчины съ прикрѣпленными къ нимъ христіанскими душами; на эти отчины употреблены капиталы, онѣ передавались изъ рода въ родъ, какъ наслѣдство, часто покупались на чистыя деньги; кромѣ того крестьяне, вообще говоря, и по рожденію и по правамъ гражданскимъ и по образованію ниже помѣщиковъ. *Мы понимаемъ* неравенство между образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ, между

богачемъ и бѣднякомъ; умъ одного, трудъ и дѣньги другаго подчиняютъ имъ прочихъ людей; все это понимаемъ. Но, Бога ради, за что такое неравенство между наставниками — непрогрессистами и начальниками прогрессистами? Вѣдь тѣ и другіе безъ исключенія принадлежатъ къ одному не только народу, но и сословію; на первыхъ нѣтъ клейма ни чернокожаго, ни краснокожаго; даже хоть напр. иной изъ нихъ сынъ протоіерея и магистръ, а у него начальниками бываютъ дѣти причетниковъ и кандидаты а иногда, хотя и рѣдко не имѣютъ никакой ученой степени. Тѣ и другіе учились въ однихъ и тѣхъ же училищахъ; притомъ очень часто подчиненный былъ, напр. въ академіи постоянно въ первомъ разрядѣ, а начальникъ его принадлежалъ къ тѣмъ лицамъ, про которыхъ говорятъ: *иже о Христѣ Іисусѣ;* первый даже и курсъ кончилъ выше послѣдняго. Подчиненный состоитъ на службѣ 15—25 лѣтъ, должность свою исполняетъ усердно, а начальникъ его вышелъ изъ академіи только лѣтъ пять, бывшій ученикъ его, даже сынъ ученика. *За что же непрогрессисты осуждены безъ всякаго со стороны ихъ преступленія оставаться навсегда чѣмъ то въ родѣ пролетаріевъ.* Далѣе мы, какъ человѣкъ которому уже *стукнулъ шестой десятокъ лѣтъ*, вполнѣ признаемъ необходимость начальства; но думаемъ, что можно быть начальникомъ, не унижая, не отягощая своимъ величіемъ подчиненныхъ, по крайней мѣрѣ честныхъ, исправныхъ и благородныхъ. Мы согласны, что подчиненные такъ или иначе обязаны выражать свое уваженіе къ начальникамъ, но смѣемъ утверждать, что для этого

есть формы, которыя не унизительны для человѣческаго достоинства. Но уже никакъ не поймемъ слѣдующихъ обстоятельствъ. *Зачѣмъ* человѣкъ иногда не молодой, съ порядочно голою даже головою долженъ за пять саженей скинуть шляпу предъ начальникомъ и стоять безъ нее 10—20 и болѣе минутъ, не смотря на порывистый вѣтеръ, или сильный морозъ. *Зачто* высокій начальникъ говоритъ ему всегда *ты*, когда нынѣ губернаторъ къ писцу губернскаго Правленія обращается съ *вы*, когда иной баринъ даже лакея не всегда *тыкаетъ*? *Зачто* иногда требуютъ чтобы подчиненный сдѣлалъ своему начальнику тоже привѣтствіе, какое подлѣйшіе рабы Персидскаго шаха, какъ выражался Хаджи-Баба, дѣлаютъ предъ своимъ повелителемъ; — чтобы онъ, магистръ и профессоръ, лобызалъ въ буквальномъ смыслѣ прахъ, по которому ступаетъ нога его начальника. *За что* людей, имѣющихъ ученые дипломы, при публикѣ, при ученикахъ называютъ дураками? *За что*, повторимъ? Не ужели только за то, что они не облекли себя вмѣсто узкаго фрака и сертука въ болѣе просторныя и длинныя одѣянія?

Въ этомъ мѣстѣ не только оффиціальные защитники прогрессистовъ, но и люди вполнѣ безпристрастные могутъ сказать, по видимому съ достаточною справедливостію: „кто же препятствуетъ наставникамъ духовныхъ училищъ не забывать свое человѣческое достоинство и не унижать себя низкопоклонничествомъ? Нигдѣ, ни въ общихъ законахъ, ни въ частныхъ постановленіяхъ — письменныхъ или печатныхъ не сказано, чтобы всякій распростирался, или сгибался

до нельзя предъ своимъ начальникомъ стоявъ предъ нимъ съ открытою головою на морозѣ и пр. Нигдѣ также не постановлены наказанія за то, когда кто нибудь не плоклонится въ ноги начальнику, или сдѣлаетъ поклонъ не въ 90°, а въ 45°. Такъ пусть же они удерживаютъ человѣческое достоинство, сохраняютъ неотъемлемую ни у кого самостоятельность и сознаютъ себя не искривленными растеніями, не пресмыкающими животными, а разумными существами!" И мы съ своей стороны скажемъ, что оффиціальныхъ постановленій по разсматриваемымъ нами пунктамъ *не имѣется;* выписками изъ журналовъ правленій никого не обязываютъ къ тому, или другому роду поклоненій, хотя не можемъ не сказать, что внѣшняя обстановка и устныя наставленія пополняютъ въ этомъ случаѣ недостатокъ постановленій. Вотъ молодой наставникъ является въ какую либо семинарію; его ведутъ для представленія высшему начальнику. Посмѣетъ ли онъ при самомъ началѣ своего служебнаго поприща не послушаться совѣта оставить студентческую гордость (которой впрочемъ иногда и не было) и не выразить уваженія горизонтальнымъ положеніемъ своего тѣла? Посмѣетъ ли онъ это сдѣлать, когда самъ ближайшій его начальникъ служитъ въ томъ примѣромъ? Какъ ему удержать свое вертикальное, или по крайней мѣрѣ не очень наклонное положеніе при разныхъ оффиціальныхъ церемоніяхъ, когда и начальники и старые сослуживцы иначе выражаютъ свою преданность? Точно такимъ же образомъ какъ ему надѣть на себя фуражку предъ начальникомъ, когда какой либо ста-

рый служака стоитъ съ съ непокрытою головою? Но положимъ, что онъ и рѣшился сохранить свое человѣческое достоинство; пусть попробуетъ. Тамъ ему замѣтятъ, что онъ опоздалъ притти въ классъ; здѣсь скажутъ, что онъ соблазняетъ учениковъ и распространяетъ между ними безнравственность, куря папиросы и сигары, нося слишкомъ длинные волосы, отпустивъ бакенбарды, полубороду и *пр.*; *потомъ на* экзаменѣ серьезно уже замѣтятъ, что его *ученики* плохо отвѣчаютъ, что *прочіе наставники гораздо* исправнѣе его вольнодумца. А тамъ *доселѣ былъ* отмѣчаемъ *поведенія очень хорошаго, очень исправенъ, очень благонадеженъ;* а тутъ уже *очень* будто пропало; а потомъ замѣнили его словомъ *довольно;* а тамъ высшее начальство уже спрашиваетъ: благонадеженъ ли такой-то наставникъ? При такихъ обстоятельствахъ, г. читатель, по неволѣ издали еще скинешь фурашку, простоишь безъ нее полчаса и часъ, хотя бы пришлось отморозить уши и простудить голову, поклонишься до полу, хотя бы подтяжки и штрипки разорвались.

И потому г. читатель, особенно вы, свѣтскіе люди, не смѣйтесь надъ бѣдными непрогрессистами, не презирайте ихъ за уничиженіе, на которое судьба ихъ осудила! Въ пользу ихъ есть много *смягчающихъ* обстоятельствъ. А лучше посудите безпристрастно о тѣхъ людяхъ, которы довели ихъ до того уничижительнаго положенія, по крайней мѣрѣ не выводятъ изъ него, имѣя на то возможность. Имъ нельзя сказать, что они принимаютъ поклоненія по неволѣ, противъ своего желанія. Русскій людъ при-

выкъ къ подчиненности и дисциплинѣ; — онъ готовъ слушаться своего начальства. И потому послѣднему стоитъ только выразить желаніе, сдѣлать даже намекъ, что бы никто предъ нимъ не преклонялся; — и желаніе его тотчасъ будетъ исполнено. Но если какой бы то ни было начальникъ не обижается *творимыми* его особѣ *поклонами*, если открыто и сильно не выражаетъ противъ нихъ своего неудовольствія, если поклоняющіеся пользуются его благосклонностію, а непокляющіеся лишены ея, то повѣрьте, что начальникъ желаетъ и требуетъ поклоновъ, что въ глазахъ его погибъ тотъ подчиненный, который ихъ не дѣлаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы никакъ не можемъ надивиться этимъ людямъ; не можемъ постигнуть того наслажденія, которое они, вѣроятно, чувствуютъ, видя, какъ предъ ними сгибаются и распростираются не мужики неуклюжіе, не лакеи раболѣпные, не бабы деревенскія, а люди ученые, образованные, съ орденами и другими отличіями, люди почетные, которымъ даже физически трудно согнуться. Неужели въ самомъ дѣлѣ пріятнѣе смотрѣть на затылки и спины распростертыхъ какихъ-то существъ, нежели на открытыя лица стоящихъ людей? Неужели въ самомъ дѣлѣ можно въ душѣ наслаждаться раболѣпнымъ униженіемъ своихъ равныхъ по образованію, а часто и по лѣтамъ братій? Богъ знаетъ, можетъ быть, есть люди, которое во всемъ этомъ находятъ удовольствіе. Слишкомъ за десять лѣтъ пріятель нашъ докторъ лечилъ одного изъ такихъ людей. Докторъ любилъ поговорить въ своими паціентами не объ одной только болѣзни, а и о житейскихъ дѣлахъ. Выздоравливав-

лій и благодарный паціентъ по связи разговора разсказалъ доктору, какъ ему не очень давно удалось *поприжать* одного изъ прежнихъ своихъ *благодѣтелей*, т. е. *уничтожить* его. Озадаченный эскулапъ невольно спросилъ паціента: что же заставило его такъ поступить съ своимъ благодѣтелемъ? „Ахъ, отвѣчалъ паціентъ, вы, А. П., не знаете, *какъ пріятно иногда поприжать человѣка.*“ Да можетъ быть, такихъ людей и немало. А съ этимъ мы были даже знакомы и кромѣ этого качества находили его человѣкомъ хорошимъ. Одно только намъ на прощаньѣ хочется сказать имъ; вѣдь каждый человѣкъ носитъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе. И потому даже начальники, присвоивающіе себѣ право представлять лицо Того, *предъ Кѣмъ преклоняются всѣ племена земныя*, даже они не погрѣшаютъ ли предъ Богомъ, доводя до униженія существа, созданныя по Его образу и подобію?

Довольно! остановимся на этомъ и вмѣстѣ попросимъ васъ, честный и безпристрастный читатель, припомнить все сказанное нами въ этомъ отдѣленіи. Вѣроятно, вы согласитесь съ нами, что наставники духовно-учебныхъ заведеній т. е. полупрогрессисты и непрогрессисты въ значеніи своемъ между учениками и въ отношеніяхъ къ ближайшимъ и высшимъ начальникамъ найдутъ немногое, чѣмъ бы они могли утѣшить себя и ободрить къ педагогическимъ трудамъ. Ничтожество унизительное и обидное, ничѣмъ не заслуженное, вотъ въ чемъ они могутъ искать ободреніе и поощреніе! Вотъ въ чемъ состоятъ ихъ непечатныя привиллегіи!

Отдѣленіе седмое.

О неоффиціальной жизни наставниковъ непрогрессистовъ.

Кто имѣлъ терпѣніе прочитать наши замѣчанія о положеніи наставниковъ — непрогрессистовъ, у того могутъ родиться вопросы: зачѣмъ они поступаютъ на службу въ духовно-учебныя заведенія, когда передъ уже могутъ знать, что имъ отъ нее нельзя ожидать много удовольствія? Зачѣмъ не оставляютъ ее, какъ можно скорѣе, когда она уже по собственному ихъ опыту оказывается неблагодарною и непривлекательною? Зачѣмъ не поступаютъ въ духовное званіе, или не переходятъ въ гражданскую службу? Вѣдь они не крѣпостные, а свободные люди. Подобный совѣтъ хорошо давать тому, у кого есть наслѣдственное богатое имѣніе, есть знатная родня, есть могущественная протекція, есть деньги, есть что нибудь, чѣмъ можно отпирать двери къ сильнымъ земли. Но пусть совѣтникъ попробуетъ родиться съ клеймомъ — извините за выраженіе — кутейника, получитъ въ наслѣдство капиталъ, который еженедѣльно доставляетъ вмѣсто процентовъ по семи дней, остаться подъ одною протекціею своей собственной особы; пусть доходовъ его — еле достаетъ на насущный хлѣбъ; тогда то онъ пусть попробуетъ искать себѣ службы!

Въ самомъ дѣлѣ ученика семинаріи при окончаніи курса или за годъ до того уговариваютъ поступить въ духовную академію. Смѣшно было бы отказаться отъ этого; потому что онъ въ епархіи

можетъ дожидаться мѣста иногда года два, четыре и болѣе; кромѣ того начальство и отецъ могутъ приказать ему непремѣнно отправиться въ академію. Кончивши здѣсь курсъ и получивши мѣсто въ академіи или семинаріи, онъ опять не можетъ отказаться отъ него, потому что за свое воспитаніе обязанъ прослужить четыре года по духовно-учебному вѣдомству. Послѣ четырехъ лѣтъ ему, конечно, никто не станетъ препятствовать оставить ученую службу, даже съ удовольствіемъ примутъ и пустятъ въ ходъ просьбу его объ отставкѣ. Но нѣкоторые изъ наставниковъ, особенно молодые люди, влюбляются, впрочемъ не въ особъ прекраснаго пола, а въ ту науку, которую преподаютъ; другіе хотя этой глупости не дѣлаютъ и чувствуютъ нужду поскорѣе оставить ученую карьеру, но вдругъ сдѣлать не могутъ. Перейти въ гражданскую службу изъ профессоровъ на мѣсто писца — щекотливо, а штатной должности безъ протекціи, безъ особеннаго случая получить нельзя. Сколько примѣровъ, что магистры и профессоры не были приняты въ помощники столоначальниковъ даже въ губернскія палаты? Ученая служба по другимъ вѣдомствамъ почти закрыта для воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Остается поступить въ иночество или бѣлое духовенство. Но мы уже видѣли, отчего немногіе только рѣшаются прикрыть себя черною рясою. Поступить въ бѣлое духовенство, разумѣется, можно, даже и лестно, особенно для магистра; тутъ и всегдашняя пенсія въ 100 рубл. сер. и знакъ отличія — магистерскій крестъ, возлагаемый на всякаго магистра священника. Но и

здѣсь являются препятствія; гдѣ ихъ нѣтъ? Извѣстно, что бѣлое духовенсто вообще, кромѣ немногихъ исключеній, бѣдно, не смотря на возгласы его завистниковъ. Пока отецъ живъ, — семейство въ довольствѣ, по крайней мѣрѣ не всегда въ нищетѣ; но умри отецъ, или оставь службу, — семейство не въ состояніи содержать себя безъ какихъ либо пособій Вотъ откуда истекаютъ милосердыя распоряженія епархіальныхъ начальниковъ касательно священно и церковнослужителей или престарѣлыхъ, или умершихъ. Всѣмъ такимъ семействамъ помогать епархіальному начальству изъ своихъ средствъ, или изъ капиталовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія невозможно. Въ замѣну этого найденъ давно и утвержденъ годами особый способъ, можно сказать, *особая теорія помогать бѣдности*, кажется, нигдѣ неизвѣстная, кромѣ нашаго бѣлаго духовенства въ гражданской или военной службѣ мѣста не наслѣдственны; сдѣлался старъ или умеръ чиновникъ; на мѣсто его назначается новый по старшинству, или по достоинству. Но въ духовенствѣ мѣста бо̀льшею частію наслѣдственны; притомъ не столько въ мужеской, сколько въ женской линіи, хотя это оффиціально нигдѣ не сказано. Сдѣлался ли старымъ священникъ, діаконъ и проч.; они идутъ ко Владыкѣ (такъ обыкновенно называютъ епархіальныхъ начальниковъ) и просятъ его позволить *сдать свое мѣсто* или сыну, или дочери, т. е. тому семинаристу, который вступитъ съ нею въ бракъ. Прошеніе всегда почти уважается. Тоже бываетъ и въ случаѣ смерти духовныхъ лицъ. Но если дѣти еще малы, то *дается*

указъ на семейство, какъ обыкновенно говорятъ, т. е. мѣсто остается вакантнымъ и семейство покойника обязано нанимать какое либо заштатное лицо для исправленія церковной службы и требъ до того времени, пока выростутъ сынъ или дочь. Во многихъ епархіяхъ въ случаѣ неимѣнія дѣтей, сдаютъ мѣста внукамъ, внучкамъ, племянницамъ и племянникамъ, даже просто родственникамъ и родственницамъ. Всѣ такимъ образомъ поступающія на мѣста лица принимаютъ на себя обязательство или пропитывать семейство предшественника, или выдавать ему особую сумму съ извѣстнымъ количествомъ разной провизіи; подобныя обязательства иногда бываютъ обременительны, простираясь даже въ селахъ до 200 рубл. сер. и болѣе. *Обычай конечно оригинальный и во всемъ блескъ выставляетъ милосердіе епархіальныхъ начальниковъ къ бѣднымъ!* Но за всѣмъ тѣмъ всякій наставникъ духовно-учебныхъ заведеній долженъ или ждать вполнѣ вакантнаго мѣста, или покориться этому обычаю, что обыкновенно и дѣлаетъ большая часть учителей низшихъ духовныхъ училищъ. Но о наставникахъ семинарій и академій судите добрые люди по человѣчески. Они въ семинаріи и академіи проучились по 15 лѣтъ и болѣе, получили ученыя степени, служили нѣсколько лѣтъ въ ученыхъ должностяхъ, и послѣ того *не тяжело ли* будетъ для нихъ мысль занять мѣсто потому между прочимъ преимущественно, что возмешь за себя особу прекраснаго пола, можетъ быть и не прекрасную? *Нетяжело ли*, дожившіи до 30 и болѣе лѣтъ и, какъ кажется, заслужившіи по своимъ личнымъ качествамъ

священническое мѣсто, выдавать лѣтъ 10, 20 и болѣе пособіе семейству предшественника? *Не тяжело ли* вступать въ бракъ не по влеченію своею сердца, а по чисто коммерческому почти разсчету? *Право тяжело!!!* Вотъ отъ чего бѣднымъ наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній приходится ждать долго-долго совершенно-вакантныхъ мѣстъ. А между тѣмъ время бѣжитъ; лѣта уходятъ, стукнуло уже 30, 35, 40 лѣтъ; уже поздно поступать во священники. Вотъ исторія большей части наставниковъ непрогрессистовъ! Дополнимъ ее описаніемъ нѣкоторыхъ подробностей.

Болѣе догадливые изъ нихъ стараются поскорѣе перейти въ другое какое либо вѣдомство и на духовно-училищную службу смотрятъ, какъ на временную станцію, на которой нужно перемѣнить лошадей, чтобы доѣхать до другой станціи. Затѣмъ остающихся надолго или навсегда при училищахъ свѣтскихъ наставниковъ можно раздѣлять на два разряда. Одни изъ нихъ, не смотря на свои стѣсненныя обстоятельства, вступаютъ въ супружество. Ну, какъ бы не понять, что имъ непрогрессистамъ не за чѣмъ подражать порядочнымъ людямъ, которые могутъ еще надѣятся, что будутъ въ состояніи содержать и себя и семейство! За то чего имъ не приходится послѣ вытерпѣть? Сколько у нихъ бываетъ заботъ, сколько преждевременно появляется сѣдыхъ волосъ, если Богъ благоволитъ ихъ потомствомъ? Имъ не хочется отдавать своихъ дочерей въ замужество за дьячка или даже дьякона (народъ гордый); они желаютъ дать сыновьямъ своимъ воспи-

таніе университетское? Но гдѣ имъ взять денегъ для приданаго дочерямъ при высокой современной таксѣ на него? Гдѣ взять тѣхъ же денегъ на то, чтобы сыну дать возможность отравиться въ университетъ и пожить тамъ годъ или два на своемъ содержаніи въ ожиданіи стипендіи? Гдѣ спросимъ, когда многіе изъ нихъ въ полномъ смыслѣ затрудняются ежедневными разходами на содержаніе семейства, когда ждутъ особеннаго благопріятнаго случая, чтобы сшить себѣ и дѣтямъ обновки, когда нерѣдко приходится *самимъ колоть дрова, рубить капусту и ходить съ ведромъ за водою?* (NB. вѣрные факты).

Другіе свѣтскіе наставники, наученные примѣромъ своихъ сослуживцевъ, рѣшаются оставаться вѣчными холостяками. Они, конечно, по крайней мѣрѣ въ семинаріяхъ и академіяхъ, могутъ жить съ нуждою пополамъ, имѣть даже снотовую шубу; но за то, что за жизнь въ другихъ отношеніяхъ? Въ молодости, когда все намъ улыбается, вездѣ видимъ надежду и строимъ еще планы, и нашъ холостякъ живетъ даже весело. Батюшки и матушки, у которыхъ есть дочки, ласкаютъ и просятъ его ходить запросто: начальники, не видя въ немъ стараго служаки, снисходительны къ нему. Правда, возвратившись въ квартиру, онъ находитъ въ ней неказенную мебель и какого либо Ивана и ли Андрея, отставнаго солдата, своего камердинера, повара и пр. и пр. Впрочемъ крѣпкій сонъ и молодость не позволяютъ видѣть пустоту такой жизни. Но вотъ онъ на службѣ лѣтъ десятокъ или два; матушки и батюшки перестаютъ приглашать его къ себѣ, дочки подсмѣиваются надъ чудакомъ;

начальники моложе и часто бывшіе ученики его; прежніе однолѣтніе сослуживцы вышли вонъ; новые къ старику не лѣзутъ: родныхъ вблизи нѣтъ, а если и есть, то являются, чтобы просить пособія себѣ; собственное ничтожество въ самомъ училищѣ открылось ему въ своей наготѣ; въ будущности ничего не видитъ пріятнаго; все тотъ же истертый предметъ, тѣже не слушающіе и неслушающіеся ученики; таже механическая монотонная жизнь; — каково ему тогда въ своей квартирѣ? Получитъ какую либо радость? дѣли ее съ своимъ Андреемъ. Постигло горе? Ищи утѣшенья въ своемъ Иванѣ. Заболѣлъ? лежи и жди, пока Андрей или Иванъ поднимутъ его и дадутъ лекарство. Вздумалъ умирать? — кажется, самое умное дѣло; помѣхи конечно нѣтъ; но умирай съ надеждою, что тотъ же Андрей закроетъ глаза, а то и онъ прозѣваетъ. Въ одной духовной академіи былъ умный, ученый, честный и благородный наставникъ. Онъ заболѣлъ наконецъ чахоткою; въ одно утро служитель его, жившій въ отдѣльной отъ квартиры кухнѣ, замѣтивъ, что баринъ долго не встаетъ, рѣшился подойти къ постелѣ и нашелъ окоченѣлый трупъ съ разверстымъ ртомъ и открытыми глазами. Каково было покойнику умирать въ полномъ сознаніи, какъ это бываетъ съ чахоточными, одному въ темной комнатѣ? Можетъ быть, ему хотѣлось сколько нибудь выпить воды, но рука его не протягивалась къ стакану; можетъ быть ему хотѣлось посидѣть, повернуться на другой бокъ, но силъ недоставало. Бѣдный труженникъ? Кто ты въ это время думалъ? Что перечувствовалъ? Благословлялъ ли ты судьбу, что

она дала тебѣ возможность быть наставникомъ академіи? А вотъ еще примѣръ конечно не столь трагическій. Въ тойже самой академіи, на одномъ и томъ же предметѣ были три слѣдовавшихъ другъ за другомъ свѣтскихъ профессора; всѣ трое, люди трезвые и степенные; этого не станутъ отвергать даже ихъ недоброжелатели. Но одинъ изъ нихъ умеръ чрезъ 18 лѣтъ, другой чрезъ 20 лѣтъ своей жизни, третій по неизлечимой болѣзни чрезъ такой же точно срокъ вышелъ въ отставку. Вѣдь, не отъ радости же никто изъ нихъ не могъ выслужить далѣе 25 лѣтъ!

Можетъ быть, разсказанные примѣры покажутся не очень убѣдительными и трогательными; можетъ быть, нужно что нибудь болѣе трагическое, нежели смерть какого либо труженика, который нѣсколько часовъ оставался съ открытыми глазами и ртомъ, нежели служба какихъ-то трехъ чудаковъ, не съумѣвшихъ оставаться на ученомъ поприщѣ болѣе 20 лѣтъ. Что же? Можно удовлетворить и этому желанію. Въ газетахъ одного изъ послѣднихъ годовъ напечатано было, что учитель духовнаго училища орловской губерніи найденъ повѣсившимся въ лѣсу. Что же такое? Развѣ мало негодяевъ, пьяницъ, распутниковъ, которые оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ? Чего добраго, прибавите еще: *худая трава изъ поля вонъ.* Нѣтъ, не браните несчастнаго, о которомъ идетъ дѣло. Онъ служилъ честно, исправно, не былъ ни безбожникомъ, ни развратникомъ. Отправляясь въ лѣсъ, чтобы покончить свою жалкую жизнь, онъ взялъ съ собою образъ Спасителя (можетъ быть, благословеніе своихъ отца и матери), поставилъ

его на ближайшемъ къ себѣ деревѣ такъ, чтобы въ послѣднее мгновеніе можно было видѣть ликъ Пострадавшаго за родъ человѣческій; и вѣроятно, когда роковая петля прекращала дыханіе несчастливца, онъ успѣлъ обратиться къ Бого-человѣку съ молитвою о прощеніи своего преступленія, до котораго довела его необходимость. Бѣдняга!!! Бѣдняга!!! Какая мучительная борьба должна была происходить въ тебѣ? Сколько надобно было тебѣ перенести нуждъ, непріятностей, разочарованій прежде, нежели ты рѣшился на свой ужасный поступокъ? Можно бы еще прибавить въ этомъ отношеніи кое-что, но..... *грустно и тяжело говорить о такихъ предметахъ.*

— —

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О томъ, какъ преподаются науки наставниками духовно-учебныхъ заведеній.

Обстоятельства, въ которыя поставлены всѣ вообще наставники духовныхъ училищъ, и о которыхъ мы довольно подробно говорили въ предъидущей главѣ, бываютъ причиною того, что едва ли въ какихъ либо вѣдомствахъ такъ быстро измѣняется составъ или, по выраженію Французовъ, personnel служащаго человѣчества, какъ въ духовныхъ училищахъ: здѣсь почти постоянная перемѣна декорацій, постоянно новыя лица. Возьмемъ для примѣра петербургскую академію, которая недавно праздновала

свой пятидесятилѣтній юбилей. Сколько въ ней въ теченіе этого времени перебывало наставниковъ? Никакъ не менѣе 150^ти. Для оцѣнки быстроты этихъ перемѣнъ, надобно помнить, что всѣхъ наставническихъ должностей въ академіи, круглымъ числомъ не болѣе 20, а лѣтъ 30 было ихъ только 18, что нѣкоторые наставники преподавали и преподаютъ по два предмета. Не большаго труда стоитъ высчитать, что среднимъ числомъ каждый изъ 150^ти наставниковъ при 18^тиштатныхъ мѣстахъ въ 50 лѣтъ могъ прослужить только шесть лѣтъ. Вотъ среднее продолженіе службы въ высшемъ, можно сказать, первомъ изъ духовныхъ училищъ! Но между наставниками найдется человѣкъ 10, которые слушили болѣе 18—20, одинъ даже 35 лѣтъ. Если вычисленіе приложить къ прочимъ 140, среднее число службы ихъ понизится почти до четырехъ годовъ, какъ требуется уставомъ за воспитаніе; а болѣе трети едвали даже прослужили по три года. Истинная перемена декорацій въ какой либо многосложной драмѣ французскаго издѣлія! А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что самый дѣльный наставникъ въ первый курсъ службы почти только знакомится съ книгами по своему предмету; во вторый нѣсколько узнаетъ его и дѣлается, по крайней мѣрѣ, нескучнымъ; и только развѣ въ третій и даже въ четвертый курсъ становится дѣльнымъ преподавателемъ. Такъ какъ курсы въ духовныхъ академіяхъ продолжаются по два года; то въ петербургской академіи изъ 150 профессоровъ и бакалавровъ съ небольшимъ десять на службѣ перешли въ тотъ періодъ, когда они уже ознакомились

съ своею наукою, что болѣе трети оставляли службу именно въ то время, когда они могли бы быть опытными преподавателями и что цѣлая половина учила и закончила ученое поприще, не достаточно ознакомившись съ своими предметами. Въ семинаріяхъ же и училищахъ, по крайней мѣрѣ во многихъ, почти столь же частые перемѣны. А если бы еще не позволялось священникамъ быть вмѣстѣ наставниками, то перемѣны еще бы чаще происходили, нежели въ академіяхъ. Вотъ теперь и требуйте опытности и знанія дѣла отъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній! Пріобрѣтенію этой опытности и знанія препятствуютъ еще и тѣ обстоятельства, которыми обусловливается служба наставниковъ всѣхъ трехъ выше упомянутыхъ нами категорій. Разсмотримъ эти обстоятельства относительно каждой категоріи.

А) Профессистамъ т. е. иночествующимъ наставникамъ вмѣстѣ и начальникамъ обыкновенно поручается преподаваніе богословскихъ наукъ, особенно догматики. Такъ какъ богословіе есть обязательное занятіе ихъ въ теченіе всей жизни; то, по видимому, нельзя имъ незнать и не преподавать его самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Но знать науку и преподавать ее вещи различныя. При самыхъ основательныхъ свѣдѣніяхъ нужно не мало свободнаго времени, чтобы обдумать и приготовить хорошую лекцію. Посмотрите же теперь на иночествующихъ наставниковъ; много ли у нихъ остается времени для приготовленія лекцій? Возмите любаго ректора семинаріи; онъ обязанъ нести на себѣ всю тяжесть и отвѣтственность управленія семинаріею по всѣмъ

частямъ ея, присутствовать почти ежедневно при всѣхъ засѣданіяхъ правленія (такъ по крайней мѣрѣ должно судить по журналамъ правленія); онъ непремѣнный членъ духовной консисторіи, дѣлами которой ему нельзя не заниматься какъ потому, что со временемъ самъ долженъ быть епархіальнымъ начальникомъ, такъ и потому, что мѣстные архипастыри поручаютъ ректору надзоръ за теченіемъ дѣлъ въ консисторіяхъ; онъ есть цензоръ всѣхъ проповѣдей, которыя говорятся въ соборѣ священниками и наставниками; онъ, какъ первое послѣ епархіальнаго начальника лице въ губернскихъ городахъ, какъ представитель духовенства, неизбѣжно долженъ сближаться съ свѣтскими властями, съ аристократіею города, принимать ихъ къ себѣ и отплачивать имъ визиты. Сколько же у него остается времени на приготовленіе лекцій? Надобно быть снисходительнымъ къ нему и не требовать отъ него невозможнаго. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что иночествующіе наставники могутъ назваться временными гостями училищной службы; училища духовныя служатъ имъ только лѣстницею для достиженія болѣе высокаго значенія въ іерархіи и обществѣ; — временными, такъ сказать, квартирами, на которыхъ они, путешествуя впрочемъ по весьма хорошей дорогѣ въ спокойныхъ экипажахъ, отдыхаютъ и собираются съ силами, чтобы со временемъ занять болѣе высокія должности. Нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ лучшіе, такъ выше замѣчено, служатъ по ученой части только лѣтъ 10, наибольшая часть 15—20; очень малое количество заходитъ за 20—25

лѣтъ. Въ эти сроки они или достигаютъ епископской каѳедры, или переводятся изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство и въ послѣднемъ получаютъ какую либо обитель для управленія и жительства. Притомъ въ самыхъ училищахъ должность начальническая для нихъ есть главная; по ней-то судятъ объ ихъ способностяхъ, а наставническое званіе есть вещь второстепенная; стоитъ ли имъ слишкомъ много заниматься? Сверхъ того рѣдкій изъ иночествующихъ наставниковъ читаетъ одинъ и тотъ же предметъ; тотчасъ по окончаніи курса поручается ему преподаваніе или второстепенныхъ богословскихъ или даже иногда свѣтскихъ наукъ; съ назначеніемъ въ ректоры, а иногда съ переходомъ въ другую семинарію приходится ему знакомиться съ новыми науками. Служащіе въ духовныхъ академіяхъ иноки-наставники иногда перемѣняютъ свои предметы разъ до четырехъ и до пяти. При такомъ положеніи возможно ли имъ ознакомиться съ предметомъ, какъ слѣдуетъ ученымъ профессорамъ?

Можетъ быть, вы, г. читатель, слыхали жалобы, что духовные воспитанники неохотно занимаются богословскими предметами и даже нѣкоторые изъ нихъ пристращаются къ свѣтскимъ наукамъ. Подобныя жалобы относятся большею частію къ академіямъ; средствомъ для прекращенія зла, происходящаго будто бы отъ этого, обыкновенно предлагаютъ совершенное исключеніе свѣтскихъ наукъ изъ академическихъ и семинарскихъ курсовъ. Въ послѣдствіи мы объ этомъ поговоримъ подробно, а теперь скажемъ, что нѣкоторые наставники по свѣтскимъ нау-

камъ, всю жизнь посвящая своему званію, пріобрѣтаютъ обширныя свѣдѣнія въ своей наукѣ и способность занимательно излагать ее; между тѣмъ какъ педагогическія обязанности иноковъ наставниковъ суть только временныя занятія, да и стѣсняются другими обязанностями. Зачѣмъ же удивляться, если нѣкоторые наставники по свѣтскимъ наукамъ увлекаютъ студентовъ гораздо болѣе, нежели наставники по богословскимъ предметамъ. По этому нужно не уничтожать и не ограничивать свѣтскія науки, а поставить наставниковъ по богословскимъ предметамъ въ такое положеніе, чтобы для нихъ наставническія обязанности были цѣлію ихъ жизни. Первымъ шагомъ къ улучщенію въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, должно быть увольненіе начальниковъ семинарій и академій отъ званія наставниковъ; имъ надобно быть только начальниками. Тогда преподаваніе богословскихъ предметовъ можно возлагать на лица, которыя всю жизнь свою посвятятъ ученымъ занятіямъ, и пріобрѣтя опытность въ преподаваніи, сдѣлаютъ богословскіе предметы занимательнѣе свѣтскихъ наукъ. Кромѣ того отдѣленіе должности начальника отъ должности профессора необходимо по многимъ другимъ обстоятельствамъ. 1) Если начальникъ училища не занимаетъ наставнической должности; то онъ стоитъ выше сравненія съ другими наставниками. Но когда начальникъ вмѣстѣ есть и наставникъ, то его сравниваютъ съ другими. Хорошо, если это сравненіе окажется въ пользу его; авторитетъ его можетъ усилиться. Но при всемъ уваженіи къ начальникамъ семинарій и академій нельзя не сказать

того, что многія обстоятельства, какъ замѣчено уже, не благопріятствуютъ имъ при этомъ сравненіи и по этому подрываютъ авторитетъ начальническій въ глазахъ учениковъ и наставниковъ. 2) Съ другой стороны начальники-наставники, слыша или догадываясь о томъ, что нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ имъ наставниковъ ставятъ выше ихъ, какъ преподавателей, не могутъ оставаться равнодушными. *Вотъ и другая причина, отчего заслуженные и опытные наставники особенно въ академіяхъ не всегда пользуются расположеніемъ начальниковъ.* 3) При сужденіи объ относительномъ достоинствѣ учениковъ нужно соблюдать подобное безпристрестіе. Но какъ начальнику-наставнику не предпочесть всѣмъ того изъ учениковъ, который оказываетъ лучшіе успѣхи по его предмету? Почему смѣтливому ученику не бросить занятія всѣми науками, кромѣ преподаваемой начальникомъ, когда онъ убѣдится, что и эта одна наука дастъ ему возможность удержать за собою высокое мѣсто въ спискѣ? 4) Нельзя назвать благопріятнымъ для училища и то обстоятельство, что повѣрка преподаваемой начальникомъ науки имъ же самимъ и контролируется. Всѣ почти причины эти могутъ быть прилагаемы и къ начальникамъ низшихъ училищъ. Пусть начальники остаются только начальниками, а не наставниками, какъ это принято по министерству Народнаго Просвѣщенія. *Въ одномъ только случаѣ можно позволить начальнику преподаваніе какой либо науки, именно если онъ этого пожелаетъ, но безъ всякаго жалованія.*

Б) На полупрогрессистовъ наставниковъ, священ-

никовъ не очень благосклонно смотрятъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ академіяхъ и какъ будто бы на основаніи благовидныхъ причинъ. Говорятъ, что они обязаны вставать къ утренней службѣ въ 5 или 6 часовъ утра; отслуживши ее, исполнять какія либо требы по приходу, потомъ совершать литурію, послѣ спѣшить въ классъ, затѣмъ, покушавши и отдохнувши, служить вечерню; тутъ позовутъ ихъ на поминъ, на выносъ усопшаго, — надобно ѣхать или итти на кладбище; тамъ нужно прочитать молитвы для новорожденнаго, окрестить его, пріобщить Св. таинъ больнаго и проч. и проч. Когда же, прибавляютъ, священникамъ-наставникамъ приготовляться надлежащимъ образомъ къ объясненію уроковъ? И на этомъ-то основаніи ихъ принуждаютъ оставлять училищную службу. Такое предубѣжденіе противъ наставниковъ-священниковъ совершенно несправедливо. Прежде всего надобно сказать, что даже при одноштатной церкви, если только приходъ не будетъ слишкомъ огроменъ, священникъ всегда имѣетъ едвали не болѣе времени къ приготовленію уроковъ, нежели начальникъ-наставникъ, особенно ректоръ. При церквахъ съ двумя и тремя штатами, при церквахъ безприходныхъ, каковы напр. соборы и женскіе монастыри, у священника даже слишкомъ много свободнаго времени. Отчего же утвердилось мнѣніе считать эти лица плохими наставниками? Отчего, дѣйствительно, въ иныхъ случаяхъ мнѣніе покажется справедливымъ? Скажемъ прямо; — отъ шаткаго ихъ положенія. Въ большей части академій они служатъ очень недолго, и часто

увольняются даже безъ прошенія. Былъ случай въ одной изъ академій, когда трое такихъ наставниковъ, изъ которыхъ одинъ служилъ чуть ли не 15 лѣтъ, уволены, какъ *лишнее* представленіе, потому только, что академія имѣла нужду въ людяхъ, носившихъ фраки, для занятія поученыхъ должностей эконома, секретаря и проч. Но гдѣ священники и продолжаютъ свою службу при училищѣ, положеніе ихъ очень сомнительно; стоитъ только ревизору, или начальнику отрапортовать, что они конечно исправные наставники, но что *сторонніе должности не могутъ не препятствовать имъ вполнѣ посвятить себя училищной службѣ;* и они непремѣнно будутъ уволены. Даже отслужившіе 25 и болѣе лѣтъ, они могутъ получать пенсію не безъ затрудненій, не безъ поклоновъ. Въ уставѣ о пенсіяхъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ между прочимъ сказано, что имѣющій безбѣдное содержаніе отъ другаго мѣста, — можетъ и не получать пенсіи. Разумѣется, почти всякое священническое мѣсто, особенно въ городѣ, можно признать и непризнать достаточнымъ для содержанія семейства. Такимъ образомъ въ наставникахъ-священникахъ вѣчное опасеніе быть уволеннымъ отъ службы, постоянная необходимость заискивать и поддерживать благорасположеніе начальства, разумѣется, иногда и лестью, и угодливостію, и низкопоклонничествомъ, даже при концѣ службы скучная обязанность вымаливать себѣ пенсію. При такомъ шаткомъ положеніи, при такомъ нравственномъ униженіи развѣ можно слишкомъ много думать о приготовленіи къ урокамъ? Что за нужда

готовиться, когда по первому капризу начальника надобно будетъ оставить службу?

А между тѣмъ объ умноженіи числа наставниковъ-священниковъ надобно было бы стараться едва ли не болѣе всего; что ни говорите, а священнику всего приличнѣе быть наставникомъ будущихъ священниковъ, особенно по наукамъ богословскимъ. Если со временемъ увеличенное жалованіе въ духовныхъ училищахъ позволитъ наставникамъ безъ сторонннхъ должностей жить безбѣдно, то и тогда надобно будетъ позаботиться о томъ, чтобы между ними по больше было священниковъ. Вотъ, кажется, довольно хорошее средство для этого. И нынѣ есть наставники, которые бы согласились быть священниками, оставаясь только наставниками. Но по каноническимъ правиламъ священникомъ никого нельзя иначе сдѣлать, какъ причисливъ его къ какой либо Церкви. А между тѣмъ многимъ бы хотѣлось не развлекаться приходскими занятіями и такимъ образомъ они принуждены оставаться въ межеумочномъ положеніи. Но вотъ чрезъ 5—10 и болѣе лѣтъ службы открылась возможность занять священническое мѣсто. Хотя, по уставу духовныхъ училищъ, училищная служба предпочитается епархіальной, но на самомъ дѣлѣ этого почти не бываетъ. Профессоръ, и въ 40 лѣтъ сдѣлавшись священникомъ, считается также молодымъ, какъ и ученикъ, кончившій курсъ въ семинаріи; ему одинаково съ нимъ надобно заслуживать и набедренникъ и скуфью и проч., ему также вмѣстѣ съ нимъ надобно стоять ниже тѣхъ, которые посвящены прежде, извѣстны уже своею священническою служ-

бою, получили знаки отличія, а между тѣмъ были его учениками. Вѣдъ не легко рѣшиться на подобное самоуниженіе, даже противное существующимъ постановленіямъ. Послѣ этого почему не дозволить всякому наставнику по желанію дѣлаться священникомъ, причисляясь къ семинарской или академической церкви? на нихъ бы уже нельзя было смотрѣть, какъ на новичковъ въ духовномъ званіи послѣ 10—20 лѣтъ училищной службы, имъ бы въ это время можно дать всѣ знаки отличія священниковъ за ревностную службу; это бы вмѣстѣ служило и поощреніемъ и наградою для нихъ. По окончаніи 25 лѣтней службы при училищѣ имъ слѣдуетъ давать безъ всякаго препятствія пенсіоны и въ мѣстѣ съ тѣмъ назначать ихъ протоіереями въ перворазрядныя церкви. Такимъ образомъ училища были бы, такъ сказать разсадникомъ вполнѣ ученаго и образованнаго бѣлаго духовенства, а не временною квартирою, которую занимаютъ кандидаты священства, ожидая случая поступить куда либо въ приходъ.

В) Непрогресситовъ т. е. свѣтскихъ наставниковъ очень много въ духовноучебныхъ заведеніяхъ; ими обильны академіи, особенно петербургская, въ которой въ настоящее время чуть не всѣ ординарные профессоры принадлежатъ къ свѣтскимъ лицамъ. Безъ лести (имъ нечѣмъ платить за лесть) можно сказать, что между ними, вообще говоря, находятся самые лучшіе, усердные и полезные наставники; примѣромъ опять можетъ служить петербургская духовная академія. Такъ впрочемъ, по видимому, и слѣдуетъ быть. Чтоже имъ и дѣлать, какъ не запи-

маться своими науками? Вѣдъ у нихъ уже нѣтъ сторонних должностей. Но, добрые читатели, будьте хоть вы милостивы и снисходительны къ нимъ; по крайней мѣрѣ вмѣсто того, чтобы быть требовательными и взыскательными, не лучше ли припомнить все, что мы говорили о бѣдственномъ и безотрадномъ ихъ положеніи чуть ли не во всѣхъ отношеніяхъ? *Помните ли* сумму получаемаго ими жалованія, которая самыхъ аристократнѣйшихъ изъ нихъ ставитъ въ параллель съ причетниками петербургскихъ церквей, а многимъ не даетъ возможности сравняться съ причетниками сельскихъ приходовъ, съ главнымъ поваромъ, исполнителемъ при экономѣ и фельдшеромъ при больницѣ петербургской духовной академіи, даже съ костромскими и рязанскими плотниками? *Помните ли*, съ какими затрудненіями женатые изъ нихъ должны бороться, чтобы только прокормить свое семейство, и въ какое безвыходное состояніе они бываютъ поставляемы, когда нужно имъ пристроить своихъ дочерей и сыновей? *Помните ли* безотрадную жизнь холостяка свѣтскаго наставника, его радость и горе, раздѣляемыя съ какимъ либо Иваномъ или Андреемъ, положеніе его въ болѣзни и даже на смертномъ одрѣ? *Помните ли*, что самая большая часть ихъ не получаетъ въ видѣ поощренія никакихъ денежныхъ наградъ, никакихъ знаковъ отличій, не имѣетъ никакой промоціи, не можетъ даже мечтать о томъ, въ чемъ не отказано писцу становаго пристава? *Помните ли* то значеніе или лучше то ничтожество, на которое они осуждены въ самомъ училищѣ, предъ своими учениками? *Помните ли*, какъ не товарищи

уже, а ученики, даже ученики учениковъ опережаютъ ихъ, дѣлаются ихъ начальниками? *Поняли ли*, какъ съ нѣкоторыми изъ нихъ обращается ближайшее и высшее начальство, въ какомъ унизительномъ положеніи они иногда бываютъ поставлены при разныхъ церемоніяхъ? Если помните, то неужели станете говорить, что вся обстановка служебной дѣятельности располагаетъ свѣтскихъ наставниковъ духовныхъ училищъ къ дѣльному и усердному исполненію педагогическихъ обязанностей? *Не уже-ли требовать отъ нихъ, чтобы они имѣли охоту заниматься тою должностію, которая не радуетъ въ настоящемъ, неоставила пріятнаго впечатлѣнія отъ прошедшаго, не представляетъ ничего отраднаго въ будущемъ?* Нѣтъ, господа, не требуйте невозможнаго. Есть обстоятельства, противъ которыхъ бороться и надъ которыми возвышаться нѣтъ никакой возможности для большей части людей. Развѣ можно назвать безпокойнымъ человѣкомъ того, который не сидитъ неподвижно, когда его укалываютъ булавками? Развѣ можно требовать, чтобы отецъ семейства занялся сочиненіемъ трактата о какомъ либо ученомъ предметѣ, когда семьѣ его угрожаетъ голодъ. И потому, добрѣйшій читатель, не браните наставниковъ духовныхъ училищъ, если услышите, что они исполняютъ свои обязанности нерадиво; ихъ довели до того роковыя обстоятельства. Прочитайте, что мы сейчасъ вамъ скажемъ и тогда судите.

При окончаніи академическаго курса, рѣдкій изъ воспитанниковъ академіи, получившихъ наставническія мѣста, не думаетъ исполнять ихъ самымъ усернымъ

образомъ, не строитъ плановъ удивить всѣхъ своимъ преподаваніемъ. Нельзя, бывало, не полюбоваться, съ какою заботливостію они у наставниковъ академическихъ распрашиваютъ о руководствахъ, которымъ имъ надобно слѣдовать, о методѣ преподаванія, просятъ совѣтовъ даже съ настойчивою неотвязчивостію; отъ нихъ нельзя, бывало, отдѣлаться общими мѣстами; бѣдняки при скудныхъ своихъ средствахъ находили даже возможность покупать рекомендуемыя ими книги. Чего бы нельзя ожидать отъ подобнаго воодушевленія? Но если даже расплавленный металлъ, не будучи подогрѣваемъ, мало-по малу теряетъ свою температуру, простирающуюся до нѣсколько сотъ градусовъ, дѣлается тверже всякаго камня и остываетъ до такой степени, что къ нему въ зимнее время нельзя прикоснуться безъ опасности; то зачѣмъ удивляться, что и воспитанники духовныхъ академій, съ такимъ жаромъ принимавшіеся за свои должности, охладѣваютъ потомъ постепенно, что ихъ усердіе, такъ сказать, замерзаетъ? Прослѣдивъ ихъ исторію, нисколько этому не удивитесь.

Вотъ молодой человѣкъ пылкій, можетъ быть нѣсколько заносчивый и съ нѣсколько преувеличеннымъ мнѣніемъ о себѣ, но усердный, является на мѣсто своей службы. Начальники рѣдко принимаютъ его съ тѣмъ вниманіемъ, которымъ надобно поощрять всякаго при началѣ службы къ предстоящимъ не очень благодарнымъ занятіямъ; одинъ сухо ему скажетъ нѣсколько общихъ мѣстъ; другой даже и не сдѣлаетъ привѣтствія, не посадитъ его; и человѣка, привыкшаго къ вѣжливому обращенію, позаботится

ознакомить съ *ты*. Его вводятъ въ классъ; опять онъ слышитъ нѣсколько общихъ мѣстъ и остается одинъ съ будущими своими учениками, простое ихъ любопытство при видѣ новаго человѣка онъ большею частію принимаетъ за ту любознательность, съ которою они готовы слушать его уроки. Пріемъ начальниковъ его уже довольно озадачилъ; матеріальная сторона начала уже являться предъ нимъ въ своей не очень отрадной наготѣ; онъ узналъ, что ему придется бороться со многими нуждами; скрѣпя сердце, нанимаетъ гдѣ либо уголокъ для своей особы (кромѣ академій и весьма немногихъ семинарій, какъ выше замѣчено, казенныхъ квартиръ для наставниковъ нѣтъ). Но онъ не унываетъ; академическая студентческая горячность еще не остыла; принимается за свои лекціи со всевозможнымъ усердіемъ. Впрочемъ къ удивленію и неудовольствію своему скоро замѣчаетъ, что и самъ онъ не слишкомъ опытный педагогъ, а ученики далеко не расположены обнаруживать вниманіе къ его словамъ; иные вовсе не слушаютъ, или слушая, не понимаютъ, или понимая, не хотятъ повторять. Не умѣя, да и не имѣя права и желанія прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, онъ рѣшается жаловаться; но ему намекаютъ на его молодость, горячность; говорятъ, что у другихъ все идетъ отчего-то хорошо, по крайней мѣрѣ жалобъ не бываетъ; совѣтуютъ быть поумѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, поснисходительнѣе къ ученикамъ. А если преподаваемая наука по заведенному издавна порядку не принадлежитъ къ первостепеннымъ, то ему прямо говорятъ: *„что за бѣда, что вашимъ предметомъ не*

занимаются? У нихъ дѣла есть по важнѣе.“ Разочарованный въ своихъ мечтахъ, молодой человѣкъ надѣется, что по крайней мѣрѣ оффиціальный документъ его т. е. списокъ, поданный къ экзамену, не останется безъ вниманія, что лѣнивымъ ученикамъ сдѣлаютъ замѣчаніе, а прилежныхъ ободрятъ. Экзамены прошли и притомъ не одинъ разъ; былъ даже переводъ изъ одного класса въ другой, а его, г. наставника, не пригласили даже на совѣщаніе; списокъ его оставленъ безъ вниманія. Тутъ-то онъ начинаетъ понимать, почему ученики не находятъ нужнымъ заниматься его предметомъ, не боятся его угрозъ; отчего такъ слабо его вліяніе. Съ нуждами матеріальнаго быта онъ еще болѣе ознакомился; безотрадная будущность у него начинаетъ мелькать предъ глазами; появляется сомнѣніе въ его душѣ и мысль о томъ, стоитъ ли ему хлопотать о своихъ педагогическихъ занятіяхъ.

Въ начинающейся такимъ образомъ борьбѣ благородныхъ чувствъ съ встрѣченными препятствіями его могли бы поддержать и ободрить какія либо поощренія, ласковое слово, одобрительная улыбка начальника. Не встрѣчая ничего подобнаго, онъ, можетъ быть, пожелалъ бы облегчить себя чтеніемъ книгъ, относящихся къ его предмету, или вновь появляющихся въ литературѣ. Но въ библіотекѣ ихъ мало; собственныя средства не позволяютъ выписывать; достать негдѣ, особенно въ провинціальной глуши. Что же остается ему дѣлать? Онъ уже давно замѣчалъ, что старые его сослуживцы не очень горячатся при исполненіи своихъ педагогическихъ обязанностей; слушаютъ ли ихъ ученики, повторяютъ

ли уроки, или нѣтъ, для нихъ какъ будто бы все равно; даже и ему не разъ было говорено: *„къ чему ты хлопочешь и изнуряешь себя? Право не начьмъ; придется же тебѣ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ мы.“* Далѣе и онъ самъ давно тоже замѣчалъ, что особымъ расположеніемъ начальника пользуются не тѣ изъ наставниковъ, которые усердно исполняютъ свои обязанности, а тотъ, кто умѣетъ сказать льстивое слово, за пять саженей выражаетъ свою преданность сниманіемъ пылинки, ни на что и ни на кого не жалуется. Примѣры соблазнительны. По неволѣ является охота подражать имъ, особенно, когда они приняты большинствомъ. Но вотъ онъ узнаетъ еще, что товарищъ дѣлается его начальникомъ, что поступившіе въ другія вѣдомства сверстники идутъ хорошею дорогою, и могутъ разсчитывать на спокойную будущность, а онъ между тѣмъ не видитъ пріятнаго ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Вскорѣ начальниками его дѣлаются уже не товарищи, а можетъ быть, даже ученики. Неужели онъ и къ этому будетъ равнодушенъ? Ищетъ мѣста въ бѣломъ духовенствѣ, положимъ, что нашелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остался наставникомъ. Конечно внѣшнее положеніе его сдѣлалось обезпеченнымъ; но, какъ бы въ качествѣ контръ-баланса, является постоянное опасеніе быть уволеннымъ отъ наставнической должности даже по одной прихоти или по неблаговоленію начальника. Что за охота при такомъ положеніи заниматься своею наукою? Не лучшели прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, которыми служащее человѣчество заискиваетъ благосклонность начальствующаго чело-

вѣчества? Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ книгами, придумывать простѣйшія объясненія и пр., не лучше ли пониже поклониться, почаще изъявлять свою преданность и пр.? Но многіе, при всемъ желаніи поступить въ духовенство, не удостоиваются этой чести. Переходить въ другое вѣдомство поздно; надобно оставаться въ томъ же безвыходномъ и безотрадномъ положеніи. Что-же въ этомъ случаѣ ему дѣлать? Неужели студенческая горячность еще не остынетъ? Вѣдь отъ должности не отставятъ; только не былобы слишкомъ рѣзкихъ недостатковъ, или соблазнительныхъ поступковъ. Къ чему тутъ забота объ объясненіяхъ, о методахъ, объ усовершенствованіяхъ, *читай хуже, читай лучше,— въ наградахъ разницы не будетъ, т. е. ровно ничего не получишь.* Представьте, что всѣ подобныя чувства и мысли гнѣздятся въ головахъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній не одно десятилѣтіе, а можетъ быть, столѣтіе, что они передаются отъ поколенія къ поколѣнію, отъ посѣдѣвшихъ стариковъ къ едва начинающей службу молодежи, что даже мальчикъ, обучаясь у такихъ наставниковъ, догадывался иногда объ этихъ чувствахъ, что онъ самъ, сдѣлавшись въ свою очередь наставникомъ, можетъ быть послѣ продолжительной борьбы, освоился съ тѣми же чувствами. Неужели будете удивляться, что у всѣхъ нихъ появится не равнодушіе къ наставнической должности, а какая-то *неодолимая апатія?* Неужели имъ надобно будетъ ставить въ непростительную вину, что исполняютъ свои педагогическія обязанности съ такимъ же разположеніемъ, съ какимъ совершаются *китайскія церемоніи, неизбѣжные об-*

ряды? Не обратится ли вся ихъ дѣятельность въ какой-то *пустой механизмъ?*

Это описаніе касалось преимущественно наставниковъ, кончившихъ курсъ въ академіяхъ. Но и касательно учениковъ семинаріи, поступающихъ въ низшія училища, немного найдется палліативныхъ средствъ. Различіе состоитъ только развѣ въ томъ, что, какъ сказано выше, каждый изъ студентовъ академіи надѣется и готовится быть наставникомъ, а ученикъ семинаріи почти всегда и не думаетъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока его, часто даже противъ желанія, не сдѣлаютъ учителемъ. Студентъ академіи рѣдко не мечтаетъ пробыть педагогомъ, пожалуй цѣлую жизнь и даже сдѣлаться ученымъ человѣкомъ; а ученикъ семинаріи только и думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе оставить свою ученую службу; онъ уже знаетъ, что ему пробыть всю жизнь на ней нѣтъ никакой возможности. Бѣдно жалованіе наставниковъ семинарій и академій, но для учителей низшихъ училищъ и оно даже кажется огромною суммою. Вотъ эти и другія обстоятельства нисколько не уменьшатъ той *апатіи*, до которой можно дойти на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, нисколько не расположатъ смотрѣть на нее иначе, какъ на неизбѣжный обрядъ, какъ на церемонію и исполнять ее почти механически.

Но при самой даже неодолимой *апатіи* нужно же каждому наставнику ходить въ классъ и учить молодое поколѣніе. Можно сочувствовать или несочувствовать *неизбѣжнымъ церемоніямъ и обрядамъ*, но отъ исполненія ихъ отказаться нельзя, когда въ противномъ случаѣ отставятъ отъ службы и лишатъ жа-

лованья, которымъ поддерживаешь свое существованіе. Можно и разумному существу получить чисто *механическое* настроеніе и сдѣлаться *машиною;* можно и этому механическому, машинному уже существу поручать управленіе фабриками, которыя называются школами, — и передѣлку разумныхъ существъ въ китайскія куклы, что на школьномъ языкѣ называется ученіемъ; но и ему надобно обнаруживать чѣмъ нибудь свою дѣятельность, чтобы приводить въ движеніе и себя и отданныя въ его распоряженіе снаряды, и можетъ быть, чтобы останавливать всякое ихъ движеніе. Послѣ этого любопытно спросить, чѣмъ же бываютъ наставники духовныхъ училищъ, когда имъ въ классахъ при *апатіи,* при *механическомъ исполненіи* обязанностей нужно совершать *церемонію,* извѣстную подъ названіемъ обученія дѣтей различнымъ наукамъ? Какія механизмы употребляются, чтобы школьная машина, если не двигалась, то казалась двигающеюся? Скажемъ поясненѣе: какимъ образомъ преподаютъ науки *прогрессисты,* которые обременены множествомъ сторонннхъ часто высшихъ должностей и смотрятъ на училищную службу, какъ на временную станцію во время своего путешествія вдаль или вверхъ; — *полупрогрессисты,* которымъ постоянно грозитъ отставка, которымъ нужно искать точку опоры въ благоволеніи начальства, — и *непрогрессисты,* которыхъ не радуетъ ни настоящее, ни прошедшее, ни будущее?

По видимому, вовсе нельзя ожидать, чтобы между ими встрѣчались преподаватели дѣльные, дѣятельные, усердные къ своему дѣлу, воодушевленные любовью къ нему даже до пренебреженія своимъ здо-

ровьемъ, своею жизнію. Но ошибается тотъ, кто такъ думаетъ. Напротивъ въ духовныхъ училищахъ вообще немало встрѣтишь наставниковъ, заслуживающихъ уваженіе во всѣхъ отношеніяхъ, а въ академіяхъ такихъ профессоровъ, которые бы своими лекціями не унизили университеты, даже настоящихъ гелертеровъ, только безъ нѣмецкаго педантизма, по крайней мѣрѣ безъ большой примѣси его. Кто не слыхалъ про покойнаго Одесскаго Архіепископа Иннокентія, увлекавшаго на церковной каѳедрѣ слушателей своимъ златоустовскимъ краснорѣчіемъ? А онъ былъ профессоромъ въ двухъ академіяхъ. Строгая систематическая связь въ мысляхъ, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательный слогъ, воодушевленіе, съ которымъ все высказывалось, производили столь сильное, неотразимое впечатлѣніе на студентовъ, что они, возвратившись съ лекцій, могли повторять ихъ почти слово въ слово, а лекціи продолжались по $1^1/_2$ часа и болѣе. Былъ въ одной академіи профессоръ еврейскаго языка, истинно препочтеннѣйшій Г. П. П.—ій. Не смотря на всѣ алефы и беты, кюббуцы и патахи, гифилы и гофалы, онъ такъ умѣлъ сдѣлать свои уроки занимательными, что студенты слушали ихъ съ большимъ удовольствіемъ, нежели самыя увлекательныя науки, изъ которыхъ многія были преподаваемы дѣльными наставниками. Въ другой академіи былъ профессоръ философіи, человѣкъ истинно замѣчательный. Громадная его ученость, глубокія свѣдѣнія въ богословскихъ, философскихъ, историческихъ, и едва ли не во всѣхъ наукахъ, основательное знаніе многихъ древнихъ и новыхъ языковъ сдѣлали его еще при

жизни какимъ-то миѳомъ, заставляли смотрѣть на него, какъ на какую-то ходячую библіотеку, въ которой можно было справляться обо всемъ, чѣмъ интересуется ученая любознательность. Если присоединить къ этому его истинно чистую душу, скромность, доходившую иногда до застѣнчивости, кроткій, но вмѣстѣ благородный характеръ; то нельзя удивляться, почему его считали и называли мудрецомъ. На лекціяхъ онъ не всегда любилъ и могъ высказываться, но чтобы оцѣнить его умъ и ученость, узнать его увлекательное краснорѣчіе и глубокій взглядъ на предметы, нужно было, какъ говаривали, *расшевелить*, *растрогать* его дома, тогда точно его слушали, можетъ быть, съ большимъ увлеченіемъ, нежели слушали давно уже въ Аѳинахъ Платона. Кто не догадается, что мы говоримъ о покойномъ Ѳеодорѣ Александровичѣ Голубинскомъ? Въ той же академіи былъ очень недавно баккалавръ, преподававшій ученіе о вѣроисповѣданіяхъ. Въ духовныхъ училищахъ наука это состоитъ большею частію изъ восторженныхъ и благоговѣйныхъ отзывовъ объ одномыслящихъ съ нами, — изъ выраженій, свидѣтельствующихъ глубое презрѣніе къ разномыслящимъ; не стыдятся даже назвать мнѣнія послѣднихъ тѣми словами, которыя выгнаны изъ благороднаго общества. Нашъ баккалавръ захотѣлъ указать каждому вѣроисповѣданію свое мѣсто и знаніе въ исторіи человѣчества. Обширная его ученость, живое краснорѣчіе, истинная любовь къ наукѣ, сдѣлали лекціи его столь привлекательными, что на нихъ ходили студенты обоихъ отдѣленій академіи. Но..... въ томъ-то и бѣда наша; — онъ..... долженъ былъ

оставить службу при академіи. И теперь въ томъ же учебномъ заведеніи есть наставникъ, который не унизитъ никакой университетской каѳедры. Возьмите первые номера Православнаго Обозрѣнія за 1860 годъ и прочитайте тамъ статью о происхожденіи человѣческаго рода. Прочитайте, — и вы навѣрное удивитесь уму и образованности автора,—удивитесь тѣмъ болѣе, что онъ изъ школы мало, очень мало вынесъ свѣдѣній, изложенныхъ въ статьѣ, что ему надобно было самому все пріобрѣсть. Трудись, благородный человѣкъ, боимся только, чтобы и тебя по независящемъ отъ автора обстоятельствамъ академія не лишилась. Въ третьей академіи былъ профессоръ, инспекторъ и ректоръ; нынѣ уже архіепископъ. Знаете ли, что́ это за человѣкъ? Добейтесь чести побесѣдовать съ нимъ въ кабинетѣ, расположите его къ откровенности, *растрогайте* его; и тогда вы узнаете, что у насъ есть богословы, которыхъ бы мы, не стыдясь, могли послать на европейскій теологическій ученый конгресъ. Нельзя не прибавить, что этотъ архипастырь отличается любовію къ человѣчеству, готовностію помогать бѣднымъ, безкорыстіемъ въ высшей степени, благороднымъ характеромъ, скромностію. Онъ вѣчно бѣденъ, хотя получалъ и получаетъ большіе оклады. Люди отъ него пользуются не только деньгами, но и, какъ говорятъ, идеями и лекціями. Добрый Архипастырь! — Не забудемъ четвертой академіи, и тамъ былъ профессоръ физики и математики, котораго студенты любили за любовь къ нимъ и за лекціи, который зналъ свой предметъ въ совершенствѣ, и не смотря на всѣ препятствія,

умѣлъ возбуждать въ слушателяхъ вниманіе къ нему; — но .... и тутъ опять: *но* .... теперь въ отставкѣ. Много бы еще можно привести примѣровъ, но, кажется, довольно и безъ того сказано. Повѣрьте, Гг. читатели и было и есть между наставниками духовныхъ академій не мало настоящихъ профессоровъ; повѣрьте; — насъ, какъ вы видѣли и увидите еще, нельзя подозрѣвать въ лести и пристрастіи къ нимъ.

И въ семинаріяхъ встрѣчались и встрѣчаются наставники, которые бы не унизили ни одной гимназіи; этого мало; нѣкоторые изъ нихъ съ достоинствомъ могли бы занимать каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя въ семинаріяхъ уже большею частію нужны не профессоры, а учители. Довольно сказать, что покойный Николай Ивановичъ Надеждинъ началъ свою службу профессоромъ рязанской семинаріи, что знаменитый переводчикъ Платоновыхъ разговоровъ нѣсколько времени былъ преподавателемъ въ кіевской семинаріи, что многіе изъ наставниковъ семинарій нашли возможность составить учебныя руководства. (Донской, Архангельскій, Саввантовъ и другіе). Наконецъ можетъ быть, къ немалому удивленію читателей скажемъ, что въ самыхъ низшихъ духовныхъ училищахъ встрѣчаются наставники, которыхъ по неволѣ станешь уважать, когда увидишь ихъ неутомимую дѣятельность, ихъ какую-то неограниченную преданность своимъ педагогическимъ обязанностямъ, ихъ основательныя свѣдѣнія. Если вы хотите видѣть предъ собою человѣка, который бы, занимая должность учителя уѣзднаго духовнаго училища, получая ничтожное жалованье, ни

чѣмъ не поощряемый, а даже стѣсняемый людьми и обстоятельствами жизни и службы, между тѣмъ вполнѣ былъ преданъ наукѣ, жертвовалъ для нея здоровьемъ, своимъ ничтожнымъ жалованіемъ, а нынѣ пенсіономъ, — даже своею жизнію, имѣлъ о дѣтяхъ истинно отеческую заботливость, умѣлъ расшевеливать самую тупую любознательность, побѣдить терпѣніемъ самую упрямую лѣнь, то ступайте въ Санктпетербургъ къ домику Петра Великаго, спросите въ противоположномъ съ нимъ домѣ Д—ія А—ча Ф—аго; и вы дѣйствительно найдете труженика учителя, даже чуть ли не мученика. Полюбите его, онъ стоитъ этого. А ты, благородный и честный человѣкъ, живи; ты стоишь жизни; жаль только что она къ тебѣ никогда не была благосклонна. Въ заключеніе всего повторимъ, много, очень много въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ было и есть дѣльныхъ наставниковъ! *Право есть, есть и было.*

Но зачѣмъ скрывать? Не всѣ профессоры академіи. — Иннокентіи, Голубинскіе, Г—вы — П—вы К—вы, М—вы, Г—іе, Г—вы, Б—іе, Л—іе, Д—іе, Ч—вы, Юр—чи и проч., немного профессоровъ семинаріи похожи на Надеждина; не всѣ учителя низшихъ духовныхъ училищъ — Ф—іе. Есть много, даже очень много между ними такихъ, которыми нѣтъ надобности и повода гордиться. Можетъ быть, они всѣ болѣе или менѣе образованы, всѣ болѣе или менѣе умны, всѣ болѣе или менѣе понимаютъ потребности своего званія, чистыхъ дураковъ, идіотовъ, людей бездарныхъ между ними рѣдко встрѣтимъ. За всѣмъ тѣмъ безусловно хвалить всѣхъ ихъ нѣтъ воз-

можности. И потому вы, Гг. дѣльные, дѣятельные, умные и свѣдущіе наставники, не сердитесь на насъ если мы, сдѣлавши объ васъ отзывъ, который вы заслуживаете, не скроемъ недостатковъ вашихъ собратій; чрезъ это ваши достоинства еще видиѣе будутъ. Да и вы, которыхъ мы хвалить не намѣрены, не обижайтесь нами! Конечно въ вашихъ педагогическихъ недостаткахъ вполиѣ оправдывать васъ невозможно, но они развились и поддерживаются преимущественно отъ причинъ, въ которыхъ вы не виноваты. Позвольте же разсказать, о вашей дѣятельности въ низшихъ училищахъ, семинаріяхъ и даже академіяхъ.

Въ низшихъ училищахъ собственно о лекціяхъ думать нельзя, неразвитый умъ учениковъ неспособенъ еще слѣдить за длиннымъ рядомъ мыслей. Но здѣсь простое, ясное и увлекательное изложеніе болѣе нужно, нежели въ высшихъ и среднихъ училищахъ. Касается ли дѣло историческихъ событій, грамматическихъ правилъ, или догматическихъ предметовъ и проч., пусть наставникъ разскажетъ просто; пусть заставитъ воспитанника повторить сказанное; или онъ не упомнилъ, разскажи еще, добейся до того, чтобы ученики усвоили себѣ разсказанное. Какое было бы для нихъ облегченіе при изученіи уроковъ? Оно бы обратилось не въ ученье, не въ мученье, а дѣйствительно въ повтореніе. Съ какою бы охотою они мало по малу пріучились слушать наставника и не пропускать ни одного его слова, узнавши по опыту, что этимъ облегчается для нихъ приготовленіе уроковъ? Какъ хорошо бы развивались ихъ умствен-

ныя способности! Но къ сожалѣнію нельзя скрыть того, что въ низшихъ духовныхъ училищахъ преподаваніе происходитъ часто далеко не по нашей теоріи. Положимъ для примѣра, что урокъ уже данъ ученикамъ къ какому либо дню, умалчивая пока о томъ, какимъ образомъ онъ былъ объясненъ. Является учитель въ классъ; но прежде нужно сдѣлать небольшое отступленіе. Желая ли облегчить педагогическіе труды, или чувствуя невозможность одному ихъ вынести, развѣ рѣдкій изъ учителей низшихъ духовныхъ училищъ отступаетъ отъ вѣковаго обычая, существовавшаго во времена героевъ Бурсака Парѣнкаго. Онъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ избираетъ себѣ нѣсколько помощниковъ, называемыхъ *авдиторами*, и подъ надзоръ каждаго изъ нихъ отдаетъ часть учениковъ съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ до прихода учителя прослушалъ изъ уроковъ, и по своему благоусмотрѣнію опредѣлилъ степень знанія, записавъ результаты своихъ наблюденій на разграфленномъ квадратиками листу, который называется на ученическомъ языкѣ *нотатою*.

Такъ вотъ господинъ наставникъ является въ классъ, и, выслушавъ обычную молитву, прежде всего разсматриваетъ нотаты своихъ помощниковъ, распрашиваетъ виновныхъ, почему они не знаютъ уроковъ и сознавшихся въ своемъ невѣденіи такъ или иначе наказываетъ. Затѣмъ начинается повѣрка отмѣтокъ авдиторовъ; учитель самъ заставляетъ тѣхъ или другихъ учениковъ прочитывать уроки. Если окажется невѣрная отмѣтка въ нотатѣ, т. е. если отмѣченный знающимъ не прочитаетъ урока, тогда начинается

новое розыскиваніе и взысканіе; тутъ и чиновный помощникъ не всегда избѣгаетъ непріятныхъ для себя послѣдствій. Отъ большаго или меньшаго усердія учителя, или лучше отъ недостатка усердія и умѣнія дѣлать что либо полезное, прослушиваніе часто продолжается цѣлый классъ; ему подвергаются иногда всѣ ученики. Утомленный столь продолжительными и трудными занятіями, педагогъ не находитъ уже времени, ни охоты объяснить урокъ къ слѣдующему классу. Да и къ чему это дѣлать? Вѣдь человѣкъ, составлявшій учебникъ, вѣрно уже былъ умнѣе его, г. наставника, и написалъ его такъ, какъ слѣдуетъ быть; иначе бы начальство не приняло книги за руководство. Не лучше ли поступать безъ всякихъ новѣйшихъ ухищреній, по обычаю патріархальной простоты? Не лучше ли съ приличною важностію и торжественностію, раскрывши книгу, глубокомысленно посмотрѣть въ нее и, подумавши сказать: *выучите до словъ: родъ человѣческій, на пятой строкѣ, на седьмой страницѣ.* Вотъ и вся лекція; слова: *отселѣ и доселѣ* могутъ назваться девизомъ ея. Слѣдующій и послѣдующій классы и проч. начинаются, продолжаться и оканчиваются точно такимъ же образомъ.

Въ семинаріяхъ по своему возрасту и предшествующему воспитанію ученики уже довольно приготовлены къ тому, чтобы слѣдить не за отрывчатыми и краткими, но за продолжительными и систематическими объясненіями. Въ низшемъ отдѣленіи, можетъ быть, еще недостанетъ вниманія и терпѣнія слушать часа полтора говорящаго профессора, но пусть профессоръ, поговоривши полчаса, заставитъ уче-

ника повторить сказанное; потомъ еще пусть продолжитъ лекцію, и такимъ образомъ раздѣливъ ее на нѣсколько частей, облегчитъ пониманіе ея для мальчиковъ. Въ высшемъ отдѣленіи ученики способны выслушивать университетскія лекціи. Такъ ли происходитъ все на самомъ дѣлѣ? Есть конечно наставники семинарскіе, которые заслуживаютъ уваженіе за дѣльное и усердное исполненіе своихъ обязанностей. Но, вѣроятно, для контръ-баланса или лучше для перехода отъ низшихъ къ высшимъ училищамъ, есть много наставниковъ, которые не совсѣмъ согласны съ идеаломъ. И въ семинаріяхъ при преподаваніи наукъ соблюдаются тѣже самыя церемоніи, какія сейчасъ описаны нами въ низшихъ училищахъ, не исключая даже, хотя не вездѣ, авдиторовъ и нотатъ. И здѣсь тоже наставникъ является въ классъ, пересматриваетъ нотаты, если онѣ существуютъ, прослушиваетъ уроки и дѣлаетъ взысканія, если только имѣетъ дерзновеніе и власть на это; затѣмъ точно также, какъ и въ училищахъ, произносится *отсель и досель*. Но немногіе рѣшаются на подобное преподаваніе; классы слишкомъ продолжительны; все время употреблять на читаніе и перечитываніе одного и того же урока — совѣстно; да, пожалуй, и ученики станутъ смѣяться. Кромѣ того наставники семинарій обучались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, слыхали лекціи профессоровъ; какъ же и имъ на что либо подобное не рѣшиться? Но приготовленіе лекціи нелегко, нельзя ли какъ упростить его? Разумѣется, есть возможность. Положимъ для примѣра, что учебное руководство составляетъ книгу

листовъ въ 20; а между тѣмъ у наставника есть нѣсколько книгъ, иногда до пяти, въ которыхъ также самая наука изложена, если не съ большею основательностію, то въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. И вотъ эти книги являются въ классѣ, раскрываются и устами профессора передаютъ свое содержаніе невольнымъ слушателямъ; это называется лекціею. Но иногда систематическаго, болѣе обширнаго руководства не оказывается въ наличности; почему же въ этомъ случаѣ не принести въ классъ книги, имѣющей какую либо связь съ преподаваемою наукою; напр. на классъ патрологіи духовный какой либо журналъ, въ которомъ находится статья изъ отеческихъ произведеній? Почему ее не обратить, такъ сказать, въ лекцію, читая также, какъ и огромный учебникъ? Иногда же учебныя средства такъ бываютъ скудны, что и этотъ способъ оказывается невозможнымъ; въ такомъ случаѣ почему не взять какой бы то ни было книги, даже Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей, и изъ нихъ чего либо не прочитать и тѣмъ не напомнить пустоты? Но чтеніе нѣкоторымъ изъ наставниковъ кажется довольно труднымъ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ легко, сидя неподвижно на стулѣ, или прислонясь къ стѣнѣ, читать съ медленною торжественностію, или быстрою скороговоркою цѣлый часъ и болѣе книгу, вовсе не занимательную, даже нерѣдко скучноватую? Итакъ почему же не поручить этого дѣла одному изъ учениковъ? Вѣдь лекція для нихъ, пусть сами же они ее и читаютъ! Облегчивши такимъ образомъ себя, г. наставникъ прогуливается по классу, предаваясь какимъ либо сладкимъ мечтамъ; ученикъ

читаетъ; товарищи зѣваютъ; такъ что, еслибы читака началъ читать Илью Муромца или Бову Королевича, то этой перемѣны, пожалуй, никто бы не замѣтилъ, и особенно самъ Г. педагогъ.

Подобныя спотворныя лекціи слишкомъ усыпительно дѣйствуютъ, скука, отъ нихъ происходящая, такъ ясна и невыносима, что ими угощать учениковъ всегда и цѣлый классъ рѣшаются развѣ только начальники; наставникамъ, которыхъ вліяніе такъ слабо и власть такъ ограничена, на это осмѣлиться нѣтъ возможности; поэтому нужно было изобрѣсти не столь обременительныя лекціи. Почему, напр. не заняться общечеловѣческими дѣлами? Вѣдь воспитанники со временемъ должны жить и дѣйствовать въ обществѣ людей, быть членами государства. Почему же не ознакомить ихъ съ житейскими дѣлами, отличающимся новизною? Почему не обратить вниманія на политическія современныя событія? Вотъ напр. недавно Наполеонъ III съ своею арміею былъ въ Ломбардіи. Почему же *при сей вѣрной оказіи* не сравнить Маршала Макъ-Магона съ Маршаломъ Піелемъ, а Фельдцейгмейстера Гіулая съ таковымъ же Гессомъ? Почему не поговорить о промахѣ Канробера при сольферинской битвѣ? Предметы и современны и занимательны, а главное дѣло ученикамъ нѣтъ надобности ихъ повторять. Но и эти средства иногда оказываются недостаточными. Почему же не попробовать другими еще способами снискать благорасположеніе учениковъ? Вліяніе наставниковъ такъ слабо, что praeoccupatio vel captatio benevolentiae (пріобрѣтеніе, заискиваніе благосклонности) ученической вовсе

для нихъ не излишне. Для этого находятъ нужнымъ или приходить, какъ можно позже, въ классъ, проводя время въ пріятныхъ разговорахъ гдѣ либо въ пріемной или въ корридорѣ; можно также въ видѣ интермедіи выти изъ класса, освѣжиться самому и позволить тоже самое сдѣлать ученикамъ; вѣдь излишнее умственное напряженіе разстроиваетъ нервную и дыхательную систему. А если уже неизбѣжная необходимость обязываетъ безвыходно сидѣть въ классѣ, то зачѣмъ стѣснять учениковъ? Пусть дѣлаетъ каждый, что хочетъ, читаетъ, разговариваетъ съ сосѣдомъ, переписываетъ что либо, даже предается въ объятія Морѳея; пусть собираются въ кучки и заводятъ болѣе оживленные разговоры! Это напомнитъ всякому древнія школы аѳинскихъ мудрецовъ, гдѣ ни слушатели, ни философы не любили стѣснять себя формами, гдѣ все кипѣло воодушевленіемъ. Почему бы напр. изъ класса не сдѣлать чего либо въ родѣ капеллы, и поговоривши о рогатомъ силлогизмѣ, не запѣть: *всемірную славу отъ человѣкъ прозябшую?* Иногда же отчего классъ не обратить въ музыкальную консерваторію или въ залу для оперы, воспѣвая какіе либо хвалебные гимны, или услаждая слухъ свой какою либо музыкою? Вѣдь извѣстно, что изящныя искусства дѣйствуютъ благодѣтельно не только на одно чувство, но и на умъ, что Пиѳагорейцы воскриляли свой умъ къ созерцанію чиселъ при посредствѣ музыки. На основаніи столь глубокихъ соображеній почему, какъ это дѣлалъ одинъ наставникъ логики, психологіи и патрологіи, почему не принести въ классъ маленькаго органа или шарманки? И ко-

гда головы питомцевъ утомятся отъ слушанія или неслушанія выспренной мудрости или отъявленно-пошлыхъ мыслей, почему въ награду за ихъ терпѣніе не пустить машинку въ ходъ и не позволить ей разыграть пѣсенку, потомъ опять приняться за переборку изъ пустаго въ порожнее, опять поиграть на органѣ и пр. и пр.? И послѣ этого говорятъ еще, что русскіе способны только перенимать у иностранцевъ ихъ изобрѣтенія, а сами ничего не умѣютъ выдумать! Ну, скажитека, какой нѣмецъ или французъ на классъ логики, психологіи и патрологіи приносилъ органъ? А у насъ это было сдѣлано почтеннѣйшимъ положимъ хоть профессоромъ или учителемъ, все равно; только дѣлалось и очень недавно; — мы знаемъ, — какъ нельзя лучше. При столь многочисленныхъ средствахъ занять вниманіе воспитанниковъ достанетъ ли времени для объясненія какихъ либо сухихъ, отвлеченныхъ наукъ? Объясненія, разумѣется, будутъ не занимательнѣе ихъ. И вотъ также опять отдается приказъ, или выражается просьба выучить до такого-то параграфа.

Наконецъ скажемъ и о духовныхъ академіяхъ. Здѣсь есть, какъ выше сказано, немало наставниковъ, которые съ честію могутъ занимать каѳедры и въ другихъ высшихъ заведеніяхъ; есть лица извѣстныя своими учеными трудами и внѣ духовно-ученаго вѣдомства. Но безпристрастіе требуетъ сказать, что въ тѣхъ же академіяхъ есть наставники, которыми не слишкомъ стали бы гордиться семинаріи и гимназіи. И здѣсь также вмѣсто однотомнаго учебника несутъ иногда въ классъ одну изъ частей

многотомнаго сочиненія, читаютъ его какъ будто лекцію. Мы помнимъ одного старика профессора, и вмѣстѣ начальника, который не отличаяся вѣжливостію въ обращеніи съ студентами. Но когда приходилъ въ классъ для чтенія лекцій, то дѣлался не только скромнымъ, но застѣнчивымъ и робкимъ; даже иногда у старика руки и ноги дрожали, особенно когда на первыхъ порахъ сто двадцать глазъ, пристально смотрѣвшихъ на него, ожидали, что онъ возглаголетъ. Старикъ былъ впрочемъ находчивъ, приносилъ какія то старинныя рукописныя лекціи на латинскомъ языкѣ, усаживаяся смиренно на кресла и съ математическою точностію читалъ ихъ слово въ слово, не заботясь даже о переводѣ на русскій языкъ; только, встрѣчая тексты св. Писанія въ рукописи, онъ заставлялъ пріискивать ихъ въ Библіи и въ слухъ прочитывать. Впрочемъ это была не болѣе, какъ военная хитрость; тексты у него были написаны въ рукописи, а старику не на дѣлѣ хотѣлось отдохнуть и понюхать табачку. Другой профессоръ вовсе уже не старикъ, преподавая исторію философскихъ системъ, отъискалъ въ библіотекѣ многотомную исторію Брукера въ красномъ кожаномъ переплетѣ и съ краснымъ обрѣзомъ, приходилъ съ однимъ изъ этихъ томовъ въ классъ, садился бокомъ къ студентамъ, а иногда чуть не спиною, и, развернувши книгу, начиналъ читать латинскій текстъ ея монотоннымъ, утомительнымъ образомъ, точно какъ будто съ намѣреніемъ возбудить полное отвращеніе въ студентахъ къ преподаваемой наукѣ. Если встрѣчались цитаты на греческомъ языкѣ; то и они читались безъ

всякаго измѣненія. Не думайте впрочемъ дурно объ этомъ профессорѣ; онъ былъ весьма умный, образованный и ученый человѣкъ и въ совершенствѣ владѣлъ даромъ слова. Однажды студенты, вышедши изъ терпѣнія, написали на него пасквиль, который и былъ ему доставленъ. Профессоръ въ то время читалъ объ Александрійской школѣ, изложилъ по своей *красной книгѣ*, ученіе Плотина и дошелъ до его послѣдователей. Послѣ пасквиля является въ классъ безъ красной книги, не безъ замѣшательства вынимаетъ изъ кармана конспектъ и недѣли двѣ viva voce говорилъ лекціи удивительно какъ хорошо. Студенты были въ восхищеніи, но профессоръ вскорѣ опять принялся за свою красную книгу; онъ какъ будто хотѣлъ показать свою способность быть отличнымъ профессоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто давалъ намекъ, что или не хочетъ, или не можетъ хорошо читать лекціи по какимъ-то обстоятельствамъ. Другіе профессоры самыя учебныя руководства полагаютъ основаніемъ своихъ лекцій растягивая или сокращая ихъ. Былъ такой профессоръ не очень давно, отличался торжественностію своихъ пріемовъ и исправностію, по внѣшности своей казался настоящимъ профессоромъ Берлинскаго или Оксфордскаго университета. Едва пройдетъ минутъ пять послѣ звонки, онъ величественно входитъ въ классъ; медленно и важно снимаетъ верхнее платье, грандіозно усаживается въ кресла. Конспектовъ съ собою не носилъ онъ, а, усѣвшись, спрашивалъ у ближайшаго студента казенный учебникъ, солидно и бережно развертываетъ его, и, погрузившись на нѣсколько минутъ

въ созерцаніе собственной особы опершись на правую руку многоученою своею головою, вдругъ возвышеннымъ голосомъ начиналъ..... не лекцію говорить, а читать учебникъ съ пунктальною точностію. Но зная, что подобная метода могла усыпительнымъ образомъ дѣйствовать на его слушателей, онъ всегда имѣлъ про запасъ нѣсколько анекдотовъ. Наука была богословскаго содержанія; но анекдоты были заимствованы изъ всѣхъ слоевъ общества, и многіе бы изъ нихъ постыдился разсказывать ямщикъ. Но ученый и почтенный профессоръ разсказывалъ ихъ такъ, какъ будто сообщалъ, Богъ знаетъ, какія истины; какъ будто снималъ съ неба и раздавалъ каждому студенту по звѣздочкѣ въ подарокъ. Анекдоты эти повторялись каждый курсъ въ извѣстныхъ мѣстахъ; плуты студенты дѣлали отмѣтки на учебникахъ въ родѣ слѣдующей: *здѣсь разскажется анекдотъ о сапожникѣ, мясникѣ и проч.* Другіе наставники не носили съ собою ни учебниковъ, ни красныхъ книгъ, ни заплесневѣлыхъ тетрадей, являлись съ одною своею особою, говорили часа полтора безъ умолку, отдыху, дѣлали безконечныя отступленія, выражали одну и туже мысль въ разнообразныхъ формахъ, приправляли все какимъ либо патетическимъ движеніемъ и нравственною сентенціею; повторить и запомнить ихъ лекціи не было никакой возможности, да они и сами едвали бы рѣшились на это. Это были говоруны воображавшіе, что о чемъ бы и какъ ни говорить, все таки составится лекція. Наконецъ нѣкоторые не очень строго держались своего предмета, а старались его разнообразить свѣдѣніями, заимствованными изъ

другихъ наукъ, совершенными политическими новостями, городскими и академическими происшествіями и даже сплетнями, напр. преподавая какой нибудь языкъ, они говорили о наблюденіяхъ Гершеля надъ звѣздами съ обсерваторіи Мыса Доброй Надежды, о системѣ Галля и Шпурцгейма, объ александровской колоніѣ, Людовикѣ Филиппѣ, Кавеньякѣ и проч.

Описывая ученую дѣятельность наставниковъ духовныхъ училищъ, мы имѣли въ виду ихъ *большинство*, въ которомъ есть много дѣльныхъ и даровитыхъ людей, съ обширными свѣдѣніями, съ умѣньемъ говорить лекціи, даже и съ усердіемъ сдѣлать что нибудь полезное. Но они не считаютъ нужнымъ слишкомъ хорошо заниматься своею должностію по причинѣ неблагопріятной обстановки ихъ служебной жизни. Между тѣмъ ниже этого большинства есть еще *меньшинство*, которое состоитъ или изъ людей ничтожныхъ, несвѣдущихъ, бездарныхъ, чуть не идіотовъ, — или изъ людей, которые не лишены свѣдѣній, но не умѣютъ передавать ихъ, обращаютъ вниманіе на мелочи и занимаются какими либо пустяками, — или изъ людей съ дикими странностями, съ пошлыми привычками, не только съ смѣшными, но и съ отвратительными пріемами, — или наконецъ изъ людей, которые пустоту своей дѣятельности стараются прикрыть какимъ нибудь хоть фальшивымъ блескомъ; ихъ по просту называютъ шарлатанами. Для полноты своего описанія мы хочемъ выставить нѣсколько образчиковъ наставниковъ этого меньшинства.

Первое мѣсто здѣсь нужно предоставить учителю,

которому дано было прозвище *Марафонъ*. Какъ учитель, онъ былъ похожъ на многихъ своихъ товарищей, ходилъ въ классъ, слушалъ уроки, сѣкъ виновныхъ и проч., но отличался столь размашистыми и смѣшными ухватками, что, смотря на нихъ, самъ Демокритъ разсмѣялся бы, былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ приметы, колдовство, но часто не довѣрялъ, по тупоумію, собственнымъ ощущеніямъ и ясной очевидности. Понять нашъ послѣдующій разсказъ не иначе можно, какъ зная устройство класса, въ которомъ Маргафонъ училъ. Это была длинная, не широкая комната, въ которой ученики проводили все время, не только учились, но и спали. У нихъ не было ни кроватей, ни шкафовъ, ни стульевъ; вмѣсто того вдоль всѣхъ стѣнъ протянуты были лавки; пространство между ими и поломъ раздѣлено было на нѣсколько отдѣловъ, которые съ передней стороны закрывались дверцею и запирались замкомъ; ихъ называютъ *залавками*. Каждый изъ залавковъ отдавался ученику, который и клалъ въ него свою постель и разныя вещи. Затѣмъ къ лавкамъ приставлены были столы такіеже, какіе бываютъ въ училищныхъ столовыхъ, а по другую сторону ихъ стояли скамьи; на нихъ и на лавкахъ ученики обыкновенно сидѣли. Средина оставилась пустою, кромѣ того мѣста, гдѣ стоялъ столикъ для учителя, который тоже долженъ былъ сидѣть не на стулѣ, а на одномъ изъ залавковъ. Маргафонъ имѣлъ обыкновеніе не входить, а какъ бы врываться въ классъ, быстро добѣгалъ до столика, и такъ сказать, со всего размаха усаживался на залавокъ. Но проказники

ученики, зная его суевѣріе, предъ самою дверью на полу мѣломъ очерчивали кругъ и въ немъ нарисовали разные кабалистическіе знаки. Маргафонъ быстро врывался въ классъ, но, увидавши меловые кругъ и фигуры, еще съ большею быстротою отскакивалъ назадъ и выпрыгивалъ изъ класса. Послѣ, собравшись съ духомъ, становился на порогъ одною ногою, а другою старался ступить на ближайшую лавку или скамѣйку, по которой доходилъ до того мѣста класса, гдѣ уже не было кабалистическихъ фигуръ и спрыгивалъ со скамьи на полъ. Тутъ только какому либо ученику приказывалъ стереть заколдованный кругъ. Это повторялось едва не каждую недѣлю. Еще однажды проказникъ ученикъ принесъ въ классъ надутый бычачій пузырь и улегся вмѣстѣ съ нимъ въ залавкѣ, на которомъ усаживался г. педагогъ, залавокъ потомъ былъ запертъ висячимъ замкомъ. Маргафонъ по обыкновенію влетѣлъ въ классъ и быстро сѣлъ на залавокъ, но въ тоже время подъ нимъ раздавался звукъ, который считается верхомъ невѣжливости, это произошло отъ того, что ученикъ, сидѣвши въ запискѣ, развязавши немного пузырь, сжалъ его очень сильно, отчего и произошелъ невѣжливый звукъ. Маргафонъ, услыхавши его быстро вскочилъ, посмотрѣлъ на залавокъ, и видя его запертымъ; подумалъ, что онъ самъ былъ причиною звука. Полуконфуженный сѣлъ опять на свое мѣсто, началъ спрашивать урокъ, и когда разгорячился, звукъ вновь раздался еще громче прежняго. Маргафонъ вновь вскочилъ, ощупалъ замокъ, попробовалъ дверцу, всѐ крѣпко держалось. Походивши, опять сѣлъ на свою каѳедру и

сталъ вести себя съ видимою осторожностію. Но когда мало по малу забылся и разгорячился, сильно раздался прежній звукъ. Тутъ Маргафонъ, считая все это продѣлкою нечистой силы, вскочилъ и опрометью убѣжалъ изъ класса; — о чемъ и хлопотали ученики. Наконецъ разскажемъ еще третій анекдотъ. По случаю постройки новаго зданія для училища, Маргафоновъ классъ былъ помѣщенъ въ архіерейскомъ домѣ. Этотъ домъ былъ старинной постройки, имѣлъ въ каждомъ этажѣ своды, затѣмъ между каждымъ сводомъ и лежавшимъ выше него поломъ оставался промежутокъ въ 1—$1^1/_2$ аршина. Одинъ изъ учениковъ Маргафоновыхъ принесъ въ классъ гусли и, поднявши половую доску, помѣстился вмѣстѣ съ нимина сводѣ; доска, разумѣется, опять положена была на свое мѣсто. Когда Маргафонъ, пришедши въ классъ, усѣлся; то гусли стъ началъ разыгрывать свои музыкальныя произведенія. Почтенный педагогъ бывъ изумленъ такимъ неожиданнымъ концертомъ, спросилъ учениковъ: *гдѣ это кимвалы бряцаютъ?* Ученики отвѣчали: *въ покояхъ преосвященнаго;* и хотя эти покои находились въ другомъ этажѣ и на противоположномъ концѣ дома, но Маргафонъ повѣрилъ. Гуслистъ отъ piano началъ переходить къ allegro, отъ степенныхъ гимновъ къ русскимъ пѣснямъ уже слишкомъ веселымъ, такъ что въ классѣ надобно было отказаться отъ уроковъ и ученики готовы были пуститься въ присядку. Но Маргафонъ не догадывался гдѣ гуслистъ сидитъ и только по временамъ говорилъ: „*какіе прекрасные гусли! Что-то Преосвященный развеселился.*“ И этотъ человѣкъ, который

боялся пройти чрезъ очерченный мѣломъ кругъ, приписывалъ или себѣ самому, или нечистой силѣ звукъ, быстро выходящій изъ бычачьяго пузыря и повѣрилъ, что гуслистъ, сидѣвшій подъ поломъ его класса, игралъ плясовыя пѣсни въ комнатахъ архіерея, — этотъ человѣкъ былъ, кажется, тридцать лѣтъ учителемъ духовнаго юношества одной изъ многолюднѣйшихъ епархій. Другое мѣсто мы представляемъ одному учителю греческаго языка. Онъ конечно не былъ настоящимъ эллинистомъ, но для духовнаго училища зналъ языкъ прекрасно, могъ свободно читать въ подлинникѣ творенія греческихъ отцевъ Церкви, и самъ безъ затрудненія писать даже стихи на греческомъ языкѣ. Между тѣмъ, по причинѣ непонятнаго даже простодушія, дѣтской наивности, почти ребячества, при незнакомствѣ съ самыми обыкновенными правилами педагогіи, не могъ не только научить учениковъ греческому языку но и внушить имъ какое либо уваженіе къ себѣ, хотя наказывалъ ихъ иногда очень жестоко; мальчики чуть не въ глаза ему смѣялись. Онъ особенно любилъ заниматься греческимъ стихосложеніемъ. Послѣ того, какъ было показано, изъ какихъ слоговъ долгихъ и короткихъ состоятъ хорей, ямбъ и прочія *стопы*, и потомъ изъ какихъ стопъ слагаются разнаго рода стихи. напр. экзаметры, почтенный учитель старался выучить *скандировать* греческіе стихи, т. е. читать ихъ на распѣвъ, произнося *быстро*—краткіе, *протяжно*—долгіе слоги и дѣлая небольшую паузу на каждой стопѣ. Напр. нашъ педагогъ первый стихъ державинской оды: Богъ, велѣлъ бы читать такъ:

О̆ ты̄|про̆стра̄н|ство̆мъ бе̄з|ко̆не̄ч|ный.

Въ этомъ еще бѣды не было бы, если бы заставляли читать учениковъ по одиначкѣ. Но учитель требовалъ, чтобы всѣ до одного вдругъ въ одинъ темпъ произносили стихи всѣ безъ исключенія; притомъ окончаніи каждой стопы, топали ногою объ полъ, кулакомъ о столъ. Учениковъ бывало до 120 — 150 человѣкъ. Сначала шло дѣло еще сносно, но музыканты этого оригинальнаго оркестра мало по малу разгорячались или лучше расшаливались. Можно представить, что́ происходило въ классѣ, когда каждый изъ 150 человѣкъ кричалъ, что было въ немъ силы, стучалъ обѣими ногами и кулаками, усерднѣйшіе для этого случая приносили полѣнья, кирпичи и проч. Наконецъ однообразное чтеніе и стуканье прекращались; каждый слѣдовалъ собственному вдухновенію; учитель для возстановленія порядка кричалъ, бѣгалъ, давалъ оплеухи и потасовки, но расходившіеся музыканты не умолкали; тутъ уже происходила сцена, о которой, не видавши ея, нельзя имѣть понятія. *Обозъ съ тысячью немазанныхъ колесъ*, базаръ съ двумя тысячами крикливыхъ бабъ и пьяныхъ мужиковъ показался бы раемъ предъ этимъ адомъ. Такое обученіе въ теченіе двухгодичнаго курса продолжалось не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Кромѣ того каждую недѣлю, а иногда каждый классъ повторялись другія сцены. Учитель приказывалъ одному изъ учениковъ стоять у двери для такъ называемаго порядка, а больше для того, чтобы дверь не отворялась отъ вѣтра; у ней не было ни замка, ни щеколды. Для такой должности не назначался

одинъ кто нибудь, но цѣлый классъ, а сначала становился тотъ ученикъ, который первый войдетъ при г. учителѣ; его мѣсто занималъ другой, послѣ него вошедшій и. т. д. Сначала смѣна часовыхъ происходила быстро, но потомъ нужно было стоять уже очень долго. Часовой, наскучивъ, уходилъ незамѣтно на свое мѣсто. Дверь отворялась или учитель безъ того замѣчалъ отсутствіе часоваго. Начинался розыскъ о томъ, кто ушелъ? Разумѣется, никто не откликался. Потомъ старались припомнить, кто былъ часовымъ съ перваго раза: кое-какъ отыскивали этого человѣка. Его спрашивали, кому онъ сдалъ свой постъ? Преемникъ указанъ и въ свою очередь долженъ былъ указать на того, кто за нимъ слѣдовалъ. Подобная процедура, безпрестанно останавливаемая словами: *не помню, забылъ не я, онъ вретъ и пр.*, не могла скоро окончиться; часто на это нужно было употребить полчаса и болѣе. Но иногда нарочно или случайно тотъ самый ученикъ, который былъ первымъ часовымъ опять выходилъ изъ класса и, возвратившись, долженъ былъ стоять у дверей въ другой разъ. Наскучивъ своимъ занятіемъ, онъ уходилъ на мѣсто. Опять слѣдствіе. Первый часовой отысканъ, даже иногда самъ встанетъ; потомъ вновь идутъ указанія другъ на друга, и опять дѣло доходитъ до перваго. Тотъ вновь указываетъ на своего преемника и. т. д. Тутъ происходило настоящее кругообращеніе. Проходилъ часъ, два, а виновнаго никакъ не могли найти. Учитель выходилъ изъ себя, ученики помирали со смѣху; дѣло иногда тѣмъ и оканчивалось. Учитель никакъ не могъ открыть про-

дѣлки, которая повторялась съ нимъ слишкомъ часто. И этотъ человѣкъ прослужилъ 35 лѣтъ и получилъ даже пенсіонъ!!!

Учители, дѣянія которыхъ мы описывали, обучали только въ семинаріяхъ, учили въ низшихъ училищахъ и служили уже давненько. Коснемся теперь г.г. академиковъ семинарій и почти современниковъ. Былъ очень недавно въ О—ой семинаріи профессоръ и вмѣстѣ экономъ. Тупоуміе ли, или забывчивость, или неумѣнье и непривычка имѣть раздѣльныя понятія о предметахъ, были въ немъ изумительны. Если къ нему являлись два человѣка вмѣстѣ и каждый другъ за другомъ говорилъ о своихъ нуждахъ, то онъ непремѣнно отвѣты свои перемѣшивалъ и составлялъ изъ словъ, заимствованныхъ отъ того и другаго. Такъ однажды пришли къ нему ученикъ и комиссаръ; первый просилъ себѣ одѣяла, чтобы ночью одѣваться, а второй спросилъ, что варить въ столовой и сколько взять говядины. Профессоръ и экономъ, взявши одѣяло и записную книжку для забора говядины, сказалъ комиссару: *вари одѣяло*, которое ему и отдалъ, а ученику, отдавши книжку, прибавилъ: *одѣвайся говядиною*. Въ классѣ, преподавая гражданскую исторію, онъ читалъ обыкновенно учебникъ, но распространялъ его однозначащими словами и предложеніями. Вотъ отрывокъ изъ его лекціи о крестоносцахъ. — „Ну смотрите, вотъ крестоносцы идутъ, — идутъ, такъ и идутъ къ Константинополю, а Алексѣй Комнинъ сидитъ на престолѣ. Крестоносцы подходятъ къ воротамъ города, а Алексѣй Комнинъ сидитъ. Крестоносцы прошли ворота, а

Алексѣй Комнинъ все сидитъ. Крестоносцы валомъ валятъ по городу къ дворцу, а Алексѣй Комнинъ сидитъ. Крестоносцы у дворца, а Алексѣй сидитъ. Крестоносцы во дворцѣ, а Алексѣй Комнинъ сидитъ. Крестоносцы вдругъ ворвались, и тутъ-то Алексѣй, ахъ чтоже такое съ нимъ сдѣлалось?“ Почтенный профессоръ остановился. Одинъ ученикъ закричалъ: *упалъ съ престола.* Нѣтъ, отвѣчалъ профессоръ. Другой предложилъ слово: *свалился;* третій: *низверженъ былъ* ..... — Нѣтъ, нѣтъ, не, то. Наконецъ одинъ закричалъ: *шлепнулся:* — Да, да, воскликнулъ профессоръ: „Крестоносцы ворвались въ комнату и Алексѣй Комнинъ шлепнулся.“ Вотъ такъ лекція; вѣкъ ея не забудешь.

Другой профессоръ семинаріи, котораго мы здѣсь хотимъ помѣстить въ своей, такъ сказать, коллекціи, не можетъ быть названъ ни тупоумнымъ, ни идіотомъ; онъ просто полупомѣшанный, даже не одинъ разъ разъ былъ въ домѣ умалишенныхъ. Посмотрѣвши на его пріемы, прислушавшись къ логической послѣдовательности мыслей въ его разговорѣ, едва ли какая врачебная управа сочтетъ его здравомыслящимъ. Если присоединить сюда какую-то робость и диковатость, недостатокъ свѣдѣній, неумѣнье передавать то, что знаетъ; тогда легко догадаться, что ученики къ нему не могутъ имѣть никакого уваженія. Входитъ онъ въ классъ; ученики иногда вовсе не встаютъ, иногда ..... оборятятся къ нему спинами, шумятъ, сколько у кого есть силы, иногда стоятъ или бѣгаютъ на срединѣ класса. Но положимъ, что все приняло приличный видъ; педагогъ спрашиваетъ

урокъ; одинъ отвѣчаетъ: *мнѣ некогда, я занятъ;* — другой — *мнѣ не хочется;* — третій молчитъ и не встаетъ. Вотъ кто вышелъ къ столу для отвѣта, такъ или иначе прочиталъ. Наставникъ хочетъ отмѣтить его въ спискѣ; ученикъ требуетъ поставить высшій балъ, наставникъ не хочетъ; начинается споръ, послѣдній не уступаетъ, первый хватается за списокъ и старается вырвать его; товарищи выбѣгаютъ на подмогу; списокъ вырванъ. Тутъ ученики ставятъ въ немъ свои отмѣтки, а между тѣмъ во время борьбы фуражка, палка, и шинель учениками унесены. Наставникъ хочетъ ихъ взять; ему не даютъ; случается, что палка переламывается, козырекъ у фуражки отрывается и проч. Въ другое время одинъ изъ учениковъ начинаетъ съ сосѣдомъ вслухъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, другой затянетъ пѣсню, или просто закричитъ; имъ являются подражатели. Иногда сцена измѣняется, вдругъ съ обѣихъ сторонъ столы сдвигаются учениками и педагогъ остается какъ бы въ осадѣ между баррикадами, только не имъ самимъ, а противъ него устроенными. Иногда атака иначе производится. Ученики выбѣгаютъ на средину класса, окружаютъ наставника, одинъ даетъ ему кусокъ калача, другой яблоко, — третій — горсть орѣховъ и проч. И рѣдкій классъ проходитъ, чтобы какая либо изъ описанныхъ сценъ не повторялась.

Не зачѣмъ оставлять и академій, поищемъ и въ нихъ какія либо рѣдкости для нашей коллекціи. Былъ не очень давно, даже очень недавно, наставникъ греческаго языка. Онъ свой предметъ зналъ хорошо, извѣстенъ даже своими переводами многихъ

отеческихъ сочиненій. О литературномъ ихъ достоинствѣ много говорить нечего, они большею частію исправляемы были другими. Но г. наставникъ въ своихъ переводахъ и въ классѣ всегда заботился о точности самой мелочной и пустой, дѣло шло не о томъ, какъ выразить идею автора, а о томъ, какое изъ подобозначущихъ словъ или выраженій нужно употребить. Вотъ образчикъ его точности. Въ классѣ при переводѣ хрестоматіи встрѣтились слова *ἵππα δέ*, первое есть именительный падежъ множественнаго числа слова *ἵππος*, конь, а второе означаетъ: *же*. Студентъ перевелъ оба слова *кони же*. Наставникъ, остановивъ его, сказалъ: „мнѣ кажется, вы не такъ перевели.“ Какъ же перевести? отвѣчалъ студентъ, *ἵππος* значитъ *конь*, *а δὲ же*. Нѣтъ, ему возразилъ наставникъ, *ἵππος* значитъ также *лошадь*, *а δὲ* но; по этому, по моему мнѣнію, лучше перевести: не *кони же*, но: *а лошади*. Завязался споръ; обѣ стороны нашли насмѣшниковъ-партизановъ; всѣ помирали со смѣху. Наконецъ двое студентовъ предложили новые переводы; одинъ сказалъ, что лучше перевести *лошади же*, а другой: *а кони*. Тутъ поднялся уже хохотъ; наставникъ наконецъ-то понялъ, что онъ только смѣшитъ людей; и, по крайней мѣрѣ, замолчалъ.

Другая академическая рѣдкость, ординарный профессоръ краснорѣчія. Онъ былъ человѣкъ вовсе не глупый и на бумагѣ излагалъ свои мысли весьма основательно; но разговорами своими уже не могъ понравиться; на лекціяхъ же это были воплощенная, такъ сказать скука. Онъ безъ отдыха, однимъ, какъ говорятъ, духомъ не могъ сказать не только цѣлаго

періода, но даже пяти словъ: бывали примѣры и очень частые, что останавливался на половинѣ слова. Такъ напр. произнося слово: *которая*, онъ сначала говорилъ: *кото*, послѣ отдыхалъ, а затѣмъ добавлялъ уже: *рая*. Проказники студенты высчитывали, что онъ въ минуту иногда произносилъ не болѣе, даже менѣе 30 словъ. Можете судить, что̀ были у него за лекціи? Разумѣется, самый терпѣливый человѣкъ не могъ ихъ слушать и понять.

Наконецъ третья рѣдкость — наставникъ по каноническому праву. Это былъ говорунъ неутомимый, не останавливавшійся ни предъ какими препятствіями. Но, какъ любитель бахусовыхъ наслажденій, не имѣлъ большаго запаса свѣдѣній; еще менѣе ему было можно привести ихъ въ порядокъ приличный для лекціи. Но за то въ его головѣ былъ огромный запасъ великолѣпныхъ словъ, пышныхъ выраженій, метафоръ, аллегорій и проч. Этими-то вещами онъ и украшалъ свои лекціи. Вотъ образчикъ его лекцій: *„на церковномъ горизонтѣ появлялись хищны волки* (т. е. еретики) *и пшеницу* (т. е. православныхъ христіанъ) *разоняли; но являлись и столпы* (т. е. отцы Церкви) *и серпомъ слова исторгали сихъ волковъ съ корнями ихъ.“* По слухамъ впрочемъ этотъ образчикъ былъ составленъ студентами въ насмѣшку; они его распѣвали общимъ хоромъ. Но во всякомъ случаѣ онъ вполнѣ характеризуетъ преподавателя.

Послѣ нашего разсказа о преподаваніи наукъ въ духовныхъ училищахъ наставниками большинства и меньшинства у всякаго безпристрастнаго человѣка родился вопросъ: за чѣмъ держать подобныхъ людей

на ученой службѣ? Почему ихъ не увольняютъ, хотя бы по 2му пункту? На это есть множество причинъ. 1) Мы уже выше сказали, что лекціи самихъ начальниковъ-прогрессистовъ по разнымъ обстоятельствамъ не могутъ отличаться занимательностію; онѣ, подобно лекціямъ многихъ полупрогрессистовъ, состоятъ или изъ словъ: *повторить отсель и досель*, или изъ буквальнаго прочтенія будущаго урока съ немногими варіантами, или изъ чтенія другой какой либо книги и проч. Послѣ этого какъ же начальникъ станетъ дѣлать выговоръ своему подчиненному и сослуживцу и особенно рѣшится уволить его отъ должности за неудовлетворительное преподаваніе, когда онъ и самъ читаетъ свои уроки нисколько не удовлетворительнѣе? Чего добраго, иной смѣльчакъ прямо скажетъ: *врачу! исцѣлися самъ;* да, пожалуй, и другимъ будетъ говорить: *льстицу нужно мести не съ нижней, а съ верхней ступени.* 2) Наставники, которыхъ лекціи бываютъ неудовлетворительны для учениковъ, по большой части имѣютъ много качествъ, которыя нравятся начальникамъ. Напр. встрѣчаясь съ послѣдними, они еще саженей за пять обнажатъ свою голову, сдѣлаютъ учтивѣйшій поклонъ, съ подобострастіемъ облобызаютъ десницу, даже и въ томъ случаѣ, когда имѣютъ право сказать: *Христосъ посреде насъ*, а свою ловко отстранятъ отъ устъ начальника, никогда съ нимъ не спорятъ, во всемъ покорны, способны только говорить: *все будетъ исполнено по вашему приказанію или какъ вамъ угодно или какъ прикажете.* А главное, — въ годъ раза два, три пригласятъ къ себѣ по какому

либо торжественному семейному случаю, угостятъ прекраснымъ обѣдомъ и пр. — Скажите, Бога ради, можно ли подобныхъ услужливыхъ, покорныхъ, *кроткихъ духомъ*, *смиреннымъ сердцемъ* увольнять отъ службы? Можно ли даже дѣлать имъ выговоры? Нѣтъ, г. читатель, лучше къ нимъ съѣздить на вечерокъ лишнихъ раза два въ годъ. 3) Начальники не забываютъ также словъ Спасителя: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.* Только ихъ теорія быть милосердымъ довольно оригинальна. „Ну, какъ можно, говорятъ они, отставлять N.? У него большое семейство; чѣмъ же ему будетъ содержаться?“ Или если N. даже холостякъ, то опять говорятъ: „да куда же онъ послѣ отставки годится? Его никуда не примутъ, ни въ чиновники, ни въ священники, словомъ никуда.“ И вотъ человѣка, который, по сознанію самихъ начальниковъ, никуда не годится, оставляютъ на учительской должности: *вотъ тутъ всякій уже годится.* Одного только не понимаемъ въ этой теоріи милосердія; почему начальники, снисходя къ бездарному, тупоумному, лѣнивому наставнику, не хотятъ быть милосердыми къ сотнямъ, и даже иногда къ тысячамъ бѣдныхъ дѣтей, которыя подъ руководствомъ такихъ педагоговъ, не только ничему не научаются, но даже получаютъ неправильное умственное и нравственное направленіе? Рѣшите намъ вопросъ, г. г. начальники. 4) Иной начальникъ еще проще говоритъ: „за чѣмъ смѣнять? Предметъ его не важенъ; уроки задавать и слушать онъ можетъ; въ классъ ходить; другіе наставники сдѣлаютъ учениковъ умными. Кромѣ того, удали этого, но-

вый будетъ, можетъ быть, еще хуже. И вотъ на основаніи всѣхъ этихъ причинъ самые глупѣйшіе и пустѣйшіе наставники дослуживаются до пенсіона за свою двадцатипятилѣтнюю службу.

Но могутъ возразить, что *это дѣла давно-минувшихъ лѣтъ, преданія старины глубокой*, что къ нынѣшнему времени приложенія не имѣютъ. На это осмѣливаемся сказать, что нѣкоторыя изъ разсказанныхъ событій очень и очень *недревни*. А кромѣ того въ природѣ все развивается постепенно, систематически, скачковъ нигдѣ не замѣчается, послѣдующія явленія и событія всегда развиваются изъ предыдущихъ; даже геологія, позволявшая прежде себѣ переворачивать земный шаръ на его оси, погружать чуть не мгновенно цѣлые материки въ океанъ и за разъ поднимать изъ внутренности земли андскій хребетъ, и она нынѣ отказывается отъ крутыхъ и быстрыхъ переворотовъ. Но и г. г. наставники духовно-учебныхъ заведеній живутъ, какъ мы полагаемъ, на земномъ шарѣ и подчинены законамъ, которыми онъ управляется: далѣе чего либо похожаго на геологическій переворотъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, кажется, въ послѣднее время не происходило. Почему же намъ старикамъ не подумать, что и нынѣшніе наставники не всѣ далеко ушли отъ насъ — своихъ предшественниковъ? зачѣмъ сомнѣваться чтобы между тѣми и другими не было гораздо большаго сходства, нежели между нынѣшними ящерицами и древними плизіосаурами, между теперешними слонами съ одной и между мамонтами и мастодонтами съ другой стороны

Кромѣ того и старость не мѣшаетъ видѣть и слышать какъ дѣлаются дѣла нынѣ. Напр. развѣ слишкомъ давно была составлена и подписана всѣми студентами одной изъ академій просьба, въ которой они почтительнѣйше просили академическое Правленіе уволить нѣсколькихъ наставниковъ отъ службы за то, что лекціи ихъ слишкомъ не удовлетворительны. Событіе это можно назвать современнымъ. Впрочемъ если вы этимъ не удовлетворяетесь, то вотъ еще другое доказательство касательно семинарій. Намъ не очень давно случилось говорить съ однимъ студентомъ духовной академіи. „Понравилось ли вамъ преподаваніе наукъ въ академіи, спросили мы его? Ну уже, Давидъ Ильичъ, (это наше имя и отчество) озадачили меня на первый особенно разъ академическіе профессоры, отвѣчалъ студентъ. Вообразите, что хоть напр. я былъ лучшій ученикъ семинаріи, убѣжденъ былъ въ своей многосторонней учености, пріѣхавши въ академію, выдержалъ экзаменъ очень хорошо; ну какъ мнѣ не счесть себя человѣкомъ образованнымъ? Какъ не подумать, что я въ семинаріи пріобрѣлъ множество разнообразнѣйшихъ и полезнѣйшихъ свѣдѣній? Но вотъ является къ намъ въ классъ профессоръ N.; начинаетъ лекцію слѣдующими словами: *прошу васъ, господа, забыть все, что вамъ говорили въ семинаріяхъ по моей науки: — оно даже повредитъ вамъ при слушаніи моихъ лекцій: сдѣлайте милость, забудьте все.* Ну подумали мы, продолжалъ студентъ, хорошее же понятіе имѣютъ о насъ въ академіи; но полагали, что такъ думаетъ только одинъ N. На слѣдующій классъ является

другая академическая знаменитость; и она начинаетъ лекцію почти тѣми же словами, только въ наше утѣшеніе прибавила: *впрочемъ, кажется, отъ вашихъ семинарскихъ познаній большаго вреда еще не можетъ быть. Въ семинаріяхъ такъ большею частью преподаются науки, что отъ нихъ въ вашей головѣ, по всей вѣроятности, ничего не осталось. Поблагодарите за это своихъ бывшихъ наставниковъ.*“ Послѣ изъ письма другаго студента узнали мы, что и въ слѣдующей курсъ лекціи этихъ и другихъ наставниковъ академіи начинались тѣми же словами, которыя передалъ намъ студентъ. Теперь и вы, г. читатель, повѣрите, что наши замѣчанія о духовныхъ училищахъ, высказанныя въ этой главѣ, имѣютъ приложеніе и къ нынѣшнему времени. Не мы, старики, а нынѣшніе профессоры академій вамъ за это поручатся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ учебныхъ руководствахъ въ духовныхъ училищахъ.

Кому неизвѣстно, что учебныя руководства играютъ весьма важную роль въ низшихъ и среднихъ училищахъ? Противъ этого безусловно вооружаться не слѣдуетъ; надобно только помнить, что, какое бы ни было учебное руководство, оно должно быть и для учителя и для ученика не рельсами, такъ сказать, желѣзной дороги, примѣнительно къ которымъ должны быть устроеваемы всѣ вагоны. На учебники нужно смотрѣть, какъ на путеводныя звѣзды старинныхъ

мореплавателей; смотря на эти звѣзды, мореплаватели доплывали до извѣстнаго мѣста, но на морѣ могли уклоняться въ ту и другую сторону отъ прямой дороги. Точно такимъ образомъ и учебники должны только показывать учителю и ученикамъ, что̀ именно нужно знать по какой либо наукѣ. Очевидно, что и при этомъ условіи учебнымъ руководствамъ необходимо быть хорошими. Въ самомъ дѣлѣ неудобно плыть по океану чрезъ наблюденіе надъ тою звѣздою, которую нельзя видѣть или по причинѣ слабаго ея блеска, или отъ облаковъ, ее закрывающихъ; сразу вмѣсто Англіи приплывешь въ Соединенные Штаты. Точно такъ и при дурныхъ учебникахъ не узнаешь ясно содержанія и объема какой либо науки. Но здѣсь послѣдствія увеличиваются отъ того, что во многихъ мѣстахъ на учебныя руководства смотрятъ, какъ на рельсы и для учителей и для учениковъ, считаютъ ихъ механическимъ снарядомъ, при помощи котораго наставники думаютъ наполнить головы учениковъ *казенными свѣдѣніями*, — ученики надѣются пріобрѣсти благоволеніе и вниманіе своихъ педагоговъ, даже г. г. экзаминаторы и ревизоры взвѣшиваютъ способности и усердіе учащихъ и учащихся. Въ этомъ случаѣ отъ учебниковъ зависитъ чуть не все образованіе; - будь они хороши, ученики все таки пріобрѣтутъ хоть какія либо свѣдѣнія; будь дурны, тогда уже ровно ничего не вынесутъ изъ училища. По этимъ причинамъ мы рѣшились посвятить особую главу учебнымъ руководствамъ, употребляемымъ въ духовныхъ училищахъ.

Между ими есть очень дѣльныя книги, даже

современныя; но нельзя не замѣтить, что большая часть ихъ страдаетъ, такъ сказать, неизлечимыми недугами, дошла до дряхлой старости. Нечего говорить, что нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ по 40 и болѣе лѣтъ и современность свою, или, по крайней мѣрѣ, усовершенствованіе свое обнаруживаютъ новымъ шрифтомъ печати, болѣе прежняго бѣлою бумагою, и то потому только, что старыхъ шрифтовъ и прежней синей-оберточной сумачи почти нельзя найти. Есть даже учебники, введенные и напечатные въ прошломъ столѣтіи. Почтенна старина! Но поддерживать уваженіе къ ней въ дѣтяхъ посредствомъ учебныхъ руководствъ едвали можетъ назваться хорошимъ дѣломъ. Есть руководства, написанныя, конечно, очень учеными людьми, вполнѣ знающими свой предметъ, но эти люди, по своему индивидуальному образованію и настроенію стоятъ на такой высотѣ, находятся въ такой дали, что имъ нѣтъ возможности спуститься оттуда или приблизить свои идеи къ дѣтскому уму. Есть руководства, въ которыхъ слогъ отсталъ отъ современнаго и безъ всякой пользы и нужды затрудняетъ мальчиковъ употребленіемъ обветшалыхъ словъ и выраженій и старинныхъ оборотовъ, гдѣ авторы выражались столь высоко, облекали свои мысли въ такія формы, что и взрослому человѣку не всегда легко отыскать настоящій смыслъ. Такимъ образомъ большую часть нынѣшнихъ учебныхъ руководствъ нельзя считать удовлетворительными и слѣдовательно однимъ изъ первыхъ средствъ къ улучшенію духовныхъ училищъ должно быть введеніе новыхъ руководствъ.

По при теперешнемъ положеніи дѣлъ мало надежды имѣть хорошія учебныя руководства. Чтобы составить ихъ, надобно вполнѣ ознакомиться съ наукою, современными ея вопросами и требованіями, понять, что въ ней есть существеннаго и что стоитъ на второмъ планѣ, за тѣмъ узнать потребности училища, для котораго пишется руководство, способности учениковъ, пріучить себя къ ясному изложенію мыслей безъ опущенія системы и основательности. Но для всего этого нужно имѣть ученыя пособія, пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія въ наукѣ. Ученыя пособія можно найти только служащимъ при академіяхъ, а въ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ которазвѣ только выписывать ихъ на свои деньги, рыхъ впрочемъ недостаетъ на ежедневное содержаніе. Далѣе, есть ли возможность наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія для составленія учебниковъ, когда служба ихъ бываетъ кратковременна, и даже въ петербурской академіи среднимъ числомъ продолжается не болѣе шести лѣтъ? Притомъ нельзя же оставлять безъ хорошаго вознагражденія и тѣхъ, которые напишутъ руководства. Вѣдь трудиться даромъ не у всякаго достанетъ охоты; вѣдь красно разглагольствовать о безмездномъ служеніи обществу и пр., можно только въ томъ случаѣ, когда дѣло касается другихъ. А по неволѣ приходится сказать, что нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, авторы учебныхъ руководствъ довольно таки встрѣчаютъ препятствій и не слишкомъ щедро вознаграждаются. Вотъ примѣръ: одинъ изъ наставниковъ академіи въ концѣ сороковыхъ годовъ пред-

ставилъ два учебныхъ руководства для семинарій и тотчасъ же сдѣлался боленъ такъ, что, не смотря на всѣ усилія возстановить свое здоровье, принужденъ былъ оставить службу. Учебники его разсматривались лѣтъ пять, приняты въ руководство, но еще до сихъ поръ не напечатаны. Конечно автору дано вознагражденіе; доволенъ ли онъ имъ или нѣтъ, объ этомъ нужно спросить его самого. Но между тѣмъ нельзя же думать, чтобы столь продолжительная процедура могла нравиться кому бы то ни было, даже непрогрессисту. Человѣкъ, написавшій учебники, потерялъ здоровье, сократилъ свою жизнь; не много же найдетъ онъ утѣшенія въ томъ, что въ 10 лѣтъ не дождался изданія своихъ книгъ.

Но если бы нашлись охотники способные написать хорошія учебныя руководства для духовныхъ училищъ; то непремѣнно нужно измѣнить тотъ *процессъ*, который до сихъ поръ употреблялся при обсуживаніи достоинства учебниковъ. Въ этомъ отношеніи нужно, чтобы руководство было оцѣниваемо людьми безпристрастными, но свѣдущими, безъ отяготительныхъ проволочекъ. Между тѣмъ, можетъ быть, не всякому извѣстно, какъ иногда разсматриваются книги по духовно-учебному вѣдомству. Ихъ обыкновенно для этого отсылаютъ въ одну изъ академическихъ конференцій. Здѣсь между членами почти всегда найдутся люди знакомые съ тою или другою наукою. Но они большею частію заняты другими должностями; званіе члена конференціи не для всѣхъ ихъ существенная обязанность. Что же послѣ этого за охота слишкомъ усердно заниматься дѣломъ, ко-

торое мы считаемъ сторонним для себя? Оно или откладывается въ длинный ящикъ, или исполняется съ небрежностію, съ проволочками. Затѣмъ и отзывъ объ учебникѣ нерѣдко составляется только потому, что нельзя же его не составить. Кромѣ того въ конференціяхъ тоже любятъ *очищать дѣла*, т. е. передавать ихъ другимъ. Напр. поступила на разсмотрѣніе книга, относящаяся къ низшимъ духовнымъ училищамъ. Академическая конференція весьма основательно разсуждаетъ, что *предварительно* не излишнее дѣло узнать о ней мнѣніе правленія какой либо семинаріи, какъ болѣе знакомаго съ состояніемъ учебной части въ училищахъ. Правленіе, съ искреннею благородностію принимая столь лестное для себя предложеніе, находитъ также необходимымъ *предварительно* поручить разсматрѣніе книги какому либо опытному, заслуженному, т. е., состоящему на службѣ лѣтъ 20—30, начальнику низшаго училища; онъ-де понимаетъ, что особенно полезно питомцамъ, ввѣреннымъ его отеческому надзору. Начальникъ этотъ опять находитъ нужнымъ поручить *предварительно* разсмотрѣть книгу учителю, преподающему ту науку, къ которой она относится. Учитель, конечно, для большей основательности могъ бы поручить лучшему своему ученику *предварительно* разсмотрѣть книгу и сказать находитъ ли онъ ее нужною и полезною для себя и своихъ товарищей, но сколько намъ извѣстно, ни одинъ учитель этого не дѣлалъ; обыкновенно онъ самъ составляетъ рецензію на книгу. А выше уже сказано было, что учители духовныхъ уѣздныхъ училищъ состоятъ преимущественно изъ

окончившихъ курсъ учениковъ семинаріи, или изъ воспитаниковъ академій, которые по своимъ успѣхамъ не удостоились чести получить мѣста ни въ академіи, ни въ семинаріи. И вотъ книга, составленная часто спеціалистомъ, имѣющимъ извѣстность въ ученомъ мірѣ, разсматривается человѣкомъ почти незнакомымъ съ современнымъ состояніемъ науки, иногда только начинающимъ свое педагогическое поприще. Но критикъ не робѣетъ, бойко или скромно пишетъ свой отзывъ и представляетъ его начальнику. Этотъ *опытный педагогъ*, можетъ быть, пречитаетъ его, но въ книгу уже не заглянетъ; только во всякомъ случаѣ отрапортуетъ, что онъ отзывъ г. N. находитъ справедливымъ и основательнымъ, а иногда представитъ его, какъ собственное произведеніе. Въ правленіи семинаріи дѣлъ очень много; члены его имѣютъ другія обязанности; рапортъ отца смотрителя, или ректора принимается къ дѣлу, а правленіе, полученный отзывъ находя тоже основательнымъ, представляетъ его въ академическую конференцію. Для послѣдней уже было бы странно вооружаться противъ столькихъ лицъ ближайшимъ образомъ знакомыхъ съ потребностями училищъ. Она тоже находитъ отзывъ основательнымъ. Такимъ образомъ книга, перешедшая чрезъ нѣсколько канцелярій, но разсмотренная человѣкомъ неопытнымъ, считается оцѣненною высшимъ духовнымъ ученымъ сословіемъ, а между тѣмъ изъ этого ученаго сословія только одинъ секретарь и видѣлъ ее, распечатывая пакетъ духовно-учебнаго управленія. Повѣрьте, что иногда именно такъ происходила оцѣнка

книгъ. Почему же и нынѣ ей такъ не происходить? Здѣсь также не излишнее сказать, что не рѣдко учебникъ признается уже не удовлетворительнымъ; на мѣсто его введенъ новый; но послѣдній не печатается; потому что остаются не проданными нѣсколько экземпляровъ стараго. Между тѣмъ молва объ этомъ разнеслась, отмѣненнаго учебника никто не покупаетъ, новый остается не напечатаннымъ, а ученики безъ учебниковъ не учатся, по крайней мѣрѣ встрѣчаютъ большія трудности учится.

Къ сожалѣнію воспитанники духовныхъ училищъ могутъ очень часто пріобрѣтать съ большими затрудненіями и проволочками существующія уже учебныя руководства, а иногда даже и этой милости не удостоиваются. Прежде всего, по нашему мнѣнію, всѣмъ казеннокоштнымъ ученикамъ, особенно сиротамъ должно безъ всякой платы выдавать учебники. Въ самомъ дѣлѣ не странно ли доставить ученику изъ уваженія къ его бѣдности хлѣбъ, горохъ, гречневую кашу, кислую и даже прокислую капусту и пр. и отказывать, позвольте выразиться высокимъ семинарскимъ слогомъ, въ пищѣ, которою должны питаться его умственныя способности, т. е., въ книгахъ. Это правило соблюдается въ академіяхъ; въ семинаріяхъ уже довольно ограничено; въ низшихъ же училищахъ, особенно у ловкихъ отцовъ смотрителей, даже неизвѣстно, или прилагается къ дѣлу въ очень скромныхъ размѣрахъ. Здѣсь по оффиціальнымъ документамъ существуютъ тоже — впрочемъ почти всегда въ недостаточномъ количествѣ — учебныя руководства для безмездной раздачи бѣднымъ ученикамъ, по окончаніи

имъ назначеннаго срока увольняются, такъ сказать, отъ своей службы; для чего заведенъ имъ списокъ въ училищѣ и семинарскомъ правленіи, даже сдвали нѣтъ ежегодныхъ рапортовъ о благополучномъ или разстроенномъ ихъ положеніи. Но, повторимъ, во многихъ училищахъ все это принадлежитъ къ оффиціальной письменной части, а на самомъ дѣлѣ учебники давнымъ давно проданы ученикамъ и полученныя денежки, разумѣется, не отосланы куда либо повыше; почтенные начальники оставляютъ у себя и увольняютъ ихъ отъ продолжительнаго тяжелаго путешествія по почтѣ по дурнымъ нашимъ дорогамъ. Далѣе какъ для казеннокоштныхъ, такъ и для своекоштныхъ учениковъ слѣдовало бы имѣть въ запасѣ всѣ роды учебниковъ въ небольшомъ количествѣ въ каждомъ училищѣ, — въ большомъ въ каждой семинаріи и наконецъ въ очень уже большомъ въ духовно-учебномъ управленіи. Мальчикъ долженъ получить въ возможно-краткій срокъ нужный для него учебникъ, даже по первому требованію, а не ожидать, пока начнется, продолжится и кончится переписка по всѣмъ инстанціямъ о столь важномъ дѣлѣ; потому что учитель не станетъ откладывать уроки до тѣхъ поръ, пока вышлются каждому ученику учебныя руководства. Но эта наша, кажется, не хитрая теорія считается неприложимою. Дѣло самою большею частію происходитъ слѣдующимъ образомъ. Мальчики, особенно въ началѣ учебнаго курса, догадываются, что у нихъ нѣтъ нужныхъ учебныхъ руководствъ, говорятъ, переговариваются, совѣтуются и наконецъ докладываютъ учителю, что имъ не по чѣмъ учиться.

Педагогъ вдругъ, разумѣется, не примется за это; нельзя же, *очертя голову*, тотчасъ начать хлопоты; а большею частію скажетъ: „это не наше дѣло, ступайте къ инспектору или смотрителю.“ Инспекторъ и смотритель существа грозныя; къ нимъ никакой мальчикъ не рѣшится скоро итти. Впрочемъ положимъ, что до этихъ обѣихъ особъ дошло извѣстіе о недостаткѣ учебныхъ руководствъ. Тутъ отдается приказъ, чтобы ученики составили списокъ нужныхъ для нихъ книгъ и, главное дѣло, представили деньги за такую-то столько, а за такую столько и пр. Списокъ составится, деньги *кое-какъ соберутся*. Тогда сочиняется представленіе въ правленіе семинаріи, переписывается и отсылается по почтѣ вовсе не по первой. Семинарское правленіе, получивши представленіе, не вдругъ даетъ ему ходъ; у него есть дѣла поважнѣе; потомъ разсудитъ, что, чего добраго, и въ другихъ подвѣдомственныхъ ему училищахъ тоже нужны книги. Вотъ тутъ сочиняются, переписываются и посылаются по почтѣ не представленія, а уже предписанія съ приказаніемъ увѣдомить, не нужно ли какихъ либо учебниковъ. Въ училищахъ забираются безъ торопливости справки, собираются подписки и деньги, сочиняются и проч. представленія. Но наконецъ семинарское правленіе, получивъ всѣ свѣдѣнія, сочиняетъ отношеніе въ духовно-учебное управленіе, а иногда тутъ только кстати вспоминаетъ, что и ученикамъ семинаріи тоже не нужны ли какіе либо учебники. Опять начинаются подписки, сборы денегъ и пр. Впрочемъ, не смотря на всѣ проволочки, духовно-учебное управленіе наконецъ полу-

чаетъ списокъ книгамъ и деньги за нихъ. Тутъ дѣлъ у столоначальниковъ, начальниковъ отдѣленія, даже экзекутора, и вмѣстѣ книгохранителя — гораздо больше, нежели въ семинарскомъ правленіи; тутъ иногда оказывается, что требуемыхъ книгъ нѣтъ, что ихъ надобно или напечатать, или выписать изъ другихъ вѣдомствъ или отъ книгопродавцевъ, авторовъ и пр.; — тутъ то же иногда поджидаютъ, не пришлется ли новыхъ отношеній о книгахъ изъ другихъ семинарскихъ правленій. Все это, разумѣется, не можетъ скоро кончиться. Но вотъ и кончилось; иногда книгъ такъ много, что пересылка по почтѣ невозможна. Тогда предписывается экзекутору договориться съ конторою транспортовъ, или нанять какого либо извощика. Не смотря на всѣ проволочки, книги все-таки выѣзжаютъ изъ Петербурга, пріѣзжаютъ въ правленіе семинаріи; нельзя же имъ не позволить отдохнуть отъ столь продолжительнаго пути, да притомъ нужно разсортировать, раздѣлить ихъ по училищамъ, написать предписанія, укупорить, отдать на почту; а иногда находятъ нужнымъ даже дожидаться пріѣзда самого смотрителя. Что, добрый и любезный читатель? Скоро ли такимъ образомъ мальчикъ какого либо училища, даже семинаріи получитъ нужные для него учебники? Мы скажемъ, что между эпохою собранія денегъ за книги и эпохою полученія послѣднихъ бывали промежутки по шести, даже по двѣнадцати мѣсяцевъ. Можетъ быть, бываетъ меньше и больше; объ этомъ не хотимъ спорить; но періоды въ шесть и двѣнадцать мѣсяцевъ бывали. Между тѣмъ преподаваніе наукъ въ семинаріи и въ

училищахъ не останавливается; на каждый день даются уроки; ученики, не выучившіе ихъ, наказываются розгами, ставятся на колѣни и даже исключаются за неуспѣшность. Что же теперь имъ дѣлать? Они поступаютъ очень разнообразно. Одни, вполнѣ предавшись судьбѣ и не смѣя съ нею бороться, не учатся, извиняясь предъ собою, родителями и учителями тѣмъ, что *книгъ нѣтъ*. Затѣмъ, попривыкши къ праздной жизни и отъ частаго употребленія наказаній сдѣлавшись къ нимъ равнодушными, они и послѣ полученія книгъ не трогаютъ уже ихъ. Эти люди исключаются большею частію изъ училища. Другіе берутъ бумагу, чернилицу и перо и начинаютъ списывать печатанный учебникъ. Мы имѣли въ рукахъ не одну подобную рукопись; нерѣдко списываются такимъ образомъ книги не въ 5—10, а въ 15—20 печатныхъ листовъ! Значительная часть учениковъ, знакомыхъ съ продолжительностію казенной процедуры, отправляется къ лавочникамъ, или обращается къ своимъ предшественникамъ. Не очень снисходительны бываютъ послѣдніе, но первые — *сирѣчь* лавочники, умѣютъ пользоваться обстоятельствами. Только добросовѣстные берутъ 25%, а иногда съ менѣе щекотливою совѣстію не отказываются и отъ 50% и 60%, продаютъ даже, какъ говорятъ, получая копѣйку на копѣйку. Намъ случалось видѣть, что и рукописныя руководства были покупаемы по высшей цѣнѣ, нежели чего стоютъ такія же печатныя книги. Въ опроверженіе нашего разсказа укажутъ, можетъ быть, на нѣкоторые случаи, гдѣ быстро выписывались учебныя руководства въ семинаріи и въ

училища. И мы не споримъ объ этомъ, такія случаи возможны и дѣйствительно бываютъ; — но справедливость того, что мы описали, можетъ подтвердиться даже документами многихъ училищъ.

Касательно учебныхъ руководствъ въ духовныхъ училищахъ, конечно уже, далеко не во всѣхъ, а въ нѣкоторыхъ, даже можетъ быть, очень немногихъ встрѣчаются такія обстоятельства, съ которыми едвали въ другихъ мѣстахъ ученики ознакамливаются. Они такъ оригинальны, что мы, приступая къ описанію ихъ, пишемъ нѣчто вмѣсто предисловія; нельзя же объ нихъ говорить *съ плеча;* было бы очень невѣжливо. Вы очень хорошо знаете, что дорогая вещь мила, а дешевая въ глазахъ владѣльца ничего не стоитъ. Многія высшія петербурскія, разумѣется, начальства не обращаютъ вниманія на это; они печатаютъ и разсылаютъ учебныя книги по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ; напр. отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія продаются нѣкоторые учебники по пять, по десять копѣекъ за книгу учебную! Какое послѣ того уваженіе станетъ имѣть мальчикъ къ книгѣ, которая продается почти за туже цѣну, за какую покупаются одна, или двѣ булки? Книги эти нерѣдко употребляются въ духовныхъ низшихъ училищахъ. Къ чести нѣкоторыхъ ихъ начальниковъ нужно сказать, что они умѣютъ поправить ошибку Министерства, стараясь возвысить въ глазахъ учениковъ достоинства, а слѣдовательно и цѣну книгъ, и вмѣсто пяти, десяти берутъ двадцать, тридцать, шестьдесятъ копѣекъ. Разумѣется и отецъ и его сынъ послѣ этого не станутъ книгою пренебрегать.

Мы даже знаемъ случаи, когда нѣкоторые..... начальники стараются придать пріобрѣтенію книгъ какую-то мистическую форму. Объявляется, чтобы ученики подписались и внесли деньги на полученіе такой-то книги и притомъ всѣ непремѣнно. Деньги вносятся; но книга..... не является; какъ будто бы прибытію ея противятся какія-то тайныя, невидимыя, непонятныя силы; проходитъ полгода, годъ и болѣе; отцы обращаются къ какому либо явному лавочнику и покупаютъ книги у него; а прежде отданныя деньги остаются во мракѣ неизвѣстности. Сколько въ самомъ дѣлѣ не только въ природѣ, но и въ обществѣ человѣческомъ, даже въ низшихъ духовныхъ училищахъ, сколько таинственныхъ, необъяснимыхъ событій! смирись ты, кичливый умъ! многаго ты не умѣешь объяснить.

Но пока еще напишутся учебныя руководства для духовныхъ училищъ, пока они найдутъ себѣ основательныхъ рецензентовъ, пока полученіе ихъ не будетъ замедляться мѣсяцами и даже цѣлымъ годомъ, преподаваніе наукъ должно же происходить какимъ нибудь образомъ. Въ академіяхъ большею частію наставники издаютъ свои записки, или читаютъ лекціи по своимъ конспектамъ, предоставляя самимъ студентамъ помнить и записывать, что̀ нужно. Впрочемъ и здѣсь остаются нѣкоторые старинные учебники; напр. въ одной академіи очень недавно читали (не читаютъ ли теперь?) элементарную геометрію по огромному руководству Гурьева; кажется, чтобы отбить охоту заниматься геометріею и математикою вообще, лучшаго средства избирать нельзя. Но въ ака-

деміяхъ все-таки наставники имѣютъ возможность писать записки; книгъ много, уроковъ мало; можно найти время для чтенія и составленія записокъ; — что же теперь дѣлать наставникамъ семинаріи? Многіе учебники такъ ясно недостаточны, что ихъ надобно чѣмъ нибудь замѣнить; а между тѣмъ книгъ подъ рукой нѣтъ; уроковъ слишкомъ много; а иногда одинъ наставникъ преподастъ до пяти различныхъ предметовъ. Но отвага, свойственная русскому человѣку, не оставляетъ наставниковъ семинаріи. Нѣкоторые изъ нихъ храбро принимаются за составленіе записокъ. Для этого главнымъ руководствомъ служатъ записки академическихъ наставниковъ; иногда къ нимъ питаютъ столь высокое уваженіе, что отдаютъ ихъ для списованія безъ всякой перемѣны; иногда смѣлою рукою сокращаютъ ихъ, т. е., опускаютъ цѣлые параграфы или части ихъ, не очень заботясь о систематической связи между оставшимся параграфами; связь сама собою будетъ, когда они напишутся въ одной тетради. Иногда же вмѣсто академическихъ записокъ по не богословскимъ наукамъ берутся книги изъ свѣтской литературы, хотя бы онѣ были изданы въ прошедшемъ столѣтіи; съ ними обращаются точно также, какъ съ академическими записками. Едвали еще не больше происходитъ зла отъ того, что нѣкоторые начальники семинаріи сами вседержащею властію рѣшаются вводить учебныя руководства, изданныя ихъ знакомыми, или по чему либо принятыя ими подъ свое покровительство.

Наконецъ скажемъ нѣчто и о низшихъ духов-

ныхъ училищахъ въ этомъ отношеніи. Ко многимъ ихъ наставникамъ можно примѣнить пословицу: *куда конь съ копытомъ мчится, туда и ракъ съ клешней тащится.* Большая часть ихъ далѣе семинаріи нигдѣ не училась; а нерѣдко они остаются по своимъ наукамъ почти съ тѣми же свѣдѣніями, какія пріобрѣли нѣкогда въ училищѣ. По страсть составлять свои записки развита здѣсь, кажется, больше, нежели въ семинаріяхъ; едвали можно найти въ училищѣ какой либо предметъ, по которому не было бы сдѣлано прибавленія къ учебнику. Это или вещь совершенно не нужная, или повтореніе того, что сказано въ учебникѣ, или то, что ученикамъ преподается въ семинаріи, или то, что можно было бы объяснить на словахъ, а очень часто то, чего можно и не знать. Хуже всего, эти мнимоученыя записки передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; новый учитель дѣлаетъ новыя прибавки и чрезъ нѣсколько времени записки принимаютъ огромные размѣры. Намъ извѣстно одно низшее духовное училище, гдѣ ученики высшаго отдѣленія, кромѣ напечатанныхъ руководствъ должны еще списать и заучить до 150 листовъ. Вѣдь право убійственно! У Грибоѣдова въ комедіи: *Горе отъ ума* одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ про другое: *я бы заставилъ его писать и сталъ бы приговаривать: пиши, пиши.* О! если бы кто либо наконецъ сказалъ учителямъ низшихъ духовныхъ училищъ: *не пишите, не пишите своихъ записокъ.* Господа! для составленія лекцій, право, нужно или академическое, или университетское образованіе; нужны опытность и знакомство съ совершеннымъ со-

стоящемъ наукъ. Вы лучше возмите учебники, поймите, да научитесь понятно объяснять ихъ мальчикамъ; *вы не ординарные профессоры, а просто учители!*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніи нѣкоторыхъ свѣтскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ.

Изъ сказаннаго въ третьей главѣ о преподаваніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ очевидно, что оно очень нерѣдко, а можетъ быть, слишкомъ часто обращается въ пустой формализмъ и механизмъ, въ какую-то церемонію. Большею частію главная забота состоитъ въ соблюденіи буквы закона; наставники ходятъ въ классъ, сидятъ въ немъ положенное число часовъ, прослушиваютъ уроки учениковъ, однихъ подвергаютъ выговорамъ, или наказаніямъ, другихъ похваливаютъ, сами вовсе ничего не проясняютъ, иногда впрочемъ для соблюденія формы что либо читаютъ, или говорятъ и пр. и пр. Что же? Форма соблюдена, журналъ классическій подписанъ, придраться не къ чему, *церемонія исполнена.* Но этотъ формализмъ касается только внѣшней стороны науки и зависитъ существеннымъ образомъ отъ личности преподавателя; съ перемѣною наставника можетъ все измѣниться; запылѣснѣвѣлыя тетради бросаются, крас-

ныя книги остаются въ библіотекѣ; разговоры о городскихъ и политическихъ новостяхъ прекращаются можетъ начаться преподаваніе дѣльное и основательное. Но къ сожалѣнію формализмъ завладѣлъ въ нѣкоторыхъ и даже во многихъ случаяхъ и внутреннею стороною преподаваніемъ наукъ, исказилъ ихъ пониманіе, подчинилъ себѣ учениковъ, учителей и экзаминаторовъ; цѣль науки забыта; изъ всѣхъ силъ хлопочутъ о формальной ея сторонѣ только. Этотъ формализмъ вреденъ тѣмъ, что онъ не соединенъ съ личностію наставника, сродился, такъ сказать, съ самою наукою; отступать отъ него иногда нельзя даже дѣльному наставнику, понимающему всю пустоту его. Подобный формализмъ касается очень многихъ наукъ, но здѣсь скажемъ только о приложеніи его къ русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, географіи, латинскому и греческому языку, реторикѣ и логикѣ.

Отдѣленіе первое.

Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніе русской грамматики, ариѳметики, географіи, латинскаго и греческаго языковъ въ духовныхъ училищахъ.

1. Русская грамматика.

Слишкомъ бы, кажется, должно быть понятнымъ, что преподаватели русской грамматики въ низшихъ училищахъ обязаны научить мальчиковъ безъ грам-

матическихъ ошибокъ говорить и писать по русски, соблюдать правила, требуемыя этимологіею, синтаксисомъ, умѣть ставить знаки препинанія, не писать *ъ* вмѣсто *е* и пр. Хлопотать о какихъ либо отвлеченностяхъ или филологическихъ замѣткахъ вовсе нѣтъ никакой надобности; мальчикъ не пойметь ихъ; значитъ ими не воспользуется; онѣ его только затруднятъ. Поэтому при обученіи грамматики существеннымъ занятіемъ должна быть практика; пусть наставникъ испытываетъ мальчика на словахъ и бумагѣ, понимаетъ ли онъ части рѣчи, умѣетъ ли склонять имена и спрягать глаголы, соблюдаетъ ли онъ правописаніе и знаетъ ли, гдѣ ставить знаки препинанія. И если окажется, что мальчикъ пишетъ по русски безъ ошибокъ противъ грамматики, то его можно счесть знатокомъ ея. И почтенному экзаминатору слѣдовало бы смотрѣть только, хорошо ли дѣлаютъ ученики такъ называемый грамматическій разборъ и правильно ли пишутъ по русски? Такимъ образомъ весь экзаменъ состоялъ бы въ задачахъ для грамматическаго разбора и въ диктованіи какихъ нибудь болѣе или менѣе большихъ отрывковъ. Если все разобрано и написано правильно, то экзаминатору остается только поблагодарить наставника и учениковъ. Но такъ ли происходитъ на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ! *Вотъ большею частію въ чемъ состоятъ церемоніи при обученіи русской грамматики!* Сначала заставляютъ мальчиковъ выучить опредѣленіе ея самой; точно какъ будтобы опасаются, что они не поймутъ безъ этого, какая имъ наука преподается. Затѣмъ слѣдуетъ множество опредѣленій большею ча-

стію схоластическихъ, отвлеченныхъ съ непонятными, для дѣтей, словами опредѣленій именъ существительныхъ, падежей, родовъ, чиселъ и пр. Потомъ безчисленныя формы склоненій съ длинными рядами словъ, составляющихъ исключеніе. Послѣ филологическія правила касательно словосочиненія, перечисленіе случаевъ, гдѣ пишется *ъ* или *е*, запятая или двоеточіе и пр. Все это надобно учить слово въ слово большею частію безъ предварительнаго объясненія, часто безъ пониманія. А практическія занятія? Не скажемъ, чтобы ихъ не было; заставляютъ дѣлать грамматическія разборы, даже разъ десятокъ въ два года продиктуютъ что нибудь; но за всѣмъ тѣмъ главнымъ и существеннымъ занятіемъ ученика, пробнымъ камнемъ его грамматическихъ занятій служитъ затверживаніе того, что напечатано въ учебникѣ иногда даже безъ всякаго ослушенія. Не прочитай мальчикъ опредѣленія имени существительнаго или падежа родительнаго, онъ, по мнѣнію начальника и наставника, будетъ неисправнымъ ученикомъ, хотя бы написалъ цѣлый листъ по диктовкѣ, не сдѣлавши ни одной ошибки, — развѣ это не есть одна изъ пустѣйшихъ формальностей? И не отъ того ли происходитъ, что мальчикъ обучаясь русской грамматикѣ 6—10 лѣтъ, не умѣетъ правильно написать порусски? Изъ газетъ извѣстно, что Шамиль, посѣщая калужскую гимназію и взошедши въ классъ, гдѣ преподавался русскій языкъ, съ изумленіемъ спросилъ: *да развѣ русскихъ надобно обучать русскому языку?* Какое же бы понятіе получилъ знаменитый горецъ, если бы узналъ, что есть въ Россіи училища,

гдѣ мальчикъ, обучаясь 6—10 лѣтъ русской грамматикѣ, не умѣетъ правильно писать порусски, хотя по училищнымъ спискамъ ему пришисываются успѣхи хорошіе, даже отличные? Истинно не понятно такое явленіе для того, кто не знаетъ школьнаго формализма!

2. *Ариѳметика.* Эта наука по преимуществу должна быть практическою, пріучая дѣтей къ быстрому и скорому рѣшенію числовыхъ задачъ, такъ часто встрѣчающихся въ общежитіи. Поэтому здѣсь существенное вниманіе нужно было бы обратить на такъ называемое умственное вычисленіе безъ помощи грифеля, доски, бумаги и пера. Большой трудности наставники не встрѣтили бы въ этомъ случаѣ, если бы дѣйствовали систематически и по человѣчески. Мальчикъ, поступивши въ училище, уже непремѣнно умѣетъ дѣлать сложеніе и вычитаніе, а иногда умноженіе и дѣленіе, не сознавая еще, что онъ знатокъ ариѳметики. Въ самомъ дѣлѣ, спросите его, сколько человѣкъ останется въ семьѣ его отца, если уменьшить или увеличить ее двумя, тремя лицами? Онъ не затрудпится въ отвѣтѣ и не ошибется; значитъ знаетъ сложеніе и вычитаніе. Воспользуйся учитель подобными практическими свѣдѣніями мальчика, пріучай его постепенно въ головѣ производить сложеніе сначала простыхъ единицъ, потомъ единицъ и десятокъ и т. д. и послѣ уже незамѣтно ознакомивъ съ пріемами сложенія, выводи общее правило. Точно такимъ же образомъ поступай при прочихъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ; мальчики безъ затрудненія бы ихъ узнали и, главное дѣло, могли бы производить

вычитаніе умственно. Но какъ происходитъ на самомъ дѣлѣ преподаваніе ариѳметики въ низшихъ духовныхъ училищахъ? Учитель ея причисляется чуть ли не къ послѣднему номеру и потому она преподается или только что поступившимъ на должность семинаристомъ, который послѣ старается перейти на другой номеръ, если его считаютъ человѣкомъ способнымъ; — или какимъ либо бездарнымъ человѣкомъ, котораго по чему нибудь держатъ въ учительскомъ званіи, но уже не повышаютъ по номерамъ. И вотъ эти школьные Эйлеры заставляютъ мальчиковъ безъ всякихъ предварительныхъ объясненій учить опредѣленія ариѳметики, числа, единицы и правила, какъ выражать цыфрами числовыя величины. И когда доходятъ до самыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, то сначала, не объяснивши правила ни однимъ примѣромъ, заставляютъ мальчика выучивать его слово въ слово, считая это какъ будто бы талисманомъ, владѣя которымъ, мальчикъ уже найдетъ средства, какъ производить самое дѣйствіе. Потомъ даютъ на доскѣ задачи и заставляютъ на основаніи заученнаго, но не понятаго и не объясненнаго правила дѣлать ихъ. Чего тутъ не достается ученикамъ за мнимую ихъ безтолковость? Оцѣнка успѣховъ ученика производится не потому, правильно ли и скоро онъ рѣшаетъ ариѳметическія задачи; а потому, твердо ли прочитываетъ правила ариѳметическихъ дѣйствій. Есть или были учители, которые, спросивши мальчика, знаетъ ли онъ урокъ изъ ариѳметики, получивши въ отвѣтъ, что онъ читать знаетъ, а дѣлать не умѣетъ и находили этотъ отвѣтъ справедливымъ, вполнѣ удовле-

творяются имъ; прибавляя: *ну, это ничего, дѣлать еще выучишься.* Но еслибы ученикъ ариѳметическое дѣйствіе производилъ самымъ правильнымъ образомъ, а не могъ прочитать слово въ слово напечатанное правило; то онъ непремѣнно былъ бы наказанъ. При такомъ обученіи неудивительно, что ученикъ, выучивши первую и вторую часть ариѳметики, для сложенія 15 и 17 напишетъ цифры на бумагѣ или доскѣ, подведетъ подъ ними черту и потомъ, начавши производить сложеніе, сначала сложитъ 5 и 7, напишетъ 2 ниже черты, запишетъ на сторонѣ такъ называемую *умную*, послѣ примется за десятки, но и при этомъ, чего добраго, сдѣлаетъ гдѣ либо ошибку. Не думайте, что это выдумка. На пріемныхъ даже академическихъ экзаменахъ встрѣчаются студенты, которые отказываются дѣлать или дѣлаютъ съ ошибками умноженіе и дѣленіе простыхъ чиселъ, а объ именованныхъ числахъ, особенно же дробяхъ не имѣютъ никакого понятія. Но студенты, поступающіе въ академію, — это такъ сказать, сливки семинарскаго образованія; *судите же по этимъ сливкамъ о подданкахъ!*

3. *Географія.* Преподаваніе этой науки въ духовныхъ училищахъ не только неудовлетворительно, но даже *не можетъ быть удовлетворительнымъ* по причинѣ тѣхъ обстоятельствъ, съ которыми оно соединено. Географія преподается *первоначально и вмѣстѣ окончательно* только въ среднемъ и низшемъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища, и затѣмъ уже ни въ семинаріи ни въ академіи, ни гдѣ вновь не читается. Поэтому, если семинаристъ и академикъ по-

средствомъ чтенія или разговора не пріобрѣлъ никакихъ новыхъ свѣдѣній по географіи, то онъ, поступивъ на должность учителя ея, является только съ тѣмъ запасомъ, который уцѣлѣлъ въ головѣ его отъ уѣзднаго училища, Отъ этого и происходитъ, что географія здѣсь *преподается*, какъ говорятъ *заднимъ числомъ*, если не догадается кто нибудь замѣнить старый учебникъ новымъ. Такимъ образомъ до 1825 гооа и даже нѣсколько далѣе во многихъ духовныхъ училищахъ были еще увѣрены, что Германія заключаетъ въ себѣ нѣмецкую имперію и всѣ девять курфиршествъ, не исключая Трирскаго и Пфальцкаго. Ученики вовсе не подозрѣвали, что есть Австрійская Имперія, Ганноверское, Виртембергское, Саксонское и Баварское королевства; самъ Прусскій король имъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Бранденбургскаго курфирста. Что же дѣлать? и мы и наши учители учились только по учебнику, изданному прежде Вѣнскаго конгресса и даже прежде 1805 года. Точно также республики средней и южной Америки извѣстны были подъ названіемъ владѣній испанскихъ и португальскихъ, когда, кажется, не только Итубрисце но и Боливаръ были уже на томъ свѣтѣ. И Бельгія долго, — долго была еще соединена съ Голландіею, и Норвегія съ Даніею, когда царствовали въ первой Леопольдъ, а второй Бернадотъ. И въ самомъ дѣлѣ откуда учителю взять свѣдѣнія о новыхъ перемѣнахъ въ политическомъ устройствѣ государствъ, когда они послѣ первоначальнаго преподаванія географіи ему нигдѣ не попадались?

Дѣльному преподаванію географіи препятствуетъ

возрастъ учениковъ, которымъ она читается, едва ли еще не болѣе, нежели учители. И дѣйствительно, какимъ образомъ сообщить ученикамъ высшаго и даже средняго отдѣленія уѣзднаго училища свѣдѣнія изъ математической географіи о круглотѣ земнаго шара, его движеніи около солнца по эллипсису, о меридіанѣ, градусахъ широты, изложить коперникову систему, когда онъ не имѣетъ понятія о перпендикулярныхъ и параллельныхъ линіяхъ, о кругѣ съ его радіусами и градусами, словомъ, когда онъ не знаетъ самыхъ простѣйшихъ истинъ элементарной геометріи? Далѣе нынѣ въ физической географіи стараются описывать не одинъ наружный видъ земнаго шара съ его рѣками и горами, мысами и бухтами, материками и морями и пр., но считаютъ нужнымъ сообщать свѣдѣнія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя производятся на поверхности и внутри земли дѣйствующими на ней физическими силами. Но какъ это сдѣлать, когда ученики не учились ни метеорологіи, ни физикѣ? Не излишнее также по отношенію къ физической и математической географіямъ замѣтить, что математика и физика, какъ увидимъ ниже, находятся въ семинаріяхъ и отчасти въ академіяхъ въ полномъ презрѣніи и потому сами учители могутъ назваться *совершенною невинностію* во всѣхъ этихъ наукахъ. Какъ же имъ хорошо преподавать географію? Наконецъ для облегченія учениковъ при изученіи политической географіи стараются оразнообразить преподаваніе ея примѣсью различныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ исторіи и касающихся той или другой мѣстности. Опять спросимъ, какъ воспользо-

ваться этою методою въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища, когда ученикамъ здѣсь совершенно неизвѣстна гражданская исторія?

Описанныя нами затрудненія учиться географіи увеличивались прежде отъ того, что во многихъ духовныхъ училищахъ, или совершенно не было никакихъ ландкартъ и атласовъ, или находился какой либо одинъ экземпляръ, который показывался въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, и приносился въ классъ самимъ учителемъ. Поэтому ученики должны были все заучивать на память и границы, и города, и рѣки, не зная и не умѣя указать, гдѣ они находятся. Нынѣ уже, конечно, въ духовныхъ училищахъ число ландкартъ и атласовъ увеличилось, хотя нельзя не сказать, что они большею частію покупаются не на училищныя, а на ученическія деньги. Но и при атласахъ и ландкартахъ метода обученія географіи, или лучше заучиваніе ея учениками въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удержало еще свою патріархальную простоту. И нынѣ есть учители, которые изученіе географіи по ландкартамъ считаютъ дѣломъ излишнимъ, приказываютъ заучивать все къ ряду въ учебникѣ, и когда ученикъ прочитаетъ урокъ безъ безъ запинки, то считается знающимъ, хотя бы не могъ отличить чернаго моря отъ балтійскаго. Пустота подобнаго изученія слишкомъ ясна; смотря на ландкарту, ученикъ, по крайней мѣрѣ, рисуетъ ее въ головѣ и такимъ образомъ удерживаетъ взаимное отношеніе мѣстностей всъ своей памяти. Но что у него останется, когда онъ только заучитъ написанное въ учебникѣ? Впрочемъ произволъ ли начальниковъ

или не пониманіе ими методы изученія географіи, повели въ новѣйшее уже время ко многимъ обременительнымъ и вмѣстѣ безполезнымъ занятіямъ для учениковъ. Нѣкоторые начальники духовныхъ семинарій и училищъ слыхали, что свѣтскихъ и военныхъ заведеніяхъ при изученіи географіи заставлютъ учениковъ не только указывать на картѣ разныя мѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ рисовать самыя карты на доскѣ съ подобными отмѣтками замѣчательныхъ городовъ, рѣкъ и пр. Почему же и намъ не перенять этого обыкновенія? Почему и намъ не блеснуть новизною, разумѣется, поусовершенствовавъ ее и преимущественно позанявшись изящною стороною? И вотъ начальникъ *на основаніи современныхъ требованій науки* приказываетъ, чтобы въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ непремѣнно рисовали, какъ выражаются ученики, *карточки*, но только дома на своихъ квартирахъ, и притомъ не просто *рисовали*, но разрисовывали и оттѣняли ихъ, употребляя при этомъ всѣ семь призматическихъ цвѣтовъ, и даже смѣшивая ихъ. Мальчики догадливы; они берутъ требуемую отъ нихъ карточку изъ какого либо географическаго атласа, приставляютъ ее къ оконному стеклу, покрываютъ ее листомъ бумаги и при помощи карандаша, отмѣчаютъ на бумагѣ границы, рѣки, замѣчательнѣйшія мѣстности и пр. Это, такъ сказать, эскисъ; потомъ начинается отдѣлка произведеній изящнаго искусства; границы къ морю оттѣняются китайскою тушью, — а прочія красками и притомъ разнообозными для каждаго изъ государствъ, областей, губерній и пр. Разумѣется, красокъ не жалѣютъ; и

вотъ чрезъ нѣсколько времени является изящное произведеніе географической живописи. На немъ, правда, не отмѣчены вовсе градусы долготы и широты, но за то, что за красивая вещь эти карточки! Любо, дорого посмотрѣть! Чтобы блескъ ихъ не уменьшился, догадливые учители приказываютъ рисовать ихъ въ двухъ экземплярахъ; — одинъ для классическаго употребленія, а другой для экзамена; послѣдній сшивается, даже переплетается, или получаетъ красивую обертку съ нарисованными на ней полушаріями. Начальникъ въ восхищеніи; конечно *при нихъ* этого не было; но въ настоящемъ случаѣ нельзя вооружаться противъ нововведенія; оно такъ ясно полезно, особенно красиво и даже красно. А между тѣмъ посмотрѣли бы начальники и учители, сколько времени теряетъ мальчикъ на эти пустяки и всетаки не знаетъ географіи; потому что вся карточка есть только совокупное произведеніе оконнаго стекла руки и ящика съ красками. Одни мѣстные купцы должны быть довольны этими распоряженіями; у нихъ бываетъ большой расходъ для краски и кисточки.

Если принять во вниманіе сказанное нами о преподаваніи географіи въ духовныхъ училищахъ; то раждается вопросъ: въ чемъ же теперь состоятъ свѣдѣнія изъ ней, пріобрѣтаемыя учениками? Сначала отдадимъ честь не малому количеству учителей, которые употребляютъ все возможное, даже почти невозможное въ ихъ положеніи, чтобы изученіе географіи здѣлалось совершеннымъ и занимательнымъ. Мы знаемъ не одного изъ нихъ, который изъ своего скуднаго жалованья отдѣляетъ часть на покупку

книгъ, вычитываетъ и разсказываетъ ученикамъ все, чѣмъ можно поддержать ихъ вниманіе и растрогать любознательность. Но масса учителей идетъ издавна проложенною дорогою, заставляя учениковъ учить то, что напечатано въ учебникѣ. Да и самые усердные и даже свѣдущіе наставники не могутъ двѣнадцатилѣтнихъ или четырнадцатилѣтнихъ мальчиковъ обратить въ шестнадцати или осмнадцатилѣтнихъ, не могутъ сдѣлать, чтобы они, не учившись, узнали геометрію, физику, метеорологію и исторію. И потому въ самой большей части духовныхъ училищъ изъ математической географіи не заучиваются, а *забалтываются* безъ понятія различныя опредѣленія экватора, меридіана, параллельныхъ круговъ, эклиптики, полюсовъ и пр. Изъ физической географіи пересчитываются рѣки, долины, мысы, перешейки и пр. безъ всякаго объясненія причинъ, отъ которыхъ зависятъ различныя перемѣны, происходящія на поверхности или внутри земнаго шара. Наконецъ изъ политической географіи составляется въ головѣ воспитанника еще болѣе огромный словарь городовъ и мѣстечекъ, рѣкъ и рѣчекъ, озеръ, заливовъ и пр., разумѣется, безъ всякой надежды, что все это останется въ памяти, или лучше съ полнымъ убѣжденіемъ, что оно послѣ экзамена тотчасъ будетъ забыто. При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не должно казаться удивительнымъ, что, выходящіе изъ духовныхъ училищъ воспитанники, слишкомъ мало бываютъ знакомы съ географіею, что даже поступающіе въ академію студенты изумляютъ профессоровъ своимъ невѣжествомъ по этой наукѣ. Сколько найдется даже лучшихъ

воспитанниковъ семинаріи, которые не только не пересчитаютъ всѣхъ имперій на земномъ шарѣ, но и Бразилію помѣстятъ гдѣ либо въ Азіи, а Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты подчинятъ неограниченному правленію? Сколько было примѣровъ, что хребетъ Атласа являлся въ малой Азіи, Андскія горы переносились въ Европу, Амазонская рѣка протекала въ Африкѣ, даже Пиренеи перемѣщались на площадь Германіи, а Альпы раздѣляли Испанію и Францію? Сколько даже отличныхъ учениковъ найдется, которые не пересчитаютъ столицъ второстепенныхъ государствъ Европы, которые Вашингтонъ станутъ отыскивать въ Англіи, а Ріо-Жанейро въ Испаніи и Португаліи? Повѣрьте, что во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ преувеличиванія, даже, можетъ быть, еще не все высказано, что слѣдовало бы сказать. Во всемъ этомъ нельзя обвинять ни учителей, ни учениковъ; виноваты обстоятельства, съ которыми соединено преподаваніе географіи; ихъ надобно измѣнить.

Прежде всего преподаваніе математической и физической географіи нужно совершенно прекратить въ низшихъ духовныхъ училищахъ, потому что ученики ихъ или по возрасту, или по причинѣ не развитыхъ способностей, или по недостатку предварительныхъ свѣдѣній вовсе не приготовлены къ тому. Едвали не то же самое нужно сказать и о политической географіи; изученіе ея, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, безъ знанія Исторіи обращается въ безплодное заучиваніе названій. Развѣ изъ снисхожденія къ заведенному уже порядку можно въ

высшемъ отдѣленіи училища наглядным образомъ на глобусахъ и на картахъ дать понятіе о главныхъ предметахъ математической и физической географіи, также краткія свѣдѣнія о частяхъ свѣта и замѣчательнѣйшихъ государствахъ и потомъ нѣсколько подробнѣе сказать о Россіи. Отъ такого изученія, если не будетъ большой пользы, то не произойдетъ также большихъ затрудненій; не много, по крайней мѣрѣ, пропадетъ времени. За тѣмъ политическую географію съ достаточною уже подробностію нужно преподавать въ низшемъ отдѣленіи семинаріи такъ, чтобы изученіе ея и исторіи шли вмѣстѣ. Здѣсь скажутъ, развѣ можно съ пользою читать исторію для незнающихъ географіи? Но если, какъ выше было замѣчено, для облегченія географіи призываютъ въ пособіе историческія событія, то возникаетъ вопросъ совершенно равносильный предъ дущему: развѣ, не зная Исторіи, можно легко и хорошо учиться географіи? Въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ науки взаимно другъ друга проясняютъ, лучше всего преподавать ихъ ученикамъ въ одно время. Такой порядокъ относительно географіи и исторіи соблюдается въ свѣтскихъ заведеніяхъ и между тѣмъ ту и другую науку тамъ лучше знаютъ, чѣмъ въ семинаріяхъ. Что же касается до математической и физической географіи, то ихъ слѣдуетъ преподавать послѣ того, какъ ученики узнаютъ геометрію, физику и метеорологію, слѣдовательно не ранѣе втораго года въ среднемъ отдѣленіи. Только здѣсь преподаваніе обѣихъ географій должно состоять не въ одной номенклатурѣ, не въ одномъ заучиваніи опредѣленій, пересчитываніи

рѣкъ, озеръ, заливовъ, но нужно сообщить свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся, въ такомъ объемѣ и съ такою ясностію, чтобы воспитанники могли составить довольно хорошее понятіе о солнечной системѣ, отчасти о звѣздномъ мірѣ и особенно о земномъ шарѣ. Наконецъ для приготовленія преподавателей географіи въ семинаріяхъ, необходимо заниматься ею и въ академіяхъ. Особенно же физическую и математическую географіи нужно преподавать весьма отчетливо; пусть студенты въ состояніи будутъ доказывать физическими фактами, что видимый міръ есть дѣйствительно прекраснѣйшее твореніе Всемогущаго и Премудраго. Само собою разумѣется, что преподавателями этихъ наукъ какъ въ академіяхъ, такъ и въ семинаріяхъ должны быть наставники математики и физики; также, кажется, не слишкомъ будетъ страннымъ, если они же станутъ читать политическую географію; послѣднюю впрочемъ можно поручать наставникамъ. Но первыя двѣ непремѣнно должны быть преподаваемы только наставниками математики и физики.

4) *Латинскій и Греческій языки.* Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе того, въ какой степени нужны эти языки для православнаго духовенства, замѣтимъ только, что при изученіи ихъ нѣтъ никакой надобности пріучать воспитанниковъ разговаривать по-латыни и по-гречески. Мы не католики; наше богослуженіе совершается не на латинскомъ языкѣ; наши священники — не медики; имъ нѣтъ надобности при постелѣ больнаго производить консиліумы на языкѣ, котораго бы не понималъ больной и его родные; нынѣ даже и медикамъ, желающимъ получить степень доктора,

позволено писать и защищать диссертацію на русскомъ языкѣ. Зачѣмъ же священника и діакона пріучать разговаривать по-латыни? И потому, если оба классическіе языка считаются нужными и будутъ оставлены въ духовныхъ училищахъ; то надобно заботиться только о томъ, чтобы ученики могли читать книги, писанныя на этихъ языкахъ. Для этого, разумѣется, надобно первоначально познакомиться съ грамматическими правилами, но вполнѣ ихъ усвоить можно только посредствомъ чтенія и грамматическаго разбора классическихъ римскихъ авторовъ, а не позднѣйшихъ писателей. Между тѣмъ обученіе обоимъ языкамъ производится самымъ страннымъ образомъ. Прежде всего, разумѣется, выучиваютъ грамматику; смѣшно при этомъ случаѣ видѣть, что мальчикъ опять обязанъ заучивать опредѣленія имени существительнаго, прилагательнаго и прочихъ грамматическихъ терминовъ, какъ будто бы значеніе ихъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ другое, нежели въ русскомъ. Потомъ даютъ такъ называемые *переводы*, т. е., русскій текстъ съ латинскими словами; и мальчикъ обязывается слова эти тамъ измѣнить, какъ бы измѣнилъ ихъ старинный Римлянинъ и Грекъ для выраженія русскаго текста. Это, можно сказать, главная забота учителей низшихъ училищъ. Переводомъ же латинскихъ и греческихъ писателей на русскій языкъ и грамматическимъ ихъ разборомъ слишкомъ мало занимаются. Притомъ нѣкоторые благочестивые начальники считаютъ грѣхомъ позволить ученикамъ читать латинскихъ языческихъ классическихъ авторовъ, опасаясь ихъ заразить тогдаш-

ними идеями. Для руководствъ избираютъ писателей четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ, даже произведенія нѣмецкаго и русскаго издѣлій, надѣясь чрезъ это научить мальчиковъ не только латинскому языку, но вмѣстѣ съ тѣмъ религіи и нравственности. Добрые эти люди забываютъ, что для развитія нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ и идей не совсѣмъ удобенъ классъ латинскаго языка, что по русской пословицѣ: *понавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.* Но иные начальники дѣлаютъ такія распоряженія касательно классическихъ языковъ, что никакъ не поймешь ни цѣли, ни значенія ихъ. Вотъ для примѣра одно изъ таковыхъ распоряженій. Извѣстно, что при переводѣ латинскихъ и греческихъ писателей на русскій языкъ встрѣчающіяся неизвѣстныя слова записываются въ особую тетрадку съ русскими ихъ значеніями и потомъ заучиваются. Дѣло, разумѣется, необходимое; по учителю въ этомъ случаѣ нужно только убѣдиться, знаютъ ли мальчики значеніе словъ, а о томъ, такъ слова написаны ли, право не стоитъ хлопотать. Между тѣмъ есть низшія духовныя училища, гдѣ, разумѣется, по распоряженіямъ высшихъ начальниковъ, этому простому и короткому дѣлу приданы огромные размѣры и самая сложная процедура. Мальчикъ обязывается написать неизвѣстныя ему слова на лучшей бумагѣ, чуть не вершковыми буквами, самымъ аккуратнымъ образомъ; учитель ихъ пересмотритъ, что нибудь поправитъ, а иногда даже дастъ вновь переписать; но во всякомъ случаѣ непремѣнно напишетъ свою рекомендацію переписчику. Эти слова соблюдаются подобно географическимъ

карточкамъ для того, чтобы ихъ показать начальнику во время экзамена и доставить ему удовольствіе полюбоваться каллиграфіею. Начальникъ иногда вовсе не посмотритъ, а иногда посмотритъ ихъ и даже спроситъ мальчика о значеніи какихъ либо словъ. Въ этомъ предположеніи ученики обыкновенно вписываютъ слова имъ извѣстныя. Но дѣло тѣмъ не оканчивается; учитель приказываетъ написать тоже чистымъ и крупнымъ почеркомъ другой экземпляръ, чтобы носить его въ классъ и показывать ему, г. учителю; разумѣется, и этотъ экземпляръ заставляютъ иногда переписывать въ другой разъ. Наконецъ мальчикъ пишетъ въ особой тетради дѣйствительно тѣ уже слова, которыхъ онъ не знаетъ и держитъ ее для домашняго употребленія. *Бога ради, посудите, сколько времени и трудовъ пропадаетъ на такое дѣло, въ которомъ даже не отыщешь смысла?* Сколько бы мальчикъ могъ сдѣлать полезнаго для себя въ то время, какъ онъ иногда долженъ переписать вершковыми буквами одни и тѣже вокабулы въ трехъ и даже пяти экземплярахъ? Къ чему мучить бѣднаго учителя, заставляя его прочитывать и выправлять всѣ эти слова?

Описанная нами метода учить латинскому и греческому языкамъ употребляется въ уѣздныхъ духовныхъ училищахъ. Но не угодно ли послушать, какъ, конечно рѣдко, но все-таки учатъ латинскому языку учениковъ семинаріи. Слыхалиль вы, любезный читатель, что такое *калькулюсъ* (calculus)? Едвали; поэтому мы объяснимъ его вамъ. Въ старыя времена, когда латынь въ духовныхъ училищахъ стояла выше

всѣхъ предметовъ, почти всѣ учители имѣли обыкновеніе какому либо ученику дать запечатанный пакетъ или другой какой либо значекъ; — это и называется *калькулюсъ*. Ученикъ, получивши его, отправлялся къ кому либо изъ своихъ товарищей и начиналъ разговоръ съ нимъ на латинскомъ языкѣ. Если товарищъ давалъ удовлетворительный отвѣтъ также на латинскомъ языкѣ, то первый долженъ былъ искать другаго товарища и обыкновенно отдавалъ калькулюсъ, тотъ же старался передавать третьему товарищу и т. д. Но, разумѣется, къ приходу учителя въ классъ на слѣдующій день долженъ былъ оказаться калькулюсъ у одного изъ учениковъ, который почти всегда наказывался розгами за то, что не умѣлъ сбыть съ рукъ полученную имъ драгоцѣнность. Повторимъ, — это было давно; и мы даже вовсе не думали, чтобы подобная метода учить латинскому языку, конечно, нѣсколько измѣненная, нынѣ еще существовала. А между тѣмъ къ величайшему изумленію узнали, что преподаватель логики, психологіи и латинскаго языка въ одной семинаріи, слишкомъ недавно имѣлъ обыкновеніе давать какому либо ученики трехкопѣечную монету, называемую въ простанародіи *трёшникомъ*. Ученики точно также, какъ и въ древнія времена, передавали другъ-другу трёшникъ и почтенный профессоръ конечно не могъ уже сѣчь розгами того, у кого онъ отыскивался, но за всѣмъ тѣмъ ставилъ на колѣни, или дѣлалъ строжайшій выговоръ, попросту говоря, бранился. Наконецъ одному ученику пришла счастливая мысль отучить своего педагога отъ такой глупости. Получивши въ свои

руки трёшникъ, онъ купилъ на него булку у булочника Терёшки. Когда почтенный профессоръ, пришедши въ классъ, спросилъ, у кого калькулюсъ; то покупатель булки не всталъ, профессоръ принужденъ былъ начать розыскъ. И когда дошла очередъ до проказника, передавшаго трёшникъ булочнику, то профессоръ спросилъ его: *а ты кому отдалъ*, тотъ смѣло отвѣчалъ къ общей потѣхѣ товарищей: *Терёшкѣ*. Какому Терёшкѣ? воскликнулъ профессоръ. Какъ какому? отвѣчалъ ученикъ, — нашему булочнику, который не только взялъ его, но и далъ еще мнѣ булку.“ Хохотъ въ классѣ сдѣлался всеобщимъ; профессоръ хотѣлъ было поставить ученика на колѣни, но тотъ защищался и серьёзно доказывалъ, что надобно призвать Терёшку, и если еще онъ не отдалъ никому калькулюса, то его слѣдуетъ поставить на колѣни. Профессоръ насилу-то догадался, что посредствомъ трёшниковъ нельзя выучить латинскому языку. Вообще кто разсмотритъ методу преподаванія классическихъ языковъ въ духовныхъ училищахъ, тотъ нисколько не удивится, что ученики, обучаясь имъ 10, 15 и даже 20 лѣтъ, все-таки ихъ не знаютъ. И потому непремѣнно надобно измѣнить се; иначе пользы не будетъ никакой, какъ было до сихъ поръ. По совѣсти сказать, едвали не лучше было бы, если бы преподаваніе ихъ въ духовныхъ училищахъ или вовсе уничтожить, или предоставить занятіе ими уже въ семинаріяхъ произволу воспитанниковъ.

Отдѣленіе второе.

О преподаваніи логики и реторики въ духовныхъ училищахъ.*)

Замѣчанія подобныя тѣмъ, которыя мы высказали о преподаваніи русской грамматики, и греческаго языковъ, можно бы сдѣлать и о другихъ такъ называемыхъ свѣтскихъ наукахъ. Но и высказанныя замѣчанія, кажется, достаточны, чтобы видѣть, какъ школьный формализмъ и механизмъ силенъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того намъ остается довольно трудная и продолжительная работа говорить о самой главной обязанности воспитателей, именно о томъ, какъ они должны научить своихъ питомцевъ мыслить и выражать свои мысли по человѣчески. Но

*) Касательно этой главы находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Она первоначально была написана не слишкомъ широко. Но ея объемъ мы рѣшились измѣнить, прочитавши въ ноябрской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія за 1860 годъ статью г. Варнина подъ названіемъ: *нѣсколько словъ о преподаваніи реторики въ духовныхъ семинаріяхъ*. Статью эту можно упрекнуть не въ одномъ недостаткѣ, авторъ ея какъ будто не хотѣлъ, или не могъ, или не умѣлъ сказать всего, что у него было на умѣ. Отъ этого однѣ ея части слишкомъ сжаты и не полны, въ другихъ между мыслями недостаетъ надлежащей связи, тамъ кого-что не досказано, здѣсь вставлена не нужная мысль, чтобы сосѣдки ея казались не очень рѣзкими и проч. Но взглядъ автора на преподаваніе реторики и на чтеніе книгъ такъ намъ понравился, что мы рѣшились воспользоваться статьею, не многое изъ нее опустивши, многое измѣнивши и еще гораздо больше прибавивши. По этому, не смотря на сдѣланныя нами выписки, это отдѣленіе можно назвать почти самостоятельнымъ произведеніемъ. Просимъ покорно редакцію Православнаго Обозрѣнія и г. Варнина нашимъ поступкомъ не обижаться.

нашему мнѣнію, основанному на уваженіи къ г.г. воспитателямъ, едвали то изъ нихъ *открыто* можетъ утверждать, что не только воспитанниковъ какихъ бы то ни было училищъ, но даже вообще человѣка не слѣдуетъ учить умѣнью размышлять и выражать свои мысли, даже плантаторы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и другія лица, которыя на рабовъ смотрятъ, какъ на meras res, и они досадуютъ, если невольники не умѣютъ судить и говорить хоть на столько, чтобы понимать и передавать ихъ приказанія. Для воспитанниковъ же духовныхъ училищъ, можетъ быть болѣе, нежели для всѣхъ почти людей, нужна способность здравомыслить и ясно выражаться. При настоящемъ положеніи нашего отечества только профессорскія и священническія мѣста требуютъ ораторскихъ способностей. Вѣдь всякій священникъ обязанъ проповѣдывать Слово Божіе, опровергать заблужденія раскольническія и бороться съ людьми вольнодумными. А для исполненія этихъ обязанностей развѣ не нужны ему основательность въ мысляхъ, оборотливость и даже краснорѣчіе въ словахъ? Плохой ораторъ и оппонентъ, у котораго при всякомъ новомъ словѣ *языкъ прилипаетъ къ гортани.* Не скоро такой человѣкъ растрогаетъ слушателей, и блистательную побѣду одержитъ надъ противниками Православія. Учить умѣнью разсуждать и выражать свои мысли слѣдовало бы обязать всѣхъ вообще наставниковъ; но въ семинаріяхъ для этого есть особые спеціальные науки и люди, которые будущихъ пастырей церкви *дѣлаютъ ораторами и мыслителями.* Логика и профессоръ ея присвоили себѣ право учить семинаристовъ,

мышленію, а словесность, или лучше реторика и ея профессоръ принимаютъ на себя заботу дѣлать ихъ ораторами. На этомъ основаніи обѣ науки причислены къ главнымъ предметамъ и назывались недавно первая *искуствомъ мыслить* (ars cogitandi), а вторая *искуствомъ говорить* (ars loquendi). Но прежде, нежели будемъ разсказывать, какъ оба искуства исполняютъ принятыя ими на себя обязанности, сдѣляемъ замѣчаніе о томъ, какимъ образомъ вообще человѣка можно научить мыслить и выражать свои мысли.

Есть для этого очень простый и, по крайней мѣрѣ для воспитателей, легкій способъ, именно *чтеніе книгъ*. Содержаніе ихъ обогатитъ читающаго множествомъ всякаго рода свѣдѣній; связь и логическая послѣдовательность мыслей покажетъ, какъ онъ самъ долженъ мыслить; а слогъ, которымъ пишутся книги, научитъ умѣнью выражать свои мысли. Въ подтвержденіе этого можно указать на многихъ, такъ называемыхъ, самоучекъ, которые нигдѣ и ни у кого не учившись, при помощи одного чтенія, сдѣлались учеными, литераторами, журналистами и проч. какъ напр. Николай Полевой. Посмотримъ, какъ этотъ способъ прилагается на дѣлѣ въ духовныхъ училищахъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, по мнѣнію которыхъ можно позволить дѣтямъ читать все, что имъ угодно; благоразумный выборъ книгъ непремѣнно нуженъ. Но чѣмъ же тутъ руководствоваться? Кажется, всего лучше въ этомъ случаѣ обратиться къ здравой психологіи. А она говоритъ, что наши умственныя способности не всѣ вдругъ въ

одинаковой степени развиваются, что въ насъ сначала дѣйствуютъ преимущественно воображеніе, память, фантазія, что разсудокъ приготовленнымъ матеріаломъ постепенно пріучается пользоваться и обсуживать предметы. Кромѣ того человѣкъ отъ природы получилъ стремленіе не къ одной какой либо дѣятельности; у него, какъ извѣстно, слишкомъ разнообразныя способности, изъ которыхъ каждая требуетъ удовлетворенія. Только *гармоническое развитіе всѣхъ ихъ даетъ человѣку возможность быть, такъ сказать, полнымъ человѣкомъ,* исключительное же развитіе одной какой либо способности сдвали не всегда соединено съ большими недостатками и вредными послѣдствіями и для нее самой и для другихъ способностей; въ такомъ случаѣ *человѣкъ является какъ бы не полнымъ человѣкомъ.* На основаніи этихъ замѣчаній и при чтеніи книгъ, какъ одномъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ къ образованію, надобно принимать въ соображеніе возрастъ и не одну какую либо душевную способность человѣка, по крайней мѣрѣ въ молодыхъ лѣтахъ, когда еще не установилось исключительное направленіе способностей.

На это правило слишкомъ рѣдко, или слишкомъ мало обращаютъ вниманія въ духовныхъ училищахъ. Здѣсь издавна принято раздѣлять книги на два рода: на *нравственныя* и *безнравственныя;* къ первымъ причисляются, разумѣется, тѣ, которыхъ предметомъ служатъ нравственно-религіозныя истины, напр. книги богословскаго содержанія, отеческія сочиненія, періодическія духовныя изданія и проч. Къ безнравственнымъ же, по крайней мѣрѣ не нравственнымъ чуть

ли не относятся всѣ прочія книги; но особенно къ нимъ причисляются разсказы, повѣсти, романы, всѣ почти безъ исключенія свѣтскіе литературные журналы, кромѣ тѣхъ, которые похожи на Маякъ, Радугу и Домашнюю Бесѣду. Разумѣется, на основаніи этого раздѣленія, дозволяется ученикамъ читать книги только перваго разряда; понимаютъ ли они ихъ, нравятся ли онѣ имъ, не наводятъ ли онѣ на нихъ скуки, объ этомъ страшивать не хотятъ; *читай только.* Что же касается до книгъ втораго разряда, то на нихъ налагается строжайшее запрещеніе; самыя лучшія литературныя произведенія, самые извѣстные свѣтскіе литературные журналы преслѣдуются, какъ контрабанда, хотя сами преслѣдователи не всѣ гнушаются преслѣдуемыми книгами; въ кабинетѣ у нихъ можно найти Отечественныя Записки, Современникъ, Русскій Вѣстникъ, даже отдѣльные романы и повѣсти; для нихъ самихъ читать эти книги вовсе не считается безнравственнымъ занятіемъ. Но относительно учениковъ совсѣмъ другое дѣло. Если какимъ либо образомъ при предшественникѣ-начальникѣ попали въ библіотеку вышеръченныя безнравственныя книги; то онѣ отбираются, запираются, даже запечатываются въ шкафахъ его преемникомъ; есть слухъ, что въ одномъ мѣстѣ были даже сожжены. Боже сохрани, когда въ чьихъ рукахъ замѣчена будетъ подобная книга; тутъ и ей и ученику достается. Этого мало, если въ городѣ есть публичная библіотека; то строжайше запрещается посѣщать её и изъ нея брать свѣтскія книги. Не трудно предвидѣть, какія ближайшія послѣдствія происходятъ отъ такихъ

распоряженій. Ученики, насильственно принужденные читать только книги перваго разряда, если нельзя избѣжать этого, по неволѣ берутъ ихъ, раскрываютъ и читаютъ. По возрасту и способности требуютъ не одной этой пищи; для нихъ нужно было бы разнообразіе, по этому единственное кушанье, имъ предлагаемое наскучиваетъ; имъ начинаютъ тяготиться, можетъ быть даже потому только, что отнята возможность употреблять другую пищу. Такимъ образомъ иногда цѣль вполнѣ не достигается; вмѣсто того, чтобы пріучить къ чтенію нравственно-религіозныхъ книгъ, возбуждаютъ къ нимъ отвращеніе. Намъ извѣстны многіе воспитанники даже академіи, которые по окончаніи курса не принимаются за эти книги. На вопросы *почему они такъ поступаютъ?* получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: *намъ уже онѣ надоѣли и на школьныхъ скамьяхъ.* Другіе дѣйствительно пристращаются къ чтенію нравственно-религіозныхъ книгъ; но это пристрастіе не всегда сопровождается хорошими послѣдствіями. Извѣстно, что религіозныя истины, усвояемыя не разсудкомъ, а воображеніемъ и фантазіею, даютъ часто неестественное направленіе человѣку, увеличивая въ глазахъ его прегрѣшенія и его самого и другихъ людей, вооружая его ревностію не по разуму, не терпѣливостію къ разномыслящимъ и проч. И нестранно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть анахорета въ пятнадцать, двадцать лѣтъ, безбородаго фанатика, готоваго устроить костры инквизиціи для разномыслящихъ съ нимъ людей? Иные, сосредоточивая въ себѣ всѣ вычитанныя истины и возбужденныя чувствованія впа-

дают въ другія крайности: разсудокъ ихъ, не умѣя примирить мысли и чувствованія съ дѣйствительностію, иногда даже разстроивается; въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не безъ причины же помѣшательство большею частію бываетъ религіознаго содержанія.

Но описанныя послѣдствія исключительнаго чтенія только нравственно-религіозныхъ книгъ прилагаются дѣйствительно, не ко всѣмъ ученикамъ, масса ихъ иначе распоряжается. Извините, добрые читатели, если мы васъ посвятимъ въ тѣ секреты комнатной ученической жизни, которые остаются неизвѣстными едвали не однимъ начальникамъ училищъ. Начальникъ, входя въ комнату во время занятій ученическихъ, рѣдко найдетъ, чтобы кто нибудь читалъ книгу изъ недозволенныхъ; предъ всѣми лежатъ или учебныя руководства, или листики для сочиненій, или Библія, Христіанское Чтеніе, Творенія святыхъ отцевъ и проч. Начальникъ спрашиваетъ, кто чѣмъ занимается, отвѣты на все ясны, положительны и удовлетворительны. Онъ уходитъ вполнѣ довольный тѣмъ, что наконецъ ему удалось дать ученикамъ исключительное направленіе, о которомъ онъ такъ давно старался. Но въ отсутствіе его часто бываютъ другія сцены; предъ учениками большею частью лежатъ по двѣ книги, одна для собственнаго ихъ употребленія и удовольствія, а другая для того, чтобы порадовать начальника, если онъ войдетъ. Первая читается съ полнымъ вниманіемъ, а изъ второй уже иногда издавна заготовлено странички двѣ или три. Идетъ начальникъ; — первая отправляется подъ

столъ, подъ халатъ, сюртукъ и проч. и на авансценѣ остается только вторая. Уходитъ начальникъ — первая опять является, а вторая отодвигается, какъ ни къ чему уже не нужная, какъ вещь, исполнившая свое назначеніе. Далѣе, при строгой иногда комнатной полиціи, подобной перемѣны декораціи нельзя сдѣлать, въ такомъ случаѣ уходятъ куда либо на чердакъ, на дворъ, въ садъ и тамъ предаются чтенію тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ, что запрещенный плодъ всегда болѣе нравится. Очень часто такія книги приносятся въ классъ и въ то время, какъ наставникъ читаетъ свои лекціи, половина учениковъ, а иногда гораздо болѣе сидитъ со скромно опущенными внизъ глазами, какъ будто они глубоко сочувствуютъ словамъ оратора; между тѣмъ какъ дѣло состоитъ въ томъ только, что каждая пара глазъ устремлена на запрещенную книгу, а слова профессора рѣшительно не доходятъ по назначенію. Дурныя послѣдствія отъ этого увеличиваются тѣмъ, что ученики сами должны находить для себя книги. Если бы не было, выражаясь философскимъ терминомъ, *абсолютнаго запрещенія* читать мнимо-безнравственныя книги; то начальство могло бы дѣлать благоразумный выборъ между ними и доставлять ученикамъ сочиненія, отличающіяся литературнымъ достоинствомъ, а не пошлостію содержанія. Между тѣмъ какъ при стѣснительныхъ мѣрахъ ученики сами должны принять на себя трудъ отыскивать книги, и вотъ тутъ являются не рѣдко на сцену даже Бова Королевичъ, Чурило Пленковичъ, Алеша Пановичъ, Илья Муромецъ, Англійскій милордъ, произведенія покойнаго Александра

Анфимовича Орлова, пошлые романы Кузьмичева, Поль-де-Кока и проч. Наконецъ значительная часть учениковъ умѣютъ не доводить себя до этихъ дурныхъ послѣдствій. Не находя удовольствія читать книги, предлагаемыя начальниками, а съ другой стороны не умѣя, или не заботясь достать книги, которыя бы нравились имъ по своему содержанію, они просто ничего не читаютъ. Но такъ какъ постоянно сидѣть безъ дѣла вещь не совсѣмъ пріятная, то они придумываютъ способы, какъ бы провести время съ удовольствіемъ для себя. Первоначально большею частію отправляются осматривать городскія улицы, потомъ для успокоенія себя отъ трудовъ заходятъ въ какія либо заведенія, только вовсе уже не учебныя, гдѣ подкрѣпляютъ свои силы, или проводятъ время въ слушаніи какого либо органа и проч. Наскучивши этимъ времяпрепровожденіемъ, они иногда за лучшее считаютъ оставаться въ квартирѣ и сюда велятъ молодому поколѣнію приносить ту живительную влагу, которая со временъ Владиміра составляетъ веселіе Руси. Когда разсмотришь все это; то по неволѣ спросишь: не гораздо ли лучше было бы, если бы ученики что либо читали изъ новѣйшей литературы, хотя бы то были романы или толстые журналы? Вѣроятно, ихъ не только умственное образованіе было бы лучше, но и нравственность цѣлѣе и чище; привязавшись къ какой либо занимательной книгѣ, ученикъ, по крайней мѣрѣ, не дѣлалъ бы шалостей и глупостей. Притомъ повѣсти и разсказы, удовлетворяя одной только фантазіи, скоро бы ему наскучили; а между тѣмъ онъ, привыкши читать

книги, сталъ бы искать другихъ болѣе солидныхъ и лучше удовлетворяющихъ пробудившейся любознательности. Такимъ образомъ безъ всякаго насилія, самымъ естественнымъ образомъ, постепенно онъ достигъ бы до книгъ, въ которыхъ излагаются возвышенныя и отвлеченныя истины. При распоряженіяхъ касательно до чтенія книгъ, какъ и вездѣ, нужно не искажать и не убивать человѣческихъ наклонностей, а управляя ими, давать то направленіе, къ которому онѣ болѣе способны.

Для читателей, можетъ быть, страннымъ покажется, отчего начальники духовныхъ училищъ, съ немногими исключеніями, люди образованные, получивши академическое воспитаніе, имѣютъ странный взглядъ на свѣтскую литературу и не позволяютъ воспитанникамъ ею заниматься? По прежнимъ своимъ отношеніямъ мы не рѣдко разговаривали со многими изъ нихъ объ предметѣ этомъ. Отвѣты получались довольно разнообразные. Помилуйте, Никита Мартыновичъ, говорилъ намъ иной суровый ригористъ даже съ негодованіемъ: „какъ позволить читать книги, въ которыхъ чуть не открыто учатъ разврату, пробуждаютъ страсти, внушаютъ безнравственныя мысли и пр. и пр.? Вообразите, вотъ я недавно засталъ ученика за статьею, въ которой говорится о любви. Чего добраго ожидать, когда онъ станетъ заниматься такими книгами?“ Другіе, будучи по снисходительнѣе къ литературѣ и любви, говаривали: „къ чему воспитанникамъ духовнымъ знать содержаніе книгъ свѣтскихъ, вѣдь имъ нужно въ послѣдствіи проповѣдывать только Слово Божіе,

они и занимайся имъ однимъ, а то, увлекшись содержаніемъ свѣтской литературы, не тронутъ вовсе духовной. Чтожъ будутъ за священники?“ „Да вѣдь вотъ вы, скромно мы замѣчали, читаете все, и это не мѣшаетъ вамъ быть прекраснымъ проповѣдникомъ и служителемъ алтаря Господня?“ „Да я, получили мы въ отвѣтъ, другое дѣло; — полно, пожалуйста, говорить.“ Случалось намъ слыхать отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: „вотъ еще что̀ придумали, а что скажутъ о мнѣ начальники, узнавши о моемъ дозволеніи читать свѣтскія книги? покорно благодарю, выговоры получать очень непріятно.“ Или: „охота вамъ объ этомъ толковать, не позволяемъ читать — вотъ и все; такъ уже заведено издавна, зачѣмъ же измѣнять обычай? Если бы что и случилось дурное, то на него можно опереться, а заведи самъ что̀ нибудь новое, такъ самъ же отвѣчай.“

По нашему мнѣнію причину, по крайней мѣрѣ, первоначальную надобно искать въ отдаленныхъ временахъ. Училища духовныя устроивались въ древности при монастыряхъ, управлялись монашествующими лицами, притомъ въ такое время, когда, кромѣ духовныхъ книгъ, на русскомъ языкѣ не было ничего печатано, даже гражданскій шрифтъ былъ неизвѣстенъ. Естественно, что ученики могли, а начальники позволяли читать только однѣ духовныя книги. Послѣ Петра I-го, при Елизаветѣ и особенно при Екатеринѣ II-й начали появляться уже свѣтскія книги, напечатанныя гражданскими буквами. Но начальники духовныхъ училищъ воспитаны были по церковно-славянскимъ книгамъ; содержаніе свѣтской ли-

тературы имъ при ихъ настроеніи могло показаться не только новымъ, но страннымъ, даже не хорошимъ. Это мнѣніе тѣмъ на ихъ взглядъ было справедливѣе, что литература XVIII столѣтія не всегда отличалась нравственнымъ и религіознымъ направленіемъ, зачѣмъ же благочестивымъ начальникамъ отступать отъ заведеннаго порядка? Почему не наложить запрещенія на всю свѣтскую литературу? Воспитавшіеся подъ этимъ направленіемъ вынесли и потомъ поддерживали убѣжденіе, если не во вредъ, то въ безполезности свѣтской литературы для учениковъ духовныхъ училищъ. Поколѣнія смѣнялись, но духъ оставался тотъ же, указанное нами убѣжденіе, если не росло и не укрѣплялось то не было и искореняемо; взгляды частныхъ людей измѣнялись, но общее направленіе, старинныя идеи не тѣряли силы. Какъ же можно было вооружиться противъ нихъ? Почему защитою ихъ не воспользоваться для того, чтобы выставить въ благопріятномъ свѣтѣ предъ властями свое усердіе и благонамѣренность. Мы помнимъ одного начальника академіи, человѣка вовсе не отсталаго, даже желавшаго опередить другихъ. Сначала распоряженія его по части чтенія книгъ отличались благоразуміемъ. Но узнавши, что они кое-кому не нравятся, онъ совершенно измѣнилъ систему. Не говоримъ уже о томъ, что чтеніе свѣтскихъ журналовъ преслѣдовалось съ инквизиторскимъ ожесточеніемъ, но изъ самой академической библіотеки выдавались книги съ большимъ затрудненіемъ; притомъ почти только тѣ, которые были переплетены въ лайковый переплетъ (студенты называли его *со-*

бачьимъ), — самимъ наставникамъ запрещено было давать какія либо книги безъ разрѣшенія начальства. Между тѣмъ личное направленіе послѣдняго не измѣнилось; ему нужно было только показать и разсказать, какъ онъ благонамѣренно распоряжается чтеніемъ книгъ.

Впрочемъ отъ чего бы ни происходили описанныя нами распоряженія, воспитанники духовныхъ училищъ посредствомъ чтенія книгъ, очевидно, не могутъ обогатить свой умъ многосторонними свѣдѣніями, развить равномѣрно всѣ свои способности, сдѣлать себя полными людьми и научиться выражать свои мысли современнымъ слогомъ. Посмотримъ еще на другой способъ научить людей мышленью и умѣнью выражать мысли.

Чтобы понять его, обратимся не къ *искусствамъ* (artes) *и искусникамъ* (professores artium), а къ природѣ и опыту, — этимъ двумъ заслуженнымъ профессорамъ, при помощи которыхъ люди издавна уже учатся мыслить и говорить.

Посмотрите на дитя; оно рождается безъ всякаго сознанія, не умѣетъ произнести ни одного слова, нисколько не мыслитъ, а единственно управляется инстинктуальными побужденіями физической природы. Какъ рождается первый актъ сознанія, первый опытъ мышленія не знаютъ даже сами составители логикъ и психологій; объ этомъ значитъ и говорить не для чего. По взякому почти извѣстно, что съ пробужденнымъ сознаніемъ дитя выучивается произносить слова, перенимать и усвоять мысли, наконецъ мыслить и выражать свои сужденія. Сначала окружающіе

подстрекаютъ его произносить самые простые слоги: *ба, ма, ня, тя*, и слова изъ нихъ; процессъ этотъ самимъ дѣтямъ начинаетъ нравиться; будучи ободряемы родителями и другими лицами, побуждаемы требованіями разумнаго своего начала, увлекаясь подражаніемъ, они стараются перенять и произнести всѣ слова, которыя слышатъ, немилосердо ихъ коверкаютъ такъ, что не только окружающіе, но и сами смѣются надъ этимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ привыкаютъ постепенно словами выражать мысли, усвояютъ и перенимаютъ все, что ни услышатъ, часто даже не понимая того, распрашиваютъ и надоѣдаютъ своими спросами и допросами. По дѣло оканчивается тѣмъ, что они въ нѣсколько лѣтъ выучиваются говорить и мыслить, какъ говорятъ и мыслятъ окружающія ихъ лица. Воспитывался сынъ у крестьянина, — онъ выражается и мыслитъ по деревенской логикѣ и реторикѣ. Воспитывался въ такъ называемомъ высшемъ кругу, — у него логика и реторика свойственныя этому кругу. Татаринъ говоритъ и судитъ по-татарски, калмыкъ по-калмыцки, индѣецъ по-индѣйски, только сближеніе съ лицами другаго образа мыслей, только столкновеніе съ новыми обстоятельствами измѣняютъ логику и реторику, которымъ мы выучились въ дѣтствѣ.

Неужели нельзя бы и въ училищахъ подражать этому примѣру, указываемому природою и оправдываемому опытомъ? Кажется бы не трудно. Пусть прежде всего всѣ гг. наставники и даже начальники сами выражаются чистымъ русскимъ язы-

комъ; пусть стараются о томъ, чтобы и отданныя подъ надзоръ ихъ дѣти точно также выражались; если замѣчены будутъ какія либо ошибки, то ихъ надобно поправить и вмѣстѣ съ тѣмъ даже объяснить, почему такая поправка необходима. Рано или поздно у дѣтей появится охота къ чтенію; въ такомъ случаѣ надобно имъ давать книги, соотвѣтственныя ихъ возрасту, написанныя непремѣнно хорошимъ слогомъ, способныя возбудить и увлечь дѣтское воображеніе. Почтенные педагоги могутъ и даже должны убѣждаться по временамъ, что дѣти прочитали и какъ поняли прочитанное. Послѣ непремѣнно само собою явится охота выражать свои мысли на бумагѣ, а если бы не явилась у кого нибудь, то можно подстрекнуть и возбудить. Для удовлетворенія этой человѣческой потребности не нужно ставить никакихъ препятствій; всѣ оковы, наложенныя на человѣка мыслящаго и пишущаго софистами, схоластиками, риторами и логиками, должны быть оставлены. Мальчику первоначально надобно позволить описывать то, что онъ знаетъ и чувствуетъ, — писать, какъ умѣетъ, выражаться, какъ знаетъ. Только эти произведенія наставникъ обязанъ прочитывать, указывать ошибки противъ грамматики, логики и пр. — расширять далѣе и далѣе практику, предлагать уже и отъ себя описывать какіе либо предметы, но никогда не насилуя ни возраста, ни наклонностей дѣтскихъ, послѣднія нужно *не уродовать, не ломать, но выпрямлять и развивать.* Потомъ ознакамливая постепенно съ образцовыми писателями, съ произведеніями новѣйшей литературы, сообщая свѣдѣнія о человѣкѣ,

факты изъ исторіи рода человѣческаго и проч., расширять кругъ умственной дѣятельности воспитанника, пріучать его къ составленію болѣе и болѣе сложныхъ и обширныхъ статей, заставлять судить и разсуждать и проч. Когда бы всѣ такимъ образомъ дѣйствовали, то неужели бы дѣти не выучились здраво судить и хорошо излагать свои мысли? Въ такомъ случаѣ за что же правительство дастъ жалованье г. г. педагогамъ? Если крестьянинъ и мѣщанинъ, нигдѣ и ничему не учившіеся, своимъ дѣтямъ, рожденнымъ безъ мысли, безъ словъ въ теченіи 10 — 15 лѣтъ умѣютъ передать всѣ свои свѣдѣнія, научить ихъ мыслить и выражать свои мысли по правиламъ своихъ логикъ и реторикъ, то неужели вы, г. г. ученые магистры и кандидаты, дѣтей, которыя уже поступили къ вамъ въ умѣньемъ говорить и мыслить, неужели вы въ теченіи 10—15 лѣтъ не научите мыслить и выражаться по вашимъ логикѣ и реторики? Право, это будетъ намъ не понятно, а вамъ едвали не стыдно.

Но и этотъ способъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не въ употребленіи, даже едвали многимъ извѣстенъ или нравится. Въ низшихъ училищахъ большею частію не заботятся пріучать мальчиковъ къ мышленію и выраженію мыслей на бумагѣ, тутъ только заставляютъ учить разныя грамматики, ариѳметики, катихизисы, уставы и проч., самые учители русскаго языка, какъ мы видѣли, существенное вниманіе обращаютъ на заучиваніе учебника. Намъ даже случалось слышать слѣдующія слова: „къ чему это учить мальчика мышленію такъ рано? Начнетъ судить и разсуждать, съ нимъ не упра-

вишься. Погодите, подростетъ, тогда самъ собою выучися всему, да притомъ въ чему же устроены семинаріи?“ Вотъ дѣйствительно мальчикъ поступаетъ въ семинарію. Здѣсь, какъ сказано выше, профессоры логики и реторики имѣютъ привиллегію учить воспитанниковъ мыслить и выражать свои мысли. Прочіе наставники прежде даже не давали никакихъ предложеній для сочиненій, кромѣ профессора богословія. Нынѣ, конечно, эта обязанность возлагается и на прочихъ наставниковъ, исключая преподавателей математики, физики, сельскаго хозяйства и медицины; но за всѣмъ тѣмъ только профессоры логики и реторики гордятся, если ученики хорошо пишутъ, только имъ ставится въ упрекъ, если случается противное, съ послѣднимъ впрочемъ и мы согласны. Поэтому любопытно знать, какимъ образомъ эти привиллегированные профессоры учатъ мышленію и умѣнью излагать мысли?

О чемъ обыкновенно разсуждаетъ логика, преподаваемая въ семинаріяхъ? Кромѣ высокопарныхъ мыслей о человѣческомъ мышленіи, непонятныхъ ученикамъ, почти всегда не ясно сознаваемыхъ самими наставниками, въ лекціяхъ по логики слѣдуютъ другъ за другомъ длинною вереницею такъ называемые законы мышленія, именно законъ *достаточнаго основанія* (rationis sufficientis), *средняго третьяго* (medii tertii) и проч., потомъ опредѣленія понятій ясныхъ и темныхъ, полныхъ и неполныхъ, раздѣльныхъ и слитныхъ и проч., затѣмъ являются на сцену сужденія съ своими субъектами и предикатами, проводятся по всѣмъ кантовскимъ категоріямъ; и вотъ

начинается заучиваніе опредѣленій сужденій проблематическихъ, категорическихъ, раздѣлительныхъ, общихъ, частныхъ и проч. Послѣ выступаютъ силлогизмы всѣхъ возможныхъ формъ и родовъ, простые, условные, раздѣлительные, сориты, дилеммы; не забываеся и рогатый силлогизмъ (syllogismus cornutus); даже будто бы для облегченія учениковъ чертятся круги то концентрическіе, то взаиммо пересѣкающіе свои окружности, то вполнѣ другъ отъ друга независимые, въ фундаментѣ же всей силлогистики ставятся слова: barbara, celarent и проч. Къ концу логики говорится о методѣ синтетическомъ, аналитическомъ, объ аналогіи и индукціи, о признакахъ достовѣрности и недостовѣрности и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ.

Не споримъ; — можетъ быть, всѣ предметы, излагаемые въ семинарскихъ логикахъ, не излишни въ томъ случаѣ когда въ психологіи представляется, такъ сказать, отчетъ о видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергается вся наша умственная дѣятельность. Но съ другой стороны едвали кто будетъ утверждать, что знаніе опредѣленій всѣхъ этихъ предметовъ, ихъ заучиваніе и переучиваніе научаетъ дѣйствительно мыслить. Умѣть перечислять формы, которыми обнаруживается какая либо душевная дѣятельность вовсе не значитъ тоже, что и дѣйствовать такъ, какъ требуютъ законы этой дѣятельности; напр. можно очень хорошо знать всѣ формы, въ которыхъ проявляется человѣческая нравственность, можно даже умѣть приводить множество доказательствъ и примѣровъ въ подтвержденіе ихъ и между тѣмъ оставаться безправ-

ственнымъ. Точно также мы не видимъ никакого повода думать, почему заучиваніе логическихъ формъ и опредѣленій считается доказательстомъ умѣнья мыслить?

Мы хочемъ объяснить свою мысль сравненіемъ. Представьте, что къ какому либо богачу приходитъ человѣкъ, томимый жаждою и голодомъ и проситъ избавить его отъ жестокихъ мученій, которыя онъ чувствуетъ. Хорошо ли бы поступилъ богачь, еслибы такому человѣку вмѣсто пищи и питья предложилъ трактаты даже самого Карема о томъ, какимъ образомъ приготовляются различныя кушанья, объ относительномъ достоинствѣ ихъ, о способахъ, употребляемыхъ для утоленія жажды и проч. Не сочтено ли это было бы верхомъ жестокости и насмѣшки надъ человѣческими бѣдствіями? Не лучше ли поскорѣе дать кусокъ хлѣба и кружку воды, которыя облегчатъ страданія несчастнаго? Но человѣческую любознательность мы должны разсматривать какъ жажду и голодъ, которые по временамъ заставляютъ страдать нашу духовную природу; по этому благоразумно ли мы поступимъ, если дѣтей, у которыхъ эта жажда и голодъ обнаруживаются, станемъ кормить, такъ сказать, однѣми теоріями о томъ, какимъ образомъ можно пріобрѣтать различныя познанія, только предлагать имъ формы, посредствомъ которыхъ можно выразить свои сужденія и умозаключенія, словомъ заставлять ихъ учиться семинарской логикѣ. Для рѣшенія этого вопроса мы обращаемся къ вамъ, защитники и сочинители логикъ. Вы вѣроятно, съ нами согласитесь, что каждую науку въ

томъ случаѣ надобно считать соотвѣтствующею цѣли, съ которою она преподается, когда съ нею можемъ справляться, не зная какихъ либо предметовъ, къ ней относящихся. Такимъ образомъ, не умѣя доказать какой либо догматъ церковный, обращаемся къ догматикѣ; затрудняясь рѣшить уравненіе или извлечь кубичный корень, беремъ въ руки алгебру, забывши какое либо химическое соединеніе двухъ простыхъ тѣлъ, читаемъ Химію. Но скажите по совѣсти, обращались ли вы сами къ своимъ логикамъ, когда затруднялись доказать какую либо истину, привести въ систематическій порядокъ ваши мысли о какомъ либо предметѣ, отвѣчать на какой либо предложенный вопросъ, словомъ когда вамъ надобно были мыслить? И если обращались, даже если прочитывали всю свою логику, то находили ли въ ней указаніе, какъ вамъ надобно было мыслить въ данномъ случаѣ? Мы увѣрены, что вы или вовсе никогда не обращались, или, обратившись къ логикѣ, ничего въ ней не находили, кромѣ формъ мышленія, не имѣющихъ приложенія.

А между тѣмъ сколько есть наставниковъ и начальниковъ, которые знаніе школьной логики считаютъ для воспитанниковъ непремѣнною обязанностію? И если во время пріемнаго и переводнаго экзаменовъ ученикъ отвѣчалъ на данные вопросы изъ уроковъ логики, то онъ считается знающимъ все, хотя бы излагалъ мысли вовсе нелогически, про него скажутъ только: *онъ пишетъ не такъ хорошо, но зато логику знаетъ прекрасно.* Но другой, не прочитавшій какого нибудь схоластическаго опредѣ-

ленія даже, можетъ быть, не существующей формы человѣческой разумной дѣятельности, сочтется незнающимъ логики, хотя бы излагалъ мысли самымъ основательнымъ образомъ. *Конечно*, прибавятъ любители логикъ, *онъ пишетъ не дурно, да жалко, что не знаетъ такой полезной для мышленія науки, какъ логика.* Съ такими людьми нѣтъ возможности спорить; скажи имъ, что много есть училищъ, гдѣ логика вовсе не преподается, а воспитанники между тѣмъ излагаютъ свои мысли яснѣе и основательнѣе, нежели тѣ которые наизусть знаютъ пять курсовъ логики. Они скажутъ вамъ: *все это не то, какъ же можно не знать логики?* Впрочемъ мы противъ этой науки слишкомъ не вооружаемся, отъ ня въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ какъ она преподается въ семинаріяхъ, дѣйствителопо пользы мало, но за то ее нельзя считатъ вредною, если не обратить вниманія на время, которое ученики тратятъ, заучивая ея опредѣленія, а могли бы употреблять на занятіе болѣе полезное.

Совсѣмъ другое надобно сказать о реторикѣ, или, какъ нынѣ говорятъ, о словесности, преподаваемой въ семинаріяхъ. Разумѣется, есть и въ нихъ наставники, которые умѣли сбросить съ себя схоластическія формы старинныхъ реторикъ и не навязываютъ ихъ своимъ ученикамъ. Но за то, сколько еще мѣстъ, гдѣ во всей силѣ господствуетъ настоящая реторика не только Кошанскаго, Рижскаго, Толмачева, Георгіевскаго и проч., но даже, Бургія и Лежая со всѣми ихъ допотопными формами? Повѣрьте, и нынѣ еще самымъ серьёзнымъ образомъ думаютъ, что *періодъ есть дѣйствительно основаніе всякаго*

краснорѣчія (periodus est imum fundamentum omnis eloquentiae) и заставляютъ учениковъ учить опредѣленія и примѣры періодовъ простыхъ и сложныхъ, начиная съ причиннаго и до постепеннаго и особенно восхищаясь сравнительнымъ и уступительнымъ. Потомъ на этомъ твердомъ фундаментѣ начинаютъ строить хріи порядочныя и превращенныя per antesedens et consequens, per thesin et hypothesin. Опасаясь, вѣроятно, слишкомъ большой сухости періодической рѣчи, стараются по прежнему вооружить учениковъ тропами и фигурами для того, чтобы они, пользуясь этимъ всеобѣдающимъ оружіемъ, *увлекали сердца своихъ будущихъ слушателей, преклоняли волю и убѣждали умъ ихъ.* Тутъ ученикъ обязанъ заучить опредѣленія и примѣры *метафоръ и синекдохъ, метонимій и ипербол, плеоназмовъ и анадиплосисовъ, анафоръ и эпифоръ, антитесовъ и прозопопей и* проч. Нѣкоторые, опасаясь устрашить своихъ учениковъ такими страшными терминами, передѣлываютъ ихъ на русскіе и даютъ тропамъ и фигурамъ русскія названія, напр. *изобилованіе, возвращеніе, единоначатіе, единоскончаніе, олицотвореніе и проч.* А для пріученія не только къ красивому, но и будто бы къ основательному изложенію мыслей сообщаютъ свѣдѣнія о такъ называемыхъ *оторскихъ силлогизмахъ,* которые тѣмъ различаютъ отъ логическихъ, что въ послѣднихъ мысли высказываются краткими и ясными предложеніями, а первые распространяются и даже затемняются періодами, тропами и фигурами. Но всѣ эти реторическія драгоцѣнности, начиная съ простаго періода и оканчивая

ораторскимъ силлогизмомъ, служатъ, такъ сказать, лѣстницею, которая ведетъ юнаго оратора къ самому важнѣйшему его занятію, къ составленію *рѣчей и разсужденій*, такъ сказать, въ самый храмъ музъ, къ самому Аполлону. При объясненіи механизма рѣчей не забыты ни приступъ съ его praeoccupatio benevolentiae (заискиваніе благосклонности), ни выводъ изъ него предложенія, ни необходимость разсмотрѣть послѣднее, ни изслѣдованіе съ его тремя доказательствами, ни заключеніе съ обращеніемъ къ существующимъ, или несуществующимъ слушателямъ, или даже къ Творцу вселенной. Подобно древнимъ своимъ предшественникамъ, новѣйшіе риторы и профессоры; риторы — магистры, и риторы — кандидаты сообщаютъ своимъ адептамъ свѣдѣнія объ искуствѣ или лучше ремеслѣ строить *доказательства трогательныя и изъяснительныя, убѣдительныя и неубѣдительныя и пр.*, — *о слогѣ философскомъ и ораторскомъ, историческомъ и математическомъ, простомъ и мудреномъ, аттическомъ и лаконическомъ* и проч. Жаль только, что нерѣдко забываютъ сказать объ одномъ самомъ нужномъ слогѣ, который можно было бы назвать *слогомъ человѣческимъ или слогомъ здраваго смысла.* При всей краткости, которую мы старались соблюсти здѣсь, можно уже видѣть, какое множество опредѣленій различныхъ формъ ораторскаго искуства приходится заучивать ученику; присовокупите еще къ этому два или три примѣра на каждую форму и тогда поймете, сколько труда и времени пропадаетъ на самыя пустѣйшія вещи. Но классовъ по словесности назначено слишкомъ много,

такъ что остается еще не мало времени, въ которое больше нечего учить. Чтобы занять учениковъ заставляютъ ихъ учить и переучивать, твердить и затверживать, даже перетверживать тѣже самыя опредѣленія и примѣры. Работа эта возобновляется по десяти, даже по двадцати разъ, все выучено и затверженно; являются на экзаменъ, начинается испытаніе, предлагаются вопросы, за отвѣтами дѣло не стоитъ, читаютъ безъ остановки; экзаминаторъ доволенъ, наставникъ тоже, *значитъ словесность знаютъ прекра́сно!*

Впрочемъ почтенные риторы очень хорошо понимали и понимаютъ, что одно ознакомленіе съ формами для выраженія мыслей не научаетъ словесности, что молодому оратору непремѣнно необходимы практическія упражненія въ такъ называемыхъ сочиненіяхъ. Только въ этомъ случаѣ они никакъ, разумѣется, не желаютъ разстаться съ преданіями старины, съ правилами реторикъ Кошанскаго, Толмачева, Рикскаго, Бургія и пр. и заставляютъ учениковъ выражать свои мысли не иначе, какъ въ періодахъ, хріяхъ, силлогизмахъ и рѣчахъ. Усердіе въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ аматёровъ реторики простираютъ уже слишкомъ далеко. На основаніи закона постепенности отъ легчайшаго восходить къ болѣе трудному, но не разрывая нисколько связи между тѣмъ и другимъ, они требуютъ отъ учениковъ, чтобы каждая часть хріи непремѣнно состояла изъ одного какого либо періода, чтобы каждая часть рѣчей и разсужденій изъ какой либо хріи или ораторскаго силлогизма. Такимъ образомъ въ рѣчахъ и

разсужденіяхъ, какъ бы въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ главныя формы, предписываемыя реторикою для выраженія мыслей; только употребленіе троповъ и фигуръ предоставляется усмотрѣнію сочинителей; или сочиненія большею частію украшаются по мѣстамъ, какъ будто бы какими либо перлами, или жемчугомъ. Конечно въ настоящее время очень много есть наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, которые вполнѣ понимаютъ всю пустоту реторическихъ формъ и готовы пріучать учениковъ къ простому и естественному изложенію мыслей, но встрѣчаютъ очень нерѣдко препятствія въ начальникахъ. Намъ извѣстенъ не одинъ случай, когда наставники словесности, обучавшіе ей по современнымъ понятіямъ, принуждены были, по распоряженію начальника, непремѣнно взяться опять за хріи и періоды и пр. Былъ даже очень не давно случай, что наставникъ, преподававшій словесность по своимъ запискамъ безъ хрій и прочихъ ихъ *братій и сестеръ*, на экзаменѣ получилъ отъ высшаго начальника строжайшій выговоръ за такое отступленіе отъ старины и науки; бѣдняку чуть чуть не грозила отставка отъ должности.

Если сказать защитникамъ реторики: неужели они находятъ подобныя опутыванія необходимыми; то почти всегда отъ нихъ можно будетъ услышать, что употребленіе реторическихъ формъ въ зрѣломъ возрастѣ не нужно и невозможно, что смѣшно писать какой либо трактатъ, или книгу при помощи хрій, ораторскихъ силлогизмовъ и т. п. и что они сами ихъ никогда не употребляютъ. Одинъ профессоръ реторики говорилъ, что онъ въ новѣйшей лите-

ратурѣ свѣтской и духовной никакъ не можетъ отыскать примѣры на всѣ реторическія формы и принужденъ самъ ихъ сочинять. Но за всѣмъ тѣмъ же профессоръ и прочіе защитники реторики прибавляютъ, что формы нужны для обуздыванія порывовъ молодаго ума, для пріученія его выражаться, какъ слѣдуетъ, такъ сказать, для его гимнастики. Не шутя говоримъ, что многіе пренебреженіе періодовъ, хрій и проч. считаютъ признакомъ вольнодумства. Не похожи ли эти любители реторикъ на тѣхъ людей которые, желая выучить птицъ летанію, первоначально связываютъ имъ крылья изъ опасенія, чтобы онѣ, залетѣвши высоко, не упали оттуда?

О чемъ же риторы теперь заставляютъ своихъ учениковъ писать по извѣстнымъ формамъ краснорѣчія? Или, выражаясь школьнымъ языкомъ, *какія предложенія они даютъ ученикамъ?* Кажется, никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что мы можемъ разсуждать и особенно писать о предметахъ болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ, а не о томъ, чего не знаемъ и не понимаемъ, ничего дѣльнаго не скажемъ и не напишемъ. Заставьте самихъ Леверье, Струве и Медлера написать сочиненія о томъ, изъ какихъ слоевъ состоитъ Солнце или Нептунъ, и ихъ сочиненія не будутъ хорошими. Замѣчаніе это надобно имѣть въ виду тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе и неопытнѣе лица, которыя должны писать о чемъ либо. Дѣти, обучающіяся реторикамъ, слишкомъ еще молоды, чтобы судить о предметахъ возвышенныхъ, отвлеченныхъ, высоконравственныхъ и религіозныхъ, разсказы о ежедневныхъ событіяхъ, описанія простыхъ явленій

природы, историческія происшествія и т. п., — вотъ что они могутъ описывать и понимать. Но начальники и наставники семинарій большею частію подобныя занятія считаютъ безполезными, потому что будто бы *они не пріучаютъ дѣтей къ мышленію и добродѣтели.* На этомъ основаніи предложенія почти всегда даются такія, о которыхъ дѣйствительно надобно подумать. Первое мѣсто въ этомъ случаѣ уступается предметамъ нравственнымъ и религіознымъ. Наставники и начальники думаютъ, что главная ихъ обязанность есть нравственно-религіозное воспитаніе; и потому *они считаютъ необходимымъ пріучить учениковъ къ добродѣтели и отвратить отъ пороковъ даже при помощи періодовъ, хріи и силлогизмовъ.* Такимъ образомъ очень часто даютъ мальчикамъ предложенія въ родѣ слѣдующихъ: *не надобно гордиться, нужно быть послушнымъ, — добродѣтель ведетъ къ счастію, — пороки губятъ не только въ сей, но и въ будущей жизни, и проч.* Другіе наставники въ предложеніяхъ, на которые ученики должны писать свои сочиненія, стараются выказать свое остроуміе такъ, чтобы всякій, составивши коллекцію изъ ихъ предложеній, воскликнулъ: „*что за умный человѣкъ этотъ наставникъ? Откуда онъ беретъ такія предложенія?*“ Вотъ нѣсколько образчиковъ подобныхъ остроумныхъ изрѣченій: *врагъ твой врагъ твой; — не спѣши въ телеги, ночуешь въ Алешнѣ, — въ раю тѣмъ болѣе людей прибываетъ, тѣмъ просторнѣе становится; — отдыхъ и трудъ другъ другу дорогу трутъ; — изъ суда, какъ изъ пруда, сухъ не выйдешь никогда; будуль жить по смерти, не знаю,*

а жить хочется, сказалъ Плиній старшій; тьмъ тьснье жить, тьмъ просторнье умирать и проч.

Дурныя послѣдствія отъ этого нравственнолюбія и остроумія въ предложеніяхъ могли бы много предотвратить въ низшемъ отдѣленіи семинарій наставники гражданской Исторіи, потому что и они обязаны тоже дѣлать предложенія для ученическихъ сочиненій. Разсказывая историческія событія, описывая нравы различныхъ народовъ, обсуживая замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, они могли бы заставлять учениковъ писать объ этихъ же предметахъ и притомъ такъ, какъ каждый понимаетъ ихъ, въ той формѣ, только не реторической, которую найдетъ для себя удобною. Но большая часть профессоровъ исторіи тоже училисъ реторикѣ; какъ же забыть эту науку? Только они, предоставляя періоды и хріи профессору словесности, сами даютъ предложенія *для разсужденій*. Мальчику, который заучилъ три — четыре страницы объ Индіи, Египтѣ, Персіи и проч., предлагается написать разсужденіе объ индѣйскихъ кастахъ, египетскомъ фетишизмѣ, зороастровомъ дуализмѣ, торговлѣ финикіянъ и проч. Иному же мальчику, узнавшему нѣсколько собственныхъ именъ изъ греческой исторіи, пять или десять сраженій при Платеѣ, Марѳонѣ и проч., приказываютъ обсудить, какое вліяніе имѣла греческая цивилизація на римскую или, пожалуй, даже на китайскую. Смѣшнѣе всего, что когда учениковъ заставляютъ писать разсужденія о такихъ предметахъ по классу исторіи, въ тоже время профессоръ реторики часто даетъ имъ предложенія для сочиненія только періодовъ и хрій.

Откуда же ученики возьмутъ мысли, чтобы писать о предметахъ, которые и взрослымъ людямъ не всегда подъ силу, или въ которыхъ не скоро отыщешь смыслъ? Вопросъ этотъ тѣмъ естественнѣе, что мальчики, поступающіе въ низшее отдѣленіе семинаріи, гдѣ преподается реторика, слишкомъ не богаты свѣдѣніями; головы ихъ бываютъ набиты чуть не одними вокабулами латинскими и греческими, затверженными на память страницами изъ разныхъ учебниковъ, грамматическими правилами латинскаго, греческаго и русскаго языковъ и пр. Откуда въ самомъ дѣлѣ взять теперь имъ мысли для составленія сочиненій на мудреныя предложенія?

Иные педагоги предоставляютъ самимъ ученикамъ отыскивать мысли для сочиненія, гдѣ они хотятъ; но многіе понимаютъ, что подобная метода слишкомъ недостаточна, что надобно указать хоть какой нибудь источникъ для мыслей. Но изъ указанныхъ нами способовъ пріучать умъ къ мышленію и обогащать его познаніями, въ семинаріяхъ одинъ, именно чтеніе книгъ слишкомъ ограниченъ разными стѣснительными запрещеніями, другой же не въ большомъ употребленіи. Отъ логики немногимъ могутъ ученики позаимствоваться. Притомъ она преподается не въ низшемъ, а въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, такъ что самая программа семинарскаго курса, поставивъ логику, какъ науку мыслить, послѣ реторики, допускаетъ возможность писать, когда сочинитель не пріучился еще размышлять

Откуда же въ самомъ дѣлѣ братъ ученикамъ мысли для сочиненій? Важнѣйшимъ пособіемъ слу-

жить сама реторика; не даромъ же ей учатъ и учатся; надобно же хоть въ школѣ воспользоваться ея наставленіями. Прежде всего она совѣтуетъ *распространять* предложеніе посредствомъ синонимъ и эпитетовъ, т. е. подобозначущихъ словъ и различныхъ прилагательныхъ именъ, которыя можно соединять съ подлежащимъ предложенія. Для примѣра возьмемъ предложеніе: *праздность вредна*, здѣсь будутъ синонимами праздности слова: *праздное препровожденіе времени*, *бездѣятельность*, *лѣность*, *нерадѣніе*, *безпечность*, а *вмѣсто* слова *вредна* употребляютъ: *причиняетъ*, *наноситъ*, *производитъ*, *дѣлаетъ вредъ*, *вредитъ*, *губитъ* и *проч.* Эпитетами служатъ во всѣхъ предложеніяхъ бо́льшею частію слова: *гибельный*, *пагубный*, *ужасный*, *страшный*, *полезный*, *вредный*, *большой*, *малый*, *частый*, *всегдашній*, *неутомимый*, *прилежный*, *временный*, *вѣчный* и проч. Такимъ образомъ предложеніе *праздность вредна* семинаристъ распространилъ бы слѣдующимъ образомъ; *излишняя праздность*, *безполезное препровожденіе времени*, *постоянная лѣность и всегдашнее нерадѣніе причиняютъ всякому человѣку ужасный вредъ и ведутъ его во всякое время къ вѣрной и неизбѣжной погибели.* Латинскій языкъ особенно въ этомъ случаѣ бываетъ полезенъ; мы помнимъ какъ вмѣсто словъ omnes homines (всѣ люди) употреблялось выраженіе omnes quotquot sunt, qui hunc, quam vivimus vitam, peragunt, т. е. *всѣ, сколько ни есть людей, которые ведутъ ту самую жизнь, которую и мы проводимъ.* Еслиже не найдется настоящаго подобозначащаго слова, то оно за-

мѣняется какимъ либо тропическимъ или фигуральнымъ выраженіемъ, напр. науки называются *свѣтильниками ума нашего*, вмѣсто словъ: *добродѣтельный человѣкъ* или *избѣгай порока* употребляется, *украшенный прекрасными цвѣтами добродѣтели* или *опасайся уязвить свою душу терніями пороковъ* или *погрузить ее во мракъ расвратной жизни* и проч.

Но лучшимъ пособіемъ признаются такъ называемыя *обстоятельства*. Ихъ считается семь, значитъ столько же сколько чудесъ свѣта, они состоятъ изъ неважныхъ, по видимому, вопросовъ *кто? что? гдѣ? при какой помощи? почему? какимъ образомъ? когда?* Эти вопросы вмѣстѣ *съ эпитетами и синонимами* даютъ возможность предложеніе, состоящее изъ двухъ или трехъ словъ, растянуть на двѣ или на три страницы. Возьмите для примѣра предложеніе *науки полезны*, дѣлайте намъ вопросы и читайте наши отвѣты. „*Кто?* науки эти, ахъ, пѣтъ. извините не эти, а *сіи* дщери неба, *сіи* свѣтильники для человѣка, *сіи* всегдашнія благодѣтельницы несчастнаго рода человѣческаго и проч. *Что?* полезны т. е. приносятъ неисчислимыя выгоды и проч. *Гдѣ?* вездѣ, и въ сей и въ будущей жизни, въ скромной деревнѣ и великолѣпномъ городѣ, въ нѣжной юности и въ преклонной старости, въ убогой хижинѣ, и царскихъ чертогахъ, даже на кирпичной печи и деревянныхъ полатяхъ, въ дымномъ овинѣ и холодномъ сараѣ и проч. *При какой помощи?* разумѣется, при руководствѣ добрыхъ ученыхъ нашихъ наставниковъ (тутъ больше ничего не прибавляется). *Почему?* потому что просвѣщаютъ нашъ умъ, исправ-

ляютъ сердце и направляютъ волю къ добру, еще потому, что возвышаютъ царства, улучшаютъ законы, научаютъ переносить счастіе и несчастіе и проч. *Какимъ образомъ?* Напитывая нашъ умъ высокими истинами, наполняя сердце благородными и безкорыстными, подчиняя волю нравственнымъ правиламъ и проч. *Когда?* когда мы пользуемся всѣми дарами счастія, или находимся подъ гнётомъ бѣдствій, когда стоимъ на низшей ступени общественной лѣстницы, или когда, находясь на самомъ верху ея, имѣемъ возможность облагодѣтельствовать цѣлые милліоны нашихъ собратій. Что? каково распространилось предложеніе? Кромѣ того не забывайте, что мы слишкомъ много опустили мыслей, которыя такъ и тѣснились при каждомъ вопросѣ, а главное мы прилагали вопросы ко всему вдругъ предложенію, между тѣмъ какъ по мудрымъ наставленіямъ риторовъ слѣдовало бы какъ подлежащее, такъ и сказуемое отдѣльно провести по всѣмъ вопросамъ. Попробуйте это сдѣлать; и вы къ своему удивленію получите періодъ, — на доказательство, одинъ только періодъ длиннѣе цѣлой хріи и даже ораторскаго силлогизма, и несравненно обширнѣе знаменитаго ломоносовскаго періода: *если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, намъ возможно было вознестись на высоту толику,* и проч. Какое же будетъ доказательство, если мы его составимъ изъ пяти или изъ шести такихъ періодовъ? Какая получится рѣчь или диссертація, если ограничить ее только тремя доказательствами? Сами можете понять.

Затѣмъ при отыскиваніи такъ называемыхъ до-

казательствъ реторика доставляетъ множество источниковъ. Здѣсь да первомъ планѣ поставимъ шесть или лучше двѣнадцать источниковъ; они заимствуются: 1) a honesto et turpi *(честнаго и постыднаго);* 2) ab utile et damnoso *(полезнаго и вреднаго);* 3) ab jucundo et doloroso *(пріятнаго и непріятнаго);* 4) a facile et difficili *(легкаго и труднаго);* 5) a necessario et absurdo *(необходимаго и нелѣпаго);* 6) a possibli et impossibili *(возможнаго и невозможнаго)* Прекрасно! Въ самомъ дѣлѣ возьмите любой предметъ, вѣрно онъ подойдетъ подъ который либо изъ этихъ критеріумовъ, онъ будетъ или честнымъ, полезнымъ, вреднымъ, или по крайней мѣрѣ возможнымъ, или невозможнымъ, примѣряйте его подъ какую либо мѣрку и описывайте. Но если и эти способы покажутся недостаточными, то старинные риторы передали нынѣшнимъ драгоцѣнное свое изобрѣтеніе, которое доставляло молодымъ ораторамъ возможность необыкновенно легко составлять на все доказательства. Драгоцѣнность эта называлась *мѣстами топическими* (loci topici). Ихъ нынѣ называютъ *общими мѣстами*, но несправедливо, если уже нужно выразиться чисто порусски, удерживая смыслъ подлинника, то слѣдуетъ сказать: *мѣста мѣстныя.* Этихъ мѣстныхъ мѣстъ было очень много, къ нимъ относились: *опредѣленіе, описаніе, цѣлое, часть, родъ, видъ, причина дѣйствующая, матеріальная, формальная, конечная, обстоятельства предшествующія, сопровождающія, послѣдующія* и проч. Что же это такое? спросите вы. Очень простая вещь. Вамъ нужно что нибудь доказывать, затруд-

няться нечего, — составьте опредѣленіе или описаніе предмета, возьмите его, какъ цѣлое, или часть, какъ родъ, или видъ, отыщите его матеріальную конечную, дѣйствующую и формальную причину — вотъ сколько явится доказательствъ!

Вторымъ источникомъ, которымъ пользуются семинаристы при своихъ сочиненіяхъ, служитъ особенный разрядъ мыслей, называемыхъ *казенными*, которыя расходуются учениками во всѣхъ требуемыхъ случаяхъ. Происхожденіе этихъ мыслей объяснить не трудно. Ученикамъ, какъ мы замѣтили выше, даютъ предложенія большею частію религіозно — нравственнаго содержанія. Такъ какъ и читать имъ позволяютъ только книги того же содержанія, то естественно они обращаются къ нимъ въ случаѣ нужды. Но въ этихъ книгахъ весьма часто говорится о паденіи нашихъ прародителей, о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи рода человѣческаго Спасителемъ, о вѣчныхъ мукахъ, которыя ожидаютъ грѣшниковъ, о раѣ, уготованномъ для праведниковъ, о суетѣ міра, объ искушеніяхъ діавола, о похоти плоти, похоти очесъ, гордости житейской, о соблазнахъ постоянно преслѣдующихъ человѣка, о гибельныхъ послѣдствіяхъ порока, о торжествѣ добродѣтели, о благости, всемогуществѣ Творца и пр. и. пр.; — все мысли истинно религіозныя, вполнѣ необходимыя для человѣка, стремящагося къ полученію спасенія въ будущей жизни по ученію Православной Церкви. Но ученики смотрятъ на нихъ съ другой точки зрѣнія; въ нихъ-то они находятъ неизчерпаемый источникъ для своихъ сочиненій, ихъ-то

обыкновенно называютъ *казенными мыслями.* Нуженъ приступъ къ какому либо сочиненію? Затрудняться нечего, надобно начать съ самаго начала, или съ самаго важнѣйшаго произшествія въ исторіи человѣческаго рода т. е. съ сотворенія міра или паденія человѣка, съ пришествія Спасителя на землю, съ описанія его земной жизни и проч.; вотъ настоящій приступъ a priori! Нужны доказательства въ подтвержденіе какой либо истины? Почему не обратиться къ счастію въ этой жизни, въ блаженству въ будущей, къ соблазнамъ и треволненіямъ міра, къ похоти плоти, къ гордости житейской и проч.? Если бы истины были даже вовсе не нравственно-религіознаго содержанія, то почему бы ихъ не украсить казенными мыслями? Почему, говоря о восходѣ и закатѣ солнца, описывая весну или зиму, не обратиться къ неисчерпаемому усточнику и тутъ не напомнить развращенному человѣку объ ужасной участи, которая грозитъ ему, — не утѣшить праведника тѣми благами, которыя его ожидаютъ за гробомъ?

Иногда данное предложеніе слишкомъ ясно уже отличается отъ истинъ нравственно-религіозныхъ, или иногда ученику хочется быть самостоятельнымъ мыслителемъ. Въ этомъ случаѣ употребляется другая метода сочинять. Ученикъ беретъ нѣсколько извѣстныхъ мыслей, составляетъ изъ нихъ различныя комбинаціи, парафразируетъ ихъ всѣми возможными способами, употребляетъ всю логическую діалектику, вытягиваетъ изъ нихъ заключеніе, или лучше рядъ умозаключеній, и все это соединяетъ въ одно

цѣлое, котораго смыслъ не всегда доступенъ самому автору. Если же умѣнье не позволяетъ прибѣгать къ этому источнику, тогда обращается къ учебнымъ руководствамъ, или ко другимъ рукописнымъ и печатнымъ курсамъ наукъ, дѣлаетъ изъ нихъ выписки, сливаетъ ихъ по своему собственному усмотрѣнію. Къ этому способу прибѣгаютъ въ низшемъ отдѣленіи, особенно когда нужно разсуждать о греческой цивилизаціи, зороастровомъ дуализмѣ, шидѣйскихъ кастахъ и проч. Ученикъ беретъ исторіи Смарагдова, Беккера, Вебера, даже Кайданова, отыскиваетъ въ нихъ тѣ мѣста, которыя относятся къ заданному предложенію. Иные просто къ ряду выписываютъ страницу или двѣ, другіе измѣняютъ кое-гдѣ слова или предложенія; не многіе же дѣлаютъ нѣчто въ родѣ винегрета изъ всѣхъ находящихся подъ рукою исторій. И вотъ является на свѣтъ до сотни и болѣе историческихъ разсужденій! Вообще смѣшно смотрѣть на семинариста, собравшагося писать свое сочиненіе, срокъ для этого слишкомъ кратокъ. Бѣдняга бросается то въ ту, то въ другую книгу, хватается то за ту, то за другую тетрадь, съ горя наконецъ рѣшается кстати или не кстати сдѣлать выписку изъ чего нибудь одного; всетаки и у него чрезъ нѣсколько времени является сочиненіе, конечно уже не оригинальное. Но зачѣмъ мальчику, какому либо ученику гнаться за оригинальностію, когда и знаменитѣйшіе писатели, воспитавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, нерѣдко составляютъ многотомныя сочиненія точно такимъ же образомъ изъ латинскихъ cursus universalis vel completus и изъ нѣмецкихъ

Lehrbuch'овъ, Handbuch'овъ и различныхъ французскихъ руководствъ и dictionnaire'овъ.

Не безъ причины мы такъ много говорили о реторикѣ; настроеніе, которое ученики получаютъ подъ вліяніемъ ея, остается съ ними большею частію навсегда. Ученикъ переходитъ изъ низшаго въ среднее отдѣленіе, здѣсь, конечно, не заставляютъ его писать хріи, но онъ уже привыкъ *къ сима и* прочимъ реторическимъ формамъ, привыкъ распространять періоды синонимами, эпитетами и обстоятельствами, кстати и не кстати употреблять тропы и фигуры, прибѣгать къ топическимъ мѣстамъ и къ казеннымъ мыслямъ, писать не свои, а выписывать чужія мысли изъ книгъ и тетрадей. Этому помогаютъ предложенія для сочиненій; они бываютъ или опять нравственнаго содержанія или философскаго, въ родѣ слѣдующихъ: *есть ли всеобщій матеріальный признакъ истины?* (an datur criterium veritatis materiale, universale?) *Какое различіе между пантеизмомъ Спинозы и Шеллинга? Въ чемъ состоитъ сходство Лейбницовыхъ монадъ и Эпикуровыхъ атомовъ?* и проч. сочиненія на первыя предложенія пишутся также, какъ и въ реторикѣ. Вторыя нерѣдко вносятъ новый элементъ въ семинарское образованіе. Они, по большой части будучи непонятными, заставляютъ учениковъ прибѣгать къ логическимъ отвлеченностямъ, діалектическимъ и схоластическимъ тонкостямъ, къ игрѣ понятіями и проч. т. е. изъ ритора дѣлаютъ софиста. Другіе, которымъ не подъ силу подобныя занятія, ищутъ новыя и старыя руководства и изъ нихъ выписываютъ все, что имъ надобно. Нынѣ для этого

особенно употребляется логика Карпова, Райковскаго, Бахмана, психологія Новицкаго, философія Надежина и проч. Наконецъ ученикъ въ высшемъ отдѣленіи; тутъ и поздно, да и не кому измѣнять полученное настроеніе. Здѣсь сочиняются или разсужденія о богословскихъ предметахъ, или проповѣди. Источникомъ для первыхъ служатъ разные богословскіе курсы, напр. Богословіе Пр. Макарія и также сочиненіе: О конечныхъ причинахъ. Чтоже касается до проповѣдей, то ихъ такъ много въ печати и рукописяхъ, что всякой безъ большихъ хлопотъ составитъ т. е. выпишетъ поученіе на какой угодно случай. Такимъ образомъ бывшій риторъ въ среднемъ отдѣленіи нерѣдко дѣлается софистомъ, — а въ высшемъ схоластикомъ и проповѣдникомъ по предшествовавшимъ ему образцамъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть о томъ, что наставники, преимущественно свѣтскіе, въ духовныхъ академіяхъ нѣсколько уже десятилѣтій стараются сгладить семинарское настроеніе съ своихъ студентовъ. Въ этомъ особенно замѣчательны нѣкоторые наставники словесности и церковнаго краснорѣчія, напр. покойный Делекторскій въ Петербургской, Амфитеатровъ въ Кіевской академіи, два живыхъ ординарныхъ профессора товарищи по воспитанію Л-кій и Е. А—ровъ. Своими лекціями, чтеніемъ образцовыхъ писателей, критическимъ разборомъ студентческихъ сочиненій, даже сарказмомъ старались и стараются пріучать студентовъ къ современному языку и къ дѣльному изложенію мыслей. Многихъ исправляютъ, но на другихъ реторика наложила такую кору, чрезъ которую

не пройдетъ никакой сарказмъ. При томъ многіе воспитанники академіи, сдѣлавшись наставниками семинарій, берутся вновь за реторику, находя ее болѣе легкою, нежели идеи, сообщенныя имъ въ академіи. А иногда, какъ мы замѣтили выше, даже принуждены бываютъ по прежнему учениковъ занимать хріями, тропами и фигурами, чтобы избѣжать выговора начальниковъ.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ преподаваніемъ логики и реторики въ семинаріяхъ и съ правилами для чтенія книгъ, не остается безъ вліянія на учениковъ и налагаетъ на сочиненія ихъ какой то особенный типъ. Скажемъ сначала о слогѣ. Въ этомъ случаѣ едвали не главную ролю играетъ исключительная обязанность читать только книги нравственно-религіознаго содержанія. Книги эти писаны людьми, которые, будучи слишкомъ заняты возвышенными истинами часто не считаютъ нужнымъ обращать вниманіе на современныя требованія и не заботятся объ изяществѣ слога. Далѣе духовные воспитанники, съ дѣтства читая церковно — богослужебныя книги, усвояютъ себѣ славянскія слова и обороты. Потомъ привычка и даже нужда за недостаткомъ мыслей употреблять синонимы и эпитеты, прикрывать или раскрашивать ихъ тропами, особенно метафорами, измѣнять одну и туже мысль различнымъ образомъ неизбѣжно дѣлаютъ слогъ или *напыщеннымъ*, или какъ говорятъ, *водянистымъ*. Наконецъ не надобно забывать, что продолжительное занятіе латинскимъ языкомъ, бывшее прежде, да и теперь не совсѣмъ оставленное обыкновеніе застав-

лять учениковъ писать сочиненія на латинскомъ языкѣ, пріучали и пріучаютъ къ латинскимъ оборотамъ рѣчи. Отъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ причинъ давно уже явился и теперь еще сильно поддерживается особый языкъ, или даже діалектъ, который можно назвать *семинарскимъ;* это есть смѣсь церковнобиблейскихъ словъ славянскими и латинскими оборотами, разумѣется, раскрашенная метафорами и другими тропами, не чуждающаяся русскихъ словъ, прикрывающая себя иногда новѣйшимъ литературнымъ лоскамъ. Отъ этого языка трудно освободиться даже геніальному писателю, если онъ воспитывался въ семинаріи.

Кромѣ слога, сочиненія семинаристовъ отличаются по своему содержанію. Ученики, принужденные писать о томъ, чего не понимаютъ, читать книги, которыя не по ихъ возрасту и не удовлетворяютъ всѣмъ ихъ способностямъ, поставленные почти въ необходимость не дѣйствовать своимъ разсудкомъ, а отыскивать нужныя для себя сужденія въ печатныхъ книгахъ, или прибѣгать къ казеннымъ мыслямъ, къ логическимъ, діалектическимъ тонкостямъ, очевидно, не могутъ своимъ сочиненіямъ придать естественность. Они не излагаютъ своихъ чувствъ, а отъискиваютъ ихъ подъ свои мысли, или на оборотъ мысли свои къ нимъ приспособляютъ; они не судятъ а или резонируютъ, или списываютъ сужденія другихъ, придумывая какую либо связь для нихъ. Далѣе ограниченные извѣстнымъ родомъ занятій, мало знакомые съ дѣйствительнымъ міромъ, они и въ умственномъ отношеніи живутъ какою-то особенною

жизнію и частію по самолюбію, частію по убѣжденіямъ не очень высоко думаютъ о прочихъ людяхъ, считаютъ себя способными разсуждать и писать о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, берутся и считаютъ необходимымъ все доказывать, даже то, что ясно само по себѣ, или не можетъ быть доказано и съ какимъ-то гордымъ презрѣніемъ смотрятъ на людей, описывающихъ дѣйствительную жизнь и дѣйствительный міръ. А между тѣмъ эти же ученые мужи иногда затруднятся написать порядочное письмо, составить не хитрую просьбу, описать какую либо мѣстность, или явленіе природы. Извѣстенъ случай, бывшій на пріемномъ экзаменѣ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ. Воспитанникъ семинаріи очень удачно отвѣчалъ по всѣмъ предметамъ и понравился экзаминаторамъ. Въ заключеніе просили его написать сочиненіе о чемъ ему угодно. Хотя онъ всячески хлопоталъ о томъ, чтобы дали ему какое нибудь предложеніе, но экзаминаторы предоставили сдѣлать выборъ ему самому. Посидѣвши довольно долго, онъ опятъ подошелъ къ экзаминаторамъ и настоятельно просилъ ихъ сказать, о чемъ ему писать; потому что самъ рѣшительно ничего не придумалъ. Одинъ изъ экзаминаторовъ спросилъ его: *видѣлъ ли онъ Московскій Кремль* и получивши утвердительный отвѣтъ совѣтовалъ описать его. Бѣдный ученикъ долго *морщилъ чело*, но рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ ему можно будетъ управиться съ столь трудною работою? По образцу какой хріи, силлогизма, или рѣчи написать ему свое сочиненіе? И потому, вновь подошедши къ экзаминаторамъ, сказалъ,

что онъ о такомъ мудреномъ предметѣ, какъ Московскій Кремль ничего написать не можетъ и просилъ дать предложеніе попроще. Удивленные экзаминаторы спросили, какое же онъ предложеніе находитъ простымъ. Тутъ будущій студентъ университета сказалъ, что на пр. безсмертіе души, соединеніе ея съ тѣломъ, ея нематеріальность и простота, — вотъ тѣ простые предметы, о которыхъ онъ можетъ писать. Дѣло, разумѣется, объясняется очень просто, — семинаристъ никогда ничего не описывалъ; онъ въ теченіи всего курса только сочинялъ свои мысли, или списывалъ и переписывалъ ихъ съ другихъ сочиненій, и притомъ по какой либо реторической формѣ. Какъ же теперь ему справиться съ Московскимъ Кремлемъ и уложить описаніе его въ какую либо хрію, или ораторскую рѣчь? А о безсмертіи и нематеріальности души, онъ заучилъ въ лекціяхъ; и потому естественно эти предметы могли показаться ему проще, нежели описаніе Кремля. Другой не менѣе забавный случай былъ въ одной изъ духовныхъ академій. Баккалавръ Словесности вновь принятымъ студентамъ далъ предложеніе: *воспоминаніе о родинѣ.* Одинъ изъ нихъ, до поступленія въ академію ничего не писывалъ кромѣ хрій, суллогизмовъ, рѣчей, проповѣдей и разсужденій, и слѣдовательно привыкъ думать, что всякое сочиненіе долно состоять изъ доказательствъ даннаго предложенныя. Поэтому онъ счелъ за необходимое *доказывать воспоминаніе о родинѣ* т. е. разсмотрѣть, почему человѣкъ вспоминаетъ о родинѣ? Задачка его была не объемиста, она состояла изъ слѣдующихъ мыслей. Все въ мірѣ управляется двумя силами цен-

тробѣжною и центростремительною; первая стремится удалить тѣла отъ центра, а вторая приблизить къ нему. За тѣмъ авторъ, подтвердивши эту мысль астрономическими явленіями, перешелъ къ землѣ, и здѣсь тоже нашелъ центробѣжную и цетростремительную силу въ паденіи тѣлъ и другихъ явленій. Наконецъ дошелъ и до человѣка; и его, разумѣется, поставилъ въ зависимость отъ обѣихъ силъ. Здѣсь центробѣжною силою явилась любовь къ просвѣщенію, которая почтеннаго автора съ его товарищей заставила изъ разныхъ губерній пріѣхать въ академію, а званіе центростремительной силы представлено было воспоминанію о родинѣ. Не смѣйтесь надъ студентомъ теперь уже покойникомъ; онъ былъ умнымъ человѣкомъ, кончилъ курсъ магистромъ, посланъ былъ баккалавромъ въ другую академію. Но какъ ему въ своемъ сочиненіи оставить безъ доказательствъ воспоминаніе о родинѣ, когда его не научили описывать свои чувства, даже не сказали, можно ли и какъ ихъ описывать? Въ заключеніе нельзя также не замѣтить, что сочиненія семинаристовъ слишкомъ походятъ одно на другое, не смотря на различіе способностей учениковъ. Вездѣ ихъ заставляютъ читать одно и тоже, писать по однѣмъ и тѣмъ же формамъ, вездѣ они имѣютъ наставниковъ, воспитанныхъ по тѣмъ же правиламъ. Откуда же взяться разнообразію, когда и рамки и краски и кисти, все вездѣ одно и тоже?

А между тѣмъ можно бы научить писать ихъ самымъ естественнымъ образомъ, нисколько не вредя нравственности, нисколько не ослабляя религіознаго

чувства. Положимъ, что мальчикъ сначала станетъ описывать свои поѣздки домой, простыя явленія природы, событія изъ ежедневной жизни, историческія произшествія и проч., не подчиняясь притомъ никакимъ заданнымъ реторическимъ формамъ. Нисколько не насилуя себя, онъ пріучится излагать свои наблюденія и замѣчанія ясно и просто, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкнетъ думать, что писать можно только о томъ что знаешь, ни откуда не выписывая, но руководствуясь своимъ разсудкомъ. Съ развитіемъ способностей, съ увеличеніемъ свѣдѣній, отъ него можно будетъ требовать сужденій о предметахъ ему извѣстныхъ, напр. хорошъ ли тотъ и другой поступокъ историческаго лица, или какъ объяснить какое либо физическое явленіе природы. Опять и въ этомъ случаѣ случаѣ онъ не станетъ повторять чужихъ мыслей, но пріучится думать, что, разсуждая о чемъ нибудъ, онъ обязанъ напередъ узнать это и при сужденіи брать мысли только изъ своей головы, — за тѣмъ отъ простыхъ истинъ можно подниматься къ болѣе высокимъ. Притомъ его чувство нравственное равно какъ и чувство изящнаго, ничѣмъ не стѣсняемыя, станутъ свободно развиваться и потребуютъ также, чтобы и они были выражаемы. Такимъ образомъ ученикъ, достигши зрѣлаго возраста, будетъ имѣть развитыми всѣ способности, и когда примется за какое либо сочиненіе, ему не нужно будетъ прибѣгать ни къ поддѣльнымъ чувствамъ, ни къ резонированію, ни къ казеннымъ мыслямъ; онъ привыкнетъ описывать только то, что думаетъ. Можетъ быть, эта теорія, не вполнѣ хороша, но удачна ли та тео-

рія, которой теперь держатся въ семинаріяхъ? На проповѣди, произносимыя въ церквахъ, надобно смотрѣть, какъ на конечный результатъ семинарскаго образованія, въ нихъ выражаются и логика и словесность и всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя учениками. Исключая нѣсколькихъ проповѣдниковъ, что сказать о прочихъ, которые по назначенію обязаны въ годъ раза два или три говорить поученія въ мѣстномъ соборѣ, или въ своей церкви? Отчего едва выйдетъ проповѣдникъ, или лучше едва поставятъ налой, отчего половина предстоящихъ спѣшитъ уйти изъ церкви во всѣ двери? Вѣдь не отъ недостатка религіозности; они безъ этого простояли бы до конца обѣдни. Отчего изъ оставшихся большая часть не слушаетъ проповѣдника? Вѣдь имъ гораздо скучнѣе стоять безъ всякаго занятія, нежели слушать. Отчего и выслушавши и всю проповѣдь, почти ничего не выносятъ изъ церкви? Вѣдь какъ угодно, *а насъ православныхъ христіанъ, однихъ только насъ обвинять въ этомъ не слѣдуетъ.* Не виноваты ли сами проповѣдники, или лучше тѣ обстоятельства, которыя заставляютъ ихъ писать проповѣди такъ, а не иначе? И церковно-славяно — русскій языкъ и реторическая форма проповѣдей съ приступомъ, предложеніемъ, раздѣленіемъ, тремя доказательствами и заключеніемъ, и казенныя мысли безъ приложенія къ жизни, и незнакомство проповѣдниковъ съ ею, или по крайней мѣрѣ нежеланіе говорить о ней, и отвлеченныя догматическія истины, и аскетико — нравственныя правила и другія обстоятельства дѣлаютъ то, что простые люди не понимаютъ словъ проповѣдника, а умные, вы-

слушавши 5 — 10 проповѣдей, потомъ уже по приступу, даже по тексту догадаются, о чемъ и что станетъ говорить проповѣдникъ? Ели наша теорія плоха, то нельзя назвать хорошею и ту, которая нынѣ въ употребленіи, когда она повела къ такимъ результатамъ.

Въ заключеніе этого отдѣленія остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. И начальство и наставники и ученики чрезвычайно заботятся о томъ, чтобы, какъ можно болѣе, было письменныхъ задачъ. Напр. положено даже, кажется, самыми училищными правилами, чтобы подавали по одному сочиненію въ семинаріяхъ ученики низшаго отдѣленія каждую недѣлю, ученики средняго отдѣленія каждые 10 дней, ученики высшаго отдѣленія каждыя двѣ недѣли; даже студенты духовныхъ академій обязываются, по крайней мѣрѣ прежде обязывались, писать каждые 10 дней сочиненія. Дѣйствительно чрезъ двухгодичный курсъ наберется такихъ произведеній очень много, и, спивши ихъ въ одну тетрадку, можно удивить ревизора, или высшаго начальника тою дѣятельностію, которая господствуетъ по части, если не сочиненій, то бумагомаранія. Нѣкоторые начальники пользуются этимъ случаемъ, чтобы выставить на видъ и свою необычайную дѣятельность; на первой страницѣ сборника сочиненій каждаго ученика они дѣлаютъ рекомендацію, подъ нею подписываютъ свое званіе и имя, равно какъ число, мѣсяцъ и годъ, показывая тѣмъ, что они прочитали всѣ до одного сборника и притомъ иногда дня въ два или три, какъ объ этомъ должно догадываться по выставленнымъ на сборни-

кахъ числамъ. Оставляя въ сторонѣ эту необыкновенную дѣятельность, обратимся къ самымъ сочиненіямъ. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, по крайней мѣрѣ въ началѣ курса на составленіе какого либо періода и даже хріи очень достаточно недѣли. Но въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ семинаріи, особенно же въ академіяхъ назначеніе 10 или 15 дней для каждаго сочиненія сопровождается другими послѣдствіями. Г-ну сочинителю, написавшему въ предъидущій срокъ сочиненіе, надобно дня два отдохнуть, чтобы приняться съ свѣжею головою за новое, потомъ обдумать его, иногда для этого познакомиться съ какими либо источниками, даже порыться въ какихъ либо фоліантахъ, — написать, поправить и переписать сочиненіе. Достаточенъ ли будетъ данный ему срокъ для всего этого? Не естественно ли, что ученики и студенты въ такомъ случаѣ держатся двухъ методъ? Одни пишутъ большія сочиненія, неуспѣвши обдумать ихъ содержаніе. Эти хотятъ обратить на себя вниманіе плодовитостію своего пера. Другіе же напротивъ стараются о лаконической краткости, пишутъ сочиненія не болѣе листа и даже полулиста. О послѣдней методѣ особенно заботятся г.г. наставники, желая облегчить себя при чтеніи задачъ, нѣкоторые даже въ академіяхъ ясно и положительно приказываютъ писать не болѣе листа или полулиста и отказываются принимать и читать сочиненія большихъ размѣровъ; былъ случай въ одной изъ академій, что наставникъ, прочитавши полулиста изъ сочиненія одного изъ студентовъ, написалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановился, слова hucusque legi *(до этого*

мѣста я дочиталъ). Понятно, что ни та, ни другая метода не научаютъ дѣльно и основательно излагать свои мысли, держащіеся первой методы не успѣваютъ привести въ порядокъ своихъ мыслей, а держащіеся второй для какаго либо поллиста не имѣютъ нужнымъ слишкомъ много думать о заданномъ предложеніи, отчего, занимаясь сочиненіями 6—10 лѣтъ, пишутъ съ большимъ трудомъ, сухо и вяло. И потому гораздо бы лучше было, если бы какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ академіяхъ писали сочиненія поменьше числомъ, но лучше содержаніемъ, non multa, sed multum. Въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ семинаріи надобно бы давать не менѣе мѣсяца на каждое сочиненіе, а въ академіяхъ сочиненія по два или по три на цѣлый годъ. Въ такіе сроки можно требовать основательныхъ и дѣльныхъ сочиненій а *не задачекъ*, какъ ихъ нынѣ обыкновенно называютъ.

Заговорившись о реторикѣ, мы совсѣмъ было забыли ея сестрицу поэзію, или лучше, піитику, т. е. *стиходѣланіе*, преподаваемыя въ семинаріяхъ. Наставникомъ реторики и піитики всегда бываетъ одно и тоже лицо, поэтому метода преподаванія обѣихъ наукъ должна быть одинакова. Такимъ образомъ юныхъ поэтовъ заставляютъ заучивать и переучивать, затверживать и вытверживать множество опредѣленій и примѣровъ. Прежде всего, разумѣется, сообщается понятіе о ямбахъ, хореяхъ, амфибрахіяхъ, экзаметрахъ и прочей ихъ братіи. Потомъ являются на сцену раздѣленіе поэзіи на лирическую, эпическую и проч., равно какъ подраздѣленіе каждой изъ глав-

ныхъ частей, тутъ непремѣнно ученикъ заучиваетъ опредѣленія оды, сонета, эпитафіи, эпиграммы, трагедіи, комедіи, мадригала, эпиталамы, гимна, пѣсни, басни и проч. За нѣсколько десятковъ лѣтъ оффиціальнымъ руководствамъ къ поэзіи въ семинаріяхъ служила Пиитика Аполлоса, составленная и напечатанная въ прошломъ столѣтіи; примѣры въ ней заимствовались изъ произведеній не столько современниковъ, сколько предшественниковъ, напр. Хераскова, Сумарокова, и даже самаго Василія Кириловича. Мы по крайней мѣрѣ очень помнимъ, что, обучаясь поэзіи должны были заучить, какъ примѣръ, слѣдующіе стихи Тредьяковскаго.

Весна катитъ;
Зиму валитъ;
Поютъ птички
Со синички;
Хвостомъ машутъ и лисички.

Хотя оффиціальнымъ образомъ пиитика Аполлоса, кажется, еще не отмѣнена, но нынѣ молодое поколѣніе въ семинаріяхъ обучаютъ уже поэзіи не по этому курсу, а по рукописнымъ запискамъ, гдѣ примѣры берутся даже изъ сочиненій Пушкина, Бенедиктова, Дельвига и проч., *прогрессъ слишкомъ ясный*. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что и надъ нынѣшними поэтами семинаристами вѣетъ еще духъ Аполлосовой Пиитики, и нынѣ ихъ піитическія произведенія не только солидны и степенны, но и какъ то: тяжеловаты, увѣсисты, чуть не уродливы. Сближая эти произведенія съ стихами Пушкина, Бенедиктова, Губера и съ помѣщаемыми нынѣ въ свѣтскихъ журналахъ, какъ-то поневолѣ хочется послѣдніе сравнить

съ джентльменомъ въ экипажѣ; по торцовой, только что сдѣланный дорогѣ, въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ несется онъ быстро на парѣ кровныхъ рысаковъ, вычищенныхъ, выѣзженныхъ и въ блестящей сбруѣ. А читая піитическія произведенія семинаристовъ, невольно какъ-то представляешь себѣ медленное и торжественное движеніе колесницы, на которой въ Индіи перевозится безобразный истуканъ Джернаута.

Впрочемъ семинарской поэзіи вовсе и не пристало быть вертлявою, живою, легкою, когда обратимъ вниманіе на то, такъ сказать, приложеніе, которое изъ ней дѣлается, особенно дѣлалось въ практической жизни. Главная обязанность семинарскихъ поэтовъ состояла, да и нынѣ еще во многихъ мѣстахъ состоитъ въ сочиненіи торжественныхъ одъ, или просто стиховъ безъ особаго заглавія, которые нужно говорить на экзаменахъ, при поздравленіи начальниковъ съ праздниками, именинами и проч. Ну годятся ли въ такихъ случаяхъ пушкинскіе стихи? А между позвольте, Гг. читатели, обратиться къ вамъ съ вопросомъ бывалиль вы при тѣхъ сценахъ, когда произносятъ торжественныя оды и стихи? Едва ли, — чего добраго, — нынѣшній либеральный вѣкъ спѣшитъ забыть старые обычаи. И потому мы хотимъ сдѣлать очеркъ этихъ сценъ. Вообразите себѣ многочисленную публику и самого воспѣваемаго героя, величественно сидящими на креслахъ и стульяхъ, — затѣмъ мальчика обыкновенно съ хорошенькимъ личикомъ, одѣтаго въ суконный сюртукъ, иногда какъ будто сшитый не на него, и еще заботливыхъ начальниковъ гратулянта, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ

ожидающихъ, какъ онъ исполнитъ возложенное на него важное порученіе. Мальчикъ выходитъ на сцену, кланяется и съ легкою краскою на лицѣ, признакомъ дѣтской невинности тоненькимъ голоскомъ начинаетъ читать стихи, которыхъ часто самъ не понимаетъ, почтенная публика и герой оды смотрятъ на молодаго поэта и слушаютъ его восторженное произведеніе съ напряженнымъ вниманіемъ; да и нельзя иначе, въ противномъ случаѣ иногда ничего бы не поняли; *молчаніе не только царствуетъ*, но по выраженію одного нашего знакомца, *свирѣпствуетъ въ залѣ*. Поэтъ, испуганный такою тишиною, часто конфузится, вовсе останавливается; тогда начинаются ободренія, совѣты не путаться, подсказыванія. Иногда же, сознавая важность своего положенія, гратулянтъ воодушевляется, и, не жалѣя дыхательныхъ органовъ, поражаетъ слухъ публики промогласными восклицаніями. Но вотъ онъ окончилъ, *сдѣлалъ приличный поклонъ въ поясъ*. Тутъ герой праздника или предсѣдатель на экзаменѣ подзываетъ къ себѣ поэта, гладитъ его по головкѣ, позволяетъ облобызать свою руку, награждаетъ даже благосклонною улыбкою, публика, особенно дамы—всегдашнія поклонницы Музъ и Аполлона, если тутъ же бываютъ, передаютъ почти изъ рукъ въ руки молодаго поэта; и долго, долго еще продолжается въ почтенномъ собраніи волненіе отъ произнесенной оды.

Наставники поэзіи, вѣроятно зная, что высокое значеніе и назначеніе не бываетъ удѣломъ всякаго смертнаго и что піитическое вдохновеніе исходитъ отъ Аполлона только на избранныхъ и принадлежитъ

однимъ высшимъ умомъ, со свойственною имъ проницательностію узнаютъ избранныхъ и уже подъ своимъ мудрымъ руководствомъ ведутъ ихъ на Парнасъ, а прочихъ осуждаютъ на сочиненіе хрій, силлогизмовъ, рѣчей и проч.

Но добрые начальники, чтобы, вѣроятно, не довести до отчаянія учениковъ не поэтовъ, лишенныхъ счастія выказывать свои таланты въ церемоніяхъ, нашли необходимымъ доставлять и имъ возможность обнаруживать не піитическія уже, а ораторскія способности. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, вмѣстѣ съ поэзію позволяется и краснорѣчію, *сирѣчь* реторикѣ *разсыпать свои цвѣты;* и юные ораторы обязываются составлять рѣчи благодарственныя, поздравительныя, прощальныя и проч. Не знаемъ, почему почтенные начальники и наставники не позволяютъ ученикамъ и въ этихъ случаяхъ выражать свои чувства въ видѣ хрій, энтимемъ, рогатыхъ силлогизмовъ и т. п.,— какъ бы это было оригинально! Для произнесенія рѣчи выбирается большею частію не мальчикъ, а рослый дѣтина, даже иногда съ атлетическими формами, чтобы величіемъ фигуры внушить слушателямъ уваженіе къ своему произведенію. Конечно въ этомъ атлетѣ уже не видно наивности, невинности, милаго и красиваго личика, не слышно тоненькаго голоска поэта, но вмѣсто того звучный голосъ въ родѣ теноро-баса, размашистые жесты, и коего горделивое сознаніе своей важности невольно заставляютъ публику, даже самого патрона быть внимательными. Не обращаясь ни къ Музамъ, ни къ Аполлону ни

къ Фебу, оффиціальный ораторъ расточаетъ обыкновенно въ огромномъ количествѣ слова *достопочтеннѣйшіе посѣтители, безкорыстные любители просвѣщенія! обратите ваши снисходительные взоры на юныхъ питомцевъ*, или *отецъ нашъ и покровитель! мы твои дѣти, ты наше солнце, лучи твои освѣщаютъ наши очи и умъ; твоя доброта согрѣваетъ наши сердца, освѣти и согрѣй молодые лѣторасли сего вертограда и проч. и проч.* Тутъ уже не жалѣютъ льстивныхъ словъ и выраженій. Впрочемъ удивляться здѣсь нужно не составителямъ рѣчей а тѣмъ, для прославленія кого они сочиняются. Откуда берутъ они столько охоты, терпѣнія и даже совѣсти слушать самую низкую лесть, которую расточаютъ предъ ними въ глупопышныхъ выраженіяхъ? Конечно, по словамъ дѣдушки Крылова, *лесть всегда отыщетъ въ сердцѣ уголокъ;* только это лесть тонкая, умная, непріторная. Но какъ можно, не краснѣя слушать лесть, выраженную въ какихъ либо виршахъ или реторическихъ фигурахъ, слушать ежегодно два три, даже пять разъ, всегда на одинъ и тотъ же тонъ, въ одномъ духѣ, даже чуть не въ однихъ выраженіяхъ и продолжать это слушанье цѣлые десятки лѣтъ? Мало этого, для иного любителя приготовляютъ нѣсколько стиховъ и рѣчей каждый разъ и притомъ на всѣхъ языкахъ, которые преподаются въ въ училищѣ, состоящемъ подъ его начальствомъ и покровительствомъ. Патронъ и большая часть публики даже и незнаютъ иныхъ языковъ; а между тѣмъ первый съ подобающею важностію, а послѣдніе съ достодолжнымъ вниманіемъ слушаютъ все,

что ни говорится юными поэтами и ораторами. Тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ столпотворенія Вавилонскаго; и тамъ и здѣсь также мало понимаютъ другъ друга. Намъ былъ извѣстенъ одинъ патронъ, который, выслушавъ рѣчь на французскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ языкахъ съ усмѣшкою спрашивалъ гратулянта: *а что? ты ругалъ, или хвалилъ меня?* между тѣмъ все таки слушалъ такія рѣчи лѣтъ сорокъ. Право, чтобы все это слушать, надобно запастись или изумительнымъ терпѣніемъ, или какою-то непонятною спѣсью. Но публика и патроны больше любятъ поэтовъ, нежели ораторовъ. Отъ этого послѣдніе, кончивъ восторженныя рѣчи, получаютъ часто въ награды только позволеніе выразить свою преданность низкимъ поклономъ и потомъ сойти со сцены. Въ недавнее время нѣкоторые начальники, вѣроятно, понимая всю пошлость подобнаго рода привѣтствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая вовсе оставить вѣковый обычай, приказываютъ писать стихи и рѣчи и представлять себѣ въ качествѣ какъ бы письменныхъ рапортовъ о преданности подчиненныхъ къ ихъ начальническимъ особамъ. Неужели все это необходимо для благосостоянія училища, для умственнаго образованія и нравственнаго назиданія учениковъ? Неужели патроны полагаютъ, что стихи и рѣчи выражаютъ дѣйствительныя чувствованія ихъ подчиненныхъ? Посмотрѣли бы они, съ какимъ напряженіемъ, съ какою досадою *выдумываются и выправляются* эти неподдѣльныя чувства сыновней преданности сочинителями и редакторами. Не лучше ли считать всѣ эти сцены злою сатирою на мелочное тще-

славіе? *Пора все бросить и не смѣшить умныхъ людей!!!*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О раздѣленіи наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, на разряды.

Независимо отъ механизма и формализма, которые такъ сильны въ духовныхъ училищахъ, успѣшному преподаванію наукъ весьма много препятствуетъ то мнѣніе, которое усвоили себѣ начальники касательно такъ называемыхъ главныхъ и неглавныхъ предметовъ. Конечно никто не станетъ требовать того, чтобы въ какомъ бы то ни было училищѣ всѣ преподаваемые предметы считались одинаково важными и нужными для воспитанниковъ; даже въ самыхъ университетахъ однѣ науки называются *главными*, другія *приготовительными*, третія *вспомогательными*. Но въ свѣтскихъ училищахъ главные предметы отличаются отъ побочныхъ, или второстепенныхъ тѣмъ только, что они преподаются съ большею подробностію, нежели послѣдніе, или что при переводѣ воспитанниковъ изъ одного класса въ другой требуется по главнымъ высшій балъ, нежели по второстепеннымъ предметамъ; но нигдѣ нѣтъ мнѣнія, что воспитанники обязаны заниматься только главными предметами, а второстепенные оставлять, или изучать по произволу своему. Поэтому воспитанникъ, отлично

успѣвшій по всѣмъ предметамъ, но оказавшійся слабымъ по одному, даже второстепенному, не переводится въ слѣдующій классъ, равнымъ образомъ успѣхи его по второстепеннымъ предметамъ принимаются во вниманіе при составленіи общихъ списковъ. Обращаясь къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, найдемъ, что и въ нихъ существуетъ раздѣленіе преподаваемыхъ наукъ на два, или даже едва ли не на три разряда. Въ уставѣ училищномъ сказано только, что отъ воспитанника требуются не одинаковые успѣхи въ наукахъ всѣхъ разрядовъ; по однимъ — очень хорошіе, по другимъ — хорошіе, по третьимъ — довольно хорошіе; выраженія, правду сказать, не очень опредѣленныя. Но по крайней мѣрѣ въ уставѣ нигдѣ не сказано, что при переводахъ изъ одного класса въ другой, при составленіи общихъ списковъ, нужно брать во вниманіе только главные предметы, что воспитанники обязаны заниматься ими одними, а до второстепенныхъ, особенно же третьестепенныхъ имѣютъ право вовсе не касаться. Между тѣмъ на практикѣ начальниками духовно-учебныхъ заведеній издавна введена и съ настойчивымъ упрямствомъ сохраняется особенная теорія касательно главныхъ и второстепенныхъ предметовъ. Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить эту теорію, нужно показать, какимъ образомъ она составилась, поддерживается и, вѣроятно, долго еще будетъ поддерживаться.

Вообще надобно замѣтить, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ такъ называемыя свѣтскія науки никогда не пользовались уваженіемъ и покровительствомъ; *ихъ только терпѣли и терпятъ.* Послѣ этого

не удивительно, что большая часть начальниковъ духовныхъ училищъ при поступленіи на должность не очень бываютъ свѣдущими въ нихъ. Состоя на должности они, разумѣется, ими заниматься не могутъ, какъ по причинѣ множества своихъ обязанностей, такъ и по существующему въ нихъ убѣжденію, что духовнымъ лицамъ, къ числу которыхъ принадлежатъ почти всѣ начальники училищъ, нужны только науки церковно-богословскаго содержанія, занятіе свѣтскими науками считается не только безполезнымъ, но даже неприличнымъ для ихъ высокаго и священнаго сана. Чтоже теперь дѣлать начальнику какого бы то ни было духовнаго училища, который по своей должности обязанъ слѣдить за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ? Вѣдь не сознаться же предъ наставниками и учениками, что онъ не знаетъ нужной, хотя и свѣтской науки. Гораздо лучше на словахъ и на дѣлѣ выражать, что ему, какъ духовному лицу, вовсе нѣтъ надобности заниматься ею, и что по этому самому ученикамъ, какъ будущимъ пастырямъ церкви, можно также обойтись безъ нея. Далѣе до такъ называемаго *преобразованія духовныхъ училищъ* въ 1809 и 1815 годахъ, по господствовавшимъ тогда понятіямъ было убѣжденіе, что латинскій языкъ нужно считать самымъ главнымъ предметомъ; на немъ преподавались и писались лекціи, не только по философіи, но даже по богословію и словесности; онъ былъ письменнымъ и разговорнымъ языкомъ. Вотъ почему имъ однимъ занимались въ низшихъ классахъ тогдашнихъ семинарій. По тѣмъ же понятіямъ думали, что ученикамъ духовныхъ училищъ нужно

только знать реторику, философію и богословіе. Когда въ слѣдствіе преобразованія и даже нѣсколько прежде него начали вводить новые предметы, то они были встрѣчаемы не очень благосклонно; начальниками оставались тѣже лица, которыя воспитывались по прежнимъ понятіямъ, — новыхъ предметовъ иногда не знавали; за чтоже оказывать къ нимъ благоволеніе? Не лучше ли продолжать прежнюю систему и считать существенно необходимыми по прежнему только латинскій языкъ, реторику и проч. Если бы въ духовныхъ училищахъ голосъ наставниковъ имѣлъ какую либо силу и значеніе при составленіи списковъ и при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой; то понятія начальниковъ не могли бы еще сдѣлаться закономъ; новые предметы мало по малу вошли бы въ систему воспитанія съ присвоенными имъ правами. Но наставники, какъ выше было замѣчено, лишены всякаго значенія; все зависитъ отъ однихъ начальниковъ. И вотъ, не смотря почти на пятьдесятъ лѣтъ, понятія весьма мало измѣнились; и нынѣ, какъ и прежде большею частію латинскій языкъ считается въ низшихъ духовныхъ училищахъ едва ли не самымъ главнымъ предметомъ; можно не знать катихизиса, священной исторіи, ариѳметики и пр. и между тѣмъ поступить въ семинарію; этимъ-де предметамъ мальчикъ успѣетъ послѣ научиться; но безъ латинскаго языка нѣтъ возможности выбраться изъ училища. Потомъ въ самой семинаріи главными и существенными предметами остаются логика, реторика, психологія и догматическое богословіе. Исключенія въ этомъ случаѣ

бываютъ, если начальникъ благоволитъ къ какому нибудь наставнику и послѣдній желаетъ возвысить свой предметъ; тогда и третьестепенный какой либо предметъ можетъ занять почетное мѣсто. Еще важнѣе становится предметъ второстепенный, или третьестепенный, если самъ начальникъ преподаетъ его; тутъ, разумѣется, предметъ этотъ есть самый важнѣйшій. Такимъ образомъ въ одной изъ академій даже догматическое богословіе поставлено было не на первомъ планѣ единственно потому, что ректоръ преподавалъ не его, а другой предметъ; а въ одной изъ семинарій реторика и философія совсѣмъ было упали, потому что инспекторъ, преподавая Священное Писаніе, заставляетъ учениковъ заниматься имъ однимъ. Но все это есть вещь случайная, высказанное нами выше правило вообще остается неизмѣняемымъ.

И потому предметы, преподаваемыя въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, слѣдуетъ раздѣлить не на первостепенные, второстепенные и третьестепенные, но лучше на *безусловно-уважаемые*, *полу-уважаемые*, или *непрезираемые* и наконецъ на *презираемые*. Конечно съ нѣкотораго времени къ духовнымъ академіямъ, особенно къ петербургской такое раздѣленіе не совсѣмъ приложимо; здѣсь студенты занимаются едва ли не всѣми предметами и успѣхи ихъ по каждому предмету имѣютъ хоть какое нибудь вліяніе на составленіе списковъ и даже на причисленіе къ той, или другой степени. Равнымъ образомъ въ Петербургской и въ другихъ не многихъ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ ни одинъ изъ преподаваемыхъ предметовъ не находится въ полномъ

пренебреженіи. По за то во всѣхъ прочихъ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ второстепенные, а особенно третьестепенные предметы поставлены въ безконечномъ разстояніи отъ первостепенныхъ. Тѣ особенно въ семинаріяхъ почти вполнѣ предоставлены благоусмотрѣнію воспитанниковъ. И еслибы какой либо ученикъ успѣвалъ отлично по главной, а между тѣмъ совершенно нисколько не занимался по прочимъ наукамъ, то онъ большей потери не долженъ опасаться; его не только переведутъ въ слѣдующій классъ, но даже не всегда понизятъ въ общемъ спискѣ хотя бы на одинъ номеръ. По этому общій списокъ почти бываетъ копіею съ списка того предмета, который считается главнымъ. Нѣкоторые инспекторы и ректоры при посѣщеніи комнатъ не въ классическое время сдѣлаютъ замѣчаніе ученику, если онъ занимается второстепеннымъ и особенно третьестепеннымъ предметомъ. *Къ чему это тебѣ?* говорятъ ему; *брось, не занимайся пустяками.* Въ одной изъ духовныхъ академій, конечно нѣсколько лѣтъ тому назадъ инспекторъ, заставши студента во время класса по второстепенному предмету въ комнатахъ для занятія, не дѣлалъ никакого ни выговора, ни замѣченія, если онъ занимался какимъ либо первостепеннымъ предметомъ, особенно тѣмъ, который преподавалъ самъ господинъ начальникъ, даже нерѣдко говаривалось, *хорошо — занимайтесь.* Въ другой академіи преслѣдованіе физикоматематическихъ наукъ дошло даже до нелѣпости. Отдавались прямыя приказанія, чтобы студенты не смѣли заниматься этими безбожными и зловредными для духовнаго юноши науками; и если

какой либо ослушникъ не исполнялъ *сего* отеческаго наставленія, то его считали потеряннымъ человѣкомъ. Ненависть простиралась на все, къ чему ни касался профессоръ математики и физики, — человѣкъ честный почти до ригоризма и усердный къ должности до самоотверженія. Стоило только ему походатайствовать предъ начальниками за какого нибудь студента, стоило ему похвалить кого либо, репутація кліента и похваленнаго погибла.*) Безъ преувеличенія говоримъ, что на занимающихся свѣтскими науками воспитанниковъ смотрѣли и смотрятъ иногда съ какимъ-то подозрѣніемъ, хотя бы они и по главнымъ предметамъ оказывали успѣхи весьма хорошіе. Даже на экзаменахъ не умѣютъ скрыть предъ учениками своихъ мнѣній. Экзамены не по главнымъ предметамъ производятся такъ, чтобы нельзя было только сказать, что ихъ не было; иногда даже и этой формальности не соблюдаютъ. Если же какой либо наставникъ, особенно по свѣтскимъ наукамъ старается во время экзаменовъ высказать и выказать свое усердіе къ наукѣ и успѣхамъ учениковъ въ ней, то за это награждается иногда презрительною улыбкою; иногда даже въ слухъ изволятъ говорить: *охота же заниматься такими пустяками.*

Легко предвидѣть, какія послѣдствія должны

---

*) Присоединяемъ сюда еще новый фактъ, о которомъ мы очень недавно узнали. Профессоръ математики Пой семинаріи въ послужныхъ спискахъ былъ аттестованъ неблагонадежныхъ. На сдѣланный по этому случаю запросъ академическаго правленія семинарское начальство отвѣчало, что неблагонадежнаго профессора можно оставить на службѣ. Почемуже бы? вы спросите. *Потому что предметъ, имъ преподаваемый, не важенъ.* Это было въ 1860 году.

произойти отъ подобной системы, *упорно поддерживаемой* въ теченіе многихъ десятилѣтій. Въ низшихъ духовныхъ училищахъ боязнь подвергнуться наказанію заставляетъ учениковъ хоть иногда заниматься почти всѣми предметами, здѣсь умный и не слабый наставникъ еще можетъ надѣяться, что и второстепенный его предметъ не будетъ вполнѣ учениками опускаемъ. Но въ семинаріяхъ другое уже совсѣмъ дѣло; наставники не имѣютъ въ рукахъ почти никакихъ средствъ заставить учениковъ заниматься своею наукою, а начальники не считаютъ нужнымъ обращать вниманіе на второстепенные и особенно третьестепенные предметы.

Не естественно было бы послѣ этого ожидать, чтобы ученики стали заниматься съ одинаковымъ усердіемъ всѣми предметами, чтобы не посвятили всей своей дѣятельности только главнымъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ приготовляться изъ лекцій каждаго наставника, когда, выслужившись только предъ однимъ, можно занимать высокое мѣсто въ общемъ спискѣ? Поступая иначе, ученики выказали бы чрезмѣрную любознательность, или по крайней мѣрѣ большую недогадливость. Но на дѣлѣ они оказываются, если не любознательными, то весьма догадливыми. Кромѣ исключеній, которыя бываютъ почти изъ всякаго правила, общая масса учениковъ находитъ нужнымъ обращать вниманіе на одни главные предметы. На второстепенные и третьестепенные, если есть возможность, значительная часть даже вовсе не ходитъ въ классъ, не слушаетъ наставника или слушая, не приготовляетъ уроковъ, которые онъ даетъ. Подобнымъ невниманіемъ со

стороны учениковъ пользуются такія даже науки, которыя вполнѣ необходимы для богослова и священника, напр. библейская исторія, чтеніе Священнаго Писанія и пр. *Въ полномъ почти пренебреженіи* находятся такъ называемыя свѣтскія науки, кромѣ реторики и логики. *Самая же малая доля уваженія* достается математикѣ, естественной исторіи, медицинѣ и сельскому хозяйству. Поэтому слишкомъ смѣшно бываетъ слушать жалобы нѣкоторыхъ филантроповъ, которые говорятъ, что здоровье учениковъ духовно-учебныхъ заведеній сильно разстроивается отъ того, что они должны заниматься множествомъ наукъ, имъ преподаваемыхъ. Ниже показаны будутъ настоящія причины этого разстройства; а теперь только скажемъ, что отъ мнимаго множества преподаваемыхъ наукъ ученики не могутъ разстроивать свое здоровье по той весьма основательной причинѣ, что *они большею частію не занимаются ими.*

Напрасно было бы жаловаться въ такомъ случаѣ начальникамъ. Если наставникъ не главнаго, особенно третьестепеннаго предмета рѣшится на это, то при вѣжливости начальника онъ получилъ бы отвѣтъ: *да что вамъ за охота по пустякамъ хлопотать? Вѣдь у нихъ и безъ того дѣла много; ходите въ классъ, жалованье вамъ будетъ выдаваться.* Но иногда можно услышать болѣе суровые отвѣты: такъ одному рьяному наставнику естественной исторіи и сельскаго хозяйства, жаловавшемуся на то, что успѣхи по его наукамъ непринимаются во вниманіе ректоромъ и инспекторомъ при составленіи списковъ, было сказано: *велика нужда заниматься вашимъ навозомъ, и обращать на него*

вниманіе. Желая избѣгнуть подобныхъ комплиментовъ своей наукѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить принятую форму преподаванія т. е. давать уроки и прослушивать ихъ въ классѣ, одни наставники заводятъ очередь между учениками, на основаніи которой человѣка 2—3 обязываются непремѣнно приходить въ классъ, сидѣть при наставникѣ и прочитать ему заданный урокъ. Но иногда и этого не могутъ добиться; даже очередные ученики или неприходятъ вовсе въ классъ, или не выучиваютъ заданныхъ уроковъ. Другіе, пришедши въ классъ, раздѣляютъ урокъ на нѣсколько частей и каждую поручаютъ одному изъ учениковъ выучить; — все таки хоть что нибудь да будетъ знать. Нѣкоторые же требуютъ, чтобы ученикъ или по книгѣ прочиталъ, или повторилъ то, что ему подсказываютъ товарищи. Въ послѣднемъ случаѣ ученику не только позволяется, а даже приказывается стать поближе къ ученическимъ скамьямъ, чтобы слышнѣе были подсказываемыя слова. Не безъ примѣровъ бываетъ, что по нѣкоторымъ наукамъ, особенно по медицинѣ для самыхъ экзаменовъ надобно непремѣнно назначать, кому изъ учениковъ и что приготовлять. Такимъ образомъ весь курсъ медицины нерѣдко состоитъ для каждаго ученика отдѣльно изъ выученной имъ страницы къ экзамену. Право, нельзя никакъ понять, на остновапіи какой логики начальники духовно-учебныхъ заведеній такъ поступаютъ. Вѣдь если высшее начальство нашло нужнымъ ввести какой бы то ни было предметъ; то это сдѣлано не для того единственно, чтобы увеличить число наставниковъ, цифру расхода,

и чтобы ученикъ выучилъ за полгода, или за годъ страницы двѣ или три и, потомъ тотчасъ ихъ забылъ. *За тѣмъ свой произволъ ставить выше распоряженій высшаго начальства?*

Послѣ тѣхъ поощреній, которыя, какъ сейчасъ было замѣчено, получаются иногда наставниками не главныхъ предметовъ, не удивительно, если они не отличаются особеннымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Скажите, Боже ради, зачѣмъ имъ приготовлять уроки, когда знаютъ, что ихъ или никто не станетъ слушать, или не придетъ къ нимъ одной пятой, а иногда и десятой части учениковъ, а иногда если кто и придетъ, то не станетъ приготовлять уроковъ, кромѣ немногихъ исключеній? Какъ и что ни говорите, а подобное положеніе хотъ у кого отобьетъ охоту заниматься наукою. Но вредное вліяніе, происходящее отъ этого, распространяется на наставниковъ и по главнымъ предметамъ. Они, зная, что второстепенная ихъ братія находитъ возможнымъ ограничивать свои педагогическія занятія появленіемъ въ классъ, подписываніемъ классическаго журнала и исполненіемъ другихъ оффиціальныхъ, вовсе не обременительныхъ обязанностей, естественно приходятъ къ мысли: *почему же и имъ не избрать такой же благой части? Зачѣмъ и имъ обременять себя приготовленіемъ и объясненіемъ лекцій?* Предметъ ихъ главный; ученики станутъ имъ заниматься. Не лучше ли послѣдовать примѣру своихъ второстепенныхъ собратій? И легче и пріятнѣе. Съ другой стороны ученики, привыкши не ходить въ классы по второстепеннымъ предметамъ, или не слушать и не повто-

рять уроковъ, опять тоже самымъ естественнымъ образомъ доходятъ до мысли: нельзя ли имъ иногда не пойти на главный предметъ? Нельзя ли и тутъ или не слушать, что въ классѣ говорится или не повторять уроковъ? Примѣры иногда бываютъ удивительно какъ заразительны!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Замѣчанія о преподаваніи богословскихъ наукъ.

Пренебреженіе, въ которомъ находятся такъ называемыя свѣтскія науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, повидимому, должно бы ручаться за то, что науки богословскія изучаются здѣсь самымъ лучшимъ образомъ. Гдѣ же и ожидать этого, какъ не въ духовныхъ училищахъ? Да и сколько остается времени на изученіе ихъ? Но и здѣсь заключеніе, выведенное a priori, оказывается несправедливымъ, когда его разсматривать a posteriori. Конечно не блистательны успѣхи въ духовныхъ училищахъ по свѣтскимъ наукамъ; но съ другой стороны вовсе нельзя сказать, чтобы и богословскія науки были изучаемы удовлетворительнымъ образомъ. Въ предыдущей главѣ былъ сдѣланъ намекъ, какимъ образомъ принятая въ духовныхъ училищахъ теорія о значеніи первостепенныхъ и второстепенныхъ предметовъ имѣетъ вредное вліяніе на главныя и, значитъ, на богословскія науки. Кромѣ того преподаваніе послѣд-

нихъ, какъ выше было замѣчно, не можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что преподаватели ихъ, — иноки-наставники занимаютъ только временно ввѣренныя имъ должности, обремены множествомъ другихъ обязанностей, считаютъ наставническую должность не главнымъ своимъ занятіемъ, а только придачею къ начальнической, или переходомъ къ высшимъ іерархическимъ степенямъ. Но даже и безъ этого недостаточные успѣхи по богословскимъ предметамъ зависятъ отъ многихъ причинъ, которыя заключаются или въ нихъ же самихъ, или въ методѣ преподаванія ихъ.

Отдѣленіе первое.

О причинахъ, которыя препятствуютъ успѣшному изученію всѣхъ вообще богословскихъ наукъ.

Къ богословскимъ наукамъ мы относимъ всѣ предметы которые имѣютъ тѣсную связь съ богословіемъ, т. е. не только богословскія науки, но и относящіяся къ библейской и церковной исторіи и къ такъ называемой церковности. На этомъ основаніи къ богословскимъ наукамъ, преподаваемымъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, принадлежатъ: *Начатки христіанскаго ученія, состоящія изъ двухъ частей Св. Исторіи и краткаго Катихизиса, Церковный Уставъ, Пространная Св. Исторія, Пространный Катихизисъ, Ученіе о богослуженіи Православной Церкви, Объясненіе воскресныхъ Евангелій, Объясненіе воскресныхъ Апостоловъ;* всѣ эти предметы преподаются въ

низшихъ духовныхъ училищахъ. Далѣе читаются въ семинаріяхъ: *Православное Исповѣданіе, извѣстное подъ именемъ Катихизиса Петра Могилы, Герменевтика, Св. Писаніе, Ученіе о богослужебныхъ книгахъ, Библейская Исторія, Церковная Исторія, Исторія Русской Церкви, Патристика, Ученіе о богослуженіи Православной Церкви, называемое здѣсь Археологіею Догматическое Богословіе, Гомилетика, или Церковное краснорѣчіе, Нравственное Богословіе, Пастырское Богословіе, Обличительное Богословіе, Ученіе о раскольникахъ, Каноническое Право, Литургика;* всего до 25 наукъ. Эта программа показываетъ, какъ обширно преподаются у насъ богословскія науки въ духовныхъ училищахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сказать, чтобы въ ней не было ничего лишняго и обременительнаго. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній касательно этого предмета.

1. При поверхностномъ даже разсмотрѣніи богословскихъ наукъ, изучаемыхъ въ духовныхъ училищахъ, видно, что нѣкоторыя изъ нихъ преподаются по нѣскольку разъ, напр. читается сокращенный Катихизисъ въ низшемъ, пространный въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ училища, потомъ катихизисъ Петра Могилы въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Когда, по бумагамъ покрайней мѣрѣ, приходскія училища считались отдѣльными отъ уѣздныхъ; то хоть, повидимому, была какая-то причина имѣть и особый катихизисъ для учениковъ приходскаго училища. Но и въ то время, кромѣ слишкомъ немногихъ исключеній, всѣ приходскія училища были соединены съ уѣздными, и развѣ не многіе ученики ограничивали,

такъ сказать, свой курсъ первыми; поэтому и тогда не было надобности преподавать сначала одинъ катихизисъ, а потомъ другой по пространнѣе. Въ настоящее же время, даже по канцелярскимъ бумагамъ, оффиціальнымъ образомъ приходскихъ училищъ почти нигдѣ уже не существуетъ; находятся одни только духовныя и уѣздныя училища. Зачѣмъ же теперь оставлять въ нихъ два катихизиса? Не лучше ли дать одинъ, который бы написанъ былъ такъ, чтобы его понимали и малыя и большія дѣти? Еще больше обстоятельствъ можно выставить противъ преподаванія катихизиса Петра Могилы. Здѣсь мы непремѣнно впадемъ въ дилемму: или этотъ катихизисъ заключаетъ въ себѣ множество важнѣйшихъ истинъ православнаго ученія, которыя не внесены въ пространный; или тотъ и другой говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Допустивши первое, надобно будетъ признать пространный катихизисъ не полнымъ и слѣдовательно его нужно пополнить. А если принять послѣднее, то по неволѣ является вопросъ: зачѣмъ же объ однихъ и тѣхъ же предметахъ въ одинаковомъ почти объемѣ и въ одинаковой формѣ говорить въ двухъ отдѣльныхъ наукахъ? Такимъ образомъ вмѣсто трехъ катихизисовъ достаточно было бы преподавать одинъ пространный; катихизисъ же Петра Могилы, какъ замѣчательный памятникъ Христіанской письменности, долженъ принадлежать къ христіанской литературѣ, а не составлять предмета особеннаго изученія, или лучше заучиванія. Точно такое замѣчаніе нужно сдѣлать относительно священной, или библейской исторіи. Она тоже является въ трехъ

видахъ, или лучше въ трехъ книгахъ, именно подъ названіемъ краткой и пространной священной исторіи, преподаваемыхъ въ низшихъ училищахъ и библейской въ семинаріяхъ. Для училищъ предостаточно было бы преподать одну пространную Священную Исторію.

2. Предѣлы между отдѣльными богословскими науками не вездѣ строго разграничены и потому многіе предметы повторяются безъ всякой нужды въ разныхъ наукахъ. Такъ напр. всѣ пять безъ исключенія таинства можно встрѣтить въ каждомъ изъ трехъ катихизисовъ; послѣ въ догматическомъ и нравственномъ богословіяхъ и въ археологіи. Вѣдь, конечно въ краткомъ и особенно пространномъ катихизисѣ напр. крещеніе опредѣлено самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Зачѣмъ же теперь тоже самое опредѣленіе повторять еще четыре раза и даже шесть, только нѣсколько въ другихъ словахъ? Развѣ нельзя удовольствоваться тѣмъ опредѣленіемъ, которое сдѣлано въ пространномъ катихизисѣ. Далѣе церковная археологія имѣетъ своимъ предметомъ объяснить, какимъ образомъ обрядовая часть православнаго вѣроисповѣданія не только постепенно развивалась въ теченіи христіанской эры, но и въ какомъ отношеніи находится, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ обрядамъ Ветхозавѣтной Церкви. Между тѣмъ въ библейской и церковной исторіи четвертый отдѣлъ каждаго непремѣнно вѣка подъ названіемъ: *обряды и богослуженіе* говоритъ также, какимъ измѣненіямъ обрядовая часть подвергалась въ то время. Очевидно, или археологіи нѣтъ надобности преподавать, или изъ исторіи надобно исклю-

чить весь этотъ отдѣлъ. Наконецъ патристика между прочимъ излагаетъ жизнеописанія тѣхъ отцовъ и учителей церкви, которыхъ сочиненія составляютъ предметъ ея. Но краткая перечень этихъ сочиненій, равно какъ описаніе жизни — сочинителей опять также излагается въ двухъ отдѣлахъ церковно-библейской исторіи. Подобныхъ замѣчаній весьма много бы можно сдѣлать относительно другихъ богословскихъ наукъ, особенно же относительно многихъ предметовъ; такъ напр. во скольких мѣстахъ говорится о грѣхопаденіи праотцевъ, о воплощеніи Сына Божія, о благодати, о растлѣніи и поврежденіи природы человѣка, объ искушеніяхъ діавола, о соблазнахъ міра и пр. и пр. Зачѣмъ же вооружаться противъ такого повторенія? нѣкоторые по всей вѣроятности скажутъ. Не слѣдуетъ ли о столь важныхъ предметахъ, какъ можно чаще напоминать? Не слѣдуетъ ли къ нимъ приложить латинское изрѣченіе: repetitio est mater studiorum? Но этого лучше достигнуть можно, если какой нибудь предметъ, основательно изложивши его въ какой либо наукѣ, заставлять почаще повторять, нежели, говоря о немъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ наукахъ различными словами, въ различномъ объемѣ, затруднять учениковъ заучиваніемъ его. Эта мысль тѣмъ болѣе справедлива, что учебники богословскихъ наукъ не любятъ отличаться ясностію, удобопонятностію и приспособленіемъ къ дѣтскому возрасту, какъ это сейчасъ объяснится.

3. Предметомъ богословскихъ наукъ служатъ столь возвышенныя истины, что онѣ, по выраженію самыхъ богослововъ, недоступны даже зрѣлому раз-

судку; въ этихъ наукахъ содержится ученіе о таинствахъ, которыя, по ученію церкви, не могутъ быть постигнуты разсудкомъ, излагается мистическое и аллегорическое значеніе многихъ предметовъ, которыя нельзя изъяснить удобопонятно. Такимъ образомъ при самомъ ясномъ изложеніи изученіе богословскихъ наукъ по своему содержанію бываетъ вовсе не легко; таинства, аллегоріи, истины выше человѣческаго разума не усвояются также удобно, какъ разсказъ объ историческихъ событіяхъ и видимыхъ явленіяхъ природы. Но это затрудненіе еще увеличивается отъ слога, которымъ писана большая часть богословскихъ учебниковъ. Прежде всего, по принятому обычаю изрѣченія Св. Писанія, приводимыя въ доказательство какихъ бы то ни было истинъ, *должны быть заучиваемы слово въ слово* (usque ad litteram) *на славянскомъ языкѣ.* Конечно этотъ языкъ для взрослыхъ и ученыхъ мужей нельзя назвать вполнѣ непонятнымъ, но и изъ нихъ нерѣдко нѣкоторые затрудняются въ пониманіи многихъ мѣстъ Св. Писанія единственно по причинѣ славянскаго текста. Чтоже теперь сказать о малыхъ дѣтяхъ, которыя должны буквально заучивать довольно длинныя цитаты на славянскомъ языкѣ? Неужели кто либо будетъ утверждать, что въ этомъ для нихъ нѣтъ затрудненія, когда они длинные періоды даже на русскомъ языкѣ не всегда понимаютъ? Далѣе авторы богословскихъ учебниковъ большею частію по своему званію и настроенію, по своимъ убѣжденіямъ и духовнымъ занятіямъ не находятъ возможности ниспускаться въ сферу дѣйствительной жизни и слѣдить

за современнымъ ходомъ литературы. Погруженные въ созерцаніе религіозныхъ предметовъ, получая о нихъ понятіе изъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, они естественно усвояютъ его себѣ и не могутъ выражаться тѣмъ разговорнымъ, или литературнымъ языкомъ, который доступенъ для всякаго возраста. Короткое знакомство съ латинскими писателями приноситъ еще сюда обыкновеніе придерживаться латинской конструкціи, отсылая основный глаголъ къ концу періода, вставляя придаточныя мысли въ средину его и пр. Наконецъ обиліе мыслей, желаніе быть краткимъ и выражаться какъ можно опредѣленнѣе, заставляютъ писателей-богослововъ прибѣгать къ такимъ періодамъ, надъ которыми можетъ призадуматься и взрослый человѣкъ. Послѣ этого зачѣмъ удивляться, что языкъ, на которомъ пишется большая часть богословскихъ учебниковъ, можно назвать скорѣе *славяно-русскимъ*, даже *славяно-латинскимъ*, нежели чисто *русскимъ*, и что учиться по такимъ книгамъ не легко и взрослымъ ученикамъ. Этимъ мы вовсе не охуждаемъ самыхъ сочиненій, не вооружаемся противъ обыкновенія авторовъ держаться такого языка; *можетъ быть такъ и должно быть, можетъ быть иначе и выражаться нельзя о богословскихъ предметахъ;* вѣдь лѣтъ за тридцать и особенно за пятьдесятъ былаже общая увѣренность въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, что богословскія и философскія науки только и можно выражать на латинскомъ языкѣ, что русскій языкъ для этого еще недостаточно развитъ; даже русской словесности учили тогда на латинскомъ языкѣ. Можетъ быть, и нынѣ

есть тоже убѣжденіе о неразрывной связи между славянскимъ языкомъ и богословскими науками. Справедливо или нѣтъ такое мнѣніе, не утверждаемъ. Мы говоримъ только о трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ учениковъ при изученіи богословскихъ наукъ. Дѣти не умѣютъ постигнуть, что истина не теряетъ своего достоинства, будучи выражена не на русскомъ, а на славянскомъ языкѣ, что возвышенныя, недоступныя истины, должны быть, по мнѣнію многихъ, выражаемы тоже языкомъ возвышеннымъ и не слишкомъ понятнымъ. Дѣти только чувствуютъ, какъ трудно учить уроки, касающіеся возвышенныхъ истинъ и написанные высокимъ славянскимъ языкомъ. Обязанные непремѣнно твердить слово въ слово тексты Св. Писанія, а нерѣдко и слова самаго учебника, не понимая ихъ, не умѣя выражать своими словами того, чего не понимаютъ, они естественно все должны заучивать на память. Если къ этому еще прибавить, что уроки, какъ выше было замѣчено, слишкомъ часто вовсе не объясняются, что наставники требуютъ буквальнаго заучиванія ихъ; то что остается дѣлать мальчику, какъ не взять книгу, читать ее и перечитывать, заучивать и переучивать и наконецъ добиться до того, что, не понимая содержанія ея, затвердить слова, въ ней содержащіяся. Представьте же себѣ теперь, что иногда, какъ сейчасъ было сказано, объ одномъ и томъ же предметѣ говорится не въ двухъ, или трехъ, а даже въ шести и болѣе мѣстахъ и притомъ *различно непонятными словами*, что всю эту *различную непонятность* мальчику нужно заучивать слово въ слово; неужели и послѣ этого въ

приложеніи къ нему можно будетъ сказать: repetitio est mater studiorum? При этомъ мальчикъ или отъ другихъ можетъ услыхать, или даже узнать собственнымъ опытомъ, что прочія книги, особенно издаваемыя нынѣ, писаны и для него удобопонятнымъ языкомъ. Неужели и ему, хотя онъ мальчикъ, не можетъ притти въ голову мысль, почему бы для него затруднительные учебники не излагать также ясно, какъ и прочія книги? *Не появится ли у него охота взяться за то, что онъ понимаетъ и оставить то, чего не понимаетъ?*

Отдѣленіе Второе.

Отдѣльныя замѣчанія о преподаваніи нѣкоторыхъ богословскихъ наукъ, напр. Церковнаго Устава, Объясненій воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ и пр.

Кромѣ общихъ причинъ, затрудняющихъ изученіе богословскихъ наукъ, есть много, такъ сказать, частныхъ обстоятельствъ, которыя касаются не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ почему найдено здѣсь не излишнимъ сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній о преподаваніи различныхъ богословскихъ наукъ и именно:

1. *Устава Церковнаго.* — Никто, конечно, не станетъ утверждать, что, священно-церковно-служителямъ, равно какъ готовящимся быть ими нѣтъ надобности знать церковный уставъ. Въ противномъ случаѣ какое выйдетъ замѣшательство при богослуженіи, которое разнообразится примѣнительно почти

къ каждому дню, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ частяхъ своихъ? Но напрасно думаютъ, что узнать это слишкомъ трудно. Сколько есть людей не только между духовенствомъ, но даже простымъ народомъ, которые церковную службу и порядокъ ея знаютъ, можно сказать, въ совершенствѣ, пріобрѣтши эти свѣдѣнія не ученіемъ, или заучиваніемъ, а одною практикою. Далѣе между богослужебными книгами есть одна называемая *уставомъ*, книга огромная, въ которой порядокъ церковной службы объясняется самымъ подробнымъ образомъ, предвидѣны всѣ возможныя исключенія и отступленія; кромѣ того для нѣкоторыхъ службъ, какъ напр. великотостной и пасхальной есть особенные указатели, отдѣльные совершенно уставы. И потому стоитъ только всѣ такія книги взять за руководство; порядокъ церковной службы легко можетъ сдѣлаться извѣстнымъ. Но какъ это сдѣлать? Едва ли самый отчаянный любитель церковнаго устава потребуетъ, чтобы не только какой либо мальчикъ, но даже посѣдѣвшій причетникъ, или священникъ зналъ весь уставъ на память и не имѣлъ нужды обращаться къ печатной книгѣ. Эта работа не только слишкомъ трудна, но и невозможна, а главное не нужна; даже такъ называемые *монастырскіе уставщики*, и тѣ не считаютъ для себя унизительнымъ обращаться къ печатнымъ книгамъ, чтобы слѣдить за порядкомъ и правильностію службы. Лучшій способъ для изученія устава, если его нужно преподавать въ низшихъ духовныхъ училищахъ долженъ состоять въ томъ, чтобы научить учениковъ, какимъ образомъ при помощи

книги, называемой уставомъ, узнавать порядокъ службы. Для этого въ каждомъ классѣ, гдѣ преподается уставъ, во время урока должно находиться столько книгъ, чтобы доставало ихъ на трехъ, или четырехъ человѣкъ по одной. Обязанность учителя состоитъ только въ томъ, чтобы указывать, какимъ образомъ пользоваться этими книгами и испытывать учениковъ, понялиль они указанное имъ правило. Затѣмъ практика въ церквахъ при богослуженіи окончательно сдѣластъ всякаго опытнымъ въ этомъ въ дѣлѣ. По этой причинѣ и преподаваніе устава должно быть не въ дѣтствѣ, а тогда, когда воспитанники повозмужаютъ. Къ этому времени они уже изъ практики многое будутъ знать; далѣе, поступивши вскорѣ на мѣсто, не успѣютъ еще забыть какъ пользоваться уставомъ. Обратимся теперь къ тому, какъ въ настоящее время преподается уставъ. О томъ, чтобы у учениковъ было достаточное количество книгъ кажется, еще никто не думалъ; хорошо, если догадливый учитель добудетъ одинъ экземпляръ въ какой либо церкви и принесетъ его въ классъ. Но и въ этомъ случаѣ показывая четыремъ, или пяти человѣкамъ, какъ пользоваться книгою, онъ принужденъ оставлять прочихъ безъ всякаго дѣла. Такимъ образомъ при 40—50 человѣкахъ, онъ долженъ повторить одно и тоже дѣло до 10 разъ и слѣдовательно употребить десять классовъ на то, что могъ бы сдѣлать въ одинъ. Но, повторимъ, книги приносятся слишкомъ рѣдко въ классъ, а изученіе устава состоитъ въ томъ, что къ ряду выписываютъ заглавія молитвъ, ектеній, псалмовъ, также стихиръ, тропарей и проч.,

какъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ какой либо церковной службѣ и все это заставляютъ учениковъ заучить къ ряду на память. Чтобы судить о трудности и безполезности этой работы, представляемъ здѣсь отрывокъ изъ подобныхъ лекцій. *Послѣдованіе утрени повседневной. „По отверстіи занавѣсы царскихъ врать іерей глаголетъ: благословенъ Богъ нашъ, (и кадитъ алтарь и иконы по обычаю). Чтецъ: Аминь, Трисвятое, Отче нашъ. Іерей: яко твое есть царство. Чтецъ, Аминь, Господи помилуй 12 разъ, слава и нынѣ, псалмы: услышитъ тя Господь, Господи силою твоею, слава и нынѣ, Трисвятое, Отче нашъ; возгласъ; — чтецъ: аминь, тропарь — спаси Господи, слава, кондакъ — вознесыйся на крестъ и нынѣ богородиченъ — предстательство страшное, ектенія: помилуй насъ Боже; возгласъ: яко милостивъ, чтецъ: Аминь, именемъ Господнимъ благослови Отче. Іерей: слава святый; чтецъ: Аминь и чтетъ шестопсаліе и пр.“* Судите, сколько усилій нужно, чтобы заучить всѣ эти слова въ слово тому, кто не знаетъ порядка службы; прибавьте еще множество словъ, или взятыхъ съ греческаго языка или славянскаго, но за всѣмъ тѣмъ не употребительныхъ, напр. *экзапостиларій, кеинаксарь, сѣдаленъ, изобразительныя, икосы, антифоны, ипакои, свѣтильны* и пр. Если къ этому присоединить еще, что уставъ преподается въ среднемъ отдѣленіи уѣзднаго училища мальчикамъ 11—14 лѣтъ; то сколько труда имъ нужно употребить, чтобы заучивать на память подобныя лекціи? А между тѣмъ весь трудъ остается вполнѣ безполезнымъ; мальчикъ, выучившій даже весь уставъ, все-

таки не умѣетъ пользоваться книгою, называемою уставомъ; чрезъ самое короткое время все выученное забываетъ и къ окончанію курса у него не остается въ памяти ровно ничего, точно такъ, какъ будто онъ вовсе не обучался уставу. Многіе предметы, преподаваемые въ духовныхъ училищахъ, остаются безполезными для учениковъ отъ несчастнаго обыкновенія все затверживать на память. Но, кажется, безъ преувеличенія можно сказать, что *теперешняя методa преподавать уставъ церковный есть самая безполезная, самая безтолковая и вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не самая обременительная.*

2. *Объясненіе воскресныхъ Евангелій.* Учебникъ, по которому преподается эта вѣтвь богословскихъ наукъ въ низшихъ духовныхъ училищахъ, составленъ слѣдующимъ образомъ. Сначала напечатано какое либо воскресное Евангеліе и, вѣроятно, для внушенія къ нему большаго уваженія церковнымъ шрифтомъ. Затѣмъ слѣдуетъ изъясненіе, т. е. берется нѣсколько словъ, названій, или мыслей изъ Евангелія, о которыхъ дѣлается замѣчаніе въ нѣсколькихъ строкахъ. За изъясненіемъ слѣдуетъ отдѣлъ подъ названіемъ *втроученія*, въ которомъ выставляется какой либо догматъ, будто бы подтверждаемый объясняемымъ Евангеліемъ. Наконецъ все оканчивается нравоученіемъ, въ которомъ выводится нѣсколько нравственныхъ правилъ, вытекающихъ будтобы изъ объясненнаго Евангелія. На изъясненія авторъ очень щердъ; въ иномъ Евангеліи темныхъ мѣстъ онъ находитъ до десяти; но по части догматическаго и нравственнаго богословій является очень скупымъ;

болѣе трехъ догматовъ и нравоученій никакъ не хочетъ вывести изъ Евангелія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничивается даже однимъ. Разумѣется, изъясненіе, нравоученіе и вѣроученіе напечатаны уже гражданскимъ шрифтомъ. Вотъ, такъ сказать, *казенная*, или если угодно, схоластическая форма разсматриваемаго учебника! Во самомъ дѣлѣ какъ не дать ей подобнаго названія? Неужели изъ каждаго Евангелія можно извлечь никакъ не болѣе трехъ догматическихъ истинъ и нравственныхъ правилъ? Неужели можно извлечь тѣ только именно догматы и нравоученія, которыя автору угодно было вывести? Неужели напр. изъ Евангелія о женѣ самарянской нельзя вывести того нравоученія, что не должно пренебрегать человѣкомъ, къ какому бы вѣроисповѣданію или народу онъ ни принадлежалъ? и между тѣмъ авторъ его-то и не тронулъ. Неужели этими приставленными, а иногда, такъ сказать, пришитыми нравоученіями Евангеліе дѣйствительно объясняется? Много бы еще можно прибавить подобныхъ вопросовъ; но извините за повторенія: *казенная, или схоластическая форма слишкомъ ясна.* Впрочемъ оставляя ее даже въ сторонѣ, надобно сказать, что объясненіе воскресныхъ Евангелій для духовныхъ училищъ совершенно не нужно. Оно было бы полезно, даже необходимо для воспитанниковъ тѣхъ училищъ, которымъ вовсе почти не преподается никакихъ богословскихъ наукъ, ни даже пространнаго катихизиса, или сокращенной священной исторіи, какъ напр. для такъ называемыхъ входящихъ нынѣ въ моду воскресныхъ школъ. Тутъ дѣйствительно вовсе не излишне

для мальчика услышать объясненіе читаннаго Евангелія, если только оно дѣйствительно непонятно. Но и въ такомъ случаѣ надобно совершенно измѣнить казенную и схоластическую форму учебника. Пусть одно живое слово умнаго преподавателя разрѣшаетъ могущее родится въ душѣ мальчика недоумѣніе; пусть оно помогаетъ только его недогадливости; пусть нравоученія не вытягиваются по мѣркѣ, а вытекаютъ сами собою изъ разсказа Евангельскаго! Право, нравственныя правила, высказываемыя безъ казенныхъ формъ, гораздо сильнѣйшее производятъ впечатлѣніе, нежели какъ они выведены въ разбираемомъ учебникѣ. Но зачѣмъ теперь объясненіе воскресныхъ Евангелій въ духовныхъ училищахъ, когда ученикамъ постепенно преподается полный курсъ богословскихъ наукъ и обширная не только священная, но и вмѣстѣ церковно-библейская исторія? Зачѣмъ составлять отдѣльную науку изъ объясненій Евангелій, когда преподается герминевтика и чтеніе Св. Писанія, гдѣ всѣ затруднительныя мѣста должны быть объяснены? Зачѣмъ извлекать, иногда даже довольно насильственно, различныя нравоученія изъ каждаго отдѣльнаго Евангелія и разбросать ихъ, такъ сказать, по цѣлой книгѣ, безъ всякаго порядка и системы, съ неизбѣжными повтореніями, когда нравственныя христіанскія правила систематически преподаются сокращенно въ катихизмѣ и пространно въ нравственномъ богословіи? Зачѣмъ еще извлекать вѣроученіе изъ каждаго Евангелія часто съ большою натяжкою, безъ должнаго объясненія и доказательства, когда опять всѣ догматы православной церкви изла-

гаются во многихъ наукахъ, напр. въ катихизисѣ и особенно въ догматикѣ? Кромѣ того вовсе не излишнее здѣсь дѣло обратить вниманіе на тотъ, такъ сказать, механизмъ, посредствомъ котораго содержаніе разсматриваемаго учебника переходитъ въ голову учениковъ. Наставники оказались довольно благоразумными для того, чтобы не заставлять мальчиковъ заучивать евангельскій текстъ слово въ слово. Во время чтенія уроковъ ученикъ обязанъ самое Евангеліе читать по книжкѣ; и когда встрѣтитъ значекъ буквы *а*, *б* и пр.; то, положивши книжку, долженъ читать на память то объясненіе, которое авторъ книги почелъ необходимымъ присоединить къ Евангелію. По прочтеніи объясненія опять читается текстъ по книгѣ до другаго значка, потомъ на память — объясненіе, стоящее подъ этимъ значкомъ и т. д. Когда же такимъ образомъ будутъ прочтены весь евангельскій текстъ и прибавленныя къ нему объясненія; то читаются на память нравоученія и вѣроученія. Смотря со стороны, можно подумать, что все это дѣляется и дѣлалось очень благоразумно. Мальчикъ читаетъ евангельскій текстъ, останавливается на затруднительномъ мѣстѣ объясняетъ его, опять принимается за текстъ и такъ далѣе, и въ заключеніе, будто обдумавъ все содержаніе Евангелія, выводитъ изъ него нравственныя правила. Но надобно взглянуть на то, какъ дѣлается *эта мнимо-разумная подготовка*. Мальчикъ, возвратясь изъ класса, беретъ учебное руководство, отыскиваетъ заданное ему Евангеліе. Оно ему въ классѣ не было объяснено, даже содержаніе его не было разсказано; самъ онъ не находитъ нуж-

нымъ не только понять, но даже прочитать его; зачѣмъ эта излишная работа? Вѣдь учитель заставить его читать евангельскій текстъ по книжкѣ. И вотъ мальчикъ, не только не понимая, но даже часто не зная содержанія Евангелія, принимается его для себя объяснять и выводить изъ него нравоученія и вѣроученія, т. е. заучиваетъ къ ряду все, что напечатано гражданскимъ шрифтомъ. Если бы даже свѣдѣнія, заключающіяся во всемъ этомъ, были дѣйствительно полезны и только въ этомъ мѣстѣ сообщались, а не въ другихъ какихъ либо наукахъ, то могутъ ли они остаться въ головѣ мальчика при описанномъ сейчасъ механизмѣ? Ихъ заучатъ, прочитаютъ, повторятъ и послѣ, разумѣется, забудутъ, такъ что отъ всего заучиванія этого учебника останется только воспоминаніе о томъ, какъ трудно было механически заучивать объясненія на то, что не понято и не прочитано.

3. *Объясненія воскресныхъ Апостоловъ.* Въ воскресныхъ Евангеліяхъ преимущественно заключаются историческія событія, описанныя Евангелистами, или притчи и проповѣди Спасителя, большею частію весьма понятныя. Но въ воскресныхъ Апостолахъ, какъ и вообще въ апостольскихъ посланіяхъ, кромѣ немногихъ исключеній, рѣдко излагается что либо историческое; и потому они для уразумѣнія гораздо труднѣе, нежели Евангелія; Апостолы, заимствованные изъ Посланія къ Евреямъ, не всегда даже могутъ быть поняты взрослыми людьми. И если затруднительно ученіе воскресныхъ Евангелій, то не гораздо ли должно быть затруднительнѣе объясненіе Апостоловъ,

хотя бы они точно также объяснялись, какъ Евангелія? Но дѣло затрудняется еще отъ методы, которой слѣдуютъ при объясненіи Апостоловъ. Казеннаго учебника по этому предмету нѣтъ. Учебныя руководства заключаются въ рукописяхъ, составленныхъ различными авторами, но большею частію по одной и той же методѣ. Образцами для этого избраны такъ называемые толковники (interpraetatores) Св. Писанія. Метода, употребляемая ими, лучше всего видна будетъ изъ примѣра. Положимъ, что надобно объяснить первый стихъ Евангелія отъ Іоанна: *Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово.* Толковникъ въ этомъ случаѣ сталъ бы разсматривать, что такое значитъ *въ началѣ*, сказалъ бы, что это слово употребляется въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія, напр. въ первомъ стихѣ книги Бытія: *Въ началѣ Богъ сотвори небо и землю*, разсмотрѣлъ бы въ томъ ли, или другомъ значеніи надобно принимать слово *въ началѣ* въ первомъ стихѣ Евангелія отъ Іоанна. Затѣмъ обратился бы къ слову: *Слово;* непремѣнно упомянулъ бы, что оно по гречески выражается *λόγος*, объяснилъ бы многоразличныя значенія его, перешелъ бы къ тому, почему подъ нимъ надобно разумѣть Второе Лице Святыя Троицы, привелъ бы нѣсколько мѣстъ, гдѣ оно употребляется въ такомъ же значеніи и т. д. Все это, конечно, очень хорошо и для полнаго пониманія Св. Писанія, можетъ быть, вполнѣ необходимо; но едва ли не всякій согласится, что такихъ толковниковъ можетъ читать съ пользою только человѣкъ, знакомый не съ однимъ богословіемъ и библейскою исторіею, но даже

съ филологіею, что подобныя объясненія не могутъ быть напасаны увлекательно для дѣтскаго возраста, что читать ихъ можетъ только человѣкъ, убѣжденный въ томъ, что *ему нельзя ихъ не читать*, что онъ обязанъ это дѣлать. Этой-то почти методы держались составители рукописныхъ учебныхъ руководствъ, по которымъ преподается объясненіе воскресныхъ Апостоловъ. Легко уже понять, какія должны произойти послѣдствія отъ подобной методы. Можетъ ли подобный учебникъ не быть утомителенъ для мальчика, когда и взрослый человѣкъ читаетъ его не съ наслажденіемъ? Подготовленъ ли ученикъ высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, чтобы понимать такой учебникъ, для котораго нужны догматика, герминевтика, филологія и пр. Прибавьте къ этому, что въ классѣ вовсе не бываетъ объясненій, что мальчикъ долженъ самъ себѣ прояснить все; написанное иногда съ большими ошибками и пропусками. Какихъ трудовъ ему будетъ стоить затверживаніе на память? Лучше всего представляемъ здѣсь отрывокъ, по которому можно составить понятіе о трудности изученія: отрывокъ взятъ изъ Апостола въ 15-ю недѣлю по пятидесятницѣ 2 Кор. 4 гл. 6—15.

„Здѣсь Апостолъ разсуждаетъ о благотворныхъ дѣйствіяхъ благодатнаго свѣта Христова на сердце человѣка. 6-й этихъ *яко Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ къ просвѣщенію разума славы Божіей о лицы Іисусѣ Христовѣ.* Богъ который при сотвореніи міра рекъ: да возсіяетъ изъ тьмы, покрывающей землю, чувственный свѣтъ къ просвѣщенію тварей, сей же Богъ *егда*

пріиде кончина лѣта, т. е. ветхаго завѣта, послалъ другой свѣтъ, *иже возсія въ сердцахъ нашихъ о лицѣ Іисусѣ Христовѣ*, т. е. чрезъ воплощеннаго Сына Божія Господа Нашего Іисуса Христа, *къ просвѣщенію разума славы Божіей*, т. е. дабы, просвѣтившись симъ свѣтомъ, мы познали славу Божію, т. е. единосущнаго и тріипостаснаго Бога. Ст. 7. *Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ. Имамы сокровище сіе*, т. е. благодатный свѣтъ Богопознанія, *въ скудельныхъ сосудахъ*, т. е. въ смертныхъ и немощныхъ человѣкахъ, *да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ*, дабы увѣровалъ міръ, что не мы Апостолы, но всемощая сила Божія распространила сіе спасительное просвѣщеніе міра."

Попробуйте, любезный читатель, заучить выписанный нами отрывокъ. Но вѣдь вы уже взрослый человѣкъ; поручите лучше это сдѣлать вашимъ маленькимъ дѣтямъ, и спросите ихъ легко ли имъ было выучить такую лекцію? Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сдѣлать тѣхъ замѣчаній, которыя высказаны касательно воскресныхъ Евангелій, т. е. что со временемъ ученику семинаріи преподается герминевтика, чтеніе св. Писанія, объясняются трудныя мѣста, если онѣ встрѣчаются въ воскресныхъ Апостолахъ; словомъ сказать все преподается ему, что поможетъ ему понять воскресные Апостолы безъ того учебника, который написанъ à la Hunnius, à la Cornelius, à la Lapide, à la Rosenmüller и пр. Зачѣмъ же мальчика обременять тѣми тяжкими уроками, которые со временемъ, не очень отдаленнымъ, будутъ понят-

ны ему раціональнымъ образомъ и которые между тѣмъ для него теперь остаются совершенно безполезными?

4. *Ученіе о богослуженіи Православной Церкви.* Въ учебникѣ по этой наукѣ, назначенномъ для высшаго отдѣленія низшихъ духовныхъ училищъ, изложены въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдующіе предметы: описаны всѣ богослужебныя дѣйствія, которыя совершаются въ Православной церкви, показано, гдѣ нужно и можно, догматическое, нравственное, даже аллегорическое значеніе ихъ, объяснены нѣкоторыя части службъ, замѣчательнѣйшія молитвы, даже отдѣльныя слова; словомъ сказать: прочитавши эту книгу, разумѣется человѣкъ, достаточно подготовленный къ попиманію ея, пойметъ значеніе и смыслъ всѣхъ Божественныхъ службъ. Конечно, никто уже не станетъ спорить, что все это безусловно необходимо знать будущему священнику. Понимая высокое значеніе совершаемыхъ дѣйствій, онъ и самъ будетъ исполнять ихъ съ бо́льшимъ благоговѣніемъ, и въ другихъ удобнѣе возбудитъ это чувство, нежели когда все станетъ дѣлать по заведенному только порядку, почти механически, не понимая ни смысла, ни значенія того, что онъ дѣлаетъ. Но кому не извѣстно, что въ богослуженіи Православной церкви выражается чуть ли не вся догматика, многія событія изъ жизни Спасителя, что нѣкоторыя части богослуженія имѣютъ таинственное, аллегорическое и нравственное значеніе, соединены съ обрядами, существовавшими въ ветхомъ завѣтѣ, такъ что все богослуженіе Православной церкви можно нѣкоторымъ

образомъ назвать сокращеніемъ богословія и отчасти священной исторіи, внѣшнимъ, такъ сказать, выраженіемъ ихъ. Послѣ этого очевидно, что основательныя и подробныя свѣдѣнія о богослуженіи Православной церкви можно сообщать только тому, кто хорошо знакомъ съ библейскою исторіею и богословіемъ. Чтоже теперь сказать о преподаваніи этого предмета въ высшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища? Назначенный для этого учебникъ состоитъ почти изъ 15 печатныхъ листовъ самой мелкой, убористой печати; такъ что напечатавши его шрифтомъ Христіанскаго чтенія, можно получить книгу въ 30, даже 40, а переписавши на бумагу обыкновеннымъ письмомъ, — до 200 листовъ. Такой объемъ сообразенъ ли съ возрастомъ учениковъ высшаго отдѣленія низшихъ духовныхъ училищъ? Если давать урокъ къ какому либо классу по листу, то надобно для изученія разсматриваемаго учебника 200 классовъ, а если урокъ ограничить однимъ полулистомъ, то потребуется 400 классовъ. Къ этому еще надобно присоединить классы на повтореніе, необходимые предъ экзаменомъ, исключить каникулярное время; тогда всякій пойметъ, что для изученія богослуженія Православной церкви, назначая по два класса въ недѣлю, недостаточно будетъ 45 лѣтъ. Не слишкомъ ли уже много? Тѣмъ болѣе, что въ головѣ мальчиковъ почти ничего не можетъ остаться отъ всего такого ученія. Изъ богословскихъ наукъ они знаютъ, или лучше сказать, затвердили на память катихизисъ, затверживаютъ объясненіе воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ, священную исторію, успѣли уже забыть

церковный уставъ, о герменевтикѣ не имѣютъ понятія; по части филологіи ознакомились съ грамматиками латинскаго и греческаго языка; да еще перевели нѣсколько статей съ русскаго языка на латинскій и греческій и обратно. Право всего этого слишкомъ недостаточно для пониманія такого предмета, который требуетъ свѣдѣній чуть не изъ всѣхъ богословскихъ наукъ.

Къ сожалѣнію самый учебникъ написанъ языкомъ, который ни какъ нельзя назвать понятнымъ для дѣтей; такъ что онъ могъ бы попрепятствовать пониманію даже простыхъ истинъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ 1. ч. стр. 69. „Вопросъ: какъ должно разумѣть слово: — пресуществленіе? — Выписка изъ Дамаскина: тѣло есть во истину соединенное съ Божествомъ, еже отъ св. Дѣвы начало воспріи, не яко вознесшееся тѣло съ небесе нисходитъ, но яко самое хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь Божію. Аще ли же образа, како бываетъ, ищеши, довольно ти есть услышати, яко Духомъ Святымъ; имъ же образомъ и отъ Богородицы Духомъ Святымъ Себѣ Самому и въ Себѣ Самомъ плоть Господь состави; ниже болѣе что вѣмъ, но токмо яко Божіе слово истинное, дѣйствительное и всемощное есть, образъ же испытанный.“ Но вы скажете: это есть цитуемое мѣсто; его измѣнить нельзя: возьмемъ слогъ самаго автора 1, 2, ч. стр. 3. „*Вопросъ.* Для чего заклинаемый совлекается одежды и отрѣшается пояса? *Отвѣтъ.* Совлекается одежды во образъ того, что онъ, какъ лишенный чрезъ грѣхъ боготканной одежды и облеченный стыдомъ, совлекается теперь всего ветхаго

человѣка съ дѣяньми его: и отрѣшаясь отъ пояса, отрѣшаетъ всякую грѣховную связь съ міромъ и діаволомъ, желая облечья во Христа.“ Чтоже теперь остается дѣлать ученикамъ? Опять, какъ мы уже нѣсколько разъ повторяли, учить, заучивать, затверживать и по окончаніи экзамена забыть; послѣднее впрочемъ сдѣлается само собою. Но предметъ, излагаемый въ разсматриваемомъ учебникѣ, вновь преподается въ семинаріи подъ названіемъ археологіи и литургики, притомъ въ то время уже, когда ученики и по возрасту и по пріобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ, способны понимать его. По видимому, надобно ожидать, что новыя лекціи по богослуженію Православной Церкви должны быть преподаны необыкновенно обширно. Если мальчикъ, нисколько не подготовленный, обязанъ былъ затвердить болѣе 200 листовъ; то взрослому ученику семинаріи надобно же по тому предмету заучить по крайней мѣрѣ 400—500 листовъ. Но на дѣлѣ вовсе не такъ. Семинарскіе наставники въ этомъ случаѣ къ счастію учениковъ имѣютъ право составлять свои записки, многіе изъ нихъ берутъ тотъ же самый учебникъ, который преподается въ уѣздныхъ училищахъ, сокращаютъ его по своему усмотрѣнію, излагаютъ свои лекціи не въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ; и такимъ образомъ болѣе возрастные и болѣе подготовленные ученики менѣе обременены тѣмъ предметомъ, который заучивать принуждены были въ такомъ объемѣ малыя дѣти. Не явная ли несообразность? Зачѣмъ заставлять послѣднихъ заучивать то, къ чему они не приготовлены, превышаетъ ихъ умственныя силы, когда все препо-

дается имъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ? Имъ еще далеко до званія священника, а если бы который нибудь изъ нихъ будучи исключенъ, поступилъ въ причетники; то ему можно обойтись безъ этой огромной книги.

5. *Патристика.* Ученіе Православной Церкви основано, какъ извѣстно не на одномъ св. Писаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ на устномъ ученіи апостоловъ и на преданіяхъ и ученіи, оставленныхъ намъ въ сочиненіяхъ отцовъ церкви. По этому близкое знакомство съ этими сочиненіями нельзя не считать необходимымъ для священника богослова. Но какимъ бы образомъ достигнуть этого, по крайней мѣрѣ въ семинаріяхъ? Кажется, слѣдовало бы перевести на русскій языкъ всѣ замѣчательныя сочиненія замѣчательныхъ отцовъ церкви и разослать по церквамъ и духовнымъ училищамъ; чтеніе ихъ на понятномъ, современномъ и увлекательномъ языкѣ лучше всего сообщало бы ученикамъ о томъ, что содержится въ отеческихъ сочиненіяхъ. Но способствуетъ ли къ этому та патристика, которая преподается въ семинаріяхъ? Въ ней листахъ на 40 — 50 обыкновеннаго письма описываются жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ отцовъ церкви, пересчитываются замѣчательныя ихъ сочиненія, излагается краткое содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ и потомъ предлагается нѣсколько отрывковъ, которые, по мнѣнію составителя записокъ, заслуживаютъ вниманіе. Неужели совокупность такихъ тетрадокъ сообщитъ основательныя свѣдѣнія объ ученіи отцовъ церкви? Если бы геніальный какой нибудь авторъ успѣлъ въ нихъ изложить

всю сущность отеческаго ученія; то и тогда онѣ полезны были бы въ томъ случаѣ, если бы ученики напередъ ознакомились съ отеческими сочиненіями. Въ такой патристикѣ они видѣли бы конспектъ того, что содержится въ сочиненіяхъ Отцовъ церкви. А теперешнее преподаваніе патристики въ семинаріяхъ напоминаетъ покойную исторію философскихъ системъ, читавшуюся нѣкогда въ нихъ же; и въ ней тоже излагались жизнеописанія знаменитыхъ философовъ, а потомъ отрывки изъ философскихъ мнѣній; и философская мудрость всѣхъ вѣковъ втѣсняема была въ 30 — 40 листовъ обыкновеннаго письма. Знали ли ученики исторію философскихъ системъ? Разумѣется нѣтъ. У учениковъ оставалось въ головѣ какое-то смутное понятіе о томъ, что Платонъ занимался идеями, Аристотель будто былъ отъявленный эмпирикъ, Стоики отличались и занимались нравственною жизнію, Левципъ, Демокритъ и Эпикуръ говорили объ атомахъ, Пиронъ во всемъ сомнѣвался. Изъ новѣйшей исторіи ученики удерживали что-то неясное о вихряхъ Декарта, о его знаменитомъ: cogito, ergo sum, о малебраншевомъ пиитизмѣ, о локковомъ скептицизмѣ, о лейбницевыхъ монадахъ, о критикѣ чистаго ума Канта, фихтовыхъ *я* и *не я*, объ абсолютномъ торжествѣ Шеллинга и пр. И это еще оставалось только въ головахъ лучшихъ учениковъ. Не тоже ли самое должно сказать о патристикѣ? Остается ли въ головахъ учениковъ даже столько словъ, сколько мы перечитали изъ исторіи философскихъ системъ. Извлеченія полезны только для энциклопедическаго образованія, для того, чтобы блеснуть всевѣдѣніемъ,

а они сами собою вообще не сообщаютъ основательныхъ свѣдѣній о предметахъ.

6. *Ученія о расколѣ.* Опроверженіе заблужденій такъ называемыхъ нашихъ раскольниковъ и предохраненіе отъ нихъ истинно вѣрующихъ православныхъ христіанъ должны составлять одну изъ главныхъ обязанностей священника. Поэтому вполнѣ необходимо ему знать, какимъ образомъ старообрядческія заблужденія произошли и развились, на чемъ ихъ основываютъ раскольники и какъ ихъ можно опровергать. Даже надобно удивляться, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ вовсе не преподавалось ученіе о раскольникахъ ни въ семинаріяхъ, ни въ академіяхъ. Нынѣ этотъ пробѣлъ пополненъ; ученикамъ сообщаютъ очень подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ нужно бороться съ отщепенцами Церкви; цѣлыхъ двѣ книги, болѣе нежели въ 600 стр., писанныхъ однимъ архипастыремъ, плодъ долговременнаго занятія и опытности, необыкновенной начитанности и непреоборимаго терпѣнія служатъ въ этомъ случаѣ руководствомъ. Чтобы понять всѣ труды, которые знаменитому автору нужны были для составленія разсматриваемаго нами руководства, и чтобы вмѣстѣ видѣть, какъ иные семинарскіе наставники, даже начальники умѣютъ понимать мысли высшаго начальства, изложимъ вратцѣ, какимъ образомъ руководство это составлено. Извѣстно, что наши раскольники не одинъ разъ въ защиту своихъ вѣрованій писали и даже издавали различныя сочиненія, сюда напр. относятся обличеніе Лазарево и Никитино, напечатано съ возобличеніемъ въ Жезлѣ. Правленія 1666 г. въ Москвѣ; — Соло-

вецкая челобитная напечатана въ 8 долю листа въ Супраслѣ 1788, Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ въ 4 долю листа безъ означенія года и мѣста изданія; поморскіе отвѣты (рукопись) и пр. И въ этомъ случаѣ старообрядцы не захотѣли отступить отъ старины, употребляя въ сочиненіяхъ своихъ не разговорный, а тотъ древне-церковно-славянскій языкъ, которымъ были написаны церковныя книги до исправленія ихъ Патріархомъ Никономъ. Равнымъ образомъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній старообрядцы ссылаются большею частію на старинныя книги церковной письменности. Наконецъ наши ревнители Православія въ *словопреніяхъ* своихъ съ раскольниками стараются *побороть* ихъ—ихъ же собственнымъ оружіемъ, заимствуя весьма часто цитаты изъ древнихъ славянскихъ сочиненій, разумѣется, не забывая притомъ и теперешнихъ церковныхъ и другихъ книгъ, написанныхъ на славянскомъ языкѣ. На этомъ основаніи знаменитый авторъ употребляемаго нынѣ руководства для опроверженія заблужденій старообрядцевъ самымъ лучшимъ образомъ ознакомился со всѣми сочиненіями, на которыя они ссылаются. Какую надобно было имѣть усидчивость, настойчивость, истинную ревность къ пользамъ Православія, чтобы понять и прочитать всѣ такія сочиненія, сдѣлать изъ нихъ множество выписокъ и затѣмъ собрать еще большее число цитатъ въ опроверженіе заблужденій? Чтобы имѣть понятіе объ этомъ трудѣ, мы дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненія знаменитаго и ученаго автора А., часть 1-я стр. 40. „Церкви ничтоже есть равно . . . . . Цер-

ковь никогда же старѣетъ . . . . . Церкви ни бѣсове преодолѣваютъ . . . . . Колицы ратованія церковь и ратовавшеи погибоша, также выше небесъ взыде. Таковобо имать величество церкви (церковь), ратуема побѣждаетъ; навѣтуема, одолѣваетъ; досаждаема, свѣтлѣйши устрояется; пріемлетъ язвы, но не низпадаетъ отъ явъ; волнуется, но не погружается; обуреваетъ ея, но потопленія не подъемлетъ; борима есть но не сподолѣваема. И чего ради попусти брань? Яко да покажетъ свѣтлѣйшю побѣду.

Б. Часть 1-я стр. 62. „Якоже въ тѣлѣ, ово убо начальствующее есть, ово же начальствуемое и водимое, тако и церквамъ зачинн Богъ, овѣмъ убо наствоватися и начальствоватися, сликимъ сіе пользнисе, и словомъ и дѣломъ къ подобающему правильнымъ: овѣмъ же быти пастыремъ и учителемъ къ совершенію Церкви, слово души къ тѣлу, или ума къ души обдержащимъ. „Да обое сложенная другъ другу, и сдержавшаяся лишащее же и множащее, якоже во удесѣхъ, и членовеніемъ духа сотканная и священная, едино совершенно покажется тѣло и Самаго Христа главы нашея сущнѣ достойное.“

В. часть 2-я стр. 118. „Благословенный онъ мужъ святый Мелетій, отъ тѣхъ трієхъ перстовъ двя совокупль, си есь указательный и великосредній, великій же перстъ, си есть палецъ, къ прочимъ двумъ си есть къ близосреднему и малому, пригнувъ являя совокупленіемъ двою персту въ Христѣ единомъ два сопротивна стекшаяся естества . . . . . оба таинства сирѣчь святыя Троицы и смотрѣнія (симъ сложеніемъ перстовъ) проповѣда ясно всѣмъ: Отцу бо сына едино-

сущна показа и не нага отъ пріятія, по Несторіеву злоумію, но того же единаго прежде вѣкъ рожденнаго горѣ отъ Матере безъ Отца, во единой иностаси сугуба естествомъ."

Г. часть 2. стр. 179. „О сей молитвѣ (Господи Іисусе и пр.) такъ говорится, въ ней коеждо слово исполнь есть повелѣній богомудрыхъ. Овіи бо отъ еретикъ токмо проста человѣка Владыку Христа Бога нашего, не разсмотряюще и безстудно глаголаху быти, якоже Арій и Аріане. Овіи же Бога токмо провидѣніе бо, а не существо, того глаголаху быти и пр. Глаголю же еже рещи: Господи Іисусе Христе Боже, четыре зловѣрная повелѣнія, злыхъ еретикъ побѣждена быша.

Д. часть 2-я, стр. 228. „Отъ Никона патріарха нововшесеся въ Россію пѣніе новокіевскее и партесное многоусугубленное, еже со воздвиженіемъ всея плоти, съ покиваніемъ главы и помаваніемъ рукъ совершается. А шестый Вселенскій Соборъ въ правилѣ 75-мъ запрещаетъ въ пѣніи различныя нестроты, безчинные глассы, якоже пировникамъ, паче и грѣцѣмъ прикладни суть, ниже Церкви Божія. И Святіи Отцы въ церкви вискапія безчинная, различіе гласовъ, усугубленія главы и рукъ обличающе, запрещаютъ."

Если вы, добрый и любесный читатель, прочитали наши выписки; то прежде всего, вѣроятно, изумились необычайному терпѣнію и свѣдѣніямъ автора и поняли тѣ затрудненія, съ которыми ему надобно было бороться при составленіи своего сочиненія. Присоедините къ этому, что всѣ цитуемыя мѣста, вмѣстѣ взятыя, занимаютъ, если не половину; то по

по крайней мѣрѣ одну треть, или двѣ пятыхъ части обѣихъ книгъ, т. е. 200—250 страницъ. Но отдавая полную и заслуженную дань удивленія трудамъ автора, мы позволяемъ себѣ думать, что ни онъ, ни высокое правительственное мѣсто, признавшее сочиненіе его за руководство въ семинаріяхъ, не имѣли въ виду обязать учениковъ заучивать всѣ цитуемыя мѣста слово въ слово. Вѣдь невозможнаго ни отъ кого нельзя требовать. И потому, какъ можно думать, чтобы имѣли въ виду заставить учениковъ удержать въ памяти 200—250 печатанныхъ страницъ слово въ слово, когда даже чтеніе ихъ не легко, а пониманіе очень трудно? Лучшимъ доказательствомъ нашей мысли служитъ то, что самъ знаменитый авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предлагаетъ даже переводы цитуемыхъ имъ отрывковъ, напр. часть 1-я стр. 63 И потому не странно ли видѣть, что нѣкоторые (мы не говоримъ: всѣ) преподаватели ученія о раскольникахъ поступаютъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ учители низшихъ училищъ со ввѣренными имъ мальчиками, заставляя заучивать учебникъ слово въ слово? Не странно ли видѣть даже въ духовныхъ семинаріяхъ, что приведенныя нами въ выпискѣ мѣста и всѣ прочія цитаты, не исключая тѣхъ, которые взяты изъ раскольническихъ книгъ, твердятся и затверживаются точно также, какъ будто бы это были тексты св. Писанія? Не въ высшей ли степени странно слышать, что одинъ Г. Педагогъ обязалъ невольныхъ своихъ слушателей заучить къ ряду названія, годъ и мѣсто изученія, даже форматъ тѣхъ болѣе, нежели 40 сочиненій, которымъ

знаменитый авторъ руководствовался при составленіи своего многотруднаго сочиненія? Кажется, можно бы хоть въ этомъ случаѣ догадаться; вѣдь перечень сочиненій напечатана подъ строками въ такъ называемыхъ сноскахъ. И потому не должны ли мы пожалѣть о тѣхъ ученикахъ, которыхъ такъ обременяютъ безтолковые наставники безъ всякой нужды?

Подобныя замѣчанія можно приложить конечно не въ одномъ и томъ же размѣрѣ и къ прочимъ наукамъ богословскаго содержанія, не исключая даже догматическаго богословія; но и сказаннаго достаточно для убѣжденія, что преподаваніе ихъ вообще нельзя назвать удовлетворительнымъ; оно часто не приспособлено къ возрасту дѣтей, обременительно тѣмъ, что одну и туже науку безъ нужды заставляютъ учить по нѣсколько разъ: объ одномъ и томъ же предметѣ говорятъ въ различныхъ наукахъ; что учебныя руководства большею частію писаны языкомъ не легкимъ для пониманія; что по заведенному обычаю надобно все заучивать слово въ слово и пр. и пр.; право, *преподаваніе и богословскихъ наукъ далеко не удовлетворительно.*

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О привиллегированныхъ лицахъ между ученшками духовно-учебныхъ заведеній.

Духовенство причисляется въ Россіи къ такъ называемымъ привиллегированнымъ сословіямъ. Вѣ-

роятно изъ уваженія къ этой привиллегированности и въ духовныхъ училищахъ встрѣчается очень много привиллегій. Мы видѣли, что между наставниками иночествующіе пользуются привиллегіею быть начальниками и даже *прогрессистами*, а свѣтскіе получили право оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ однимъ и тѣмъ же жалованьемъ, — быть *непрогрессистами*. Далѣе между науками нѣкоторымъ предоставлена привиллегія быть обязательными для всѣхъ учениковъ; а на другія положена печать отверженія. Остаются теперь одни ученики; неужели между ими нѣтъ привиллегированныхъ лицъ? Можно ли сомнѣваться въ этомъ? Ужъ если привиллегіи распространены не на лица только, но и на нѣкоторыя науки; то какъ же не ввести между учениками привиллегированныхъ особъ? Вѣдь иначе система разрушится. Успокойтесь; и между учениками есть субъекты, которыхъ можно назвать *привиллегированными, даже уполномоченными, чуть ли не патентованными лентяями и неучами*, которые впрочемъ пользуются правами хорошихъ учениковъ. Кто же эти счастливцы или несчатливцы?

При канцеляріяхъ академическихъ и семинарскихъ правленій положено имѣть по нѣсколько письмоводителей. Ими почти всегда бываютъ воспитанники, обучающіеся еще въ академіяхъ или семинаріяхъ; такъ что эти студенты и ученики вмѣстѣ могутъ назваться и канцелярскими служителями. Причиною столь страннаго распоряженія, можетъ быть, служитъ 1) недостаточное жалованье, назначаемое письмоводителямъ; хотя нельзя не замѣтить, что многіе

писцы въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ получаютъ жалованья безъ квартиры менѣе, нежели письмоводители правленія семинаріи, которые сверхъ того помѣщаются въ готовой квартирѣ и пользуются готовою пищею, или 2) мнимое милосердіе и несовсѣмъ одобрительное желаніе начальниковъ помочь будто бы бѣднымъ воспитанникамъ, хотя они особенно въ академіяхъ вполнѣ во всѣхъ отношеніяхъ обезпечены казеннымъ содержаніемъ Далѣе въ каждомъ губернскомъ городѣ есть при соборѣ, или архіерейскомъ домѣ, хоръ пѣвчихъ, число которыхъ нигдѣ не бываетъ менѣе 16, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается даже до 40 человѣкъ. Въ этихъ пѣвчихъ хорахъ, особенно въ Петербургѣ, Москвѣ и немногихъ губернскихъ городахъ встрѣчаются люди, кончившіе курсъ семинаріи, или исключенные изъ духовныхъ училищъ, также діаконы, священники, причетники; но затѣмъ самая большая часть пѣвчихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшительно всѣ, кромѣ развѣ регента, состоятъ изъ обучающихся учениковъ духовныхъ низшихъ училищъ и семинарій. Наконецъ при каждой семинаріи есть еще особый хоръ пѣвчихъ, человѣкъ изъ 20, а иногда даже два хора, одинъ для праваго, другой для лѣваго клироса; оба хора безъ всякаго исключенія уже состоятъ изъ наставниковъ и учениковъ училища или семинаріи. Эти-то ученики письмоводители и ученики пѣвчіе составляютъ привиллегированный классъ между воспитанниками; число ихъ для каждой семинаріи съ училищемъ бываетъ никакъ не менѣе 40, нерѣдко простирается до 60, а иногда заходитъ за 80 человѣкъ. Уважимъ

ихъ привиллегіи и поговоримъ о нихъ; они заслуживаютъ это.

Нельзя конечно сказать, чтобы этимъ чиновникамъ и артистамъ канцелярскія и пѣвческія занятія не препятствовали заниматься науками. Правленія академій и семинарій не отстали отъ вѣка, и въ нихъ письменность выражается огромнымъ количествомъ входящихъ и выходящихъ бумагъ, различныхъ представленій, предписаній, увѣдомленій, выписокъ изъ журналовъ, книгъ подъ различными наименованіями и пр. такъ что на все это расходуется не по одному десятку стопъ бумаги; надобно же время, чтобы письмоводителямъ успѣть исписать всѣ эти стопы. Равнымъ образомъ и пѣвчіе, особенно архіерейскіе, кромѣ такъ называемыхъ *сиповокъ*, частенько должны быть при архіерейскомъ служеніи въ классическіе дни; иногда ихъ позовутъ на свадьбу, даже на двѣ, или на погребеніе; тамъ богатый помѣщикъ или прихожане по случаю освященія храма, или другаго какого либо торжества присылаютъ за ними лошадей и приглашаютъ ихъ прокатиться верстъ за 100 или 200; а вотъ самъ Преосвященный поѣхалъ ревизовать епархію на недѣлю, на двѣ, а иногда и на мѣсяцъ, спутниками его непремѣнно бываютъ и пѣвчіе. Очевидно, что у письмоводителей и пѣвчихъ много времени отнимается отъ занятія классическими дѣлами.

Но за всѣмъ тѣмъ, имъ можно учиться не только достаточно, но и очень хорошо. Намъ извѣстенъ не одинъ письмоводитель и пѣвчій, которые удачно кончили курсъ академіи, и получили по достоинству сте-

пень магистра. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что нѣкоторые епархіальные начальники показываютъ истинно отеческую заботливость о воспитаніи пѣвчихъ. Во многихъ епархіяхъ, напр. въ Петербургской къ мальчикамъ пѣвчимъ приставляется кончившій курсъ семинаріи хорошій ученикъ, котораго единственная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за ихъ успѣхами и поведеніемъ. Нѣкоторые жители Петербурга, можетъ быть, помнятъ, какъ лѣтъ за десять изъ синодальнаго подворья близъ казармъ семеновскаго полка мальчики пѣвчіе, принадлежавшіе къ хору одного присутствовавшаго въ св. Синодѣ архіепископа, ходили аккуратно въ александроневское училище и семинарію и по отзывамъ наставниковъ успѣвали не хуже другихъ учениковъ. Кому также изъ петербургскаго духовенства неизвѣстенъ честный и усердный учитель пѣвчихъ Казанскаго Собора Павелъ Ефимовичъ (кажется) Высоцкій (живъ ли онъ?), у котораго мальчики пѣвчіе были не хуже учениковъ двухъ петербургскихъ духовныхъ училищъ? Повторимъ, пѣвчіе и даже письмоводители учиться могли бы хорошо; о семинарскихъ пѣвчихъ обоихъ хоровъ и говорить нечего; у этихъ слишкомъ мало времени отнимается на пѣвчество. Но учись всѣ эти молодые люди успѣшно; тогда бы въ духовныхъ училищахъ между учениками кому бы предоставить привиллегіи? А умъ какъ угодно, безъ привиллегированныхъ особъ обойтись нельзя.

Въ чемъ же состоятъ привиллегіи, предоставленныя письмоводителямъ и пѣвчимъ? Очень во многомъ, даже чуть не во всемъ, что касается до ученой,

а отчасти и нравственной части. Вотъ напр. часовъ съ четырехъ по полудни ученики берутся за книжки и тетрадки; кто учитъ, кто зубритъ ихъ, но почтенные письмоводители и не менѣе почтенные пѣвчіе пренебрегаютъ этими ничтожными и ребяческими занятіями. Имъ ли обращать вниманіе на какія либо тетрадки, когда они заняты переписываніемъ почтительнѣйшихъ представленій, строжайшихъ замѣчаній и серьезныхъ предписаній, а при отсутствіи такихъ дѣлъ, починкою перьевъ и даже отдохновеніемъ отъ бюрократическихъ трудовъ, или приготовленіемъ къ къ новымъ? Имъ ли забалтывать какую либо грамматику, когда около нихъ навалена куча произведеній Бортнянскаго, Турчанинова, Львова, которыя нужно пѣть въ слѣдующую обѣдню? А если бы даже такихъ дѣлъ не было; то зачѣмъ сидѣньемъ надъ книгами и ихъ заучиваньемъ, обременяя голову, надсаживая грудь, изнурять свое здоровье, столь нужное для служенія при Божіей церкви? Далѣе вотъ ученики поутру бѣгутъ въ классъ: пришедши сюда, не разстаются съ своими книгами и тетрадками, со страхомъ посматриваютъ на дверь, въ которую войдетъ учитель; съ робостію выходятъ на средину отвѣчать урокъ ему; съ огорченіемъ становятся на колѣни; еще съ большимъ душевнымъ прискорбіемъ и даже не безъ сильныхъ тѣлесныхъ ощущеній, разоблачивши нѣкоторыя части своего тѣла, лежатъ гдѣ либо у печки, или двери и получаютъ березовыя увѣщанія и пр. Но письмоводитель или пѣвчій или вовсе ни пойдутъ въ классъ; они-де заняты своими высшими обязанностями; или если и пожалуютъ, то не

опасаются никакихъ непріятностей для себя; и съ какимъ-то самодовольствіемъ, съ гордымъ сознаніемъ независимости посматриваютъ на озабоченныхъ своихъ непривиллегированныхъ товарищей; имъ нечего бояться. Спроситъ ли ихъ наставникъ, когда они не пожаловали въ классъ, говорятъ: *Это пѣвчій или письмоводитель* и г. педагогъ молчитъ, а старшій не пишетъ отсутствующихъ въ журналъ. Спроситъ ли наставникъ, если классъ удостоился ихъ посѣщенія, они ничего конечно не знаютъ, но смѣло отвѣчаютъ: *я пѣвчій или письмоводитель* и г. педагогъ *остался съ носомъ*, потревоживъ безъ нужды такую почтенную особу. Да! слова: *пѣвчій и письмоводитель* истинный талисманъ по духовнымъ училищамъ.

Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что училищное, а особенно семинарское начальство, конечно не намѣренно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно не помогаетъ, а даже препятствуетъ пѣвчимъ и письмоводителямъ заниматься уроками. Не встрѣчая между ними никогда хорошихъ учениковъ, нѣкоторые начальники и наставники даже не хотятъ вѣрить, чтобы кто либо изъ этихъ привиллегированныхъ особъ добровольно отказался отъ предоставленнаго ему права быть лѣнтяемъ. По этому начни пѣвчій, или писмоводитель ходить въ классъ, учить уроки, писать сочиненія, ему иногда не повѣрятъ. „*Нѣтъ*, говорятъ въ такомъ случаѣ рутинёры, *извѣстное дѣло, что пѣвчіе всѣ негодяи; отъ нихъ нечего ожидать хорошаго.*“ И на этомъ основаніи, не смотря на прилежаніе и исправность ученика, не обращаютъ вниманія на него и пишутъ его въ концѣ списка между

прочими собратами артистами. Мы знаемъ одного пѣвчаго, который до поступленія въ архіерейскій хоръ, былъ хорошимъ ученикомъ; онъ захотѣлъ и послѣ этого событія занимать свое мѣсто въ классѣ и потому исполнялъ всѣ классическія обязанности. Но главный профессоръ къ первому же экзамену записалъ его въ спискѣ въ концѣ втораго разряда. Бѣдняга не унылъ, усилилъ даже свои занятія, но о повышеніи его не думали. Наконецъ на переводномъ экзаменѣ своими удовлетворительными отвѣтами онъ удивилъ ректора, который тутъ же сказалъ: „*да ты молодецъ! славно отвѣчаешь; вотъ я скажу регенту, что ты знатный парень.*“ Пѣвчій отвѣчалъ: *въ архіерейскомъ хорѣ и безъ того знаютъ меня, какъ исправнаго человѣка, но на меня къ несчастію не обращаютъ вниманія въ семинаріи.*“ Но какъ панегирикъ, такъ и апологія остались безъ всякихъ послѣдствій; пѣвчій записанъ былъ на пѣвческомъ мѣстѣ въ спискѣ. Тогда онъ дѣйствительно уже пересталъ ходить въ классъ, но не потерялъ любознательности, началъ посѣщать публичную библіотеку и брать оттуда книги; даже уговорилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей пѣвчихъ тоже дѣлать. Благопріятныя послѣдствія скоро оказались; ученики пѣвчіе успѣли понять пустоту семинарщины и стали говорить своимъ товарищамъ не пѣвчимъ, что они чрезъ чтеніе книгъ публичной библіотеки скорѣе сдѣлаются образованными людьми, нежели въ семинаріи. „*Не унывайте, умные люди, докажите своимъ примѣромъ, что и пѣвчіе могутъ быть образованными людьми даже сами собою безъ помощи логики, реторики, схоластики, безъ*

учителей, профессоровъ, инспекторовъ и проч.“ По такихъ людей, разумѣется, не много; прочіе нѣвчіе и письмоводители не отказываются отъ своихъ привиллегій.

Но дѣятельная человѣческая природа не можетъ оставаться безъ занятій; молодое поколѣніе нѣвчихъ находитъ еще возможность удовлетворять этой потребности природы игрою въ бабки, карты, бѣганьемъ и пр. Но особамъ солидпымъ, каковы письмоводители, басы и тенора, такія занятія неприличны; они, какъ люди взрослые, ищутъ болѣе прочныхъ наслажденій. У нихъ бываютъ денжонки; то получатъ жалованье, то сдѣлаютъ для кого нибудь какую либо справку; то отслужатъ обѣдню; попоютъ при бракосочетаніи и погребеніи и пр. и пр. денжонки, повторимъ, бываютъ. Но владѣльцы ихъ отличаются нелюбостяжательностію и употребляютъ полученные или *презрѣнные металлы* на поддержаніе общественныхъ учрежденій. Напр. сколько расходовъ у содержателей ресторацій, трактировъ и пр.? Плати акцизъ городу, плати откупщику еще бо́льшій акцизъ, оказывай вниманіе ко властямъ городскимъ; вѣдь чистый разоръ. А безъ ресторацій, харчевенъ, трактировъ ни одинъ городъ не можетъ существовать. И вотъ наши привиллегированныя особы избытки своего достоянія несутъ къ содержателямъ этихъ *благополезныхъ* учрежденій; здѣсь встрѣчаютъ ихъ съ улыбкою, какъ благодѣтелей. Хотя откупщики имѣютъ слишкомъ обширный кругъ дѣятельности, и потому мало обращаютъ вниманія на нашихъ привиллегированныхъ особъ; но нѣкоторымъ губернскимъ

ихъ агентамъ, извѣстнымъ подъ грубымъ названіемъ *цаловальниковъ*, онѣ очень не безъизвѣстны. Вѣдь еще Римляне сказали; cantores amant humores. Зачѣмъ же и россійскійскимъ пѣвчимъ забывать эту пословицу классическаго народа? Даже молодое поколенія голосковъ пріучается къ употребленію жизненной влаги. Опять и тутъ привиллегіи. Попался навеселѣ простой ученикъ, его накажутъ; но попадись пѣвчій и даже письмоводитель, что за бѣда? Вѣдь они люди, такъ сказать, общественные, не ребятишки; пускай пьютъ; развѣ уже слишкомъ станутъ отличаться и производить скандалёзныя исторіи, тогда начальство прибѣгаетъ къ какимъ либо мѣрамъ. И въ самомъ дѣлѣ ученика исключить можно; его замѣнятъ десятки и сотни; но отмѣнный басъ, или теноръ — вѣдь это рѣдкость; ихъ не поднимешь на улицѣ. Какѣ же не быть къ нимъ снисходительными?

Но мы еще не упомянули о самой главной привиллегіи особъ, о которыхъ имѣемъ честь говорить. Вы, Г.г. читатели, уже знаете, что они держатъ себя въ почтительной дистанціи отъ учености; или вовсе въ классъ не ходятъ, или ходя, ничѣмъ не занимаются, вѣроятно изъ опасенія заразиться школьнымъ педантизмомъ и сколастицизмомъ; прибавимъ еще, что иногда они не изволятъ даже являться на экзамены. Въ учительскихъ спискахъ пишется обыкновенно: *слабыхъ*, *недостаточныхъ* и пр. *успѣховъ;* иногда даже стоитъ лаконическое: *пѣвчій.* Само начальство чувствуетъ свое безсиліе предъ этими особами: мы знаемъ случай, гдѣ профессоръ богословія и вмѣстѣ

инспекторъ никакъ не могъ убѣдить одного беха вмѣсто догматическаго и нравственнаго богословія выучить постранный катихизисъ. А между тѣмъ наступилъ переводный экзаменъ; почтенные письмоводители и пѣвчіе, развѣ съ немногими исключеніями, переводятся въ слѣдующій классъ. Да и какъ не перевести въ самомъ дѣлѣ? Возьмемъ для примѣра архіерейскаго пѣвчаго; вѣдь онъ не простой ученикъ, а нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ, такъ сказать, къ придворному стаду епархіальнаго начальника; за него стоитъ горою регентъ, иногда, протодіаконъ и даже ключарь и самъ каѳедральный протоіерей; онъ извѣстенъ и отцу эконому и отцу казначею и для преосвященнаго, разумѣется, не очень пріятно будетъ увидѣть неуваженіе къ его пѣвчимъ и услышать, что они не заслуживаютъ перевода въ другой классъ — они, которые живутъ въ одномъ съ нимъ домѣ, даже подъ его покровительствомъ. Кромѣ того многіе пѣвчіе извѣстны и гражданамъ; одинъ прочитаетъ Апостолъ на свадьбѣ; другой отлично поетъ соло въ какомъ либо концертѣ, тотъ беретъ ноты выше *фа* и ниже *до*, а этотъ восхищаетъ всѣхъ своимъ сребристымъ и соловьинымъ голоскомъ; такъ называемыхъ *исполачиковъ* (пѣвчихъ, которые при архіерейскомъ служеніи поютъ *εἰς πολλὰ ἐτη δέσποτα*) знаетъ пословица города. Какъ не перевести такихъ людей и не поставить выше какихъ либо школьниковъ непѣвчихъ, которыхъ знаетъ только хозяйка мѣщанка Антонова, да пирожникъ Осиповъ? Семинарскіе пѣвчіе не пользуются такою репутаціею, какъ архіерейскіе но и въ нихъ многіе принимаютъ участіе особенно потому,

что они за свадьбу и погребеніе назначаютъ не очень высокую премію. Притомъ служба ихъ происходитъ предъ глазами самого семинарскаго начальства, и отецъ ректоръ и отецъ инспекторъ слушаютъ и видятъ усердіе каждую всенощную и обѣдню. Не унизительно ли для нихъ если ближайшіе къ нимъ пѣвчіе будутъ оставляемы, тогда какъ другіе тоже пѣвчіе вдали, переводятся. Впрочемъ если бы начальники семинарій и увлекались какими либо враждебными чувствами къ своимъ пѣвчимъ; то за нихъ явятся сильные ходатаи. Какъ напр. не уважить просьбы церковнаго старосты семинарской церкви, когда онъ станетъ доказывать, что только пѣвчіе привлекаютъ благочестивыхъ людей въ храмъ Божій, и что безъ того Церковь не могла бы содержать себя? Какъ въ самомъ дѣлѣ не уважить? И мы знаемъ навѣрное, что въ одномъ губернскомъ городѣ всѣ пѣвчіе двухъ семинарскихъ хоровъ переведены въ семинарію при ходатайствѣ почтеннаго старосты.

Отъ совокупности всѣхъ перечисленныхъ нами причинъ происходитъ то, что, если письмоводитель не лишится своей должности по казуснымъ обстоятельствамъ, или альтъ перемѣнится на теноръ, или басъ; то они непремѣнно кончатъ курсъ, хотя бы дѣйствительно не знали пространнаго катихизиса. Да и потомъ получатъ мѣста по своимъ заслугамъ. За архіерейскихъ пѣвчихъ служатъ ходатаями ихъ голоса, служба при владыкѣ и пр. Впрочемъ въ этомъ случаѣ письмоводители иногда бываютъ счастливѣе всѣхъ. Мы знаемъ двухъ такихъ джентльменовъ; одинъ изъ нихъ кончивши курсъ и оставшись чиновникомъ ка-

целяріи семинарской, вскорѣ сдѣлался учителемъ въ уѣздномъ училищѣ. Другой, уже вовсе не занимавшійся науками, но знавшій въ совершенствѣ экономическую часть, прямо (впрочемъ это было уже давненько) былъ посланъ смотрителемъ училища и доселѣ имъ управляетъ. Блаженные люди! голова ихъ не испортилась отъ уроковъ, не отяжелѣла отъ схоластики; чувства не притупились отъ сильныхъ побудительныхъ средствъ, употребляемыхъ противъ лѣнивыхъ и нелѣнивыхъ учениковъ; и между тѣмъ мѣста они имѣютъ лучшія, нежели тѣ, которые надсадили свою грудь, нажили геморой, вѣчно надъ книгами.

Надобно отдать честь догадливости конечно только нѣкоторыхъ учениковъ и ихъ папенекъ: понимая привиллегированное состояніе пѣвчихъ, послѣдніе нарочно пріѣзжаютъ въ губернскій городъ, чтобы пристроить сынка къ хору, особенно архіерейскому; даже иногда попросятъ и поблагодарятъ регента. Поступокъ резонный; — пѣвчему есть доходцы и открыта дорога въ классы до самаго конца семинарскаго курса. Чего же больше желать? Сынъ кончитъ курсъ и сверхъ того на содержаніе свое не потребуетъ никакихъ издержекъ, а иногда даже можно получить отъ него что нибудь. Равнымъ образомъ есть ученики, которые, сдѣлавшись пѣвчими, всѣми силами стараются удержать себя въ этомъ блаженномъ званіи. Но не хотимъ скрывать истины, хотя она и для васъ, гг., читатели, будетъ, вѣроятно, непріятною. Между бѣлымъ духовенствомъ и дѣтьми его огромное, сказать

правду, большинство, притомъ большею частію состоящее изъ лучшихъ лицъ, которыя имѣютъ предубѣжденіе противъ званія пѣвчихъ. Предубѣжденіе это прежде всего обнаруживается при самомъ (позвольте употребить высокій слогъ) *вербованіи рекрутовъ для пѣвческаго хора.* На основаніи патріархальныхъ преданій и понятій это вербованіе происходитъ очень просто. Регентъ, или его помощникъ приходитъ въ училище, заставляетъ каждаго мальчика пѣть и годныхъ тотчасъ отправляетъ въ пѣвческія комнаты, или приказываетъ непремѣнно явиться туда; о согласіи ребенка или отца спрашивать не зачѣмъ, смыслитъ что либо мальчикъ въ такомъ дѣлѣ? А отецъ живетъ гдѣ нибуть въ деревнѣ; не посылать же къ нему эстафеты? Кажется все бы и кончено. Нѣтъ; вообразите, что многіе отцы нарочно пріѣзжаютъ, чтобы выручить, по ихъ словамъ, дѣтей своихъ изъ пѣвчихъ и даже не жалѣютъ денегъ. Вотъ такъ ужъ дураки! не хотятъ пользоваться счастіемъ, которое само навязывается имъ. Мы даже знаемъ одного — правду сказать — свѣтскаго человѣка, у котораго было нѣсколько внуковъ, кажется, или племянниковъ въ училищѣ. Когда одного изъ нихъ завербовали въ пѣвчіе и не хотѣли оттуда выпустить, то старый дуракъ грозилъ даже жаловаться Оберъ-Прокурору Св. Синода, утверждая, что *священно-церковно-служители не крѣпостные люди*, что *дѣтей ихъ никто не можетъ брать насильственно даже и въ пѣвчіе* и пр. Разумѣется, почтенный регентъ не захотѣлъ имѣть дѣло съ кляузникомъ. Можно ли было ожидать чего либо путнаго отъ родственниковъ такого дерз-

скаго и взбалмашнаго человѣка? Но слова и примѣры подобныхъ людей не остаются безъ вліянія на учениковъ. И эти простяки, напуганные отцами и родственниками, какъ скоро появился регентъ для вербованія, бѣгутъ, кромѣ не многихъ исключеній, вонъ изъ класса, прячутся подъ парты, поютъ сиплыми голосами, а будучи выбраны въ пѣвческую, не только вырываются съ дороги, но даже украдкою ускользаютъ изъ самой пѣвческой. Вотъ что значитъ дурной примѣръ старыхъ людей!

На чемъ же основаны подобныя предубѣжденія? По долгу безпристрастнаго историка мы не скроемъ и этого тѣмъ болѣе, что намъ часто случалось говорить со многими отцами, которые не хотятъ причислять своихъ дѣтей къ пѣвчимъ. „Какъ можно согласиться, — Никита Мартыновичъ, такъ обыкновенно говоритъ какой либо чадолюбивый папаша, чтобы мой Сеня поступилъ въ пѣвчіе? Онъ теперъ принадлежитъ къ хорошимъ ученикамъ; а сдѣлайся пѣвчимъ, въ первую треть, можетъ быть, еще будетъ учить всѣ даже уроки, но во вторую увлечется уже примѣромъ своихъ товарищей и станетъ мало по малу отвыкать отъ классическихъ занятій. Черезъ годъ же вмѣсто книги онъ скорѣе примется за бабки; вмѣсто тетради возмется за карты; вмѣсто того, чтобы писать какую либо задачу, пойдетъ лучше играть въ горѣлки; а если нельзя этого дѣлать то просто займется пересыпать изъ пустаго въ порожнее съ своими любезными сослуживцами. А еще чрезъ годъ, или два ученики идутъ въ классъ, а онъ отправляется въ трактиръ; ученики слушаютъ профес-

сора, а онъ какой нибудь органъ или гармонику; тѣ, воротившись въ квартиры и пообѣдавши, принимаются за уроки, а онъ сидитъ гдѣ либо на берегу рѣки, или считаетъ воронъ во воздухѣ и мухъ на потолкѣ. Пріѣзжаетъ домой? ну не что говорить, сталъ молодецъ, и смѣлъ и развязенъ, да только за рюмкой пересидитъ своего отца. Сынокъ кончилъ, пожалуй, даже курсъ, получилъ было и мѣсто; ѣдешь съ нимъ сватать невѣсту; не отдаютъ; сынъ да вашъ былъ пѣвчій, ну и берешь у кого нибудь. Наконецъ и священникомъ онъ; да что за радость? тамъ услышишь, что онъ еще не забываетъ латинской пословицы: cantores amant humores; а тутъ и самъ пріѣзжаетъ за совѣтомъ, какъ написать какую нибудь пустую бумаженку, даже выписку изъ метрики; заглянешь въ его черновую рукопись, не увидишь въ ней ни логики, ни грамматики, на правописанія. Развѣ радостно будетъ смотрѣтъ на такое дѣтище, хотя бы оно принадлежало къ *коньчалымъ (Коньчалымъ,* т. е. ученикамъ, кончившимъ курсъ семинаріи)?“ Что станете говорить съ подобными головами? Какъ ихъ разувѣрить въ предразсудкахъ? Мы уже никогда и не опровергаемъ, а иногда даже и поможемъ выручить сынка изъ пѣвчихъ. Вѣдъ надобно быть и сходительнымъ и предразсудкамъ людей!

Жалобы на пѣвчество увеличились особенно съ 1851 года, когда введены въ духовныя семинаріи такъ называемые штаты. До того времени, говорятъ ненавистники пѣвчества, начальство могло переводить изъ училища въ семинарію столько учениковъ, сколько находило нужнымъ; пѣвчіе, значить не пере-

бивали дороги ни у кого; ихъ прицѣпляли къ концу спика. „А съ 1851 года, прибавляетъ какой либо папаша, моего Алёшу непремѣнно перевели бы въ реторику, а Мишу въ философію, но явилось множество пѣвчихъ и письмоводителей, и вотъ мой Алеша оставленъ, а Миша исключенъ. За что такая несправедливость? Вѣдъ въ уставѣ нигдѣ не сказано, что пѣвчихъ, хотя бы они вовсе не учились, нужно непремѣнно переводить изъ класса въ классъ, даже безъ экзамена.“ Подобныя слова могутъ показатся, чего добраго, справедливыми и вамъ, добрые читатели. Но сдѣлайте милость, не увлекайтесь возгласами папашъ. Положимъ, что ихъ сынъ отлично знаетъ латинскую грамматику и заучитъ тысячи двѣ греческихъ вокабуловъ, что Алёша мастерски дѣлаетъ сложеніе, не тольло именованныхъ чиселъ, но и дробей, а Мишею не нахвастаются учителя. Великая важность? Зачѣмъ же папаши не примутъ во вниманіе значеніе пѣвчаго? Въ самомъ дѣлѣ развѣ просклонять populus, populi, populo; проспрягать moneo, mones, monet, или прочитать panis хлѣбъ, piscis рыба болѣе значитъ, нежели узнать такъ называемую итальянскую ноту и воспѣвать на ней хвалебные гимны? Развѣ умѣть не только сложить дробь съ цѣлымъ числомъ, но даже узвлечь кубичный корень и рѣшить задачу по фальшивому правилу не нужно поставить гораздо ниже, нежели участіе при помощи дисканта или баса въ отправленіи Божественной службы? Великое дѣло понравиться учителю какимъ либо зубреньемъ? нѣтъ понравьсяка своимъ сладенькимъ голоскомъ набожнымъ людямъ и самому П—ому.

Послѣ этого неужели и вы, любезный читатель, не найдете справедливымъ оставить Алёшу и Мишу въ томъ же классѣ, и даже вовсе исключить, а сопрано или теноръ перевести въ слѣдующій? Резолюція будетъ самая справедливая.

О письмоводителяхъ и особенно о пѣвчихъ мы поговорили очень подробно; да и нельзя было иначе поступить: вѣдь послѣдніе не только составляютъ привиллегированный классъ учениковъ, но по своей многочисленности по взаимнымъ между собою отношеніямъ могутъ назваться даже *корпораціею*, чуть не сословіемъ. Какъ же не оказать къ нимъ особеннаго вниманія. Но не забудемъ, что между учениками духовныхъ училищъ есть еще много особъ, которыхъ нельзя смѣшивать съ массою, съ плебеями. Объ нихъ впрочемъ станемъ говорить коротко.

Во всякой семинаріи есть человѣка два три, которые надъ прочими учениками возвышаются цѣлою головою, — люди сильные, пользующіеся полнымъ довѣріемъ начальниковъ, — люди, можно сказать, *интимные*. Значеніе ихъ для насъ прояснится, когда мы вспомнимъ, что у начальниковъ семинарій нѣтъ ни женъ, ни семейства. Но у нихъ тоже есть свое хозяйство, своя домашняя жизнь. Неужели же имъ самимъ завѣдывать всѣми мелочами ея? Неужели въ своихъ огромныхъ квартирахъ оставаться однимъ? Или раздѣлять хозяйственныя хлопоты и уединеніе съ какимъ либо длинноволосымъ послушникомъ, или съ небритымъ вѣчно отставнымъ солдатомъ? Для избѣжанія этого затрудненія рѣдкій изъ начальниковъ не беретъ къ себѣ какого либо

изъ своихъ *присныхъ*, т. е. брата, или племянника, роднаго, или двоюроднаго — кто отыщется. Вмѣстѣ съ племянниками и братьями, особенно же въ случаѣ ихъ недостатка, начальникъ помѣщаетъ въ своихъ комнатахъ какого либо изъ учениковъ, которые называются *келейниками*. Обязанности ихъ состоятъ въ томъ, чтобы быть при особахъ начальническихъ дворецкими, управляющими, каммердинерами, довѣренными лицами и пр. и пр., подать калоши, снять и надѣть шубу, разнести гостямъ чай, помыть и вытереть чайную посуду и пр. и пр. Для исполненія столь многосложныхъ и важныхъ обязанностей избирались и избираются мальчики красивые съ пріятною физіогноміею, съ деликатными пріемами, съ нѣжнымъ голосомъ. Странно же было бы поручить встрѣчать гостей, или угощать ихъ чаемъ какой либо фигурѣ съ изрытымъ оспою лицомъ, съ всклокоченными волосами, съ приплюснутымъ носомъ, оловянными глазами, медвѣжьимъ, или козлинымъ голосомъ; подобныя фигуры употребляются въ томъ только случаѣ, когда нужно избавить себя отъ посѣщенія гостей. Эти-то келейники, братья и племянники составляютъ настоящую аристократію семинаріи. Имъ вѣжливо раскланиваются многіе профессоры, иногда пожимаютъ руку, а нѣкоторые даже приглашаютъ къ себѣ на чай и всячески заискиваютъ ихъ благорасположеніе; инспекторъ величаетъ часто по имени и отчеству. Объ ученикахъ же нечего и говорить; они все для нихъ готовы сдѣлать; уваженіе, лесть, угощеніе, все передъ ними разсыпается и разливается самою щедрою рукою. Личныя же привиллегіи опи-

сываемыхъ нами особъ состоятъ въ томъ, что они въ спискѣ занимаютъ высшія, часто первыя мѣста; развѣ иногда какой либо строптивый наставникъ замипетъ ихъ во второмъ и даже третьемъ разрядѣ; но начальники умѣютъ противодѣйствовать столь неблагонамѣреннымъ поступкамъ; келейники, особенно же братцы и племянники все-таки пишутся высоко въ спискахъ и даже посылаются въ академіи. Присланныя объ нихъ письма и здѣсь возбуждаютъ къ нимъ вниманіе, или снисхожденіе въ одной, или двухъ особахъ; но потомъ отъ вліянія непрогрессистовъ и отъ другихъ причинъ transit gloria eorum (проходитъ ихъ слава): они не могутъ уже подняться на ту высоту, на которой стояли въ семинаріяхъ; развѣ только прикроютъ себя черною рясою. Невѣжливость академіи доходитъ часто до того, что ихъ или вовсе не принимаютъ въ число студентовъ, или оставляютъ въ числѣ сомнительныхъ. Да, можетъ быть, и справедлива пословица: *не все коту масляница, будетъ и великій постъ.*

Въ старое, т. е. впрочемъ не очень старое время наставники — даже непрогрессисты, жившіе въ казенныхъ квартирахъ, подражали начальникамъ. И они тоже изъ казеннокоштныхъ учениковъ избирали себя келейниковъ. Расчетъ былъ основательный. Ученикъ въ казенной столовой могъ обѣдать и ужинать, а между тѣмъ своему педагогу ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и исполнялъ для него разныя другія услуги. Кромѣ того у г. г. наставниковъ есть свои братцы, племянники, даже дѣтки, которыхъ также нельзя не почтить какими либо преимуществами, не

возвысить надъ прочею ученическою чернію. Но между *сими* и *оными* келейниками, племянниками, братцами и пр. различіе огромное. Всѣ привиллегіи *сихъ* состоятъ въ томъ, что они могутъ не ходить въ классъ или своего барина — извините мы хотѣли сказать профессора, — или своего дяденьки, папаши и его пріятелей и при переводахъ изъ одного въ другой классъ прицѣпляются гдѣ либо къ концу списка.

За келейниками въ семинарской ученической іерархіи стоятъ тѣ ученики, которыхъ можно видѣть во время богослуженія при отцахъ ректорахъ. Послѣдніе, подобно всѣмъ важнымъ особамъ, имѣютъ обыкновеніе ѣздить въ каретахъ, или коляскахъ, за которыми, по обычаю мірянъ, долженъ стоять лакей. Равнымъ образомъ во время богослуженія отцу ректору по служебнику надобно читать молитвы, снимать съ себя и надѣвать митру. Лакейскую должность, конечно, могъ бы исполнять какой либо дѣйствительный лакей, а держать предъ очами Его Высокопреподобія служебникъ, надѣвать и снимать митру съумѣлъ бы монастырскій послушникъ. Но помилуйте; отцы ректоры не только настоятели монастырей, но и въ мѣстѣ начальники семинарій. Почему на основаніи патріярхальныхъ нравовъ не употреблять семинаристовъ на исполненіе нѣкоторыхъ своихъ дѣлъ? Почему не замѣнить ими послужниковъ, во время Божественной службы? Пускай они начнутъ свое служеніе Господу Богу съ самой первой ступени! Но уже кстати, зачѣмъ брать и лакея, когда Его Высокопреподобіе изволятъ отправляться совершать гдѣ либо литургію? Развѣ тотъ же се-

минаристъ, который станетъ снимать и надѣвать митру, не сѣумѣетъ отворить и затворить каретныя дверцы, поднять и разложить подножку, поддержать и подсадить его милость? Къ чему тутъ особый лакей? Полнѣйшее приложеніе этой теоріи слишкомъ часто встрѣчалось въ не очень давнее время. Мы помнимъ одного отца ректора (онъ еще доселѣ архіепископтвуетъ), который, отправляясь къ богослуженію, на запятки своей кареты ставилъ самаго лучшаго ученика высшаго отдѣленія семинаріи, отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ; разумѣется, этотъ же ученикъ снималъ и надѣвалъ митру съ добрѣйшаго своего начальника. Должность была истинно завидная, и потому не удивительно, что счастливцы, занимавшіе ее, имѣли соперниковъ и завистниковъ. Въ одинъ курсъ три лучшихъ ученика преемственно занимали эту лестную должность; двое изъ нихъ поступили въ академію, и одинъ кончилъ курсъ магистромъ. А что? есть ли и нынѣ ученики-келейники, ученики-лакеи, ученики-послушники? Какъ думаете? Неужели въ этомъ отношеніи забыты совсѣмъ преданія старины? Мы не вѣримъ; на это у насъ есть основательныя причины.

Въ заключеніе этой главы скажемъ еще о нѣкоторыхъ какъ бы должностяхъ, которыя поднимаютъ иного ученика надъ общимъ уровнемъ. Такъ напр. есть звонари, которые звономъ колоколовъ семинарской колокольни возвѣщаютъ міру о началѣ службы, а главное, встрѣчаютъ и сопровождаютъ полнымъ трезвономъ шествіе начальника въ Храмъ Божій. Но эта должность опасна; недавно судьба подшутила надъ однимъ изъ звонарей: едва было онъ, увидав-

ши шествующаго начальника, хотѣлъ ударить во вся тимпаны, какъ веревка у языка главнаго колокола оторвалась и трезвонъ остановился. Начальникъ тоже остановился, кричалъ даже, чтобы звонили; — вѣдь какъ же ему итти безъ трезвона? но бѣды поправить уже нельзя было; досталось же за такую оплошность. Есть также при семинарскихъ церквахъ дьячки изъ воспитанниковъ; занятіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы возжигать и носить свѣтильники, ставить налой, раздувать угли въ кадильницѣ. Положеніе этихъ особъ очень не дурно! находясь въ алтарѣ въ виду начальниковъ, они имѣютъ возможность обращать на себя ихъ вниманіе своею службою; кромѣ того сколько разъ удостоятся чести облобызать десницу своихъ отцовъ-покровителей, подавая и принимая то ихъ трости съ серебряными набалдашками, то кадильницы, то отыскивая и прибирая колоши, то надѣвая и скидая верхнее платы и пр. Въ одной академіи злые насмѣшники говорили, что одинъ студентъ даже сдѣлался баккалавромъ за отличное исправленіе пономарской должности. Но за недостаткомъ оффиціальныхъ документовъ, мы не можемъ ни подтвердить, ни опровергнуть ткого сказанія.

Каждая изъ перечисленныхъ нами привиллегій отягощаетъ бѣдныхъ не привиллегированныхъ учениковъ, безславитъ и позоритъ тѣхъ начальниковъ, которые поддерживаютъ подобныя злоупотребленія, снабжаетъ духовенство такими академиками, которыхъ не слѣдовало бы выпускать изъ семинаріи во второмъ разрядѣ; — священниками, которымъ не за что дать причетническую должность; — діаконами, кото-

рыхъ развѣ можно сдѣлать звонарями; нѣкоторые изъ нихъ могли бы замѣнить собою колокола и исправлять туже должность, которая у магометанъ поручается муэдзинамъ. Судите же теперь, сколько зла происходитъ отъ всѣхъ вообще училищныхъ привилегій. Укажемъ на примѣръ, случившійся въ 1860 г. Изъ 150 учениковъ одного уѣзднаго училища по расчетамъ начальства можно было въ семинарію перевести только 50 человѣкъ; кажется уже не много! Несчастіе бѣдныхъ труженниковъ этимъ не ограничилось. Въ числѣ ихъ товарищей былъ цѣлый десятокъ пѣвчихъ всѣхъ возможныхъ и не возможныхъ, нужныхъ и не нужныхъ хоровъ; а начальникъ, отчаянный меломанъ, положилъ непремѣнно всѣхъ ихъ до одного перевести. Присоедините сюда человѣкъ десятокъ или другихъ привиллегированныхъ особъ, или такихъ, за которыхъ явились ходатаи: тогда поймете, сколько хорошихъ мальчиковъ, вполнѣ заслужившихъ перевода въ семинарію, должны были или оставаться еще на два года въ училищѣ, или исключиться. Но безпристрастіе требуетъ сказать, что изъ всѣхъ привиллегированныхъ учениковъ самымъ тягостнымъ бременемъ, настоящею язвою для прочихъ товарищей должно считать пѣвчихъ. Келейниковъ, письмоводителей, дьячковъ, звонарей и пр. немного: о братцахъ, племянникахъ и прочихъ родственникахъ своихъ пекутся хоть сколько нибудь начальники и наставники, которые умѣютъ понимать, въ чемъ состоитъ родственная, или отеческая любовь. Но пѣвчіе, пѣвчіе! Ихъ, какъ мы сказали, бываетъ до 40 и даже до 80 человѣкъ; объ успѣхахъ ихъ никто

не заботится; они сами для себя и мониторы и инспекторы. Сколько же по ихъ милости страдаетъ хорошихъ людей? И какое огромное дурныхъ членовъ общества изъ нихъ выходитъ?!?!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О вліяніи школьнаго образованія на учениковъ духовныхъ училищъ.

Говоря о наставникахъ и учебникахъ духовно-учебныхъ заведеній, о методѣ преподаванія наукъ въ нихъ и пр., иногда мы не могли не сказать вмѣстѣ съ тѣмъ и о вліяніи всего этого на учениковъ; а гдѣ это не высказано, тамъ легко можно догадаться о немъ. Но отрывычныя замѣчанія, догадки, которыя надобно еще выводить, не могутъ дать полнаго понятія о предметѣ. Совокупное ихъ изложеніе, общая, такъ сказать, картина гораздо лучше укажетъ на то вліяніе, которое обнаруживаютъ на ученикахъ изложенныя нами обстоятельства. Попытаемся нарисовать эту картину, не въ огромныхъ впрочемъ размѣрахъ.

Мы не принадлежимъ къ числу безусловныхъ защитниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній; и въ нихъ тоже очень много находится недостатковъ, которые впрочемъ нынѣ рѣзко обнаружены. Но безъ преувеличенія и безъ предубѣжденій осмѣливаемся сказать, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ школьный механизмъ и педантизмъ, научный формализмъ

доведены къ несчастію до самой высокой степени, что преподаваніе наукъ обращено въ нихъ въ какую-то пустую церемонію, въ какой-то обрядъ, исполняемый въ извѣстное время, не оставляющій глубокаго впечатленія и обнаруживающій слишкомъ слабое вліяніе на жизнь воспитанниковъ и что ученики получаютъ *настроеніе*, которое далеко не соотвѣтствуетъ ни множеству предметовъ, имъ преподаваемыхъ въ школѣ.

Отдѣленіе первое.

О томъ, какимъ образомъ зарождается, развивается и утверждается школьный механизмъ и формализмъ въ ученикахъ духовныхъ училищъ.

Настроеніе это впрочемъ начинается еще ранѣе школы при домашнемъ, какъ говорится, очагѣ. Чтобы съ нимъ ознакомиться опишемъ какимъ образомъ за нѣсколько десятилѣтій почти всѣ дѣти духовнаго званія обучаемы были грамотности. На пятомъ, или шестомъ году мальчика сажали за славянскій букварь и, ничего не прояснивши, прямо заставляли его читать къ ряду всѣ буквы: *азъ*, *буки*, *вѣди* и проч. Такъ какъ большая часть названій буквъ мальчику встрѣчались въ первый разъ и самый послѣдовательный ихъ порядокъ для него рѣшительно былъ неизвѣстенъ; то оставалось ему только заучить ихъ на память. Вотъ первый урокъ на поприщѣ образованности! Для него иногда требовалось по нѣскольку не только дней, но даже недѣль; вѣдь 40 славянскихъ буквъ заучить пятилѣтнему мальчику была

вовсе не легкая работа. По окончаніи первыхъ лекцій принимались за такъ называемые склады: *ба, ва* или *бра, вра* и проч. опять нисколько не проясняя, а заставляя механически заучивать на память и притомъ произнося не *ба, ва* и проч. а *буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва* т. е. *буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва* и. т. д. При такой методѣ неудивительно, что изученіе азбуки продолжалось нерѣдко нѣсколько не недѣль уже, а мѣсяцевъ. Не зачѣмъ прибавлять, что подобная метода отзывалась совершеннымъ механизмомъ, предоставляя мальчику догадываться, къ чему пригодятся всѣ эти дикіе звуки и слова, въ которыхъ онъ не находилъ никакого смысла.

Изученіе азбуки такъ или иначе кончено: въ награду за труды мальчику слѣдовало бы дать для усовершенствованія въ чтеніи такую книгу, которую онъ понималъ бы; свойственная человѣку любознательность, безгрѣшное совершенно самолюбіе поощряло бы мальчика читать книгу, чтобы и самому узнать и другимъ разсказать какое либо новое для него свѣдѣніе. По ему послѣ азбуки давали въ руки сперва часословъ, а потомъ псалтырь. Сомнѣваться въ религіозномъ достоинствѣ этихъ книгъ нѣтъ никакой нужды и возможности; благочестивыя и набожныя души всегда въ нихъ найдутъ образцы того, какимъ образомъ на славянскомъ языкѣ можно благодарить Творца за Его благодѣянія, восхвалять Его премудрость, благость и всемогущество и выражать свою грѣховность и ничтожество предъ Нимъ. Но, вѣроятно, никто не скажетъ, что обѣ эти книги для дѣтей понятны, когда надъ нѣкоторыми мѣстами ихъ

и взрослые задумываются. Притомъ не излишне замѣтить, что дѣтей надобно обучать только грамотности, а для оплакиванія грѣховъ, для выраженія преданности Творцу такія двѣ книги, какъ часословъ и псалтырь, были слишкомъ тяжелы для дѣтскихъ не только душъ, но даже и рукъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, а дѣти опять принуждены были читать нѣсколько лѣтъ книги, которыхъ содержаніе, по причинѣ возвышенныхъ мыслей и непонятнаго изложенія на славянскомъ языкѣ, были для нихъ столько же занимательно и понятно, какъ и содержаніе азбуки. Къ большему несчастію правила старинной педагогіи требовали такъ называемыхъ *задовъ*, т. е. мальчикъ, прочитавши въ какой либо день страницу часослова или псалтыря, не разставался съ нею навсегда, его заставляли прочитывать ее подъ названіемъ задовъ долго, очень долго, даже по нѣсколько лѣтъ. Неудивительно, что дѣти, читая и перечитывая одно и тоже, наконецъ заучивали цѣлыя страницы часослова и псалтыря, разумѣется, большею частію вовсе ихъ не понимая. Такимъ образомъ *естественно зарождалась мысль, что заучиваніе на память можетъ происходить безъ пониманія того, что изучается, что только нужно читать, а отъ пониманія можно себя увольнять.* Неужели эту методу не слѣдуетъ назвать механизмомъ, формализмомъ, даже чѣмъ-то въ родѣ церемоніи?

Скажутъ зачѣмъ говорить о томъ, что прежде было? Зачѣмъ выставлять недостатки, которые относятся къ прошедшимъ временамъ? Возраженія эти несправедливы. Нѣтъ! слова наши вовсе не на-

добно относить только къ прошедшимъ временамъ; онѣ имѣютъ приложеніе къ дѣтямъ духовнаго званія и нынѣ. И нынѣ едвали не всѣ дѣти причетниковъ, значительная часть дьяконскихъ, не маловажное количество священническихъ, разумѣется, сельскихъ, обучается грамотности по описанной нами методѣ. Кромѣ того отцы ихъ почти всѣ начали свое образованіе по ней; *читать и не понимать для многихъ изъ нихъ кажется вещію вовсе не странною.* Подъ вліяніемъ этой мысли они еще дома начинаютъ дѣтей обучать катихизису, про который никакъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ понятенъ дѣтямъ, заставляютъ учить его для того только, чтобы онъ былъ выученъ, учить слово въ слово. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ бо́льшая часть мальчиковъ, поступающихъ въ духовныя училища, пріобрѣли уже несчастную привычку буквально заучивать уроки и еще болѣе несчастное убѣжденіе, что можно и читать и даже учить то, чего не понимаешь. И потому съ перваго разу не слѣдовало ли бы въ училищахъ употребить всѣ возможныя усилія для того, чтобы истребить эту привычку и убѣжденіе, чтобы пріучить дѣтей не къ механизму, а къ разумному изученію, развить въ нихъ пониманіемъ любознательность и умъ; въ противномъ случаѣ привычка и убѣжденіе *обратятся*, какъ говорится, *во вторую натуру?* Посмотримъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ.

Первые шаги въ училищѣ не слишкомъ ободряютъ мальчика сбросить съ себя тотъ формализмъ и механизмъ, къ которому онъ привыкъ при обученіи грамотности. Русская грамматика чуть не на

первомъ планѣ выступаетъ въ этомъ случаѣ. Встрѣчающіеся въ ней схоластическіе термины: *существительный, увеличительный, именительный, родительный* и проч. безчисленныя формы склоненій и спряженій, въ которыхъ одно и тоже слово надобно выражать различными окончаніями, правила съ примѣрами изъ словъ, въ которыхъ, разумѣется, нѣтъ никакого систематическаго порядка, еще большее количество ихъ въ такъ называемыхъ исключеніяхъ изъ правилъ, гдѣ иногда нужно заучить нѣсколько десятковъ словъ, неимѣющихъ никакой связи между собою, все это механически почти задаваемое, механически заучиваемое, не можетъ отучить отъ механизма и формализма. Латинская и греческая грамматика еще больше помогаютъ злу, опять встрѣчаются опредѣленія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, падежей родительныхъ и дательныхъ, опять выступаютъ на сцену правила съ длинными рядами исключеній. Разность состоитъ только въ томъ, что въ русской грамматикѣ большая часть словъ была знакома мальчику. И если не легко заучивать спряженіе какого либо *двинаю* или склоненіе словъ *вода и человѣкъ;* то по крайней мѣрѣ видоизмѣненія этихъ словъ: *двинетъ, двинулъ, буду двинать, или воду, водою* и пр. извѣстны уже мальчику; нужно только запомнить порядокъ, въ которомъ эти видоизмѣненія написаны. Но въ латинской и греческой грамматикахъ самыя слова вполнѣ неизвѣстны. Для мальчика, moneo, mones, monet, или *τύπτω, τύπτεις, τύπτει*, совершенно новы и не слыханны; тутъ даже трудно обойтись безъ заучиванія на память. Не зачѣмъ говорить, что и ариѳме-

тика, преподаваемая такъ, какъ выше описано, немного пособитъ развитію способностей. Прибавьте къ тому еще, что большая часть учебниковъ написаны языкомъ тяжелымъ, устарѣлымъ, со множествомъ славянскихъ словъ и оборотовъ, и тогда можно понять, какъ *при такой обстановкѣ мальчику трудно отвыкнуть отъ мысли, что можно учить, ничего не понимая, что нужно только читать, да заучивать.*

Конечно дѣльный, опытный наставникъ могъ бы сколько нибудь смягчить схоластицизмъ и сухость первоначальныхъ наукъ то забавными разсказами, то шуточными примѣрами, могъ бы по крайней мѣрѣ указать на то, какую цѣль имѣютъ всѣ эти науки. По лекціи большею частію ограничивающіяся словами: *отсель и досель*, отсутствіе всякихъ объясненій не слишкомъ могутъ развивать мыслительную способность дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ откуда же у нихъ можетъ даже появиться мысль, что уроки можно и должно разсказывать и понимать, когда они видятъ, что учитель только задаетъ ихъ, нисколько не объясняя и не показывая примѣра, какъ излагаются мысли не по печатному и не по писанному? Даже положимъ, что мальчику пришла бы мысль объяснять все своими словами; но какъ ему это сдѣлать, когда учебное руководство написано слогомъ тяжелымъ, заключаетъ въ себѣ и слова непонятныя, и мысли не вполнѣ доступныя дѣтскому разсудку? Тутъ сначала надобно посидѣть и подумать, что̀ значитъ такое-то слово, что за мысль заключается въ такомъ-то періодѣ? А кто объяснитъ все это мальчику? да притомъ на то нужно и

время. И вотъ ученикъ, перекрестясь, берется за книгу, начинаетъ читать урокъ, иной — очень впрочемъ рѣдко цѣлымъ параграфомъ, другой однимъ его періодомъ, третій даже строками словъ по пяти и по десяти, даже безъ обращенія на то, на запятой или въ срединѣ предложенія заканчивается заучиваемый имъ отрывокъ; послѣ строки соединяются въ періоды, а затѣмъ періоды въ параграфы, и все такимъ образомъ заучивается. Какая египетская работа? А между тѣмъ даже въ семинаріяхъ подобные пріемы не рѣдкость; — даже, что грѣха таить, не раздѣляютъ ли параграфы на нѣсколько отрывковъ гдѣ либо повыше? Легко такимъ образомъ можно видѣть, что въ первые годы обученія въ духовныхъ училищахъ механическое заучиваніе едва ли не бываетъ сильнѣе, нежели какъ при домашнемъ воспитаніи; по крайней мѣрѣ во всякомъ случаѣ несравненно тяжелѣе для мальчика. Часословъ и псалтырь онъ заучилъ постепенно, незамѣтно для самого себя; ему даже нравилось такое заучиваніе, увольняя при повтореніи задовъ отъ обязанности смотрѣть въ книгу. Кромѣ того ласки матери и отца смягчали трудность ученья. Но въ училищѣ надобно заучивать каждый почти разъ на память новое, столько мало понятное, какъ часословъ и псалтырь, заучивать непремѣнно къ извѣстному сроку, въ опредѣленное время, безъ всякаго опущенія; притомъ тутъ уже нѣтъ ни отца, ни матери; спрашиваетъ только взыскательный наставникъ.

Впрочемъ естественный ходъ развитія человѣческихъ способностей, совѣты умныхъ людей, собственное, пріобрѣтенное опытомъ убѣжденіе въ пу-

стотѣ и безполезности механическаго заучиванія могли бы мальчику внушить мысль бросить его и начать раціональнымъ образомъ осваиваться съ преподаваемыми ему предметами. Но тутъ слишкомъ часто школьная рутина уничтожаетъ всякую подобную попытку; большая часть учителей, не только позволяютъ, но даже требуютъ буквальнаго заучиванія уроковъ. Въ самомъ дѣлѣ тѣ, которыхъ лекціи состояли только въ словахъ *выучить до такого-то параграфа или слова*, имѣютъ ли право требовать отъ учениковъ свободнаго, непринужденнаго изложенія мыслей? Не должно ли даже обижаться ихъ самолюбіе, когда какой либо ученикъ рѣшится это сдѣлать? Вѣдь, если они, г. г. педагоги, не хотятъ или не умѣютъ объяснить урока; то куда же суется мальчишка? *Какъ даже смѣетъ онъ свое сужденіе имѣть?* Кромѣ того мальчикъ, выражаясь своими словами, можетъ выразиться не совсѣмъ точно и правильно; его надобно поправлять; ему надобно сказать, почему высказанное имъ выраженіе не хорошо? Сколько тутъ хлопотъ! Да еще, пожалуй, и самъ скажешь что нибудь не вопадъ. Такъ не лучше ли *сказать, приказать, и настойчиво требовать*, чтобы ученики все затверживали, какъ можно ближе къ подлиннику, не разсуждая, не мудрствуя лукаво? Тогда г. наставнику съ книжкою въ рукѣ, или при помощи собственной памяти не трудно уже поправлять ошибающагося мальчика, и подсказывать ему, если онъ остановится въ срединѣ или на концѣ періода; только нужно сказать одно, два слова; и мальчикъ опять начинаетъ.

Къ искреннему сожалѣнію надобно сказать, что подобныя требованія высказываются даже, конечно немногими, наставниками духовныхъ академій. Иной написалъ руководство по своему предмету, извѣстенъ своими спеціальными сочиненіями, удовлетворительно объясняетъ свои уроки, могъ бы съ честію поддержать себя на университетской каѳедрѣ, а между тѣмъ жестоко, даже *зло* обижается, если студентъ при повтореніи позволяетъ себѣ объясняться независимо отъ учебника. Не поймешь, что̀ за причина этого страннаго явленія? Самолюбіе ли, оскорбляющееся тѣмъ, что молодой человѣкъ позволяетъ себѣ измѣнить глубоко обдуманныя лекціи? Убѣжденіе ли въ томъ, что уже нѣтъ возможности выразиться лучше того, *какъ мы выразились?* Опасеніе ли что студенты, позволяя себѣ свободно распоряжаться словами и мыслями въ лекціяхъ, захотятъ пользоваться подобною свободою въ жизни? Право не придумаешь; — можетъ быть все это. По крайней мѣрѣ извѣстно, что не посредственные, но очень дѣльные академическіе наставники любили и любятъ слушать и одобрять тѣхъ только студентовъ, которые повторяютъ слова учебниковъ безъ всякой перемѣны.

Въ семинаріяхъ подобныя вещи несравненно чаще встрѣчаются и обнаруживаются, если позволите сказать, съ большею добросовѣстностію, нежели въ академіяхъ. Академическій наставникъ не станетъ поправлять, если студентъ употребитъ *слѣдовательно* вмѣсто *отсюда очевидно*. Но многіе честные наставники семинаріи, разумѣется, имѣющіе силу и власть, не вынесутъ подобныхъ отступленій; миною,

гримасою дадутъ замѣтить либералу, что онъ позволяетъ себѣ вольности, или даже скажутъ напрямикъ: *постой, милостивый государь, не слѣдовательно, а отсюда очевидно, не чтобы, а дабы, что же это ты перемѣняешь?* Съ этою цѣлію у честнаго наставника учебникъ заученъ самымъ лучшимъ образомъ отъ доски до доски, слово въ слово. Не достигшіе же этого высокаго совершенства распоряжаются проще. садятся на стулъ, берутъ въ руки учебникъ и зорко слѣдятъ, не отступаетъ ли ученикъ въ чемъ либо отъ него; для большой вѣрности пальцемъ или карандашемъ, какъ указкою маленькія дѣти, водятъ по строкамъ. Тутъ уже не поддѣнетъ ученикъ. Есть начальники, которые, засѣдая въ качествѣ экзаменаторовъ, не стыдятся держать раскрытымъ предъ собою учебникъ и такимъ образомъ повѣрять отвѣты учениковъ.

Безполезность и тяжесть такой методы многіе честные наставники какъ бы стараются увеличить тѣмъ, что ничего не хотятъ выпускать изъ учебника, а заставляютъ заучивать все къ ряду. Они смотрятъ на учебникъ съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ правовѣрный Магометанинъ на Алкоранъ. Мы уже, говоря объ изученіи русскаго раскола, замѣтили, какъ одинъ профессоръ семинаріи заставлялъ выучивать мѣста и годы изданій, равно какъ и форматъ книгъ, служившимъ руководствомъ автору. Вотъ еще другой примѣръ. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ словесность преподается по руководству, составленному Архангельскимъ. Почтенный авторъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, по мнѣнію которыхъ

словесности должно учить не затверживаніемъ правилъ сочинять хріи, періоды и проч., а практическими упражненіями. По этому вся почти его книга состоитъ изъ наставленій, которыми преподаватель словесности долженъ руководствоваться. Такъ напр. въ статьѣ о чтеніи книгъ, онъ постепенно говоритъ *о нуждѣ чтенія, о сочиненіяхъ, которыя преимущественно надобно читать, о томъ, всякія ли сочиненія должно читать, о томъ, какія же книги должно читать, о порядкѣ чтенія, объ образѣ чтенія книгъ, и наконецъ предлагаетъ практическія занятія, напр.: 1. спросить, что прежде назначено было прочитать, разсказать, и показать недостатки чтенія и разбора, 2. съ помощію изложенныхъ правилъ уяснить собственнымъ примѣромъ, какъ читать книги съ понятіемъ и пользою, 3. показать, что правильное чтеніе въ слухъ зависитъ отъ понятія чтенія и потому учитъ декламаціи.* Разумѣется, всѣ эти наставленія мальчику учитель долженъ передать устно. Но есть честные наставники, которые не хотятъ и тутъ что нибудъ выпустить, *чтобъ и здѣсь все къ ряду.* Что сказали бы вы, добрый читатель, о томъ учителѣ чистописанія, который бы заставлялъ мальчиковъ заучивать на память правила каллиграфіи въ родѣ слѣдующихъ: когда хочешь что нибудь писать, сядь за столъ, положи на него бумагу, а на нее правую руку; въ туже самую руку возьми очиненное перо, обмокни его въ чернильницу, не пустую, а наполненную чернилами, вынь его оттуда и, придерживая бумагу лѣвою рукою, начинай писать.“ Но и наши профессоры словесности, заставляющіе учениковъ

учить правила, какъ читать книги, не похожи ли на этихъ учителей каллиграфіи? Извольте теперь съ ними или при нихъ дѣлать какія либо улучшенія по училищамъ.

Послѣ этого понятно, что́ должно происходить въ низшихъ духовныхъ училищахъ. Обычай не чуждый академій, болѣе, нежели на половину принятый въ семинаріяхъ, здѣсь считается чуть ли не священною обязанностію; его придерживаются какъ какой-то святыни, полученной отъ предковъ въ назиданіе потомкамъ. Честность при соблюденіи этого обычая достигаетъ, можно сказать, до самыхъ крайнихъ предѣловъ и можетъ назваться ultra *честностію*. Многіе наставники только на то и обращаютъ вниманіе, чтобы ученики читали свои уроки, читали, какъ можно вѣрнѣе съ подлинникомъ. Для нѣкоторыхъ непониманіе урока кажется вещію простительною, а пониманіе дѣломъ если не излишнимъ, то второстепеннымъ, придаточнымъ; но замѣненіе одного слова другимъ считается признакомъ незнанія урока. *Читай, какъ написано, или напечатано и не смѣй ничего измѣнять.* Выше было замѣчено уже, какъ иные учители ариѳметики бываютъ снисходительны къ ученикамъ, которые умѣютъ скороговоркой прочитать ариѳметическія правила, хотя бы вовсе не знали, какъ при помощи этихъ правилъ производить ариѳметическія дѣйствія надъ числами; и какъ напротивъ тѣже учители неумолимо строги къ ученикамъ, которые хорошо умѣютъ складывать, умножать числа и проч., а между тѣмъ не могутъ прочесть на память напечатанныя въ ариѳметикѣ правила. Развѣ это не ultra — *честные наставники?*

При такихъ условіяхъ что́ остается дѣлать ученикамъ, какъ *не учить, да, учить, читать, да перечитывать, твердить, да затверживать, а иногда даже перетверживать.* Послѣ этого не нужно удивляться, что ученическій лексиконъ необыкновенно обиленъ глаголами, которыми выражается процессъ школьнаго заучиванія уроковъ. Вотъ напр. нѣсколько такихъ словъ: *зубрить, вызубрить, затвердить, вытвердить, перетвердить, прокатать, отвалять, провалять, отпечатать, ожжечь, прожечь, отодрать, продрать и проч.* И точно смыслъ, выражаемый этими словами, исполняется учениками на самомъ дѣлѣ, какъ нельзя лучше; между ними въ этомъ отношеніи есть истинные артисты. Не понимая ничего, иной можетъ прочитать цѣлые страницы и листы скороговоркой; бывали примѣры, что даже въ просоньѣ, не сознавая своего положенія, мальчики вѣрно читывали выученные имъ уроки. На экзаменахъ любо посмотрѣть и послушать, все идетъ безъ остановки; и еслибы въ обычаѣ было награждать учителей, то можно было бы имъ дать орденъ, или годовый окладъ жалованья, по крайней мѣрѣ никакъ нельзя отказать въ благоволеніи, благодарности, благословеніи и признательности.

Представьте себѣ, что научный механизмъ и школьный формализмъ, о которыхъ здѣсь такъ много сказано, пустили корни еще въ дѣтствѣ мальчика при обученіи его грамотности, что они укрѣпляются и поддерживаются въ школѣ въ теченіи 10—15 лѣтъ, не должны ли они утвердиться въ душѣ ученика точно такъ, какъ вторая природа? Не долженъ ли.

онъ вполнѣ усвоитъ себѣ мысль, что все образованіе состоитъ въ затверживаніи учебниковъ, а не въ пониманіи ихъ, не въ раціональномъ усвоеніи себѣ свѣдѣній, не въ умѣньи основательно разсуждать о предметахъ? Представьте себѣ, что это дѣлается въ дѣтствѣ, котораго впечатлѣнія рѣдко изглаживаются, — дѣлается часто до самой возмужалости, когда мы уже остаемся на всю жизнь съ пріобрѣтенными привычками, — и тогда поймете, какое гибелное вліяніе на умственную дѣятельность мальчиковъ имѣетъ школа?

Если бы училища устанавливались съ тѣмъ, чтобы по видимому, обучая дѣтей, въ самомъ дѣлѣ препятствовать развитію ихъ ума, предохранить ихъ отъ роскоши самомышленія, оставить на всю жизнь съ самымъ скуднымъ запасомъ познаній, сдѣлать изъ нихъ полуученыхъ автоматовъ; то признаемся, что чрезъ механическое затверживаніе уроковъ, чрезъ школьный формализмъ и научный педантизмъ, цѣль была бы достигнута самымъ лучшимъ образомъ. Но если въ училищахъ для дѣтей духовнаго званія нужно заботиться о томъ, чтобы ученики выходили съ основательными свѣдѣніями, съ умѣньемъ здраво разсуждать, то описанная метода ровно ни къ чему не ведетъ, или ведетъ къ совершенному оглупѣнію. Въ самомъ дѣлѣ развѣ содержимое въ учебникахъ, не объясненное, не понятое, механически заученное, не усвоенное размышленіемъ, развѣ этотъ весь хламъ можно назвать основательными свѣдѣніями? Все, пріобрѣтаемое такимъ образомъ, не похоже ли на непережеванную пищу? Хорошо еще, если такое ученіе не производитъ разстройства головы подобно тому, какъ непере-

жеванная пища разстроиваетъ желудокъ. Далѣе откуда воспитаннику научиться мышленію, умѣнью легко и свободно выражаться, когда учитель только слушалъ и задавалъ уроки, когда самъ воспитанникъ только училъ и затверживалъ, а не понималъ и не усвоялъ уроковъ, когда уже и въ зрѣломъ возрастѣ его оковывали механизмомъ и формализмомъ? Нѣтъ, какъ кому угодно, а отъ такого преподаванія ученикъ не сдѣлается умнымъ; хорошо еще, если лишится природнаго разсудка. Не естественнѣе ли всего ожидать, что онъ потеряетъ не только охоту, но даже способность судить о томъ, что читаетъ или учитъ? *Читай, да учи, учи, да читай,* вотъ въ чемъ состоитъ его обязанность. И точно слишкомъ много можно представить примѣровъ какого то страннаго отупѣнія до котораго доходятъ ученики духовныхъ училищъ; мы укажемъ на нѣсколько такихъ примѣровъ, и вполнѣ ручаемся за ихъ вѣрность.

Въ одной изъ духовныхъ академій лѣтъ за 25—30 по классу исторіи философскихъ наукъ были записки на латинскомъ языкѣ, въ нихъ параграфъ о зороастровой философіи имѣлъ огромное заглавіе строкъ въ десять. Въ тетради, по которой долженъ былъ учить одинъ изъ студентовъ, заглавія написаны были не съ боку, а напереди каждаго параграфа. Студентъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заглавіе было коротко, отдѣлялъ его отъ параграфа и не училъ. Но у философіи Зороастра рѣшительно не могъ понять, чтобы оглавленіе параграфа могло состоять изъ десяти строкъ, и потому счелъ обязанностію выучить и его. Къ несчастію профессоръ заставилъ студента

повторить именно этотъ параграфъ. Бѣдняга добросовѣстно началъ читать, что́ училъ; и профессоръ и товарищи не могли понять откуда это берется; но профессоръ скоро догадался, улыбнулся и когда студентъ прочиталъ заглавіе, сказаль ему: *довольно*, точно больше нечего было спрашивать; можно уже было видѣть, что́ за молодецъ!

Чтобы понять смѣшную и жалкую сторону другаго анекдота, предварительно замѣтимъ, что въ одной изъ академій не очень въ давнее время записки по нѣкоторымъ предметамъ, передававшіяся изъ рода въ родъ, часто писались на одной половинѣ перегнутаго пополамъ листа, а другая, называвшаяся *полемъ*, оставалась для замѣчаній, текстовъ Св. Писанія и проч. Въ запискахъ по богословію догматическому была статья о томъ, что человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: *души, духа и тѣла*. Не составитель лекцій, а одинъ изъ его преемниковъ счелъ это мнѣніе несправедливымъ и написалъ въ замѣнъ прежней статью о томъ, что въ человѣкѣ только двѣ главныя части; *душа и тѣло*. Измѣненіе это на одной изъ передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію записокъ было написано на полѣ, а между тѣмъ первоначальная статья въ текстѣ не была зачеркнута. Одинъ изъ студентовъ, не желая самъ писать уроки, нанялъ семинариста и далъ ему оригиналомъ этотъ экземпляръ. Семинаристъ, не получивши никакихъ особыхъ приказаній, счелъ за лучшее списать къ ряду обѣ статьи. Студентъ, получивши лекціи, добросовѣстно выучилъ все къ ряду, вовсе не замѣтивъ, что статьи различно толкуютъ объ одномъ и томъ же

предметѣ и даже противорѣчатъ другъ другу. Къ несчастію для будущаго магистра профессоръ спросилъ его именно о томъ, сколько частей въ человѣкѣ, студентъ началъ доказывать на основаніи тетради, что ихъ три, профессоръ, допускавшій только двѣ части, и товарищи изумились, но первоначально подумали, что, вѣроятно, читавшій взялъ это нововведеніе изъ своихъ семинарскихъ уроковъ. Между тѣмъ профессоръ счелъ обязанностію спросить: *что это вы такое читаете? Откуда взяли вы, что три части въ человѣкѣ?* Сосѣдъ студента, взглянувши въ тетрадь его, увидѣлъ, что въ ней находится еще статья о двухъ частяхъ и подшепнулъ пріятелю, чтобы тотъ не отвѣчая, читалъ далѣе. Студентъ послушался и началъ добросовѣстно доказывать, что человѣкъ состоитъ уже изъ двухъ частей. Профессоръ вовсе не бойкій человѣкъ, даже боявшійся студентовъ на лекціяхъ, увидѣлъ возможность высказать свое остроуміе; и когда студентъ докончилъ вторую статью, обратился къ нему съ вопросомъ: *вотъ вы доказали, что въ человѣкѣ и три и двѣ части, такъ скажите, которое изъ этихъ мнѣній справедливо?* Студентъ рѣшился на первый разъ быть боборникомъ двухъ частей. профессоръ тотчасъ сказалъ: *а какъ же вы сейчасъ говорили на основаніи словъ Ап. Павла, что въ человѣкѣ три части.* Студентъ струсилъ предъ текстомъ и согласился на три части; профессоръ съ саркастическою улыбкою и съ величайшимъ самодовольствіемъ, что нашелъ человѣка по своимъ силамъ, опять возразилъ: *какъ же три части? Да скажите, чувствуете ли вы это? вѣдь извѣстно, что кромѣ*

души и тѣла нѣтъ еще третьей главной части. Студентъ согласился и съ этимъ. Подобные переходы отъ одного мнѣнія къ другому продолжались цѣлыхъ почти два часа; профессоръ и студенты помирали со мѣху; дѣйствующее или лучше страдательное лицо совсѣмъ было сбито съ толку. Не смѣйтесь надъ этими бѣдными студентами, не считайте ихъ идіотами. Чтожъ имъ было дѣлать, когда они лѣтъ 15 только привыкали *учить уроки и не понимать, быть не мыслящими существами,* а попугаями повторяющими *чужія слова и мысли?*

Чтожъ теперь сказать о семинаріяхъ, объ уѣздныхъ училищахъ? Если студенты академій иногда не различаютъ содержанія параграфовъ отъ ихъ заглавій, если серьёзно къ ряду учатъ и доказываютъ что въ человѣкѣ и три и двѣ части; то чтоже должно происходить въ семинаріяхъ и училищахъ? Можно было бы и не отвѣчать на эти вопросы, всякій догадается, въ чемъ долженъ состоять отвѣтъ. Но въ училищахъ, а иногда и въ семинаріяхъ встрѣчались, а можетъ быть и встрѣчаются. случаи, которыхъ въ академіи не бываетъ. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ мы уже сказали, есть науки, которыхъ предметы очень схожи между собою; напр. катихизисъ краткій, катихизисъ пространный, катихизисъ Петра Могилы говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; исторія священная сходится съ исторіею библейскою, а вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ катихизисами, съ чтеніемъ Священнаго писанія, съ воскресными Евангеліями и Апостолами; кромѣ того особенно въ исторіяхъ встрѣчаются вычисленія или термины ариѳметическія. Ко-

нечно вы, Г.г. читатели, знаете что наша способность воспоминанія основывается между прочимъ на связи мыслей (школьная психологія называетъ это *связію идей,* associatio idearum), но въ головахъ учениковъ, ни о чемъ не размышляющихъ, воспоминаніе преимущественно основывается на связи словъ, одно слово вызываетъ другое,—это уже будетъ *связь словъ* (associato verborum). На основаніи этой-то ассоціаціи происходятъ иногда въ училищахъ уморительныя сцены. Мальчика напр. спрашиваютъ изъ пространнаго катихизиса и вдругъ ему попадается одно, или нѣсколько словъ, а иногда мыслей изъ краткаго катехизиса, или священной исторіи. И вотъ онъ по механическому настроенію своей памяти и разсудка и только читая и разсуждая, къ потѣхѣ своихъ товарищей, переходитъ изъ одной науки въ другую, бывали примѣры, что или ариѳметика смѣнялась священною исторіею, или на оборотъ.

Тупоуміе нѣкоторыхъ мальчиковъ доходитъ до непонятныхъ почти странностей; они даже очень часто не могутъ понимать вопросовъ и отвѣчаютъ только то, что слѣдуетъ по учебнику, и если учитель вдругъ измѣнитъ порядокъ вопросовъ, или даже выразитъ его нѣсколько другими слова, то не мало найдется учениковъ, которые вовсе не подадутъ на вопросъ, хотя отвѣтъ знаютъ очень хорошо. Можетъ быть, не всякому извѣстенъ анекдотъ, разсказываемый про одного дьячка, который пришелъ къ мѣстному архіерею просить о посвященіи себя въ стихарь. Владыка, испытавъ его въ чтеніи и пѣніи, остался очень доволенъ отвѣтами, и въ заключеніи экзамена

рѣшился спросить: *знаетъ ли онъ катихизисъ? — Знаю*, былъ смѣлый отвѣтъ, который рѣшительно не давалъ права сомнѣваться въ истинѣ словъ. Архипастырь предлагаетъ дьячку вопросъ: *какъ читается третія заповѣдь?* Но этотъ къ удивленію мнется и никакъ не можетъ ничего сказать; вопросъ перемѣнили; отвѣта опять не получили. Дьячка спрашиваютъ: зачѣмъ же онъ обманываетъ? Дьячекъ съ прежнею смѣлостію и рѣшительностію, хотя уже сконфуженный и въ поту отъ усилія отвѣчать, говоритъ: *ей Богу знаю, Владыко Святый*, и даже выронилъ нѣсколько слезинокъ. Архипастырь былъ умный и догадливый человѣкъ, скоро понялъ, въ чемъ дѣло. Катихизисы, какъ извѣстно, раздѣляются на вопросы, сначала стоитъ слово: *вопросъ*, или начальная его буква: *В.*, за тѣмъ содержаніе вопроса; послѣ слово *отвѣтъ*, или буква *О.*, а тамъ и содержаніе отвѣта. Читаки-ученики учатъ все къ ряду, не пропуская ни слова, и потому въ ихъ головѣ и на языкѣ сначала стоитъ слово *вопросъ*, послѣ содержаніе вопроса, далѣе слово *отвѣтъ* и проч. Дьячокъ именно такъ и училъ; а архипастырь, разумѣется, не произносилъ слова *вопросъ*. По этому, походивши нѣсколько по комнатѣ, Владыко подходитъ къ дьячку и остановившись предъ нимъ, быстро говоритъ: *вопросъ. — какъ читается третія заповѣдь?* — дьячекъ тотъчасъ же сказалъ: *отвѣтъ, не приемли имени Господа Бога твоего всуе.* Въ этомъ тонѣ вопросы продолжались, и ни одинъ изъ нихъ не остался безъ отвѣта; дьячекъ дѣйствительно превосходно зналъ, по своему,

катихисисъ, разумѣется, онъ получилъ образованіе въ духовномъ училищѣ.

Мы сами были свидѣтелями еще большаго тупоумія. Старикъ учитель Р..... духовнаго училища, высшаго отдѣленія, имѣлъ обыкновеніе спрашивать учениковъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидятъ на партахъ и давать вопросы также по тому порядку, въ какомъ слѣдуютъ они въ учебникѣ. Въ извѣстный день урокъ былъ изъ катихизиса о членахъ символа вѣры и изъ ариѳметики объ извлеченіи квадратнаго корня. Учитель былъ слабый и даже слабоумный человѣкъ, — если ученикъ не зналъ урока, то онъ могъ взять учебникъ въ руки и читать по немъ свой отвѣтъ съ тѣмъ впрочемъ, чтобы дѣлать надлежащія остановки на точкахъ и запятыхъ и проч., — это называлось *читать съ толкомъ*. Для отвѣтовъ учитель избралъ вторую парту. Одинъ впрочемъ изъ учениковъ, на ней сидѣвшихъ, никогда не умѣлъ расчитывать, на какой вопросъ ему придется отвѣчать и потому обращался всегда для разрѣшенія этой трудной задачи къ ученику, сидѣвшему противъ него на первой партѣ и называвшемуся *Матвѣемъ*, за что, разумѣется, давалъ по временамъ кусокъ булки, пышки и проч. И въ настоящемъ случаѣ онъ обратился къ своему покровителю. Этотъ рѣшился отмстить своему кліенту за то, что когда-то не получилъ отъ него булки, — посмотрѣлъ на вторую парту, считая учениковъ и взявши ариѳметику, сказалъ, что ему придется отвѣчать, какъ извлекается квадратный корень и совѣтовалъ вытвердить по занятымъ, точкамъ и проч. Но *Ефимъ*, такъ

звали просителя ученика, догадался ли самъ, или отъ сосѣдей узналъ, что учитель спрашиваетъ изъ катихизиса, и потому осмѣлился выразить предъ Матвѣемъ свое недоумѣніе. *„Дуракъ*, отвѣчалъ Матвѣй, *читаютъ почти изъ катихизиса, а тебѣ достанется изъ ариѳметики.* Ефимъ успокоился и принялся за приготовленіе урока. Наконецъ очередь дошла до него. *Юша!* (учитель многихъ учениковъ звалъ по именамъ; Юша впрочемъ былъ лѣтъ двадцати, плечистый и плотный дѣтина); *Юша*, сказалъ учитель, *скажика мнѣ, что содержится въ пятомъ членѣ символа вѣры.* Юша послѣ небольшой паузы, собравшись съ силами, вдругъ крѣпкимъ и звучнымъ голосомъ зачиталъ: *чтобы извлечь квадратный корень, нужно данное число раздѣлить на грани и проч.* Учитель сначала не опомнился отъ удивленія, но скоро закричалъ: *стой, стой;* но плутъ Матвѣй шепталъ Юшѣ: *читай, читай, не останавливайся, онъ нарочно говоритъ.* Юша послушался. Учитель, видя, что слова его не помогаютъ, вскочилъ, подбѣжалъ къ партѣ и выхватилъ у Юши ариѳметику Куминскаго. Не забудьте, что Юша учился въ училищѣ около 10-ти уже лѣтъ.

Позвольте еще разсказать третій новѣйшій примѣръ, который если не подтверждаетъ топоумія учениковъ, то служитъ доказательствомъ того, что ученики семинаріи по окончаніи курса, послѣ 12—15 лѣтняго обученія, обнаруживаютъ незнаніе самыхъ извѣстныхъ предметовъ. Профессоръ одной семинаріи, приготовляя учениковъ высшаго отдѣленія, окончившихъ уже полный курсъ къ публичному экзамену, замѣтилъ, что въ

статьѣ, назначенной для такого торжественнаго случая, встрѣчаются имена Прискиллы и Акилы, двухъ лицъ, упоминаемыхъ въ 16 главѣ посланія ап. Павла къ Римлянамъ. Прискилла была извѣстная женщина, а Акилла мущина. Но такъ какъ по окончанію оба имена можно было принять за женскія; то профессоръ счелъ обязанностію сказать ученикамъ, кого изъ обоихъ лицъ нужно считать мущиною, или женщиною. Не знать подобной вещи еще можно и простительно. Но въ этой же статьѣ встрѣчались слова Ахаія и Македонія. Одинъ ученикъ, полагая, что, можетъ быть, однимъ изъ этихъ словъ называется мущина, а другимъ женщина, спросилъ профессора: ну, а ктоже такія Ахаія и Македонія? т. е. оба ли мущину, или одна женщина а другой мущина? Событія эти были въ 1860 году. За два года изъ той же семинаріи посланъ былъ даже въ академію одинъ студентъ, который на вопросъ экзаменатора: почему извѣстный въ Россіи соборъ называется стоглавымъ, отвѣчалъ: потому что на немъ присутствовали сто епископовъ. Не скроемъ впрочемъ, что этотъ студентъ принадлежалъ къ привиллегированнымъ ученикамъ, т. е. былъ племянникомъ ректора.

Прочитавши описанные наши примѣры, можетъ быть, скажутъ, что они ровно ничего не доказываютъ. Развѣ, по русской пословицѣ, *въ семьи не бываетъ уродовъ?* А съ другой стороны развѣ изъ духовно-учебныхъ заведеній не выходятъ люди дѣльные, съ основательными свѣдѣніями? Развѣ многіе изъ нихъ не пріобрѣли извѣстность не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ? Съ послѣднимъ мы

вполнѣ согласны, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываемся и отъ той мысли, которая выражена въ описанныхъ выше примѣрахъ. Дѣльные и основательные люди могутъ выходить даже изъ дурныхъ училищъ, природный разсудокъ, собственная смѣтливость и опытность сдѣлаютъ умнымъ человѣка, даже нигдѣ не обучавшагося. Обращеніе съ умными людьми, ихъ разговоры и особенно господствующій духъ времени дадутъ возможность ученику развить свои способности и не только независимо отъ всѣхъ Г.г. наставниковъ, но даже противъ ихъ желанія. А сколько людей образовалось посредствомъ чтенія книгъ? Наконецъ недолжно выпускать изъ вида то вліяніе, которое обнаруживаетъ дѣльный наставникъ, если бы онъ даже былъ одинъ между цѣлымъ десяткомъ сослуживцевъ. Ученики, нисколько не удовлетворяемые прочими педагогами, тѣмъ съ большею охотою слушаютъ его. Подобные люди, какъ выше уже было замѣчено, весьма нерѣдки въ духовныхъ училищахъ, и каждый ученикъ, кончившій курсъ семинаріи, вѣрно, встрѣтится не съ однимъ дѣльнымъ и основательнымъ преподавателемъ. И потому чтоже удивляться, если при механизмѣ и формализмѣ, господствующихъ въ духовныхъ училищахъ, выходятъ изъ нихъ основательные люди, но не въ слѣдствіе этого формализма, а именно не смотря на механизмъ и формализмъ?

Но выходящіе изъ духовно-учебныхъ заведеній люди, подобные Юшѣ и другимъ его собратамъ слишкомо мало говорятъ въ пользу ихъ. Почтенный Ефимъ обучался десять лѣтъ, значитъ его не считали еще бездарнымъ человѣкомъ, нашли возможность про-

вести его по четыремъ классамъ. Чтоже можно думать объ училищѣ, когда этотъ молодецъ, проучившись 10 лѣтъ, на вопросъ изъ катихизиса читалъ отвѣтъ изъ ариѳметики объ извлеченіи квадратнаго корня? Неужели въ десять лѣтъ нельзя его было научить хоть тому, что бы онъ умѣлъ понимать предлагаемые вопросы и не замѣнять катихизиса ариѳметикой? Не является ли онъ чистою машиною, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ управляющаго ею? А почтенные академики, одинъ не умѣвшій различить заглавіе параграфа отъ содержанія сто, а другой, заучившій къ ряду, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ и трехъ частей и нисколько не замѣтившій противорѣчія въ своихъ словахъ, — неужели не доказываютъ до какого тупоумія при пособіи школьнаго механизма и формализма могутъ быть доводимы даже лучшіе ученики? Оба эти академики прошли всѣ классы семинаріи, посланы въ академію и здѣсь получили за свои успѣхи и отличное поведеніе, одинъ степень кандидата, а другой даже званіе магистра. А ученикъ семинаріи высшаго отдѣленія, при самомъ концѣ курса принимающій слова Ахаія и Македонія за собственныя имена людей, только не знавшій, которое изъ нихъ принадлежитъ мущинамъ и которое женщинамъ, — этотъ ученикъ надѣялся быть спрошеннымъ на публичномъ экзаменѣ, и слѣдовательно принадлежалъ къ хорошимъ ученикамъ? Всѣ эти примѣры, кажется, слишкомъ ясно говорятъ, что въ методѣ преподаванія наукъ въ духовныхъ училищахъ, въ оцѣнкѣ успѣховъ ученическихъ есть ужасные недостаки. Затѣмъ припомнимъ, что въ низшихъ ду-

ховныхъ училищахъ и семинаріи надобно обучаться 12 лѣтъ, болѣе, нежели сколько нужно для окончанія курса въ гимназіи и университетѣ. Неужели кто нибудь станетъ утверждать, что изъ университетовъ выходятъ люди съ такимиже свѣдѣніями, съ такимъ же умственнымъ настроеніемъ, какъ изъ семинарій? Конечно нынѣ стараются придавать лоскъ всему, нынѣ въ многихъ изъ духовныхъ училищъ слѣдятъ за современными идеями. Подите на экзаменъ въ какое либо училище, вы замѣтите, что ученики, по видимому, не читаютъ, но разсказываютъ свободно и ясно. Но остановите ученика, дайте ему вопросъ, на который нѣтъ отвѣта въ учебникѣ, сцена тотчасъ перемѣняется; тонъ голоса ученика понижается на цѣлую октаву, ученикъ мнется, запинается, говоритъ не вопадъ, тогда вы убѣдитесь, что прежній его отвѣтъ былъ только новый видъ усовершенствованнаго школьнаго механизма и формализма и что ученикъ по прежнему остается *читакою, но уже 19-го столѣтія, читакою съ остановками по занятымъ и съ паузами по точкамъ.*

Отдѣленіе второе.

О вліяніи школьнаго механизма и формализма на развитіе любознательности воспитанниковъ духовныхъ училищахъ.

Кому неизвѣстно, какъ, сильна любознательность бываетъ даже въ малыхъ дѣтяхъ, съ какою жадностію онѣ слушаютъ разсказы,стараются усвоить всякое слово и всякую мысль, готовы отказаться отъ сна и отъ пищи, лишь бы позволено было слушать, что ли-

бо замѣчательное? Далѣе любознательность ненасытима, человѣкъ чѣмъ больше узнаетъ, тѣмъ болѣе ему хочется пріобрѣсти новыхъ свѣдѣній. Какъ же велика бы должна быть любознательность духовныхъ воспитанниковъ? Чего они не переучили въ теченіи 10—15 лѣтъ? Какихъ наукъ имъ не преподавали? По умѣренному счету число ихъ простирается до 40—50. Какъ бы отъ этого не растрогаться самой тупой любознательности? Къ несчастію опытъ въ этомъ случаѣ расходится съ теоріею. Нынѣ едвали не общее почти мнѣніе, что духовенство слишкомъ мало любитъ заниматься умственною работою. Подобное мнѣніе обыкновенно приписываютъ недоброжелательству, закоренѣлой ненависти враговъ духовенства. Но самые усердные защитники его едвали не принуждены будутъ жаловаться на недостатокъ матеріальныхъ, такъ сказать, доказательствъ любознательности всего вообще духовенства. Напр. сколько найдется причетниковъ, которые бы брали книгу въ руки, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по ней надобно совершать богослуженіе? А между тѣмъ многіе изъ нихъ обучались лѣтъ по десяти, слушали даже словесность, исторію и проч. Дьяконы большею частію непремѣнно обучались въ семинаріи, иные кончили курсъ въ ней. А между тѣмъ сколько найдется между ними такихъ, которые рѣшительно ничего не читаютъ? Какъ даже рѣдки между самыми священниками люди любознательные? Сколько магистровъ и кандидатовъ, которые изъ класснаго своего оклада не удѣляютъ даже десяти процентовъ на покупку книгъ? Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія

въ Петербургѣ въ собраніи, состоявшемъ изъ однихъ магистровъ и кандидатовъ академіи, зашла рѣчь о замѣчательномъ тогда литературномъ произведеніи. Собесѣдники скоро замѣтили, что одинъ товарищъ ихъ вовсе не принимаетъ участія въ разговорѣ, не смотря на это, рѣшились спросить его мнѣнія. „*Эхъ! Господа! Господа!*отвѣчалъ почтенный магистръ священникъ, *охота вамъ заниматься подобными пустяками, послѣдуйте лучше моему примѣру, вотъ я уже ровно 10 лѣтъ ничего не читаю; даже Христіанское чтеніе у меня иногда остается не разрѣзаннымъ за цѣлый годъ.*“ Повѣрьте, подобныхъ любознательныхъ магистровъ можно найти не одинъ экземпляръ.

Для подтвержденія этихъ замѣчаній мы хочемъ сослаться на оффиціальныя такъ сказать, доказательства. Прежде, нежели стали издаваться Воскресное Чтеніе и Творенія Зв. Отцевъ, единственнымъ духовнымъ журналомъ были въ Россіи Христіанское Чтеніе. Редакція употребляла дѣятельныя мѣры къ распространенію его; въ концѣ каждаго года всѣ епархіальные начальники получали отъ редактора почтительнѣйшее отношеніе, въ которомъ ихъ просили принять участіе въ распространеніи журнала между лицами духовнаго званія. Большая часть епархіальныхъ начальниковъ, а можетъ быть, даже и всѣ также очень дѣятельно содѣйствовали этому. Ко всѣмъ благочиннымъ посылаемы были указы Его Императорскаго Величества изъ . . . . . ой Духовной Консисторіи съ предписаніемъ объявить духовенству, чтобы оно выписывало Христіанское Чтеніе. Такъ какъ въ Россіи считается болѣе, нежели 30 тысячъ

православныхъ причтовъ; то, по видимому, какое огромное количество подписчиковъ должна была имѣть редакція Христіанскаго Чтенія, если бы даже другія сословія вовсе не принимали въ этомъ участія? А между тѣмъ бывали годы, въ которые число подписчиковъ не превышало 1000, рѣдко доходило до 1500, притомъ большая часто были епархіальные начальники, правленія семинарій, начальники низшихъ духовныхъ училищъ и лица, принадлежащія не къ духовному званію, собственно же священниковъ, не служащихъ при духовныхъ училищахъ, едвали набиралось сотни три, четыре, которые бы выписывали Христіанское Чтеніе. Не должно забывать, что указомъ Его Императорскаго Величества позволялось выписывать журналъ на церковный счетъ. Какова же любознательность 30,000 причтовъ, которые, не смотря на консисторскіе указы, не хотѣли выписывать единственный духовный журналъ даже на церковный счетъ! Нынѣ конечно духовныхъ журналовъ гораздо болѣе; но любопытно было бы знать, на сколько увеличилось число подписчиковъ ихъ собственно между сельскимъ духовенствомъ. Далеко ли оно отъ 30,000? Другое, на менѣе оффиціальное доказательство нашихъ замѣчаній доставляютъ ежегодные объѣзды тѣхъ епархіальныхъ начальниковъ, которые при обозрѣніи епархій имѣютъ обыкновеніе экзаменовать священниковъ, преимущественно, разумѣется, по догматическому богословію, обрядословію и библейской исторіи. Какихъ отвѣтовъ имъ не приходится въ этомъ случаѣ слышать. Вотъ напр. одинъ изъ отвѣтовъ: на вопросъ Преосвященнаго:

что такое суббота? Священникъ отвѣчалъ, *что это не что иное, какъ манна, нисходившая израильтянамъ съ неба въ каждую субботу.* Не доказываетъ ли этотъ отвѣтъ, что священникъ не только потерялъ уже всякую любознательность, но даже и способность разсуждать?

Не думайте, чтобы, высказывая свои замѣчанія, мы имѣли въ виду унизить духовенство. Нѣтъ, намъ хочется оправдать его, показавъ, что оно доведено до подобнаго состоянія методою, которой держатся при преподаваніи наукъ въ духобно-учебныхъ заведеніяхъ. Всякаго недоброжелателя духовенства мы спросимъ: охотно ли онъ слушаетъ того человѣка; который разсказываетъ что бы то ни было самымъ скучнымъ образомъ и притомъ употребляя непонятныя слова и выраженія? Можетъ быть, нужда или житейскіе разсчеты заставятъ его по крайней мѣрѣ показать, что онъ слушаетъ. Но при отсутствіи понудительныхъ и побудительныхъ причинъ не постарается ли онъ, какъ можно скорѣе, отдѣлаться отъ подобнаго разскащика? Не станетъ ли онъ избѣгать всѣхъ случаевъ съ нимъ сходиться и заводить разговоръ? Далѣе согласится ли недоброжелатель духовенства читать книгу, писанную устарѣлымъ и непонятнымъ языкомъ, надъ которою постоянно надобно задумываться и отыскивать смыслъ? Конечно нужда чего не дѣлаетъ? Но опять при отсутствіи понудительныхъ и побудительныхъ причинъ не постарается ли всякій отдѣлатся отъ нея точно также, какъ онъ отдѣлывается отъ скучнаго собесѣдника? Пусть недоброжелатель приложитъ

эти замѣчанія къ какой либо наукѣ, къ цѣлой системѣ воспитанія; пусть вообразитъ, что преподаваніе наукъ производится по подобнымъ книгамъ и подобными расказчиками съ присовокупленіемъ многихъ *отягчающихъ обстоятельствъ.* Неужели и тогда онъ станетъ бранить людей, которые, получивши подобное воспитаніе, ничѣмъ не хотятъ заниматься?

А между тѣмъ всмотритесь хорошенько въ систему воспитанія дѣтей духовнаго званія? Не увидители возможности приложить къ нему высказанныя сейчасъ замѣчанія? Мальчикъ лѣтъ 6—9 пока только еще и руководствуется памятью и воображеніемъ, его только и занимаютъ легкіе разсказы, картинки, и т. п. А ему въ руки даютъ такія книги, надъ которыми задумывается даже взрослый человѣкъ, для объясненія которыхъ иногда нужно взять въ руки фоліантъ фунтовъ въ десять. Неужели этимъ средствомъ можно поддержать и развить любознательность? — Мальчикъ поступаетъ въ училище; тутъ является уже на сцену научное воспитаніе, систематическое образованіе, предлагая ему опредѣленіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ, падежей именительныхъ и родительныхъ, безконечныя исключенія, безчисленныя правила и формы склоненій и спряженій, вокабулы латинскіе. Разовьется ли всѣмъ этимъ любознательность, особенно. когда надобно читать непонятное, учить не объясненное, все зубрить слово въ слово? Потомъ конечно слѣдуютъ другія науки, но нельзя ли къ нимъ приложить русскую пословицу: *чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ?* Тотъ же самый меха-

низмъ, тотъ же самый формализмъ, тоже самое зубреніе, тѣже лекціи безъ объясненія, тѣже непонятные учебники, все тоже и тоже не должно ли еще болѣе препятствовать развитію любознательности? И неужели все это воспитаніе надобно будетъ назвать ученьемъ? Не нужно ли къ послѣднему слову прибавить сначала букву *м*? Не лучше ли сравнить это ученіе съ работою поденьщика, съ барщиною, съ уроками, которые суровая деревенская помѣщица даетъ сѣнным своимъ дѣвушкамъ? Развѣ кому нибудь покажется удивительнымъ, что поденьщикъ, избавившись отъ необходимости отыскивать себѣ работу, старается воспользоватся свободнымъ временемъ; что крестьянинъ ждетъ - не дождется случая какъ нибудь отдѣлаться отъ барщины; что и сѣнныя дѣвушки, освободившись изъ подъ вліянія помѣщицы, не являются къ ней за полученіемъ уроковъ? Зачѣмъ удивляться, что и обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ послѣ бросаютъ всѣ свои ученыя занятія, когда они для нихъ были столько пріятными, сколько пріятны барщина для крестьянъ, или уроки помѣщицы для сѣнныхъ дѣвушекъ. Надобно быть очень знакомымъ съ духовными училищами, чтобы видѣть, какъ обнаруживается это чувство. Не часто ли бываетъ, что по окончаніи курса иной ученый мужъ собираетъ всѣ свои тетради и учебники и торжественнымъ образомъ съ какимъ - то наслажденіемъ празднуетъ надъ ними автодафе. Одинъ студентъ московской духовной академіи употребилъ особенный оригинально циническій способъ, посредствомъ котораго, выразилъ все свое расположеніе къ учебнымъ

письменнымъ руководствамъ. Не будучи записнымъ поклонникомъ Бахуса, онъ впрочемъ рѣшился въ одинъ день выразить свою радость по случаю окончанія курса, какъ свойственно истинно-русскому человѣку, который и въ радости и въ горѣ обращается къ жизненной водѣ. Положивши предъ собою всѣ свои учебныя тетради, онъ намѣренно до тѣхъ поръ опаражнивалъ стаканъ за стаканомъ, пока желудокъ его не началъ выбрасывать изъ себя все, что было съѣдено и выпито. Тогда-то онъ пьяный, но не потерявшій еще сознанія, съ какимъ дико-отвратительнымъ восторгомъ свои vomissements изрыгалъ на академическую ученость. Замѣтьте; — это дѣлалось въ академіи — студентомъ, вовсе не глупымъ человѣкомъ и не негодяемъ! Болѣе догадливые и разсчетливые стараются поскорѣе сбыть учебники съ рукъ своимъ преемникамъ за какую нибудь цѣну и полученными деньгами удовлетворить другимъ своимъ потребностямъ, только не ученымъ и не нравственнымъ. Немногіе рѣшаются, собравши свои книги и тетради, взять ихъ съ собою съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ прочитывать ихъ. Всѣ эти книги и тетради сначала, можетъ быть, пріютятся въ какомъ либо шкафѣ; но скоро должны будутъ уступить мѣсто другимъ вещамъ болѣе важнымъ и нужнымъ, напр. чаю, сахару, бутылкамъ, стаканамъ и проч., переправятся на шкафъ, послѣ попадутъ за шкафъ, или въ залавокъ, вынесутся куда нибудь въ чуланъ, или на чердакъ, покроются пылью, пока догадливая хозяйка, или необразованная кухарка не станетъ употреблять ихъ на домашнія потребности, или пока

любознательныя мыши и крысы не захотятъ въ буквальномъ смыслѣ переварить школьную премудрость въ своихъ желудкахъ и усвоить въ свой организмъ. Право подобной исторіи удивляться нѣтъ надобности, она есть необходимое слѣдствіе, до котораго доводитъ людей множество обстоятельствъ. Вѣдь кому захочется заняться тѣмъ, что такъ надоѣло въ школѣ? А между тѣмъ прошло уже 20—25 отъ роду; время, въ которое развиваются и получаютъ направленіе умственной способности, улетѣло; человѣкъ долженъ уже оставаться съ тѣми впечатлѣніями, съ тѣми чувствованіями, которыя онъ вынесъ изъ школы. Тутъ появляются на сцену житейскія нужды, обязанности семейныя, хозяйственныя хлопоты, занятіе по службѣ и проч. пр. До книгъ ли послѣ этого, особенно когда къ нимъ и прежде сердце нисколько не лежало. Не много тѣхъ счастливцевъ, которые послѣ 25 лѣтъ пріобрѣтаютъ любознательность и стараются удовлетворить ей, а большая часть никогда ея не пріобрѣтетъ, если не ознакомилась съ нею до 20—25 л.

Высказанныя сейчасъ замѣченія касательно любознательности воспитывавшихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должно приложить и къ богословскимъ наукамъ. Всѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ вообще любознательности, относятся и къ нимъ, только едвали не въ высшей степени. Учебники по этимъ наукамъ гораздо затруднительнѣе нежели по прочимъ, буквальное заучиваніе предметовъ, въ нихъ заключающихся, требуется почти безусловно; уклоненіе отъ этого многими зилотами считается

чѣмъ-то въ родѣ профанаціи; предварительное объясненіе уроковъ здѣсь встрѣчается едвали не рѣже, нежели при преподаваніи прочихъ. Къ этому надобно прибавить, что ученики не выносятъ изъ школы непріятнаго впечатлѣнія отъ свѣтскихъ наукъ; они ими только не занимались, а отвращенія къ нимъ, или затрудненія отъ нихъ не ощущали. Совсѣмъ другое дѣло науки богословскія, по крайней мѣрѣ, тѣ которыя причислены къ главнымъ предметамъ и преподаются наставниками-начальниками; ими уже нельзя не заниматся; преподаватель ихъ не простой наставникъ; отъ него не отдѣлаешься чѣмъ нибудь, а учи все самымъ твердымъ образомъ, какія бы затрудненія въ этомъ случаѣ на встрѣчались.

Можетъ быть нѣкоторые въ этомъ мѣстѣ скажутъ; зачѣмъ же забывать, что истины, заключающіяся въ богословскихъ наукахъ касаются временнаго нашего благосостоянія и вѣчнаго спасенія, что онѣ должны быть поставлены выше истинъ всѣхъ прочихъ наукъ? Неужели лица, занимающіяся, или обязанныя заниматься ими, станутъ упускать изъ виду столь важныя соображенія и увлекаться какими-то мѣлочными, даже дѣтскими впечатлѣніями? Все это справедливо. Но не надобно забывать того, что не только у дѣтей, но и у взрослыхъ людей расположеніе къ занятію какою бы то ни было наукою не всегда зависитъ отъ достоинства истинъ, въ ней заключающихся. Дѣльный, опытный преподаватель своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ можетъ расположить учениковъ заниматься такою даже наукою, которой истины слишкомъ просты и обыкновенны, не имѣютъ

никакого возвышеннаго и Божественнаго характера: но скучное утомительное и обременительное преподаваніе можетъ убить всякую наклонность къ наукѣ, хотя бы она заключала самыя возвышенныя истины. Барщина остается барщиною, вытаскиваетъ ли крестьянинъ изъ земли древесные пни, ворочаетъ ли камни, или добываетъ золото и серебро. А впечатлѣнія, полученныя въ теченіи всего нашего воспитанія, остаются всегда почти съ нами; они, можетъ быть безъ нашего сознанія, составляютъ всю книгу логики, всѣ законы, которыми мы руководствуемся въ мышленіи и дѣлахъ, и которымъ мы подчинены несравненно болѣе, нежели логическимъ законамъ достаточнаго основанія, средняго-третьяго и проч. Если кто хочетъ, чтобы какою либо наукою о возвышенныхъ предметахъ воспитанники занимались усерднымъ образомъ и полюбили её, то пусть позаботится о занимательномъ и увлекательномъ преподаваніи ея, пусть не успокоивается мыслію, что возвышенные предметы, въ ней заключающіеся, сами собою привлекутъ къ себѣ вниманіе учениковъ, хотя бы излагались самымъ скучнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не надобно упускать изъ виду и того, что воспитавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ жили и живутъ не въ одной школѣ. Нынѣ стали печатать, прежде говорили и даже очень громко, что всякій наставникъ долженъ объяснять свои уроки, что при преподаваніи наукъ надобно сообразоваться съ возрастомъ воспитанниковъ, что не нужно говорить объ одномъ и томъ же предметѣ по 5—10 разъ только различными словами, что буквальное заучиваніе уроковъ есть пустой и

безполезный формализмъ; — о всемъ этомъ давно уже слыхали духовные воспитанники. И послѣ того преподаваніе, совершенно не согласное съ такими правилами, неужели могло сдѣлать науку пріятною единственно только потому, что она говоритъ о вѣчномъ нашемъ спасеніи? Вѣчное спасеніе, какъ всякій знаетъ, можно получить и безъ наукъ. Такимъ образомъ нисколько не кажется непонятнымъ, что даже священники не слишкомъ охотно любятъ заниматься богословскими науками, что они свободное время соглашаются посвящать занятіямъ вовсе неученымъ, а другимъ, въ которыхъ они находятъ какое нибудь удовольствіе. А если бы и пришла охота почитать что нибудь, то скорѣе возьмутся за свѣтскую, нежели богословскую книгу. Первая пишется нынѣ такъ ясно и просто, говоритъ о предметахъ понятно и увлекательно, не требуетъ ни сморщеннаго чела, ни насупившихся бровей, читается легко и пріятно, зачѣмъ же не взяться за нее и не предпочесть ее той книгѣ, которая не представляетъ этихъ привлекательныхъ содрогъ?

Отдѣленіе третіе.

О послѣдствіяхъ исключительно-богословскаго настроенія ума.

Идіоты въ родѣ Юпи, — читающія машины въ родѣ дьячка, не умѣвшаго отвѣчать изъ катихизиса иначе, какъ при употребленіи словъ: вопросъ и отвѣтъ, будущіе магистры доказывающіе въ одно и

тоже время, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ и изъ трехъ главныхъ частей, — будущіе кандидаты богословія, не умѣвшіе различать заглавія статьи отъ ней самой, — настоящіе магистры богословія равнодушные къ всѣмъ литературнымъ произведеніямъ и не разрѣзывавшіе Христіанскаго Чтенія и пр., могутъ выходить не изъ однихъ духовныхъ училищъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ прочихъ вѣдомствъ иногда встрѣчаются тотъ же механизмъ и формализмъ, тоже механическое заучиваніе и зубреніе, тѣже бездарные и лѣнивые ученики и другія обстоятельства, которые помогаютъ не развивать, а убивать способности дѣтей. Но мы еще не говорили о недостаткѣ, который можно пріобрѣсти едвали не въ однихъ духовныхъ училищахъ; этотъ недостатокъ замѣчается не во всѣхъ ученикахъ, его встрѣтить можно въ тѣхъ только лицахъ, которыя вполнѣ презираютъ человѣческія науки, нисколько ихъ не зная, и занимаются однимъ богословіемъ. Для лучшей ясности мы находимъ нужнымъ сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ способахъ и методахъ, при помощи которыхъ люди, разумѣется, ученые, разсуждаютъ о предметахъ вѣдѣнія человѣческаго. Такихъ способовъ въ такъ называемыхъ человѣческихъ наукахъ два.

1. Собираютъ факты и явленія, замѣчаютъ въ нихъ взаимное сходство или несходство, раздѣляютъ ихъ на разныя группы, и на основаніи общихъ свойствъ, найденныхъ въ большемъ ихъ количествѣ, открываютъ тѣ законы, которымъ они подчинены. А когда эти законы уже извѣстны и являются новые

факты и явленія, то по признакамъ, замѣчаемымъ въ послѣднихъ, стараются опредѣлить, посредствомъ какого закона можно объяснить ихъ? Методъ этотъ, опирающійся на такъ называемыхъ логическихъ *наведеніи и аналоіи*, употребляется нынѣ во всѣхъ физическихъ и естественныхъ наукахъ. Другой методъ называется *математическимъ*. При помощи его принимая доказываемую истину уже за доказанную, стараются посредствомъ строгихъ логическихъ умозаключеній объяснить, или что противное ея положеніе опровергается вполнѣ извѣстными истинами и аксіомами, или что всѣ тѣ умозаключенія, которыя изъ нея вытекаютъ, нисколько не противорѣчатъ доказаннымъ истинамъ. Конечно, оба эти метода не предохраняютъ вполнѣ отъ ошибокъ. Но они тѣмъ хороши, что при помощи ихъ легко можно открывать несправедливыя мнѣнія. Если на напр. отъ поспѣшности или чего либо другаго мы какое нибудь свойство, замѣченное въ явленія, ошибочно признали закономъ природы, то новые факты сдѣлавшіеся намъ извѣстными покажутъ наше заблужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ возможность поближе подойти къ истинѣ.

Кромѣ этихъ двухъ методовъ есть еще третій, который назовемъ *положительнымъ* или *догматическимъ*. Онъ состоитъ въ томъ, что большее или меньшее количество извѣстныхъ мнѣній принимается за неопровержимыя истины, и затѣмъ они для всѣхъ прочихъ свѣдѣній служатъ какъ бы рамкою; только то признается истиннымъ, что такъ или иначе изъ нихъ можетъ быть выведено, и на оборотъ все то

ложно, что въ какомъ бы то ни было отношеніи съ ними несогласно, ими неподтверждается. Держащагося этой методы ничто не можетъ поколебать; онъ ничему не повѣритъ, ни очевидности фактовъ, ни ясности доказательствъ ни строгой логической послѣдовательности мыслей, ни даже своимъ чувствамъ, если новое свѣдѣніе противорѣчитъ его неопровержимымъ истинамъ. Этотъ методъ встрѣчается въ богословскихъ наукахъ. Не станемъ убѣждать богослововъ въ томъ, что онъ не хорошъ собственно для богословскихъ наукъ; но съ откровенностію и сожалѣніемъ скажемъ, что имъ нерѣдко злоупотребляютъ. И въ католическомъ и въ нашемъ духовенствѣ есть много людей, которые догматическія истины хотятъ поставить нормою для всѣхъ безъ исключенія наукъ. Всѣ физическіе и химическіе опыты, всѣ физіологическія наблюденія, всѣ открытія по астрономіи, геологіи, естественной исторіи и пр. тогда только имѣютъ какую либо цѣну въ глазахъ ихъ, если могутъ быть подтверждены какимъ либо библейскимъ текстомъ; напротивъ будутъ заклеймены ересничествомъ, какъ скоро противорѣчатъ мнѣнію, которое они считаютъ истиною. Далѣе богословы, занимаясь возвышенными, по ихъ мнѣнію, предметами, касающимися непостижимыхъ свойствъ Божіихъ, таинственныхъ путей Промысла, благодатныхъ дѣйствій человѣческаго спасенія и будущей жизни, съ какимъ то гордымъ презрѣніемъ смотрятъ на насъ грѣшныхъ людей, которые съ микроскопомъ и термомстромъ въ рукахъ, съ аспидною доскою и грифелемъ, съ математическими формулами, смиренно ходятъ по землѣ, съ трудомъ добиваются у природы

разрѣшенія мелкихъ въ ихъ глазахъ результатовъ. Для нихъ Ньютонъ, Гершель, Лаплась, Араго, самъ Гумбольдтъ кажутся жалкими тружениками, а какой нибудь Фаредэ, Фуко даже вовсе неизвѣстны; а имена Фохта, Молешотта, Фольгера, Уле, Бюхнера произносятся съ ужасомъ, или негодованіемъ. Наконецъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются снизойти съ высокихъ своихъ подмостковъ и удостоиваютъ позаняться вопросами, интересующими нынѣшнихъ естествоиспытателей. Но и въ этомъ случаѣ они хотятъ итти своею дорогою. Не имѣя знакомства съ фактами естественныхъ и физическихъ наукъ, чуждаясь опытовъ и наблюденій, они въ основаніи всего полагаютъ какой либо библейскій текстъ, какую либо свою истину и чрезъ произвольное ихъ толкованіе, чрезъ длинный рядъ умозаключеній не выводятъ *а выжимаютъ* то объясненіе; которое находятъ справедливымъ. Или увлеченные своею фантазіею выдумываютъ такія теоріи, которымъ могли бы позавидовать самые тонкіе схоластики, діалектики и софисты. Такихъ-то людей очень много выходитъ изъ нашихъ духовныхъ училищъ. Не думайте, чтобы они встрѣчались только между дьячками и сельскими священниками; нѣтъ, ихъ вы найдете подъ митрою, съ панагіею даже, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели какъ ожидаете. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы хотимъ привести нѣсколько примѣровъ, которыми наша теорія подтверждается, какъ нельзя лучше.

А. Начьнемъ же свой разсказъ съ нѣкоего гонителя физики и метеорологіи. Будучи еще бакалавромъ одной изъ духовныхъ академій, онъ былъ

преисполненъ благочестиваго негодованія противъ нечестивыхъ мнѣній своего сослуживца-профессора физики. И въ самомъ дѣлѣ послѣдній въ глазахъ почтеннаго баккалавра былъ вполнѣ безнравственнымъ, безрелигіознымъ человѣкомъ, даже глубокимъ атеистомъ, неисправимымъ грѣшникомъ, погибшимъ человѣкомъ. Либеральныя и атеистическія его мнѣнія были многочисленные. Въ метеорологіи онъ доказывалъ, что дожди происходятъ отъ сгущенія водяныхъ паровъ въ земной атмосферѣ, что температура земнаго шара зависитъ отъ солнца, морскихъ теченій, взаимнаго отношенія суши и моря, формы и протяженія материковъ и пр., что главная причина вѣтровъ заключается въ неравномѣрномъ нагрѣваніи воздуха, что громъ и молнія объясняются электричествомъ и пр. Далѣе для подтрежденія своихъ мнѣній онъ приносилъ въ классъ ребяческія игрушки, которыхъ собраніе у мірскихъ людей называется физическимъ кабинетомъ, и посредствомъ этихъ игрушекъ дѣлалъ фокус-покусы, извѣстные подъ названіемъ физическихъ и химическихъ опытовъ. Наконецъ никогда въ своихъ лекціяхъ не цитовалъ ни текстовъ Св. Писанія, ни изрѣченій Св. Отцовъ, ни постановленій Вселенскихъ Соборовъ. Почтенный баккалавръ, не имѣя возможности выгнать изъ академіи либерала-профессора, старался, по крайней мѣрѣ, на своихъ лекціяхъ по нравственному богословію *поборать* распространяемыя имъ заблужденія. „Вотъ еще что придумываютъ, говаривалъ онъ, будто вѣтры начинаются въ тропическихъ странахъ, будто воздухъ тамъ быстро поднимается отъ тепла въ верхніе слои

атмосферы; стекаетъ на оба полушарія подъ названіемъ экваторіалныхъ теченій; разноситъ по земному шару тепло и дожди; остывши и растерявши водяныи пары опять возвращается въ тропическія страны подъ названіемъ полюсныхъ теченій; достигши ихъ обнаруживается пасатными вѣтрами, будто бы отъ встрѣчи полюсныхъ экваторіальныхъ теченій между собою, съ горами и другими препятствіями, отъ вліянія морей, суши, солнца и пр. происходятъ всѣ прочіе вѣтры! Не вѣрьте этому вздору. Вѣтеръ происходитъ отъ того, что такъ угодно Богу, происходитъ тамъ, гдѣ Ему угодно, стремится туда, куда надобно, дождь изливается на праведныхъ тоже по премудрому промышленію Божественному и пр. и пр. и пр.“ Но къ искреннему своему сожалѣнію и душевному прискорбію онъ видѣлъ, что студенты, наслушавшись либерала-профессора, не только не оставляли мнѣній этого злонамѣреннаго человѣка, но даже смѣялись надъ ихъ опроверженіемъ; ему оставалось только молиться о достойномъ наказаніи развратителя духовнаго юношества и объ обращеніи заблудшихъ овецъ на путь истинный, молиться вездѣ, не только въ Россіи, но и въ Палестинѣ. Успѣшны ли были молитвы его, мы какъ люди мірскіе, отъ которыхъ сокрыты тайны царствія небеснаго, не знаемъ. Но за то благочестивый преслѣдователь новѣйшей физики и метеорологіи въ настоящее время можетъ уже безъ препятствія распространять свои идеи между своими подчиненными. Профессоръ того учебнаго заведенія, гдѣ онъ начальствуетъ, получилъ строжайшее приказаніе всю совер-

шенно физику основать на Св. Писаніи, сочиненіяхъ Отцевъ Церкви, богослужебныхъ книгахъ и пр. Не предполагайте въ этомъ приказаніи только той одной мысли, чтобы физика не противорѣчила Св. Писанію и пр.; нѣтъ, — приказаніе имѣетъ болѣе обширный смыслъ. Профессоръ обязанъ всѣ свои положенія потверждать словами, заимствованными изъ библіи, отеческихъ сочиненій и пр., читать физику совершенно также, какъ читаются богословскія науки, хоть какъ напр. нравственное богословіе. Въ послѣднемъ сказавши, что должно почитать отца и мать, или не должно воровать, наставникъ въ подверженіе перваго правила приводитъ пятую заповѣдь: *чти отца твоего и матерь твою*, а въ доказательство втораго — седьмую: *не укради*. Точно такимъ же образомъ и профессоръ физики обязанъ доказать напр. электромагнитные токи земнаго шара, всесторонее давленіе земной атмосферы, разложеніе бѣлаго солнечнаго свѣта на семь призматическихъ цвѣтовъ, взаимное протяженіе разнородныхъ и отталкиваніе однородныхъ электричевствъ и пр. и пр. словами Св. Писанія, изрѣченіями Св. Отцовъ и пр. Наконецъ-то явится въ Россіи nova даже novissima sacra Physica, покажетъ безполезность всѣхъ физическихъ кабинетовъ, заставитъ забыть всѣхъ Галилеевъ, Ньютоновъ, Гальвани, Вольтъ, Араго, Эрстедовъ, Фареде и пр., по крайней мѣрѣ выставитъ на видъ ложность методы, которой они слѣдовали, объясняя положенія, излагаемыя въ физикахъ.

Б. Въ К- скомъ духовномъ училищѣ былъ смотрителемъ и учителемъ географіи протоіерей — человѣкъ почтенный по своимъ лѣтамъ, службѣ и уму.

Замѣчательною рѣдкостію въ немъ было то, что онъ зналъ преподаваемый предметъ очень хорошо особенно, же математическую и физическую географіи. Узнавши, что къ концу учебнаго года пріѣдетъ въ его училище ревизоръ—новый ректоръ семинаріи, магистръ и пр. онъ всячески старался приготовить учениковъ изъ географіи получше; ему старику хотѣлось показать магистру, что и они, не учившись въ академіи, не отстали отъ вѣка и Коперникову систему понимаютъ не хуже другихъ. Ученый ректоръ пріѣхалъ, сначала экзаменъ былъ изъ латинскаго языка; но послѣ обѣда, за которымъ хитрый старикъ умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе своего начальника, учениковъ стали испытывать изъ географіи. И смотритель и ученики лезли изъ кожи, проясняя и доказывая Коперникову систему. Ученый и высокопреподобный ревизоръ долго слушалъ ихъ съ сарказмомъ и даже сожалѣніемъ. Смотритель полагалъ, что всѣ его доказательства кажутся легкими и слишкомъ обыкновенными великому мужу. Наконецъ *сей* великій мужъ не выдержалъ и сказалъ: „послушайте, Отецъ Протопопъ, я васъ считалъ умнымъ человѣкомъ и благочестивымъ пастыремъ, а вы чему это учили дѣтей? Неучели вы не знаете, что Іисусъ Навинъ остановилъ солнце? Значитъ оно двигается. Къ чему это отступаете вы отъ Св. Писанія?“ Умный старикъ сначала счелъ слова ученаго мужа за шутку, но вскорѣ замѣтилъ свою ошибку, и, разумѣется, сконфузился. Кое-какъ собравшись съ духомъ и несмѣя вступить въ ученое состязаніе съ своимъ начальникомъ, сказалъ ему: „что-же намъ дѣлать, Ваше

Высокопреподобіе? Для руководства намъ данъ учебникъ, отъ котораго мы не смѣемъ отступать.“ „Да, сказалъ высокопреподобный ревизоръ, это все въ Петербургѣ придумываютъ.“

В. Знаемъ мы еще одно лицо, бывшее прежде ректоромъ не семинаріи, а академіи. Когда оно еще отыскивало *Петровы ключи отъ царствія небеснаго*, или, по выраженію Апостола Павла, *желало добраго дѣла*, т. е. епископства, въ то время изумляло всѣхъ необычайною ревностію по Бозѣ, было неутомимымъ поборникомъ Православія, неумолимымъ гонителемъ всего, что, по его мнѣнію, такъ или иначе, противорѣчитъ догматикѣ. Эти качества ректоръ старался доказывать фанатическою почти ненавистію ко всѣмъ свѣтскимъ наукамъ, господствовавшему тогда въ Германіи неологизму, или раціонализму, и особенно къ нѣмецкому языку, какъ органу, чрезъ который эта еретическая система распространялась. Боже сохрани, если онъ въ рукахъ студента замѣчалъ какую либо нѣмецкую книгу; ни ей, ни читателю ея не было пощады. Однажды быстро и размашисто влетѣвши въ одну комнату, гдѣ жилъ студентъ, подозрѣваемый въ неологизмѣ, онъ увидалъ у него въ рукахъ нѣмецкую книгу и, выхвативши изъ рукъ, бросилъ ее подъ кровать; затѣмъ началъ бранить студента безъ всякаго снисхожденія. Замѣтивъ въ немъ не только спокойствіе и хладнокровіе, но даже худо скрываемую саркастическую улыбку, онъ съ полнымъ негодованіемъ спросилъ его: „какую это гадость ты читалъ?“ „Эта гадость, отвѣчалъ виновный, называется Новымъ Завѣтомъ?“ Почтеннѣйшій защит-

никъ Православія отскочилъ и поскорѣе убрался во свояси. Другой способъ выставить на удивленіе всему міру свое православіе у нашего почтеннаго отца ректора состоялъ въ томъ, чтобы держаться вездѣ буквальнаго значенія библейскихъ текстовъ и не отступать отъ него даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ очевиднѣйшимъ образомъ руководствоваться имъ невозможно. Однажды на частномъ экзаменѣ по окончаніи сентябрской трети студентъ читалъ о признакахъ втораго пришествія Мессіи; разумѣется, здѣсь нельзя было не привести текста, въ которомъ говорится, что тогда *солнце померкнетъ, луна обратится въ кровь и звѣзды упадутъ.* Въ то время въ академіи, гдѣ происходилъ описываемый нами экзаменъ, была профессоромъ ученая и даже политическая знаменитость, умнѣйшій, ученѣйшій и благороднѣйшій Протоіерей, краса и честь нашего бѣлаго духовенства. Онъ, обратясь къ студенту, спросилъ: въ буквальномъ или переносномъ значеніи надобно принимать прочитанный текстъ? Студентъ понялъ опасность, ему угрожавшую; *скажи: въ буквальномъ значеніи,* профессоръ поставитъ его въ тупикъ паденіемъ всѣхъ звѣздъ на землю, *скажи: въ переносномъ значеніи,* тогда ректоръ выйдетъ изъ себя; и потому началъ отдѣлываться разными околичностями. Ректоръ и этого не выдержалъ, сказавши: „что же ты вертишься? говори прямо, что нужно принимать все въ буквальномъ значеніи.“ Студентъ, разумѣется, повторилъ слова своего начальника. „Куда же напр., началъ профессоръ, упадутъ звѣзды?“ Разумѣется на землю, „сказалъ на это ректоръ, а за нимъ — и сту-

дентъ. Профессоръ на это отвѣчалъ: „вы знаете, что по нынѣшнимъ астрономическимъ свѣдѣніямъ, совершенно несомнѣннымъ, каждая изъ неподвижныхъ звѣздъ въ нѣсколько тысячъ, а иная и милліоновъ разъ болѣе земнаго шара; притомъ количество ихъ въ полномъ смыслѣ безчисленно. Такъ скажите, Бога ради, какимъ образомъ всѣ онѣ попадутъ на землю?“ Тогда ректоръ рѣшился покончить дѣло разомъ: размахнувъ мощною своею десницею, сдѣлавъ изъ нея полукругъ, и ударивъ пальцами въ столъ, побѣдоноснымъ голосомъ воскликнулъ: „да вотъ, такъ-таки упадутъ;“ и многократно повторялъ эти свои слова, сопровождая ихъ каждый разъ описаннымъ нами движеніемъ руки. Такимъ образомъ профессору дѣлать было нечего; пришлось уступить и позволить на какой либо дѣтскій мячикъ навалиться билліонамъ египетскихъ пирамидъ.

Г. Не скроемъ также, что разсказанныя нами сейчасъ событія случились за нѣсколько десятковъ лѣтъ, хотя всѣ три особы доселѣ здраствуютъ и благодѣйствуютъ; такимъ образомъ нашъ разсказъ отсталымъ и запоздалымъ назвать нельзя. Но если мы въ состояніи удовлетворить вамъ и въ этомъ отношеніи. Послѣдующіе разсказы наши будутъ касаться тоже здраствующаго и благодѣйствующаго человѣка, и мы станемъ говорить о событіяхъ, которыя случились очень не давно, иныя даже въ 1860 году, слѣдовательно, совершенно современны. Прежде всего опишемъ личность главнаго дѣйствующаго лица. Вы, г. читатель знаете, что Людовикъ XIV, слушая постоянно окружавшихъ льстецовъ, которые его ставили выше всѣхъ людей, наконецъ дѣйствительно

убѣдился въ своемъ нечеловѣческомъ величіи, сталъ воображать себя, если не богомъ, то по меньшей мѣрѣ полубогомъ Франціи. И нашъ Reverendissimus долженъ быть разсматриваемъ съ этой же точки зрѣнія. Онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, есть самъ Богъ; еще вѣруетъ и исповѣдуетъ гораздо, можетъ быть, съ болѣе сильнымъ убѣжденіемъ, яко онъ Reverendissimus представляетъ въ своей особѣ лицо Спасителя міра. Наконецъ самою несомнѣнною, вполнѣ уже неопровержимою, даже едвали не самою первою истиною считаетъ то, что умнѣе его на бѣломъ свѣтѣ рѣшительно нѣтъ никого. Какъ бы въ подтвержденіе послѣдней истины онъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ ни въ комъ не встрѣчаетъ противорѣчія, ни отъ кого не слышитъ возраженія, всѣ слова его принимаются чуть не съ благоговѣніемъ, всѣ приказанія исполняются безъ разсужденія. Наконецъ высокопрепочтеннѣйшая особа научнымъ образомъ никогда не занималась естественными и физическими науками. Возьмите, Бога ради, во вниманіе всѣ эти и многія другія обстоятельства; и тогда, надѣемся, совершенно согласитесь съ нами въ разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ, касающихся описываемой личности. Ну, какъ ей самымъ естественнымъ образомъ не дойти до убѣжденія, что она для своихъ подчиненныхъ и даже неподчиненныхъ, есть болѣе, нежели какое либо человѣческое существо, что слова ея для нихъ тоже значатъ, чѣмъ нѣкогда были изрѣченія Дельфійскаго Оракула для древнихъ Грековъ,*) что она знаетъ все, о

*) Вотъ самое новое доказательство на это. Однажды Reverendis-

чемъ даже никогда не приходило ей въ голову. Неудивляйтесь же этому, что Reverendissimus всегда говоритъ догматико-автократически, рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей премудрости и съ презрительнымъ сожалѣніемъ къ другимъ людямъ, особенно разномыслящимъ съ Его милостію. Его гордость представляется даже величавою, его самые дикіе парадоксы запечатлѣны глубокимъ убѣжденіемъ. Только это нечеловѣческое существо вовсе не похоже на того Богочеловѣка, который кротко бесѣдовалъ съ мытарями и грѣшниками, былъ ласковъ ко всѣмъ, кромѣ фарисеевъ, садукеевъ и книжниковъ, былъ неподражаемымъ образцомъ любви и снисхожденія къ людямъ. Нѣтъ, наше полубожество скорѣе походитъ на того Олимпійскаго Юпитера, отъ нахмуренныхъ бровей котораго потрясались небо и земля, приходили въ трепетъ всѣ племена земныя. Послушайте, любезный читатель, наши разсказы про эту личность; но при этомъ не забывайте, что она питаетъ самое глубокое презрѣніе къ Копернику и его системѣ, ни во что ставитъ всѣ новѣйшія мнѣнія естествоиспытателей и никогда не затруднится рѣшить самый сложный вопросъ изъ естественныхъ и физическихъ наукъ, или опираясь на какой либо неправильно понимаемый библейскій текстъ, или выска-

simus нашелъ нужнымъ наложить денежный штрафъ на четырехъ профессоровъ семинаріи за неисполненіе порученія, которое не касалось ихъ прямыхъ обязанностей. Въ письменномъ отзывѣ наставники сказали, что они заплатятъ штрафъ, если имъ укажутъ на статью закона, которая ихъ осуждаетъ на него. Тогда Reverendissimus приказалъ имъ объявить, что *его воля, его слова, вотъ законъ для нихъ.*

зывая свою собственную идею, которой происхожденія вы никакъ не доищетесь логическимъ порядкомъ. Послушайте же!

1. Его милость однажды изволили кушать у одного изъ своихъ подчиненныхъ М—ова, кончившаго только курсъ въ семинаріи. За столомъ кромѣ того были всѣ замѣчательнѣйшія лица изъ духовно-ученаго городскаго сословія. Между собесѣдниками былъ К—ръ и магистръ богословія. Во время обѣда былъ, разумѣется, ученый, серьезный разговоръ. Вдругъ его милость, обращаясь къ почтенному собранію, спросила: „скажите-ка вы мнѣ; а что? какую форму имѣетъ земля? Ну, ты, М—овъ, вѣдь не больше, какъ семинаристъ, гдѣ тебѣ объ этомъ разсуждать? Тебя не спрашиваю. Ну, а вотъ ты, К—ръ, магистръ, человѣкъ умный; ну, скажика: какую форму имѣетъ земля?“ Магистръ, не стотря на то, что разговоръ шелъ за обѣдомъ, когда у каждаго было полтарелки супа или чего либо другаго, не посмѣлъ отвѣчать сидя; всталъ, опустивши руки по швамъ и сдѣлавши изъ своей фигуры нѣчто въ родѣ согнутой или надломленной славянской буквы *глаголь*, сказалъ: „Ваше В—во, астрономами принято нынѣ, что земля имѣетъ видъ шара.“ — „Шара?!? изволили замѣтить его милость; — шара?! Вѣдь, мало ли шаровъ-то; и яблоко шаръ, и яйцо шаръ, и дыня шаръ, — мало ли шаровъ? Нѣтъ, ты мнѣ скажи, какой она шаръ?“ К—ръ отвѣчалъ, что тоже принято астрономами считать землю шаромъ, сжатымъ у полюсовъ и поднятомъ на экваторѣ. „Ну, вотъ, началъ вновь Reverendissimus, понесъ чепуху; небось; это мнѣ Копер-

никова система! Да! я написалъ сочиненіе противъ нее и представилъ въ С—ъ. Когда оно выйдетъ въ свѣтъ, *достанется всѣмъ астрономамъ, начиняя съ нашего П—аго С—ве; посѣкутъ ихъ плѣтишками; стоютъ того; заврались слишкомъ; надобно же ихъ образумить.* Жаль, что дѣло взято на проволочку. Въ Петербургѣ нашли нужнымъ отдать сочиненіе мое на разсмотрѣніе Д—ну (профессору математики одной изъ академій); ну, посидитъ, работы много будетъ, позадумается, но живъ быть не хочу, пока система Коперникова не будетъ опровергнута. Ну, да, это впереди. А теперь скажу Вамъ: я посредствомъ вычисленій неопровержимо доказалъ, что земля имѣетъ *пышкообразную форму*, да именно *пышкообразную.*" Разумѣется все почтенное духовно-ученое собраніе вполнѣ согласилось съ астрономическимъ открытіемъ Его милости, своего начальника. Къ сожалѣнію мы не могли достать рукописнаго сочиненія высокопрепочтеннѣйшей особы, иначе бы подѣлились съ вами, г. читатель, его *аргументами пышкообразности земнаго шара.*

2. Вы, любезный читатель, вѣрите, вѣроятно, тому, что будто бы предметы, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, становаться менѣе и менѣе; знаете, что всѣ физики въ этомъ вполнѣ согласны, а астрономы даже дерзаютъ разглашать, что небольшая свѣтлая тарелка, называемая солнцемъ, имѣетъ діаметръ чуть не въ 200000 миль, а кажется намъ столь милымъ кружкомъ, потому что отстоитъ отъ насъ слишкомъ на 20 милліоновъ миль. Но Его милость не вѣритъ подобнымъ, какъ они изволятъ говорить, вздо-

рамъ. По ихъ мнѣнію, солнце дѣйствительно не болѣе того, какъ оно намъ кажется. Исполненный и переполненный столь глубокою мыслію, онъ однажды сказалъ своему К—рю магистру: „послушай—ка, К—рь, я давно хотѣлъ тебя послать въ темную ночь на соборную колокольню съ зажженною свѣчею; ты бы тамъ её подержалъ, а я бы съ своего балкона посмотрѣлъ на нее. Вѣдь, вотъ астрономы говорятъ, что будто бы солнце, Богъ знаетъ, какой величины, и кажется намъ малымъ отъ того, что отъ насъ далеко. Но я уже дѣлалъ опыты, которые опровергаютъ это мнѣніе. Вотъ напр. поставимъ свѣчу въ гостиной и потомъ посмотримъ на нее изъ залы; вѣдь она нисколько не будетъ намъ казаться меньше, нежели какъ кажется въ гостиной. Мнѣ поэтому и хочется произвести новый опытъ съ тобою на колокольнѣ.“ Не можемъ сказать вамъ, любезный читатель, былъ ли сдѣланъ этотъ опытъ, которымъ будутъ опровергнуты за разъ и оптика и астрономія!

3. На одномъ публичномъ испытаніи въ семинаріи, подъ предсѣдательствомъ Его милости, были объясняемы слова Экклезіаста гл. 1, стр. 4 *рода приходитъ рода преходитъ, земля же во вѣки стоитъ.* Объясненіе состояло въ томъ, что слова эти обозначаютъ только вѣчность и неизмѣняемость физическихъ и астрономическихъ законовъ, а не то, чтобы земля дѣйствительно стояла на одномъ мѣстѣ. „Ну, вотъ, чужъ какая! воскликнули Его милость; откуда это ты взялъ? изволили они спросить у профессора. Этотъ отвѣчалъ, что такое объясненіе помѣщено въ Воскресномъ чтеніи (журналѣ, издаваемомъ въ кіев-

ской духовной академіи). „А, ну, такъ, *извольте* сказать; — тамъ до сихъ поръ еще господствуетъ Иннокентіевщина. Нѣтъ, по моему, если сказано, что земля стоитъ, такъ она уже стоитъ."

4. Желая угодить вкусу своего начальника, начальство семинарское къ публичному экзамену 1860 г. приказало четыремъ лучшимъ ученикамъ высшаго отдѣленія написать догматико-астрономическое разсужденіе на слова Св. Писанія: *въ солнцѣ Богъ положи селеніе Свое.* Г. г. сочинители должны были въ своихъ догматико-астрономическихъ произведеніяхъ доказать ту мысль, что въ солнцѣ живетъ Богъ, а на лунѣ — діаволъ; такое толкованіе тексту дастъ сама Его милость. Разсужденія написаны; изъ нихъ выбрано самое лучшее и, пожалуй, худшее. Но при всей человѣко-угодливости начальства семинарскаго, оно поняло, что развивать въ 1860 году подобныя идеи въ торжественномъ собраніи, предъ свѣтскою публикою, даже въ духовной семинаріи — неудобно: поэтому и рѣшилось почтеннѣйше просить Его милость о томъ, чтобы не читать приготовленнаго разсужденія. Ректоръ самъ ни за что не дерзнулъ ѣхать къ начальнику съ такимъ представленіемъ; столь опасный подвигъ осмѣлился принять на себя инспекторъ. Но и этотъ, разумѣется, прямой атаки не могъ вести противъ любимыхъ идей своего патрона. Прежде всего онъ сказалъ, что основной текстъ на Еврейскомъ языкѣ выражается словами *солнцу положилъ жилище въ нихъ.* Но Его милость въ негодованіи сказалъ. „А это вы слѣдуете переводу П—аго. А знаешь ли, что я хотѣлъ съ нимъ

сдѣлать? Если бы меня послушались въ 184... г., то онъ былъ бы теперь не болѣе, какъ г—омъ.*)" Инспекторъ, видя неудачу въ этомъ оборотѣ, началъ объяснять, что истины, которыя высказаны въ разсужденіи, слишкомъ высоки, что свѣтская публика не пойметъ и даже опрофанируетъ ихъ. Но ревнитель истины не захотѣлъ ничего слушать; — *читать*, грозно произнесъ. Инспекторъ кое-какъ упросилъ его только посмягчить мысли въ разсужденіи. И потому духовная и свѣтская публика на публичномъ испытаніи выслушала, что солнце уже не есть жилище Бога, а только символъ этого жилища; равнымъ образомъ и луна изображаетъ не мѣстопребываніе сатаны, а только символъ этого пребыванія. Германія, Франція и Англія! слыхали ль вы о тѣхъ идеяхъ, которыя у насъ такъ легко и оригинально рѣшаются семинаристами? А еще считаетесь передовыми государствами. Пошлите лучше поболѣе своихъ ученыхъ въ II—ую семинарію; пусть они тамъ поучатся нашей *россейской* мудрости.

5. Еще прежде 1860 года на одномъ тоже пу-

---

*) П-ей Г. П. П—ій, бывшій профессоромъ въ одной изъ духовныхъ академій, есть знатокъ еврейскаго, арабскаго, халдейскаго и многихъ другихъ языковъ, отличный филологъ и самый замѣчательнѣйшій ученый между бѣлымъ духовенствомъ. Какъ профессоръ, онъ перевелъ многія книги Св. Писанія съ еврейскаго языка на русскій. Когда въ 184... году открылось, что эти переводы, безъ согласія впрочемъ переводчика, были литографированы и разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ; то наряженъ былъ комитетъ для произнесенія приговора надъ П—имъ и другими лицами, прикосновенными къ дѣлу. Въ этомъ судилищѣ нашъ Reverendissimus подалъ мнѣніе, чтобы переводчика Св. Писанія за его безкорыстный и ученые труды, если уже на разстрижъ, то по крайней мѣрѣ на время назвать на дьячковскую должность.

бличномъ экзаменѣ въ семинаріи читали библейскій текстъ о томъ, что во время втораго пришествія Мессіи между прочимъ луна обратится въ кровь. „Стой! воскликнула Его милость. А какъ ты думаешь, спросила она ученика, можетъ ли луна естественнымъ образомъ обратиться въ кровь?“ Ученикъ, разумѣется, ничего не могъ отвѣчать на такой вопросъ. „Ну, ты что скажешь?“ обратился начальникъ къ профессору. Этотъ сталъ говорить, что всѣ событія, имѣющія быть при второмъ пришествіи Спасителя, слѣдуетъ отнести къ чудесамъ, а чудеса потому и чудеса, что ихъ нельзя объяснить естественнымъ образомъ. „Э! понесъ городить чепуху, изволила сказать Его Милость! Докторъ? (семинарскій врачъ, преподаватель медицины и вмѣстѣ Инспекторъ врачебной управы). Ну, что мы скажемъ? Что говорятъ объ этомъ ваши естественныя науки?“ Докторъ отвѣчалъ, что онъ луну ни разу не лечилъ и потому лично отъ себя ничего не можетъ сказать о предложенномъ вопросѣ; да и естественныя науки тоже молчатъ объ этомъ.“ „Э! а вотъ еще хвалятся, съ самодовольствіемъ началъ вновь говорить предсѣдатель; а я вамъ скажу, что можно объяснить естественнымъ образомъ, какъ луна обратится въ кровь. Вѣдь вы знаете, что въ лунѣ есть кровь и кровяныя жилы; иначе бы она не могла дѣйствовать на людей-лунатиковъ. Только кровь эта, теперь скрываясь въ жилахъ, не видна намъ. Но когда наступитъ страшное пришествіе Господа нашего Іисуса Христа; то всѣ кровяныя жилы луны прорвутся, и кровь, не удерживаясь болѣе внутри, покроетъ всю поверхность

луны. Ну что развѣ не такъ?“ Разумѣется и здѣсь никто, ни даже докторъ не выразилъ своего сомнѣнія.

6. Его милость любитъ высказывать свои оригинальныя идеи не въ одной семинаріи, и между своими подчиненными, а и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже женскихъ. Бывши на экзаменѣ въ дѣвичьемъ пансіонѣ, и слушая, какъ воспитанница разсказывала о непорочномъ зачатіи Спасителя Пресвятою Дѣвою, они пожелало знать, понимаютъ ли будущія матери различіе между рожденіемъ Іисуса Христа и обыкновенныхъ людей, и потому обратилась къ дѣвочкѣ лѣтъ 14 съ вопросомъ: „скажика мнѣ, ты, какъ Іисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи? Такъ ли какъ рождаются всѣ дѣти отъ своихъ матерей, или, какъ поется въ церковной пѣсни, *вышелъ изъ боку ея?* „Вопросъ, какъ вы видите, былъ очень серьёзнымъ и можетъ назваться *догматико-физіологическимъ;* публика съ нетерпѣніемъ ожидала его рѣшенія; сама Европа, еслибы она узнала о томъ, приняла бы живѣйшее участіе. Но дама начальница пансіона объяснила Его милости, что ея воспитанницы еще дѣти, что они не могутъ разрѣшать и даже понимать столь мудреные предметы и потому просила не настаивать на разрѣшеніе вопроса. Reverendissimus основательно, кажется, замѣтилъ начальницѣ: „вѣдь ваши воспитанницы будутъ со временемъ матерями, поэтому имъ надобно *непремѣнно* понимать мысль, выражаемую въ моемъ вопросѣ.“ Но начальница еще съ большею противъ прежняго настойчивостію упрашивала Его милость не продолжать

начатаго вопроса. Reverendissimus, видя упрямство начальницы и не имѣя власти вразумлять её, посидѣлъ еще молча минутъ десятокъ и уѣхалъ съ экзамена. И дѣйствительно зачѣмъ слѣпымъ показывать цвѣты, а предъ глухими разъигривать концертъ?

7. Въ заключеніе нашихъ разсказовъ объ учености Его милости мы еще сообщимъ ихъ взглядъ на продолжительность человѣческой жизни. На обѣдѣ у ректора П—ой семинаріи, вскорѣ послѣ смерти Митрополита Серафима, зашла рѣчь о числѣ лѣтъ его. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ и въ числѣ ихъ одинъ архимандритъ стали утверждать, что покойный жилъ около 90 лѣтъ. Нашъ богословъ, астрономъ и физикъ не могъ удержать свое негодованіе, слушая столь еретическую мысль, которая притомъ высказывается на обѣдѣ у духовнаго отца въ собраніи духовныхъ лицъ и притомъ духовнымъ лицомъ. Обращаясь къ архимандриту, утверждавшему, что митрополитъ Серафимъ жилъ почти 90 лѣтъ, онъ сказалъ: „какъ вамъ не стыдно говорить подобную нелѣпость? Свѣтскимъ людямъ еще простительно не знать Св. Писанія и высказывать мысли съ нимъ несогласныя; а вы архимандритъ, ректоръ, магистръ богословія и не смотря на все это, утверждаете, что покойный жилъ 90 лѣтъ. Какъ вамъ не стыдно?“ Архимандритъ, ректоръ и магистръ богословія былъ столь недогадливъ, что даже не понялъ причины негодованія своего возлюбленнаго о Христѣ брата; но смиренно просилъ вразумить его. Геройствующій защитникъ Православія не отказалъ просителю въ милости. „Какъ же вы говорите, что Высокопреосвященнѣйшій Ми-

трополитъ Серафимъ жилъ до 90 лѣтъ, когда въ одномъ изъ псалмовъ прямо сказано, что никто не живетъ болѣе 70 и развѣ до 80 только лѣтъ, и притомъ уже въ трудахъ и болѣзняхъ: *са нихъ же семьдесять лѣтъ, аще же въ силахъ, осемьдесять и множае ихъ труда и болѣзнь.*“ Не только вразумляемый архимандритъ, но и вся честная компанія была изумлена столь мудрымъ рѣшеніемъ вопроса. Но между собесѣдниками къ искреннему сожалѣнію былъ одинъ свѣтскій человѣкъ; онъ съ дерзостію свойственною мірскимъ людямъ, когда они разсуждаютъ о духовныхъ предметахъ, сказалъ Его милости: „а какъ же вы сами отступаете отъ Православія и противорѣчите церкви.“ Столь дерзкій, скажемъ даже нахальный вопросъ поразилъ удивленіемъ все собраніе. Но желавшій ограничить жизнь человѣческую только 80 годами не вышелъ изъ себя и съ сдержаннымъ негодованіемъ спросилъ: „на какомъ основаніи вы обвиняете меня въ неправославіи?“ Свѣтскій человѣкъ прехладнокровно отвѣчалъ: „Вы со мною согласитесь, что всякій православный христіанинъ обязанъ вѣрить Св. Синоду; въ противномъ случаѣ справедливо должно уличить его въ неправославіи. Согласны ли вы со мною?“ Согласіе, разумѣется, выражено. Тогда свѣтскій человѣкъ продолжалъ: „вы считаете еретикомъ того человѣка, который утверждаетъ, что люди живутъ до 90 лѣтъ; по вашему мнѣнію, на основаніи Св. Писанія, никто не можетъ и не долженъ жить болѣе 70—80 лѣтъ. А какъ же Св. Синодъ каждогодно публикуетъ, что въ Русской Имперіи умираютъ даже тысячи людей старѣе 80 лѣтъ

и потомъ цѣлыя сотни старѣе 100 лѣтъ. Скажите, пожалуйста, кому же намъ теперь вѣрить? Вамъ ли, или Св. Синоду? Кого уличать въ неправославіи, васъ ли, которые прямо противорѣчите Св. Синоду, или насъ, которые говоримъ тоже, что печатается по его опредѣленію? Скажите —ка?“ Вы, любезнѣйшій читатель, сами поймете затрудненіе, въ которое былъ поставленъ защитникъ Православія дерзостію свѣтскаго человѣка. Что было дѣлать? Отступиться ли отъ своего толкованія словъ Св. Писанія? Или рѣшиться противорѣчить Св. Синоду? То и другое было невозможно. Поэтому не удивляйтесь, что Его милость не почтили своего оппонента отвѣтомъ.

Свои повѣствованія объ ученыхъ взглядахъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ на предметы свѣтскихъ, а иногда даже богословскихъ наукъ, мы могли бы увеличить чуть не до безконечности. Чего мы не знаемъ въ этомъ отношеніи? Но довольно, *не все на столъ мечи, что есть въ печи*, говоритъ русская пословица. Просимъ только читателей помнить, что наши разсказы касались академиковъ, магистровъ, и проч., и проч. Посудите же, чего теперь можно ожидать отъ священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ? И тогда поймете, отчего многимъ кажется такъ дико и странно настроеніе, съ которымъ выходятъ въ свѣтъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, впрочемъ, какъ сказано, преимущественно, даже исключительно тѣ, которые кромѣ богословскихъ наукъ ничѣмъ другимъ не хотятъ заниматься? Можете также угадать, что будетъ съ духовными училищами, если изъ нихъ совершенно исключатъ преподаваніе

свѣтскихъ наукъ? Повторимъ нами сказанное прежде латинское изреченіе: sic sapienti sat.

Вы свѣтскіе люди, воспитывавшіеся въ лицеяхъ, университетахъ, гимназіяхъ, кадетскихъ корпусахъ и пр., не думайте, чтобы всѣ ученики духовныхъ училищъ похожи были на портреты, описанные нами во всей этой главѣ; — чтобы школьный механизмъ, педантизмъ и формализмъ убили во всѣхъ нихъ безъ исключенія любознательность; — чтобы всѣ они такую же питали ненависть и презрѣніе къ свѣтскимъ наукамъ и также оригинально рѣшали вопросы, къ нимъ относящіеся, какъ описанный нами Reverendissimus; чтобы между ими не было людей, которые, оставаясь истинными пастырями и архипастырями, и будучи строго православными христіанами, не пренебрегаютъ и свѣтскою литературою, съумѣютъ поговорить съ вами о современныхъ ученыхъ вопросахъ. Мы въ третьей главѣ сказали, что между наставниками духовныхъ училищъ есть много истинно образованныхъ и ученыхъ людей; а не забудьте, что значительная часть ихъ рано или поздно поступаетъ въ духовенство; еще всѣ почти наши архипастыри и большая часть архимандритовъ и каѳедральныхъ протоіереевъ служили по духовно-училищной части. Даже въ самыхъ селахъ сколько найдется священниковъ, которые выписываютъ не только Христіанское и Воскресное Чтеніе, или Православное Обозрѣніе, но и Отечественныя Записки, Современникъ, Русскій Вѣстникъ и пр., которые, возвратившись съ поля или гумна, не обсохши отъ поту, мозолистыми руками берутъ книгу и за нею отдыхаютъ отъ сво-

ихъ земледѣльческихъ и хозяйственныхъ трудовъ, — съ которыми съ удовольствіемъ можно побесѣдовать не только объ однихъ душеспасительныхъ предметахъ но и объ исторіи, географіи, физикѣ и пр., — которые даже забыли реторику и выражаются на словахъ и письмѣ языкомъ благовоспитанныхъ людей. Въ подтвержденіе своей мысли мы хотимъ сослаться на Русское Географическое Общество. Оно въ началѣ своего существованія, желая поскорѣе собрать статистическія и другія свѣдѣнія о всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, обратилось чрезъ епархіальныхъ начальниковъ къ благочиннымъ. Тогда было доставлено сельскими священниками географическому обществу много статей, написанныхъ умно и отчетливо, литературнымъ языкомъ; нѣкоторыя изъ статей были помѣщены въ трудахъ Общества безъ всякаго почти исправленія. И такъ, свѣтскіе люди, не смѣйтесь надъ всѣми безъ исключенія воспитанниками духовныхъ училищъ! Между ними есть много заслуживающихъ полное вниманіе за свою образованность и несхоластическую ученость.

Съ другой стороны и вы, бывшіе наши наставники, товарищи, ученики и всѣ вообще не кончившіе и кончившіе курсъ въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ, магистры, кандидаты, студенты и простые ученики, не обижайтесь и вы тѣмъ, что мы разсказали о недостаткахъ вашего воспитанія съ небывалою еще до сихъ поръ откровенностію и подробностію. Если кто либо изъ васъ похожъ на портреты, обрисованные нами въ этой главѣ; то сознайтесь, что намъ нельзя было хвалить васъ за лю-

бознательность и образованность, которыхъ вы не имѣете. А если вы принадлежите къ тѣмъ, надъ которыми мы не совѣтуемъ смѣяться свѣтскимъ людямъ, то вамъ не зачѣмъ обижаться; мы говорили не объ вашихъ недостаткахъ. Вы изъ исторіи еврейскаго народа и христіанской церкви, изъ Св. Писанія и отеческихъ сочиненій, научились благоговѣть предъ Творцомъ вселенной, но не пренебрегаете тѣмъ міромъ, изученіе котораго такъ ясно вездѣ открываетъ слѣды премудрости, благости и всемогущества Божественнаго. Вы на основаніи ученія церкви вѣрите второму пришествію Спасителя на землю, но не станете утверждать, чтобы всѣ билліоны, а, можетъ быть трилліони звѣздъ навалились кучею на землю. Вы научаете своихъ *пасомыхъ* какимъ образомъ сберегать себя отъ искушеній діавола, но не назначаете ему штабъ-квартиры въ лунѣ. Вы вѣрите чудесамъ Спасителя и Апостоловъ, вѣрите, что благодать Божественная и нынѣ обнаруживаетъ себя чудесными дѣйствіями, умѣете различать естественныя отъ сверхъестественныхъ явленій, но не захотите залить луну тою кровію, которая течетъ будто бы въ ея несуществующихъ жилахъ. Вы вѣрите въ непогрѣшимость Священныхъ писателей, но изъ уваженія къ этой непогрѣшимости не заставите всѣхъ людей непремѣнно умирать никакъ не позже 80 лѣтъ. Для васъ Пророки, Апостолы, Святые Отцы самыя замѣчательныя лица въ исторіи рода человѣческаго, но вы не проклинаете Коперника, никого не посылаете въ темную ночь на соборную колокольню съ зажженою свѣчею, чтобы опровертуть систему его, не гро-

зите плетишками знаменитѣйшимъ астрономамъ. Вы знаете катихизисъ и съумѣете отвѣтить изъ него, если опущено будетъ слово: вопросъ. Вы вмѣсто пятаго члена не зачитаете правила объ извлеченіи квадратнаго корня. Такъ зачѣмъ же вамъ обижаться нашими словами? Мы не объ васъ говорили. И вы должны гордиться тѣмъ, что, не смотря на школьный механизмъ и педантизмъ, не смотря на зубренье, умѣли развить свои умственныя способности и сохранить любознательность. Ну, а прочіе пусть извинятъ насъ, мы сказали правду.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Отдѣленіе первое.

Объ уменьшеніи числа экзаменовъ и объ измѣненіи двухгодичнаго курса въ годичный въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ бываетъ множество экзаменовъ; они носятъ названія *частныхъ, публичныхъ, третныхъ, полугодовыхъ, годовыхъ, двухгодовыхъ, или переводныхъ.* Въ низшихъ училищахъ они производятся въ концѣ каждой трети года; кромѣ того здѣсь ежегодно бываютъ публичные экзамены;

слѣдовательно всего наберется до осьми, а въ случаѣ пріѣзда ревизора до девяти въ два года; *кажется, больше желать не нужно.* Нельзя не видѣть, какъ такое количество экзаменовъ вредитъ преподаванію наукъ. Приготовленіе къ каждому третному экзамену вмѣстѣ со временемъ, на него употребляемымъ, занимаетъ гораздо болѣе мѣсяца, а къ двухгодичному начинаютъ готовиться мѣсяца за три, а иногда за четыре. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ лѣтъ на производство экзаменовъ и на приготовленіе къ нимъ употребляется никакъ не менѣе семи, а иногда даже девяти мѣсяцевъ. И такъ какъ, за исключеніемъ домовыхъ отпусковъ, учебное время въ духовныхъ училищахъ ограничивается въ годъ девятью, а въ два года осьмнадцатью мѣсяцами; то почти половина, по крайней мѣрѣ $^2/_5$ части этого времени поглощаются экзаменами; *кажется уже слишкомъ много.* Кромѣ того третные экзамены въ такъ называемыя Рождественскую и майскую трети бываютъ даже какъ-то смѣшны. Съ 8 января до масляницы ученіе иногда продолжается только три недѣли; первая недѣля великаго поста посвящается причащенію Святыхъ Таинъ; а въ половинѣ шестой недѣли ученики уже увольняются въ домъ родителей на Пасху; слѣдовательно весь курсъ ученія можетъ продолжаться только 8 недѣль. Если отдѣлить время для экзаменовъ и для приготовленія къ нимъ; то сколько остается недѣль на преподаваніе наукъ? Точно такимъ же образомъ и майская треть иногда состоитъ только изъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ, а за исключеніемъ Ѳоминой недѣли, публичныхъ и частныхъ испытаній.

останется опять собственно на преподаваніе наукъ недѣль 6—7. Стоитъ ли изъ-за столь короткаго времени производить экзамены?

Въ семинаріяхъ и академіяхъ частные экзамены бываютъ два раза въ годъ и кромѣ того одинъ публичный. Но такъ какъ здѣсь предметы читаются обширнѣе, нежели въ низшихъ училищахъ; то и приготовленіе къ экзаменамъ начинается гораздо ранѣе. Такимъ образомъ и здѣсь собственно на преподаваніе наукъ въ теченіе года остается не болѣе 4—5 мѣсяцевъ. Всего смѣшнѣе это видѣть въ академіяхъ. Приготовленія къ полугодовому экзамену продолжаются мѣсяцъ и болѣе, а между тѣмъ самые экзамены оканчиваются въ одинъ или два дня; иногда даже производятся и частные и публичные вмѣстѣ; такъ по крайней мѣрѣ бывало. Спросимъ, для какой же цѣли происходили всѣ повторенія, когда на каждый предметъ при экзаменахъ доставалось минутъ 10—20? Не гораздо ли лучше было бы употребить все время на болѣе основательно преподаваніе наукъ, нежели на безцѣльное повтореніе уроковъ для экзамена въ 10—20 минутъ?

Такимъ образомъ нельзя не замѣтить, что число экзаменовъ въ духовныхъ училищахъ безъ всякой нужды увеличено. Экзамены должны бы производиться въ то время когда нужно переводить учениковъ изъ одного класса въ другой, или выпускать ихъ изъ училища. Но противъ этого обыкновенно выставляютъ то обстоятельство, что въ духовныхъ училищахъ курсы продолжаются не одинъ, а два года. Обстоятельство въ самомъ дѣлѣ затруднитель-

ное. Реформу надобно было бы начать съ него. Въ самомъ дѣлѣ двухгодичные курсы имѣютъ слишкомъ много неудобствъ; напр. ученикъ или отъ болѣзни, или отъ другихъ какихъ либо обстоятельствъ не могъ заниматься въ послѣднее полугодье и отсталъ отъ своихъ товарищей; его оставляютъ въ томъ же классѣ. При годичномъ курсѣ остановка для него была бы не важна, но проучиться два года изъ за того, что полгода былъ нездоровъ, дѣло не легкое. Если же теперь придется оставаться въ двухъ, трехъ классахъ; то сколько времени пропадетъ напрасно? Вотъ одна изъ причинъ, почему ученики въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ учатся не только по 16-ти, но даже по 20 и болѣе лѣтъ и оканчиваютъ курсъ не только въ 25, но даже въ 30 лѣтъ. Вѣдь цѣлая половина жизни пропадаетъ на одно ученіе и притомъ на какое ученіе! Нерѣдко также случается, что одного и того же ученика оставляютъ на три курса и такимъ образомъ принуждаютъ проучиться шесть лѣтъ, чуть не полный гимназическій курсъ въ одномъ и томъ же классѣ. Равнымъ образомъ при двухгодичномъ курсѣ приготовленія къ переводному экзамену слишкомъ бываютъ затруднительны. Сколько наберется предметовъ, которые прочитаны въ теченіе двухъ лѣтъ? Спросятъ, или не спросятъ изъ нихъ а приготовляться и убивать время необходимо. Вотъ почему, прежде всего, повторимъ, слѣдовало бы ввести одногодичные курсы во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Конечно для этого потребуется большее число наставниковъ, большее количество имъ жалованья, даже большее количество классическихъ

комнатъ, но за то подобная перемѣна много бы облегчила учениковъ. По крайней мѣрѣ зачѣмъ бы не ввести этого въ академіяхъ? Въ такомъ случаѣ рѣшительно слѣдуетъ уничтожить всѣ третные, и полугодовые экзамены, и оставить только одинъ переводный. Даже при двухгодичномъ курсѣ не произойдетъ никакого замѣшательства и затрудненія, если ограничиться однимъ переводнымъ экзаменомъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ возражаютъ, что полугодовые и третные экзамены постепенно приготовляютъ ученика къ переводному и что безъ нихъ послѣдній былъ бы слишкомъ затруднителенъ. Но развѣ теперь предметы, пройденные въ первую сентябрскую треть курса, не остаются безъ повторенія почти полтора года, когда за нихъ опять принимаются предъ окончательнымъ экзаменомъ? О тѣхъ же ученикахъ, которые въ первый годъ курса слишкомъ мало занимаются и не могутъ быть оставлены на второй годъ, наставники и начальники могутъ постановлять рѣшенія и ранѣе двухгодичнаго курса точно также, какъ нынѣ разрѣшено исключать изъ духовныхъ училищъ во всякое время. Теперь остается показать, какъ производятся самые экзамены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Отдѣленіе второе.

О томъ, какъ производятся экзамены въ духовныхъ училищахъ.

Никто не станетъ спорить, что экзамены могутъ быть полезными въ томъ только случаѣ, если они

производится безпристрастно и честно людьми свѣдущими. По нашему мнѣнію, лучшій способъ для этого состоитъ въ томъ, чтобы въ производствѣ экзаменовъ участвовалъ не одинъ начальникъ учебнаго заведенія, или ближайшій его помощникъ по учебной части (въ родѣ инспектора классовъ), но и наставникъ науки, по которой производится испытаніе, и сверхъ того особенно въ концѣ курсовъ еще человѣка два знатоковъ науки изъ учителей или даже изъ сторонннхъ лицъ. Въ составленіи же списковъ для перевода учениковъ изъ одного класса въ другой и особенно при окончаніи курса непремѣнно должны участвовать всѣ преподаватели, и мнѣнія рѣшаться по большинству голосовъ, основанному на такъ называемыхъ баллахъ. Такъ почти едвали не во всѣхъ училищахъ происходятъ экзамены. Обыкновенно каждый наставникъ подастъ списокъ учениковъ съ отмѣтками успѣховъ; списки эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣряются начальниками, но *только повѣряются*. Затѣмъ въ извѣстные сроки особенно при окончаніи курса всѣ наставники составляютъ нѣчто въ родѣ парламента и на немъ рѣшаютъ большинствомъ голосовъ, въ какомъ порядкѣ ученики должны окончить курсъ. Въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ отмѣчаются успѣхи или по спискамъ наставниковъ, или по экзаменскимъ отвѣтамъ.

Духовно-учебныя заведенія въ этомъ отношеніи представляютъ исключеніе. Только въ академіяхъ, какъ сказано выше, два года однажды, именно при окончаніи курса воспитанниками, и при переводѣ ихъ изъ одного отдѣленія въ другое, составляется конферен-

ція изъ начальниковъ, профессоровъ академіи и изъ сторонннхъ членовъ. Но и здѣсь страсть распоряжаться самовольно не оставляетъ ректоровъ и инспекторовъ, нѣкоторые изъ нихъ столь же мало хотятъ обращать вниманія на голосъ членовъ конференціи, на списки и голосъ наставниковъ какъ и въ семинаріяхъ. Такимъ образомъ ректоръ и инспекторъ одной академіи въ концѣ составленія окончательныхъ списковъ студентовъ, для назначенія имъ степеней призвали членовъ конференціи не въ правленіе, а въ ректорскую квартиру; отецъ ректоръ сѣлъ на диванъ, инспекторъ помѣстился на креслахъ близъ него, а наставники въ разныхъ мѣстахъ по стульямъ. Инспекторъ, принявши на себя должность секретаря, съ подобострастною улыбкою доложилъ Его Высокопреподобію отцу ректору, что первое мѣсто должно принадлежать такому-то; Его Высокопреподобіе изъявило согласіе. Потомъ они вдвоемъ, рѣшительно не обращая вниманія на наставниковъ, продолжали составлять списокъ и уже въ концѣ перваго десятка отцу ректору вздумалось спросить у нихъ, кого бы теперь слѣдовало записать? Къ счастію между послѣдними былъ профессоръ самостоятельный, честный и прямой человѣкъ. Онъ смѣло сказалъ, что списки студентовъ вовсе не такъ должны быть составляемы, какъ дѣлали это Ихъ Высокопреподобія, что первоначально надобно сосчитать полученные баллы студентами и потомъ большинствомъ голосовъ рѣшить, кто долженъ быть записанъ на первомъ, второмъ и т. д. мѣстѣ. Ректоръ и особенно инспекторъ отстаивали автократическія идеи, но къ счастію первый, — че-

ловѣкъ конечно упрямый, но честный понялъ, что и ректорскій автократизмъ долженъ иногда преклонять-ся предъ закономъ. Поэтому секретарю конференціи поручено было все приготовить къ слѣдующему засѣданію и дѣло обсудилось, какъ требовалъ уставъ академическій. Но въ той же академіи другой ректоръ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ не захотѣлъ ущизить своей важности приглашеніемъ членовъ конференціи въ засѣданіе для составленія окончательнаго списка студентовъ. Человѣкъ этотъ представляетъ собою замѣчательное явленіе. Пока не сдѣлался ректоромъ академіи, онъ почти вездѣ составлялъ оппозицію своимъ начальникамъ и разыгрывалъ ролъ человѣка правдиваго, самостоятельнаго, строгаго приверженца закона, врага всѣхъ произвольныхъ дѣйствій начальническихъ; даже умѣлъ многимъ показаться либеральнымъ, вступившись отъ имени Церкви за освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Но въ управленіи академіею оказался настоящимъ деспотомъ. Когда нужно было назначить ученыя степени студентамъ, то онъ никого не пригласилъ даже на совѣщаніе, а составленный имъ списокъ разослалъ по квартирамъ членовъ конференціи для подписи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая показать, что академія была до его прибытія въ нее въ дурномъ положеніи, онъ присвоилъ степень магистровъ только, кажется, пяти человѣкамъ. Безгласные члены подписали все. Не смотря впрочемъ на оба разсказанные нами примѣра въ конференціяхъ академіи, по крайней мѣрѣ нерѣдко, обсуживается открыто, кто изъ воспитанниковъ и въ какомъ порядкѣ долженъ получить ту или другую

ученую степень. Конечно и тутъ иные голоса бываютъ слишкомъ сильны, другихъ по чему-то не слушаютъ; но за всѣмъ тѣмъ тутъ судятъ, спорятъ, даже прибѣгаютъ къ большинству голосовъ. Мы знаемъ случай, гдѣ предсѣдательствовавшій въ конференціи одной духовной академіи ревизоръ долженъ былъ уступить большинству профессоровъ. Даже двухгодичные экзамены производятся, по видимому, безпристрастно. Для каждаго предмета назначаются по два депутата изъ членовъ конференціи; по окончаніи экзамена, не выходя изъ залы (такъ по крайней мѣрѣ водилось въ одной академіи), депутаты вмѣстѣ съ ректоромъ, профессоромъ и ревизоромъ, если онъ бываетъ, — рѣшаютъ, какой баллъ нужно поставить каждому студенту.

Затѣмъ уже, какъ въ академіяхъ на прочихъ экзаменахъ, производимыхъ чрезъ каждое полугодіе, такъ и въ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ на всѣхъ вообще экзаменахъ все отдано въ распоряженіе начальства, т. е., все подчинено начальникамъ заведеній. Конечно, наставники подаютъ списки съ отмѣтками успѣховъ ученическихъ. Но одинъ только начальникъ на экзаменѣ оцѣниваетъ отвѣты; онъ же одинъ имѣетъ право послѣ составлять общій списокъ учениковъ. Нѣкоторые начальники приглашаютъ иногда даже не одного инспектора, а и наставниковъ; но это или исключеніе, или снисхожденіе, а не обязанность; *вся же права, вся власть въ рукахъ и произволѣ однихъ начальниковъ: тутъ нѣтъ ни протеста, ни аппелляціи, ни контроля, ни совѣщаній.* Послѣдствія отъ такого

распоряженія предвидѣть не трудно. Возьмемъ самый благопріятный случай, когда начальникъ все дѣло производитъ честнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Но кромѣ честности и добросовѣстности для оцѣнки успѣховъ ученическихъ нужно очень хорошее знакомство съ науками. Мы не споримъ, что начальники всѣхъ духовныхъ училищъ люди умные, большею частію съ учеными степенями. Но всѣ ли науки, преподаваемыя въ подчиненныхъ имъ училищахъ, они знаютъ? Къ вашей совѣсти обращаемся, г г. начальники; — вѣдь, право, вы не всевѣдущи; этого мало, — нѣкоторые изъ васъ считаютъ унизительнымъ заниматься многими науками, даже не имѣютъ энциклопедическихъ свѣдѣній въ нихъ. И между тѣмъ зачѣмъ же вы одни рѣшаете приговоръ объ успѣхахъ учениковъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія? Вы скажете, что училищный уставъ не обязываетъ васъ приглашать наставниковъ на совѣщаніе, а мы вамъ отвѣтимъ, что онъ и не запрещаетъ этого. Кромѣ того достанетъ ли времени у начальника произвести дѣльный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, которыхъ число простирается до 25 и болѣе? А если у него и найдется нужное время и терпѣніе; то гдѣ онъ возьметъ столько вниманія, чтобы постоянно цѣлый мѣсяцъ и даже болѣе слѣдить за отвѣтами учениковъ по всѣмъ предметамъ? Вѣдь, право, физически и раціонально не возможно. При такомъ положеніи дѣлъ не нужно удивляться, что слишкомъ часто экзамены производятся почти только для формы, только для доказательства, что былъ экзаменъ. Съ этою цѣлію соединяютъ вдругъ нѣсколь-

ко предметовъ, преподаваемыхъ различными наставниками, и смѣшиваютъ въ одну кучу билеты по всѣмъ нимъ. Ученикъ беретъ на удачу билетъ, относящійся къ одной какой либо наукѣ, но по отвѣту уже оцѣниваются познанія его и въ другихъ соединенныхъ предметахъ. Что ни говорите, а хитро придумано, *и это дѣлается даже въ академіяхъ!* Иногда лихой экзаминаторъ набиваетъ руку до такой степени, что переспроситъ всѣхъ учениковъ въ слишкомъ короткій срокъ. Мы вполнѣ знаемъ, что даже въ академіяхъ въ три часа и менѣе успѣваютъ иногда проэкзаменовать 60—70 человѣкъ; тутъ не придется и трехъ минутъ на человѣка; кромѣ того неизбѣжны паузы, пока одинъ кончилъ, а другой начинаетъ отвѣтъ, пока предложенъ будетъ вопросъ и пр.; — посмотришь не останется и двухъ минутъ. Въ семинаріяхъ же, увѣряемъ васъ, г.г. читатели, въ два часа даже 100 человѣкъ успѣютъ переспросить. Намъ извѣстенъ одинъ бывшій начальникъ семинаріи, который иногда ученику позволялъ сказать словъ 20 и затѣмъ говорилъ: *довольно*, прибавляя, *видно, что за молодецъ;* начальникъ считалъ себя знатокомъ физіогноміи. Экзамены ли это? Можно по нимъ оцѣнивать успѣхи учениковъ? Судите сами.

Зло еще не было бы слишкомъ велико, если бы наставники не имѣли причинъ прикрывать промахи учениковъ. Но въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ наставники при экзаменахъ не только недѣйствующія, но страдательныя, отвѣтственныя, подсудимыя лица. Они въ теченіи всего экзамена не имѣютъ стула и должны стоять по нѣсколько часовъ,

какъ какіе либо преступники, призванные къ допросу предъ зерцало уголовной палаты; даже академическіе ординарные профессоры съ своими орденами, въ своихъ шитыхъ мундирахъ, со шляпами подъ мышкою не всегда увольняются отъ этого униженія. Да какъ же можно иначе? Вѣдь по экзамену начальникъ судитъ не объ однихъ ученикахъ, а и о достоинствѣ самаго наставника, иногда безъ дальнихъ церемоній тутъ же публично дѣлаетъ ему замѣчанія. Разумѣется, наставники вынуждены бываютъ брать мѣры къ тому, чтобы отвѣты учениковъ были удовлетворительны. Въ старинное время употреблялись даже знаки, по которымъ ученики могли догадываться о томъ, какъ имъ нужно отвѣчать; напр. случайное будто прикосновеніе большимъ пальцемъ къ носу показывало ученику, что какое либо имя существительное относится къ первому склоненію, потираніе лба правою рукою означало мужескій родъ, а пригнутый указательный палецъ—родительный падежъ и. пр. разумѣется обо всемъ этомъ напередъ сообщалось ученикамъ и даже производились въ классѣ репетиціи. Вотъ и нравственный урокъ, какъ обманывать начальниковъ! Нынѣ этого конечно нѣтъ, по крайней мѣрѣ не вездѣ, метода слишкомъ груба и сдѣлалась пошлою. По за то рѣдкій наставникъ не постарается изъ своихъ уроковъ выпустить статьи малоизвѣстныя ученикамъ, или вынуть т. е., просто говоря, украсть изъ билетовъ тѣ, которые плохо извѣстны ученикамъ, или въ одинъ билетъ помѣстить множество предметовъ, чтобы хоть кое-что можно было сказать.

По самое важное обстоятельство при экзаменахъ

во многихъ (не во всѣхъ ли?) духовныхъ училищахъ, — cardinem rei, какъ говаривали древніе Римляне, — образцовую продѣлку составляютъ такъ называемые билеты. Кому неизвѣстно, что въ свѣтскихъ училищахъ при производствѣ экзаменовъ всякая наука раздѣляется на нѣсколько частей, которыя означаются цифрами, начиная съ единицы? Номера этихъ частей, или *билетовъ*, какъ ихъ называютъ, писанные на клочкахъ бумаги, бываютъ разбросаны на столѣ предъ экзаминаторомъ, такъ чтобы цифры не были видны. Ученикъ подходитъ къ столу, беретъ на удачу клочекъ бумаги; наставникъ или экзаминаторъ объявляетъ ему содержаніе билета; затѣмъ ученикъ иногда прямо, а иногда получивши нѣсколько времени на приготовленіе, отвѣчаетъ. Почему и намъ не перенять такой методы, но только по обыкновенію измѣнивъ ее и усовершенствовавъ? Чтобы не развлекать вниманія ни наставника, ни экзаминатора объясненіемъ содержанія билетовъ, начальники духовныхъ училищъ дозволяютъ наставникамъ — каждому по своей наукѣ на самыхъ билетахъ писать содержаніе ихъ. Услужливые ученики, разумѣется, избавляютъ почтенныхъ педагоговъ отъ такого труда; берутъ клочки бумаги въ $^1/_3$ и даже $^1/_2$ четвертки и сами написываютъ на нихъ не только главныя мысли, содержащіяся въ билетѣ; напр. по исторіи выписываютъ всѣ собственныя имена и года и событія; по математикѣ всѣ алгебраическія формулы или геометрическія теоремы съ доказательствами; по богословію всѣ тексты, а иногда, вкратцѣ конечно, чуть не все содержаніе билета. Такимъ образомъ ученикъ съ этимъ мнимымъ

конспектомъ можетъ приготовить отвѣтъ, какъ будто бы въ рукахъ у него былъ учебникъ, а добрый экзаминаторъ въ облегченіе учениковъ вызываетъ къ столу обыкновенно не менѣе трехъ человѣкъ, и потому каждый изъ нихъ имѣетъ довольно, даже очень много времени приготовлять отвѣтъ, — пока два его товарища—предшественники отвѣчаютъ; кромѣ того билетъ не выпускается изъ рукъ, въ него заглядываютъ всякій разъ, какъ захотятъ, и отвѣчаютъ почти также, какъ если бы предъ ними была раскрыта тетрадка, или книга. Ну, какъ бы не догадаться многоученымъ экзаминаторамъ, которые бывали учениками и наставниками и все это знаютъ, какъ бы, повторимъ, не догадаться, что предъ ними происходитъ не экзаменъ, а кукольная комедія? Но, погодите, добрѣйшіе читатели, мы откроемъ вамъ еще и другіе болѣе интересные секреты. Ученики устроиваютъ билеты такъ, что, подшедши къ столу, могутъ не брать тѣхъ, которые они не выучили. Въ этомъ случаѣ главную роль играютъ гербы, выставляемые фабрикантами на листахъ; билеты съ такими гербами называются *печатками*, потомъ другіе билеты вырѣзываются такъ, чтобы на нихъ оставался сгибъ листа, — они носятъ названіе *складокъ*, на прочихъ нанаходятся какъ будто случайныя чернильныя пятнышки, мало замѣтныя черточки и пр., этимъ билетамъ даютъ названіе *марокъ* или *помарокъ*. Каждый изъ перечисленныхъ разрядовъ относится или съ какой либо части науки, или къ извѣстнаго рода вопросамъ, напр. печатки къ простымъ, а складки къ мудренымъ. Такимъ образомъ смѣтливый ученикъ

выбираетъ не замѣтно для экзаминатора то, что считаетъ себѣ извѣстнымъ. О всѣхъ разсмотренныхъ нами экзаменскихъ продѣлкахъ ведутся дипломатическія переговоры между учениками и наставниками. *Изтинно поучительные переговоры!*

Но даже съ помощію печатокъ, складокъ и марокъ воспитаннику нельзя ограничить свои приготовленія къ экзамену только однимъ какимъ либо билетомъ, при всей изобрѣтательности ученики не могутъ на цѣлую сотню, а иногда и болѣе билетовъ наложить такіе секретные знаки, чтобы по нимъ можно было узнать номеръ каждаго билета. Въ этомъ случаѣ употребляется особый способъ, введенный въ первый разъ едвали не студентами одной изъ академій при ректорѣ Е—ѣ. Студенты рѣшительно не занимались каноническимъ правомъ, объ этомъ знали даже начальники. Между тѣмъ во время экзамена произошло истинно неожиданное явленіе. Студенты спокойно подходили къ экзаминаторскому столу, брали билеты, потомъ не отходя за парты и *стоя*, какъ говорятъ *на средин класса*, обдумывали свой отвѣтъ и даже мало заглядывали въ билетъ, но отвѣчали, какъ нельзя лучше. И ректоръ и баккалавръ не могли надивиться чуду. Дѣло прочемъ происходило самымъ плутовскимъ образомъ. Студенты приготовили два экземпляра совершенно по всѣмъ отношеніямъ одинаковыхъ билетовъ, одинъ экземпляръ положили на экзаминаторскій столъ предъ лицо начальника, а изъ другаго каждый студентъ бралъ тотъ билетъ, который онъ или зналъ или рѣшился выучить. Вызванный студентъ бралъ со стола билетъ,

отходилъ съ нимъ на небольшое разстояніе, притворялся обдумывающимъ свой билетъ, и между тѣмъ какъ будто бы случайно закладывалъ руки назадъ, и тамъ взятый со стола билетъ отправлялся въ карманъ сюртука или въ рукава, а напередъ заготовленный и лучшимъ образомъ выученный выходилъ на свѣтъ. Смѣшно было смотрѣть въ этомъ случаѣ на экзаменатора. Онъ понималъ, что его какъ-то обманываютъ, старался открыть обманъ, бралъ изъ рукъ билеты, смотрѣлъ на нихъ внимательно, и между тѣмъ ничего не могъ открыть. Самъ наставникъ, которому студенты не сочли за нужное сказать о своемъ планѣ, не могъ понять, въ чемъ состоитъ дѣло, подумалъ даже, что они успѣли все повторить и съ достоинствомъ принималъ поздравленія своихъ начальниковъ и сослуживцевъ съ прекраснымъ окончаніемъ экзамена. Въ 1860 году эта продѣлка въ огромныхъ размѣрахъ была повторена въ одной изъ подмосковныхъ семинарій. Здѣсь ученики особенно высшаго и средняго отдѣленія чуть ли не по всѣмъ предметамъ имѣли тоже по два экземпляра билетовъ и отвѣчали точно также, какъ поступили студенты академіи. Профессоры впрочемъ замѣтили продѣлку; одинъ даже хотѣлъ было, открывши все ректору, потребовать переэкзаменованія, но отдумалъ. И въ самомъ дѣлѣ къ чему бы послужилъ его поступокъ? Ректоръ уже былъ обманутъ болѣе, нежели на десяти экзаменахъ, разумѣется, для поддержанія своего авторитета сталъ бы доказывать, что по другимъ предметамъ этого не было, и обвинилъ бы самаго наставника.

При самомъ экзаменѣ наставникъ особенно по предметамъ, съ которыми экзаминаторъ незнакомъ, не слишкомъ охотно поправляетъ своихъ учениковъ, а иногда позволяетъ говорить имъ все, что угодно. Потомъ, если ученикъ затрудняется продолжать свое чтеніе, то ловкій наставникъ дѣлаетъ ему вопросъ тѣми именно словами, которыя ученику должно читать. Иногда старается завести интересный разговоръ и отвлечь вниманіе начальника, а ученикъ между тѣмъ читай, что́ хочетъ, и когда остановится, наставникъ докладываетъ, что билетъ весь прочитанъ, и пр. и пр. *много, очень много продѣлокъ и фокусовъ!* Отъ такихъ обстоятельствъ происходятъ уморительныя сцены. Въ одной изъ академій профессоръ пожаловался инспектору, что студенты плохо приготовляются. Инспекторъ объявилъ студентамъ, что онъ на экзаменѣ будетъ слѣдить серьёзно за ихъ отвѣтами, и въ случаѣ неудовлетворительности отвѣтовъ станетъ штрафовать. Инспекторъ шутить не любилъ, студенты это знали, но приняться за повтореніе или не хотѣли, или не имѣли времени, вмѣсто того составили планъ, который имъ прекрасно удался. Они раздѣлили лекціи на отдѣльные вопросы, и каждый принялъ на себя обязанность по нѣскольку ихъ выучить. Лекціи были такъ написаны, что *всякій вопросъ жилъ*, какъ выражались студенты, *независимо отъ другаго, своимъ домомъ* и отъ ихъ перестановки большаго замѣшательства не происходило. Затѣмъ профессоръ имѣлъ слабый голосъ и по господствовавшему тогда обычаю долженъ былъ стоять у парть, за которыми студенты сидѣли и отвѣчали во время экзаменовъ.

Экзаменъ начался, — первые два или три вопроса были извѣстны всѣмъ; поэтому дѣло шло хорошо; но съ третьяго или четвертаго вопроса студентъ, какъ будто выслушавши спрашивавшаго наставника, читалъ то, что онъ зналъ. Сначала профессоръ пытался было остановить читаку, но по причинѣ слабаго голоса и несвязной рѣчи его экзаменаторъ не обращалъ вниманія на замѣчанія его. Студенты читали бойко. Профессоръ понялъ, въ чемъ дѣло, и вопросы, какъ онъ послѣ самъ говорилъ, сталъ предлагать нарочно потише. Инспекторъ, слѣдившій за внѣшнею стороною отвѣтовъ, остался весьма доволенъ, что студенты исполнили его приказъ. Въ другомъ случаѣ студенту надобно было отвѣчать по Исторіи русскаго церковнаго краснорѣчія, вопросъ былъ предложенъ касательно проповѣдника, жившаго во время удѣльнаго періода. Болѣе этого студенту ничего не было извѣстно. Поэтому онъ и не счелъ нужнымъ долго останавливатся на біографіи проповѣдника, не упустивши впрочемъ высказать нѣсколько фразъ о трудности собирать біографическія свѣдѣнія въ этотъ отдаленный періодъ нашей исторіи. На основаніи такой причины онъ быстро перешелъ къ сочиненіямъ проповѣдника и произнесъ отличный панегирикъ его ораторскому искусству, употребляя обыкновенныя въ этомъ случаѣ фразы. Наконецъ, что составляло самую важную часть отвѣта, нашелъ нужнымъ представить образчикъ краснорѣчія восхваляемаго писателя. Но рѣшительно не зная ни одного его сочиненія, онъ припомнилъ свою собственную проповѣдь, не задолго предъ тѣмъ говоренную, и измѣняя языкъ на древне-

славянскій, прочиталъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Профессоръ былъ какъ на иголкахъ, но экзаминаторъ остался вполнѣ доволенъ отвѣтомъ и прибавилъ: *вотъ какъ хорошо писали проповѣди въ старину, изучайте вы, молодые люди, древнихъ церковныхъ писателей, отъ нихъ многому научитесь.* Оба эти примѣра были въ академіяхъ по наукамъ, имѣющимъ тѣсную связь съ богословскими, и потому извѣстнымъ почти каждому экзаминатору въ духовныхъ училищахъ.

Что теперь надобно сказать объ экзаменахъ по свѣтскимъ наукамъ, особенно въ семинаріи? Чего тутъ иногда нельзя наслушаться? Напр. по Исторіи, развѣ не заставляютъ Норманновъ подъ начальствомъ Θеодорика или Аларика нападать на Италію и даже удостоиться чести быть побѣжденными Діоклетіаномъ, а Готѳовъ разорить въ 9 или 10 вѣкѣ Англію подъ предводительствомъ Канута или Олая? Развѣ не поручаютъ правленія Франціею Фридерикамъ и Оттонамъ, Англіею — Людовикамъ, Германіею — Альфредамъ, Испаніею — Вильгельмамъ и пр.? Развѣ не даютъ небывалыя сраженія при городахъ, построенныхъ нѣсколько вѣковъ спустя послѣ эпохи, о которой идетъ дѣло, не одерживаютъ такихъ побѣдъ предъ которыми ваграмская и бородинская битва покажутся игрушкою, или кулачнымъ боемъ какой либо деревни? Въ подтвержденіе своихъ словъ мы еще разскажемъ анекдотъ, сообщенный намъ опытнымъ старикомъ, профессоромъ Исторіи. На экзаменѣ изъ его предмета вызванному студенту достался билетъ, касавшійся удѣльнаго періода русской Исторіи. Студентъ вообще ма-

ло занималася Исторіею; поэтому наставникъ не ожидалъ отъ него никакого хорошаго отвѣта. Въ то время въ академіяхъ по патріархальной простотѣ студентъ, взявши билетъ, могъ отправиться на мѣсто свое и тамъ приготовлять по учебному руководству отвѣтъ, пока другъ за другомъ два его товарища отвѣчаютъ. Студентъ, о которомъ мы начали говорить, по словамъ нашего разскащика, по возвращеніи на мѣсто, даже не тронулъ тетрадей, и, обратившись къ сосѣду, сказалъ ему что-то, а самъ, взявъ клочокъ бумаги, записывалъ на немъ карандашемъ то, что говорилъ ему сосѣдъ. Дѣло состояло въ томъ, что послѣдній по порученію товарища, сказывалъ ему въ послѣдовательномъ порядкѣ имена лицъ, названія городовъ и пр., встрѣчавшихся во взятомъ билетѣ. Кончивши работу, студентъ совершенно успокоился и *сидѣлъ*, какъ говорится, *сложивши руки*, посматривая впрочемъ изрѣдка на клочекъ бумаги съ собственными именами. Наставникъ съ недоумѣніемъ ожидалъ, что должно выйти изъ этого, полагая вѣроятнымъ, что студентъ, не надѣясь приготовить своего отвѣта, рѣшился отказаться. Наконецъ очередь дошла до него, — спокойно онъ встаетъ съ мѣста и самымъ твердымъ голосомъ начинаетъ: *Ярославъ раздѣлилъ все государство между своими дѣтьми.* Потомъ, изрѣдка посматривая на бумажку свою, началъ, по выраженію разскащика, ссорить и мирить князей между собою, отнимать то у того то у другаго удѣлы, давать битвы, нисколько не жалѣя убитыхъ. Замѣтивъ вниманіе и даже одобреніе экзаминатора, студентъ еще болѣе разгорячился, и не заглядывая въ бумажку,

началъ описывать сраженія при такихъ городахъ, которыхъ еще не было въ то время. „Я, какъ выражался наставникъ, опасался только одного, чтобы онъ не заставилъ Мономаховичей сражаться съ Олеговичами близъ Петербурга.“ Впрочемъ студентъ не успѣлъ дойти до этого и получивъ благодарность отъ экзаминатора за свой прекрасный отвѣтъ, возвратился на мѣсто. Но безстыдство отвѣтовъ особенно замѣтно при испытаніяхъ по математическимъ наукамъ, знаніе которыхъ часто въ цѣломъ училищѣ принадлежитъ чуть не одному наставнику. Поэтому при отвѣтахъ *плюсы и минусы*, a, b, c, ab, abc, ab+bc и пр., квадраты, корни, логариѳмы перемѣшиваются между собою въ такомъ порядкѣ, что ни Ньютонъ, ни Эйлеръ, ни Пуассонъ, ни Остроградскій никогда не изобрѣтали тѣхъ формулъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются математическія задачи на экзаменахъ семинарскихъ. Начальники семинарій большею частію совершенно не знаютъ математики, но ведутъ себя во время экзаменовъ двоякимъ образомъ. Одни не скрываютъ своего незнанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказываютъ и даже высказываютъ полное презрѣніе къ наукѣ, и потомъ предоставляютъ ученикамъ говорить, что́ угодно, выражая и словомъ и дѣломъ, что такая глупѣйшая, пустѣйшая и безполезнѣйшая наука, какъ математика, не заслуживаетъ вниманія солидно-нравственныхъ людей. Другіе, тоже ничего не зная, не хотятъ казаться отсталыми отъ вѣка, и своими вопросами, одобреніями, согласіемъ, а иногда даже возраженіями стараются внушить ученикамъ мысль о своихъ глубокихъ свѣдѣніяхъ въ

математикѣ. Но ученики умѣютъ *отличить сокола отъ совы по полету;* потому не стѣсняясь, намѣренно или ненамѣренно не говорятъ, а, извините за выраженіе, *городятъ страшную чепуху.* Вотъ нѣсколько новыхъ математическихъ истинъ, высказанныхъ между 1852 и 1860 годами на экзаменахъ въ П—ской семинаріи. Ученика спросилъ профессоръ, что́ такое хорда; не занимавшись вовсе геометріею, первый затруднился отвѣтомъ; но товарищи рѣшились выручить его и стали подсказывать, что *хорда есть прямая линія, соединяющая двѣ крайнія точки дуги.* Но ученикъ не ясно разслушалъ слово: *точки* и потому, сдѣлавъ въ немъ небольшую перемѣну, отвѣчалъ, что *хорда есть прямая линія, соединяющая двѣ крайнія,* но уже не точки, *а почки дуги.* Начальникъ, выслушавши это оригинальное опредѣленіе, сказалъ: „хорошо, точно такъ, *хорда есть прямая линія, соединяющая двѣ крайнія почки дуги.* Другой ученикъ, этому математику-начальнику отвѣчая изъ пасхаліи, долженъ былъ высчитать число одного церковнаго праздника и предварительно разсказалъ весь ходъ своего вычисленія, въ которомъ послѣднимъ членомъ было $2\times2=4$ т. е., *дважды два равны четыремъ.* Но производя выкладки, ошибся и къ самому концу ихъ увидалъ, что у него не достаетъ еще *шести.* Нисколько этимъ не смущаясь, онъ сказалъ: теперь остается прибавить еще *дважды два—шесть.* „*Какъ?* воскликнулъ экзаменаторъ. *Что это ты говоришь: дважды два—шесть? Кто же не знаетъ, что дважды два—четыре?*“ *Точно такъ,* Ваше В—біе, отвѣчалъ ученикъ, *въ ариѳметикѣ дѣйствительно дважды*

два равны четыремъ; но въ алгебрѣ дважды два — составляютъ шесть. „А! сказалъ начальникъ *разумѣется, алгебра другое дѣло нежели ариѳметика?* Послѣ этого извольте вѣрить, что истины математики неопровержимы, когда дважды два равны четыремъ и шести. Третій ученикъ, отвѣчая о степенныхъ количествахъ, сказалъ, что *а* квадратъ, умноженное на *а* первой степени равняется *а* кубъ, т. е., $a^2 \times a = a^3$. Но экзаминаторъ, не вслушавшись въ слова ученика, сказалъ: хорошо точно такъ *а* квадратъ, умноженное на *а* первой степени равняется *а ку*, т. е., $a \times a^2 = aq$. И всѣ эти и имъ подобные отвѣты сходятъ съ рукъ и даже удостоиваются похвалы.

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ и объ экстренныхъ, такъ сказать, диверсіяхъ въ пособіе экзаменуемымъ ученикамъ, прежде бывавшихъ почти на каждомъ экзаменѣ, но и нынѣ еще нерѣдко случающихся. Для компаніи или для того, чтобы придать болѣе важности и торжественности экзаменамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственному величію, начальники приглашаютъ нѣсколькихъ наставниковъ присутствовать на экзаменѣ. Наскучивъ сидѣть безъ дѣла, или желая выказать свое остроуміе, или просто придерживаясь заведеннаго порядка, приглашенные тоже предлагаютъ вопросы, но вовсе не для того, чтобы оцѣнить свѣдѣнія ученика, — это ихъ вовсе не касается, — а для того, чтобы указать какой либо недостатокъ въ урокахъ, по этому и самые вопросы носятъ названіе *возраженій*. На такія возраженія отвѣчать ученики почти вовсе не обязываются, честь защищать глубокія истины предоставляет-

ся самому наставнику, который писалъ, или по крайней мѣрѣ преподавалъ уроки. Такимъ образомъ борьба происходитъ между двумя диспутантами одинаковаго званія, видъ завязавшагося сраженія воспламеняетъ и прочихъ собесѣдниковъ, они тоже въ родѣ секундантовъ приступаютъ къ той или другой сторонѣ. Споры эти, въ которыхъ, разумѣется, теряется изъ виду главный предметъ, продолжаются иногда болѣе часа, такъ что начальникъ собственною уже властію часто принужденъ ихъ прекратить. Между тѣмъ ученики, взявшіе билеты, могутъ при этихъ школьныхъ турнирахъ успѣть не только выучить, но и переписать содержаніе билетовъ.

Не обвиняйте впрочемъ, любезный читатель, слишкомъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній во всѣхъ экзаменскихъ продѣлкахъ. Частое повтореніе послѣднихъ, преданія объ нихъ, передаваемыя отъ поколѣнія къ поколѣнію, ничтожество учителей въ духовныхъ училищахъ, ихъ подсудимость во время экзамена и множество другихъ обстоятелствъ сдѣлали то, что не только наставники, даже начальники не могутъ иногда остановить воспитанниковъ, когда они всѣ рѣшаются на какой либо фокусъ во время экзамена. Мы сами были чуть не дѣйствующимъ лицомъ въ одномъ изъ такихъ произшествій. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ одной академіи догматическое богословіе преподавали по рукописнымъ запискамъ на русскомъ языкѣ. Вновь прибывшій ректоръ и профессоръ нашелъ ихъ неудовлетворительными и далъ студентамъ для списыванія свои старыя тетради на латинскомъ языкѣ, по которымъ самъ

нѣкогда учился. Такое нововведеніе студентамъ не понравилось; они новыхъ лекцій не списали и повторяли уроки по своимъ русскимъ запискамъ. Ректоръ затаилъ въ себѣ неудовольствіе и ждалъ случая отомстить студентамъ по своему, изрѣдка впрочемъ повторяя: *вотъ вы узнаете, что значитъ меня не слушаться!* Предъ Пасхою на второй годъ учебнаго курса ему нужно было на нѣкоторое время для обслѣдованія одного дѣла по порученію высшаго начальства выѣхать изъ мѣста, гдѣ находилась академія. Тутъ-то онъ и рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ мщенія; призываетъ къ себѣ двухъ студентовъ и отдавши тетради своихъ лекцій, приказываетъ объявить товарищамъ, чтобы они повторяли догматику, не по тѣмъ русскимъ запискамъ, по которымъ учили въ теченіе курса, а по вновь выдаваемымъ латинскимъ тетрадямъ. Студенты были ошеломлены такимъ приказомъ, выставляли на видъ, что не только выучить, даже списать сталтора листовъ у нихъ не достанетъ времени. Тогда-то ректоръ выразилъ ясно свои мысли: „вотъ то-то меня не слушались; извольтека теперь со мною расплатиться. Скажите-ка своимъ любезнымъ товарищамъ, что они оканчиваютъ курсъ академіи, и если кто изъ нихъ откажется повторять по моимъ лекціямъ, тотъ не надѣйся получить степень, особенно магистерскую.“ Два студента, пришедши съ огромными кипами тетрадей, объявили товарищамъ о новости. Напряжена была депутація къ отцу ректору, но возвратилась безъ всякаго успѣха. Между тѣмъ онъ уѣхалъ для производства слѣдствія; прибывши

на мѣсто и увидавши, что ему надобно долго пробыть тамъ, написалъ письмо къ инспектору, прося его распорядиться повтореніемъ догматики по запискамъ, которыя даны студентамъ. Послѣдніе ловко воспользовались этимъ обстоятельствомъ и объяснили инспектору, что они будутъ повторять точно также, какъ и учили по русскимъ запискамъ, разумѣется, такъ и сдѣлали. Ректоръ возвратился предъ самымъ экзаменомъ, узналъ обо всемъ, но конспекты поданы уже были инспекторомъ; на частномъ экзаменѣ ничего нельзя было сдѣлать, и онъ свое мнѣніе отложилъ до публичнаго. Предъ наступленіемъ его онъ объявляетъ, что для такого торжественнаго случая назначается трактатъ о св. Троицѣ, вовсе не сказывая, по какимъ запискамъ приготовлять этотъ трактатъ. Въ канунѣ самаго экзамена, часу въ десятомъ вечера студентамъ была раздана печатная программа предстоящаго на утро экзамена и тутъ только они узнали, что ректоръ трактатъ о Св. Троицѣ предположилъ спрашивать по своимъ латинскимъ запискамъ. Когда явилась къ нему депутація студентовъ, то онъ съ самодовольствіемъ сказалъ ей: „ну что взяли? я таки поставлю на своемъ; попробуйте-ка завтра не отвѣчать, вамъ тогда не видать магистерства! Узнаете, что́ значитъ не слушаться меня.“ Студенты увидали, что съ старикомъ нечего дѣлать; составили митингъ и на немъ рѣшились отвѣчать по своимъ русскимъ запискамъ. Въ этомъ случаѣ они расчитывали на многія обстоятельства: 1) по тогдашнему обычаю студенты отвѣчали на публичномъ экзаменѣ, стоя за столами, за которыми сидѣли; 2) предсѣда-

тель экзамена былъ добрѣйшій архипастырь, любившій, чтобы студенты отвѣчали смѣло, ловко, громко и 3) ректоръ имѣлъ слабый голосъ, шепелялъ и не отличался бойкостію. Начался экзаменъ по догматическому богословію; первымъ былъ спрошенъ студентъ — молодецъ собою, красивый, ловкій, развязный. Ректоръ, не смотря на то, что былъ уже епископомъ, долженъ былъ стоять у студентческихъ столовъ довольно далеко отъ предсѣдателя и предложилъ вопросъ по своимъ запискамъ на латинскомъ языкѣ. Студентъ выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ вопросъ, обратился потомъ къ предсѣдателю и какъ будто собравшись съ мыслями, началъ читать по своимъ лекціямъ, отвѣтъ громкимъ и звучнымъ голосомъ, развязно, съ мастерскою интонаціею. Предсѣдатель съ перваго раза не могъ имъ налюбоваться. Ректоръ началъ было говорить, что студентъ не то и не на томъ языкѣ отвѣчаетъ. Предсѣдатель, ничего не разобравши, сказалъ: „Преосвященный! неостанавливайте его, онъ читаетъ прекрасно.“ Дѣлать нечего, ректоръ замолчалъ. Спросилъ другаго студента опять тоже виднаго молодца. Ректоръ ясиѣе прежняго сдѣлалъ вопросъ на латинскомъ языкѣ; предсѣдатель слушавшій первый отвѣтъ на русскомъ языкѣ, немножко какъ будтобы изумился появившейся латыни; но студентъ не сробѣлъ, зачиталъ по своему и быстро заинтересовалъ предсѣдателя. Ректоръ вновь сталъ было дѣлать вопросъ, но шепеляніе его и дрожавшій отъ досады голосъ сдѣлали слова неясными, предсѣдатель опять сказалъ: „Преосвященный! не останавливайте его, онъ прекрасно отвѣчаетъ.“ По-

слѣ этого ректоръ счелъ невозможнымъ или неприличнымъ продолжать свою борьбу, дѣлалъ вопросы такъ, что не только публика, но и студенты ничего не понимали и не слыхали. Но вмѣсто того не могъ удержать своего негодованія и полузакрывши свое лицо конспектомъ со стороны, обращенной къ публикѣ, ругалъ студентовъ самымъ усернымъ образомъ: „мошенники вы, разбойники — черти — дьяволы; — я съ роду не видывалъ такихъ плутовъ и сорванцовъ.“ Но сорванцы лихо отвѣчали. Предсѣдатель, замѣчая, что ректоръ о чемъ-то какъ будто бы разговариваетъ съ студентами даже очень громко, неоднократно обращался къ нему съ словами: „Преосвященный! да что вы тамъ шепчете, говорите въ слухъ; пусть всѣ слышатъ, что вы говорите.“ Но Его Преосвященство не находило нужнымъ повторять въ слухъ публики тѣ привѣтственныя слова, которыми оно величало студентовъ; съ другой стороны отъ досады не могло удержаться отъ повторенія ихъ. Сцена была истинно комическая, студенты чуть не въ слухъ хохотали, публика, видѣвшая бойкіе ихъ отвѣты, но не знавшая закулисныхъ тайнъ, не понимала, что такое происходитъ. Наконецъ экзаменъ кончился, къ довершенію досады ректоры, предсѣдатель началъ благодарить не только его, но и студентовъ за ихъ прекрасные отвѣты.

Описавши фокусы и продѣлки, пустоту и комизмъ экзаменовъ, происходящихъ въ духовныхъ училищахъ, мы не скроемъ главнаго достоинства частныхъ экзаменовъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, — достоинства, которое въ прочихъ училищахъ, ка-

жется, мало извѣстно. — И очень не удивительно, — въ свѣтскихъ училищахъ много наставниковъ Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ, да и Русскіе какъ-то онѣмечились. Въ духовныхъ училищахъ наставники чисто русской крови, свято соблюдающіе нравы своихъ предковъ. А кому неизвѣстно, что изъ главныхъ добродѣтелей Славянъ было гостепріимство? Вотъ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ рѣдкій наставникъ въ день своего экзамена, по крайней мѣрѣ не очень давно, не считалъ обязанностію пригласить къ себѣ своихъ почтенныхъ сослуживцевъ, съ еще болѣе почтеннымъ начальникомъ покушать хлѣба-соли, закусить и в....., что Богъ послалъ. Пріятно и умилительно бывало смотрѣть, какъ всѣ почтенныя особы, утомленныя учеными занятіями, отправляются попарно или *гуськомъ* въ квартиру объэкзаменованнаго, встрѣчаются радушнымъ хозяиномъ; усаживаются за столы, можетъ быть и не дубовые, но за скатерти непремѣнно браныя, начинается одушевленный разговоръ, хозяинъ не забываетъ своихъ обязанностей и пр. и пр. Ахъ, времена, времена! продолжаетесь ли вы и нынѣ? Новое поколѣніе! не забывай преданій старины, соблюдай ихъ! Описываемый нами обычай истинно прекрасенъ, самые дурные отвѣты учениковъ послѣ сытной закуски или плотнаго обѣда казались уже вполнѣ удовлетворительными, и все шло хорошо!

Отдѣленіе третіе.

О публичныхъ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Кромѣ частныхъ испытаній въ большей части училищъ бываютъ еще *публичныя*, *торжественныя*, на которыя приглашаются самыя почетныя лица, особенно вѣсшее начальство и допускается прилично одѣтая публика. Вооружаться противъ нихъ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ всякое училище не должно считаться какимъ либо католическимъ монастыремъ траппистовъ, куда не могутъ проникать ни ноги ни взгляды профановъ. Почему и обществу и родителямъ дѣтей, воспитывающихся въ училищѣ, хоть разъ въ году не имѣть случая видѣть, какъ идетъ преподованіе наукъ, справедливо ли оцѣниваются успѣхи учениковъ и пр.? Желаніе естественное и самое справедливое. Но для удовлетворенія нужно, чтобы публичные экзамены производились самымъ добросовѣстнымъ образомъ, чтобы изъ нихъ не дѣлали театральнаго представленія, или китайской церемоніи. Для нихъ, по нашему мнѣнію, вовсе нѣтъ надобности избирать какія-либо статьи; пусть ученики испытываются рѣшительно по всѣмъ наукамъ и во всемъ ихъ объемѣ. Для этого пусть будутъ приготовлены билеты по всѣмъ преподававшимся наукамъ, пусть за тѣмъ выборъ билетовъ будетъ предоставленъ кому либо изъ сторонихъ лицъ или предсѣдателю на экзаменѣ, или пусть дозволено будетъ ученикамъ брать на удачу по одному изъ

закрытыхъ билетовъ. Учениковъ также пусть вызываютъ не наставники, не начальники, а только или предсѣдатель, или другое почтенное стороннее лицо и притомъ сначала лучшихъ по списку, потомъ менѣе отличныхъ, далѣе средственныхъ и даже слабыхъ. Это будетъ экзаменъ добросовѣстный, по которому часа въ четыре очень не трудно составить понятіе о достоинствѣ учениковъ и наставниковъ. Кому извѣстно, что начало къ такимъ испытаніямъ положено было въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Августѣйшимъ ихъ Начальникомъ?

Но такъ ли производятся публичныя испытанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ? Здѣсь почти вездѣ непремѣнно уже по каждому предмету назначаются статьи; ловкіе и смѣтливые наставники готовятъ ихъ иногда еще за нѣсколько мѣсяцевъ. *смотрите*, говорятъ они ученикамъ, *слушайте и учите, это будетъ представлено къ публичному испытанію.* За нѣсколько дней, а иногда и за недѣлю ученики увольняются отъ всего и только обязаны въ это время твердить и затверживать статьи, назначенныя къ экзамену. На канунѣ его во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ нѣчто въ родѣ репетиціи предъ разыгрываніемъ комедіи на театрѣ. Въ день экзамена въ залу приказываютъ являться только ученикамъ перваго разряда, а прочіе во многихъ мѣстахъ даже выгоняются изъ училища. Если имѣющій быть предсѣдателемъ на экзаменѣ человѣкъ такъ называемый добрый и уступчивый, то изъ уваженія къ его добротѣ онъ избавляется отъ обязанности вызывать учениковъ

для отвѣтовъ; ее принимаютъ на себя или начальникъ заведенія, или наставники; въ такихъ случаяхъ даже напередъ расписывается, кому изъ учениковъ и что именно слѣдуетъ отвѣчать. Чтобы публикѣ доставить больше развлеченій и отнять возможность увидѣть настоящее положеніе училища, къ экзаменамъ во многихъ духовно-учебныхъ заведеніахъ, едва ли даже не во всѣхъ, приготовляются, какъ мы выше сказали, привѣтственныя или благодарственныя рѣчи, произносимыя иногда самымъ начальникомъ, и даже стихи; далѣе читаются воспитанниками семинарій и академій свои собственныя сочиненія, правда въ формѣ разговоровъ; въ нынѣшнее время есть кое-гдѣ мода выводить въ такомъ случаѣ раскольниковъ, вѣроятно для того, чтобы образованную публику, засѣдающую на экзаменахъ, предохранить отъ раскола, къ которому она, должно думать, очень наклонна. Наконецъ часто и во многихъ мѣстахъ внимательное начальство, опасаясь изнурить посѣтителей напряженнымъ выслушиваніемъ учености, угощаетъ ихъ приличнымъ пѣніемъ, которое совершается хоромъ пѣвчихъ, въ старину даже музыка была допускаема. Послѣднія два обстоятельства особенно много привлекаютъ публики изъ гостинаго ряда, изъ красныхъ лавочекъ и вообще почтенную нашу bourgeoisie, что невѣжливо переводится словомъ *мѣщанство* она въ вытяжку, густою толпою стоитъ сзади стулевъ.

По часы представленія піэсы приближаются; младшіе и старшіе актеры собрались; первые сѣли за парты, а послѣдніе стоятъ или въ сѣняхъ у входа,

или на крыльцѣ въ ожиданіе пріѣзда главнаго предсѣдателя на экзаменѣ. Торжественное его прибытіе возвѣщается колокольнымъ звономъ въ тѣхъ семинаріяхъ, при которыхъ есть колокольня съ достаточнымъ количествомъ колоколовъ. — Карета подъѣхала; дверцы ея распахнулись; начальники спѣшатъ исполнить обязанность свойственную aux domestiques, — поддерживая своего патрона подъ руки какъ при выходѣ изъ кареты, такъ и на ступеняхъ лѣстницы. Одинъ - раздавши, другой - получивши благословеніе, поднимаются по лѣстницамъ, идутъ по коридорамъ, приближаются къ залу. Занавѣсъ поднята, т. е. двери въ залу отворены; вступаютъ въ нее; всѣ и всѣ встаютъ; „*Царю Небесный* или: *Днесь благодать Св. Духа насъ собра*“ пропѣты. Усѣлись, секретарь раздаетъ почетнымъ посѣтителямъ программы испытанія, а почетнѣйшимъ вручаетъ ихъ самъ начальникъ. Сейчасъ должно начаться представленіе! Оно продолжается по большой части не менѣе трехъ, но и не болѣе пяти часовъ, точь въ точь столько же времени, какъ и обыкновенныя сценическія представленія въ театрахъ. Возьмемъ-те среднее число — четыре часа. Всѣхъ предметовъ въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ преподается до 25 и болѣе; такимъ образомъ на каждую науку не придется десяти минутъ. Но въ семинаріяхъ бываютъ по два и даже по три параллельныхъ класса; значитъ на отдѣльную науку въ каждомъ классѣ достанется шесть и даже менѣе минутъ. Отдѣлите еще время на стихи, рѣчи, пѣніе концертовъ, — сколько же минутъ остается на испы-

таніе по каждому предмету? Между тѣмъ предсѣдатель понимаетъ, что главному предмету, или его преподавателю нужно оказать особую честь, по этому иногда на него одного отдѣляется полчаса и даже часъ. Что же теперь останется для прочихъ предметовъ и главныхъ и второстепенныхъ, и особенно третьестепенныхъ? Долго ли можно по каждому изъ нихъ продолжать испытаніе? *Тутъ-то и начинается уже не экзаменъ, а разыгрываніе экзамена.* Быстро выступаютъ на сцену, одинъ за другимъ, наставники, кланяются, принимаютъ благословеніе и опять кланяются, въ эту интермедію ученикъ уже стоитъ на авансценѣ. Наставникъ быстро спрашиваетъ, ученикъ отвѣчаетъ чуть не съ такою же быстротою; иногда вызываются по одному и тому же предмету два, рѣдко три человѣка. Потомъ раздается *довольно, — изъ другаго предмета.* Наставникъ вновь кланяется, вновь принимаетъ благословеніе и вновь покланяется. Преемникъ его начинаетъ и оканчиваетъ выходъ тѣми же церемоніями. Иные, особенно монашествующіе и священствующіе наставники, преимущественно же начальники, въ знакъ своего смиренія и благоговѣнія къ особѣ предсѣдательствующаго, не стыдятся предъ всею публикою и своими учениками *пасть ницъ и, поклонившись до земли, распростертся по полу.* Сосчитавши поклоны, которые дѣлаютъ воспитанники, подходя къ экзаминаторскому столу и отходя отъ него, также поклоны, которыми каждый наставникъ начинаетъ и оканчиваетъ свой экзаменъ, — сіе благословенія, полученныя ими въ обоихъ случаяхъ, — сличивши время, употребляемое

на всѣ эти поклоны съ временемъ, которое ассигнуется на ученическіе отвѣты, мы по неволѣ нерѣдко приходили къ той мысли, что публичныя испытанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ придуманы не для того, чтобы опредѣлить степень познаній воспитанниковъ, но чтобы видѣть, хорошо ли они и наставники умѣютъ кланяться; но неволѣ готовы были считать ихъ какимъ-то языческимъ обрядомъ, установленнымъ для того, чтобы преклоняться и наклоняться предъ грознымъ кумиромъ. Ну. скажите, Бога ради, эту кукольною комедію, къ которой даже приготовились репетиціею, для которой иногда роли назначены всѣмъ безъ исключенія за нѣсколько дней, эту пустѣйшую церемонію, этотъ дивертиссементъ съ интермедіями изъ хоровъ, рѣчей и пр. — все это можно назвать экзаменомъ? Неужели при такой заранѣе придуманной обстановкѣ. при подготовленныхъ декораціяхъ, родители дѣтей и публика въ состояніи будутъ составить понятіе объ училищѣ? Даже для чего такіе экзамены существуютъ? На эти и подобные имъ вопросы предоставляемъ отвѣчать всякому по усмотрѣнію; но послѣдній вопросъ позвольте разъяснить намъ самимъ. Если не цѣль, то послѣдствія торжественныхъ истытаній по крайней мѣрѣ для лучшей публики очень пріятны.

Начальники училищъ никакъ не могутъ забыть знаменитаго славянскаго, или русскаго гостепріимства. И если, какъ мы выше сказали, въ недавнее время, а можетъ быть, кое гдѣ и нынѣ, каждый наставникъ приглашаетъ экзаминаторовъ и сослуживцевъ послѣ частнаго своего экзамена посѣтить его квартиру и проэкза-

мновать его хозяйство; то неужели цѣлое училище не должно отблагодарить почтенныхъ посѣтителей и еще болѣе высокопочтеннаго предсѣдателя, если они бываютъ, хлѣбомъ-солью. Поэтому по окончаніи всего дивертисемента, мы хотѣли сказать, — экзамена, почтенная публика встаетъ; для порядка и изъ приличія ее ведутъ по зданію училищному, по библіотекѣ, классамъ, спальнямъ, жилымъ комнатамъ; все это, разумѣется, за недѣлю чищено, мыто, прибираемо было и является если не въ блестящемъ, то въ сносномъ видѣ; иногда впрочемъ иныя комнаты запираютъ на замокъ, чтобы какой либо любознательный посѣтитель не заглянулъ туда; на вопросъ: что такое тутъ? отвѣчаютъ: кладовая или что нибудь въ родѣ этого. Къ концу обзора доходятъ до столовой, гдѣ казенно-коштные воспитанники уже ожидаютъ посѣтителей и съ необыкновеннымъ, небывалымъ для нихъ удовольствіемъ посматриваютъ на приготовленныя порціи говядины или рыбы. Обѣдъ устроивается роскошный, и холодное, и жаркое, и горячее, и даже пирогъ и все изъ самыхъ свѣжихъ матеріаловъ. Столы накрыты бѣлыми скатертями; на нихъ нерѣдко даже поставлены тарелки. Иногда впрочемъ бывали странности; напр. посѣтители почему либо не достигали столовой; тогда прежде обѣда у учениковъ отбирали *изъ-подъ носа* тарелки, вилки, ножи, салфетки и чистыя скатерти; иногда даже эта церемонія совершалась тотчасъ послѣ того, какъ послѣдній посѣтитель переступитъ за порогъ стоволой. Но нынѣ это бываетъ рѣдко; большею частію воспитанники дообѣдываютъ на роскошно-убранныхъ столахъ равнымъ

образомъ мы не знаемъ положительно ни одного примѣра, чтобы въ случаѣ неприхода посѣтителей, или послѣ того, какъ они уйдутъ, у учениковъ были отбираемы или уменьшаемы порціи говядины или рыбы; по милости добраго начальства все съѣдается; надобно же хоть однажды въ годъ накормить ребятъ *до отвалу*, какъ говорится! Изъ столовой непремѣнно отправляются посѣтители въ комнаты начальника, гдѣ для нихъ приготовлено все, что слѣдуетъ. Столы накрыты; начинаются поздравленія, благодаренія и пр.; обыкновенно оканчивается тѣмъ, что все приготовленное для сытной закуски, или обѣда посѣтителями истребится. Но и тутъ иногда не безъ интересныхъ сценъ. Случается, что главный посѣтитель по чему либо не захочетъ оставаться на обѣдѣ; ну — тогда прочіе пусть извинятъ; со стола тотчасъ уберутъ бокалы для шампанскаго, какъ вещи соблазнительныя; а въ низшихъ училищахъ вмѣсто ряда бутылокъ съ виноградными винами ставятъ графины съ знаменитою жизненною *русскою водою;* разумѣется, это дѣлается изъ патріотизма. При одной изъ такихъ сценъ мы сами присутствовали. Что дѣлать? Чего въ жизни не насмотришься? Одного только не понимаемъ, какъ послѣ такихъ штукъ начальники училищъ смотрятъ на своихъ гостей, и потомъ какъ рѣшаются посѣтители опять приходить въ слѣдующіе экзамены къ начальникамъ на закуски? А впрочемъ отчего же и не приходить? Вѣдь много еще остается и снѣдомаго и выпиваемаго!

Отдѣленіе чевертое.

О составленіи общихъ списковъ и переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Судя по тому, что мы сказали о производствѣ экзаменовъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о ничтожности вліянія наставниковъ, можно уже догадываться, правильно ли составляются списки даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики или переводятся изъ одного класса въ другой, или оканчиваютъ курсъ. Возьмемъ самый благопріятный случай; положимъ, что начальники училищъ выше всякаго обвиненія и подозрѣнія въ корыстолюбивомъ пристрастіи. Но они вѣдь тоже люди и притомъ ученые. У нихъ есть свои любимыя идеи, свои любимыя науки, даже свои любимцы; не можно ли положить, чтобы они совершенно незамѣтно для себя, безъ всякаго злаго намѣренія не увеклись своими идеями, не отдали предпочтенія своей наукѣ, не взглянули на своего любимца благосклоннѣе, нежели на другихъ? Далѣе, у нихъ иногда бываетъ въ училищѣ по 400 и болѣе человѣкъ, изъ которыхъ, каждый обучался 7—10 предметамъ; достанетъ ли теперь у начальника времени повѣрить, вычислить и принять во вниманіе всѣ 2800—4000 отмѣтокъ успѣховъ ученическихъ, сличить ихъ не только между собою, но и съ рекомендаціею наставниковъ и инспектора. Вѣдь, право, по неволѣ придется взять одинъ списокъ, особенно свой, если начальникъ вмѣстѣ и наставникъ, и имъ руко-

водствоваться. Въ другихъ случаяхъ списокъ такъ называемаго главнаго предмета будетъ самымъ лучшимъ помощникомъ. Кромѣ того начальники опять люди; имъ нельзя избѣгнуть вліянія другихъ людей; при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой къ нимъ является много прошеній, ходатайствъ, иногда даже чуть-чуть не приказаній. Составляйся списокъ всѣми наставниками, начальникъ прямо сказалъ бы, что въ этомъ случаѣ онъ одинъ ничего не можетъ сдѣлать. А когда онъ есть единый и единственный составитель, что станетъ отвѣчать предъ сильнымъ ходатаемъ, предъ слезнымъ прошеніемъ? „*Ну, что вы?* скажетъ ходатай; — *отчего вамъ не уважить меня?* Пригожусь самъ, да и мальчикъ славный.“ И вотъ славный мальчикъ переводится въ другой классъ или записывается въ первый разрядъ, а бѣдный сирота или не сирота, за котораго нѣтъ ходатая, оставляется въ томъ же классѣ, или понижается во второй разрядъ. Послѣ этого вовсе не нужно удивляться, что общіе списки учениковъ семинарій и низшихъ училищъ не отличаются вѣрностію, что доходятъ до высшаго отдѣленія семинаріи и оканчиваютъ курсъ люди, даже не очень хорошо читающіе по-гречески и по-латыни, что есть студенты семинаріи, не знающіе правильнаго русскаго правописанія, что даже въ духовныя академіи пріѣзжаютъ ученики, готовые заставить Пуму Помпилія царствовать въ Греціи, Юлію Кесарю или Августу поручить предводительство надъ войсками Карла Великаго, — ученики, не знающіе, не говоримъ ариѳметики, а даже священной исторіи, —

ученики, не умѣющіе различать заглавія параграфа отъ содержанія его, или понять, что, если человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, то уже нельзя въ немъ предположить три части, что Ахаія или Македонія не имена людей мужескаго или женскаго пола, а названія странъ и пр. и пр. Когда же послѣ всѣхъ экзаменовъ нужно будетъ выдавать аттестаты и свидѣтельства, то и отмѣтки успѣховъ дѣлаются большею частію не по рекомендаціямъ наставниковъ. Правда, секретарь Правленія или письмоводитель въ черновомъ аттестатѣ дѣлаютъ вѣрную справку. Но начальникъ своею державною и властною рукою, смотря по своимъ соображеніямъ, измѣняетъ эти справки, усиливая или ослабляя ихъ. Такимъ образомъ иной выходитъ по аттестату съ отличными успѣхами въ тѣхъ наукахъ, которыми вовсе не занимался. Когда одному изъ такихъ сочинителей ученическихъ аттестатовъ секретарь правленія осмѣлился доложить, что рекомендаціи несогласны съ наставническими списками, то почтеннѣйшій отецъ ректоръ семинаріи отвѣчалъ: „да развѣ я не знаю этого? Но сами посудите, какъ же можно дѣлать рекомендаціи по *вашимъ справкамъ?* Вотъ, напр. Андрееву развѣ можно приписать отличные успѣхи по математикѣ и весьма хорошіе по Исторіи и французскому языку, какъ его рекомендуютъ профессоры, когда онъ по догматикѣ *у МЕНЯ* отмѣченъ только *хорошихъ успѣховъ?* Или, какъ я напишу, что Васильевъ успѣвалъ дурно по физикѣ и сельскому хозяйству, очень не худо по исторіи, хорошо по нѣмецкому языку и пр., когда *Я* успѣхи его *по догматикѣ* назвалъ отличными?“

Но нѣкоторые начальники-ревнители буквы закона стараются устроить дѣло такъ, чтобы нельзя было дѣлать никакихъ возраженій противъ ученическихъ аттестатовъ, чтобы самые списки были напередъ уже сообразны съ тѣми отмѣтками, которыми по мнѣнію Ихъ Высокопочтенствъ нужно аттестовать успѣхи учениковъ. Для этого наставники получаютъ приказаніе при составленіи своихъ списковъ руководствоваться спискомъ начальника. Такимъ образомъ въ концѣ уже пятидесятыхъ годовъ ректоръ II—ой семинаріи, призвавши къ себѣ наставника сельскаго хозяйства, сказалъ ему: „что это? Что это? На что похоже? На что похоже? Перваго, перваго моего ученика ставить такъ низко? Да! Да! вотъ списокъ-возьмите, исправьте его. И то пожалуй, Преосвященный спроситъ, почему первые ученики не занимаются сельскимъ хозяйствомъ?“ „Да помилуйте, возразилъ было наставникъ: — онъ у меня вовсе не занимался. Какъ же его писать высоко?“ — „Не высоко, а *первымъ, первымъ,* отвѣчалъ начальникъ, или въ числѣ первыхъ. Полно толковать, полно толковать; возьмите списокъ, исправьте, перепишите. Ну-ну, съ Богомъ.“ Вредное вліяніе подобныхъ распоряженій при экзаменахъ и составленіи списковъ слишкомъ очевидно. Въ ученикахъ зараждается мысль, что не всегда нужны успѣхи для перехода изъ одного класса въ другой, что многія науки можно совершенно оставить и заниматься одною любимою кѣмъ-то; и по этому вмѣсто образованныхъ людей оканчиваютъ курсъ джентльмены, называемые пѣвчими и письмоводителями. Много бы можно здѣсь прибавить; но

дѣло и особенно здравый смыслъ говорятъ, какъ несправедливо и нераціонально поручать одному лицу быть безотвѣтнымъ судьею успѣховъ учениковъ цѣлаго училища! Впрочемъ мы предполагали, что начальники люди вполнѣ честные, безкорыстные, а развѣ увлекаются иногда своими любимыми идеями, оказываютъ пристрастіе къ своимъ наукамъ или любимцамъ, не въ состояніи устоять противъ просьбъ и ходатайствъ. Ну, а если еще что нибудь ..... тогда что? ..... Но зачѣмъ разсуждать обо всѣхъ предположеніяхъ? имъ конца не будетъ.

Но, отказавшись отъ разныхъ предположеній, набрасывающихъ тѣнь на безпристрастіе и другія добродѣтели начальниковъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній о переводѣ учениковъ изъ низшихъ училищъ въ семинаріи; потому что производимые въ этомъ случаѣ экзамены едва ли не вреднѣе всѣхъ прочихъ для духовно-учебныхъ заведеній. Переводъ учениковъ въ семинарію въ настоящее время производится не одинаковымъ образомъ. а) Если ректоръ семинаріи отправляется для ревизіи какого либо училища, находящагося въ уѣздномъ городѣ, не задолго до окончанія учебнаго курса, то онъ одинъ, произведя экзамены, выбираетъ изъ учениковъ тѣхъ, которыхъ находитъ возможнымъ перевести въ семинарію. Неудобство такого экзамена слишкомъ очевидно. Добросовѣстность требуетъ испытать всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленія и притомъ по всѣмъ предметамъ имъ переданнымъ, заслуживаютъ ли они, или не заслуживаютъ перевода въ семинарію. Менѣе 50 человѣкъ находится въ высшемъ отдѣленіи развѣ

въ немногихъ уѣздныхъ училищахъ; а число преподаваемыхъ въ этомъ классѣ предметовъ простирается до 10. Такимъ образомъ добросовѣстно исполняющему свою обязанность ректору надобно объэкзаменовать 500 человѣкъ, и притомъ съ полнымъ вниманіемъ; потому что отъ этого зависитъ *гамлетовское быть или не быть* для иныхъ учениковъ. Сколько же ему надобно употребить на это времени? Если каждый отвѣтъ ограничить 5 минутами, то и тогда потребуется почти 40 часовъ. А между тѣмъ ревизору надобно и прочіе классы объэкзаменовать, осмотрѣть экономическую часть, убѣдиться въ способностяхъ преподавателей и пр. и пр.; тогда какъ пребываніе ректора въ такихъ случаяхъ рѣдко простирается до пяти дней, а иногда ограничится двумя или тремя днями. Неужели же въ такой короткій срокъ онъ можетъ основательно узнать, кто изъ учениковъ достоинъ перевода въ семинарію? Кромѣ того нынѣ въ семинарію переводится изъ училищъ только опредѣленное количество учениковъ; поэтому и ректоръ во время экзамена долженъ смотрѣть не только на то, сколько учениковъ по своимъ успѣхамъ можетъ быть переведено, но и на то, чтобы большимъ или меньшимъ количествомъ не обидѣть того или другаго училища. Въ этомъ случаѣ нужно, такъ сказать, сличать успѣхи учениковъ разныхъ училищъ. Какимъ же образомъ ректоръ сдѣластъ это сличеніе, пріѣхавши въ первое, второе или третіе училище, когда онъ не видалъ еще другихъ училищъ? б) Другой способъ переводить учениковъ изъ училища въ семинарія состоитъ въ томъ, что ихъ вытребываютъ для выдержанія экза-

мена въ семинарію. Въ этомъ случаѣ можно сличать успѣхи учениковъ различныхъ училищъ, и такимъ образомъ устранить одно изъ описанныхъ затрудненій; но первое затрудненіе остается во всей силѣ, даже едвали не усиливается. Почти во всѣхъ семинаріяхъ ректоръ одинъ экзаменуетъ всѣхъ вытребованныхъ учениковъ и развѣ только для компаніи приглашаетъ съ собою вмѣстѣ посидѣть инспектора, не позволяя впрочемъ ему пройзводить отдѣльно экзаменъ. Во многихъ семинаріяхъ въ низшія отдѣленія по штату поступаютъ до 150 человѣкъ. Если бы вытребовано было именно такое количество, то и тогда, экзаменуя ученика по каждому предмету 5 минутъ, ректоръ одинъ долженъ употребить, на всѣхъ, 120 часовъ, т. е экзаменовать 5 сутокъ, не вставая съ мѣста. И такъ какъ всѣ эти экзамены пройзводятся дѣйствительно дней 5, съ употребленіемъ впрочемъ часовъ по 5 или по 8 въ день; то легко уже можно понять, удовлетворительно ли они производится. Право, не поймешь, почему при такомъ затрудненіи начальники семинарій не приглашаютъ профессоровъ-спеціалистовъ по всѣмъ предметамъ; экзамены были бы произведены скорѣе, основательные и безъ затрудненія. Конечно, въ уставѣ не сказано, что экзаменъ долженъ прозводиться всѣми профессорами; но съ другой стороны повторимъ и мы, что въ томъ же уставѣ нѣтъ ни одного пункта, которымъ бы запрещалось это. Чрезъ подобное приглашеніе достоинство ректора и власть его нисколько не унизится. Развѣ директоры гимназій унижаются тѣмъ, что во время пріема воспитанниковъ

въ гимназію учители производятъ экзамены и ставятъ баллы, а они только предсѣдательствуютъ? Развѣ унизительно для ректора университета, что онъ даже вовсе не бываетъ на пріемныхъ студентческихъ экзаменахъ? Развѣ честь и достоинство университетовъ пострадали въ 1859 году отъ того, что для производства пріемныхъ испытаній были приглашены учители гимназій? Напротивъ не возвысится ли званіе ректора, когда онъ будетъ, такъ сказать, судіею экзаменовъ, производимыхъ профессорами? Не убавится ли онъ чрезъ это отъ всѣхъ подозрѣній въ пристрастіи, обвиненій и жалобъ въ неудачныхъ переводахъ нѣкоторыхъ учениковъ?

Но со времени введенія штатовъ для учениковъ семинарій число обучающихся въ высшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища бываетъ вдвое и даже втрое противъ того количества, которое нужно перевести въ семинарію. Добросовѣстность требовала бы въ этомъ случаѣ подвергнуть испытанію всѣхъ, а не тѣхъ только учениковъ, которые заслуживаютъ этой чести по мнѣнію училищнаго начальства. Но семинарскія правленія или, лучше сказать, ректора, по причинѣ вышеописанныхъ затрудненій, не рѣшаются на такой гигантскій подвигъ. Они требуемое количество учениковъ распредѣляютъ въ извѣстной имъ пропорціи между подвѣдомственными училищами и предписываютъ начальникамъ ихъ выслать по своему усмотрѣнію опредѣленное число учениковъ, прибавляя на каждое училище для вида отъ 3 до 5 человѣкъ; такъ что будь въ одномъ училищѣ всѣ ученики только посредственные, а въ другомъ одинаково-многолюд-

номъ будетъ приготовлены всѣ наилучшимъ образомъ, изъ нихъ будетъ переведено почти всегда по одинаковому количеству. Не говоримъ уже о злоупотребленіяхъ, которыя въ этомъ случаѣ неизбѣжны. Отъ училищнаго начальства вполнѣ зависитъ послать ли, или не посылать ученика въ семинарію. Какъ же теперь догадливому и чадолюбивому отцу не поблагодарить благодѣтельное начальство, если оно удостоитъ сына его этой чести? А можно ли достигнуть этой чести безъ вреда благосостоянію какого либо бѣдняка, за котораго некому похлопотать? Злоупотребленія, повторимъ, въ этомъ случаѣ многочисленны и принимаютъ большіе и большіе размѣры. Жалобы на нихъ безполезны, даже невозможны и сопровождаются непріятными послѣдствіями для учениковъ.

Принявши во вниманіе всѣ изложенныя обстоятельства, нельзя не пожелать, чтобы переводные экзамены въ семинаріи производились по другой методѣ, нежели какъ нынѣ производятся. Метода эта не слишкомъ мудрена и препятствій ко введенію ея, по крайней мѣрѣ непреодолимыхъ нѣтъ. Прежде всего нужно, чтобы ученики изъ всѣхъ училищъ, подвѣдомственныхъ какой либо семинаріи являлись въ нее. Для производства экзаменовъ по каждому предмету, преподававшемуся въ высшемъ отдѣленіи училища, правленіе семинаріи составляетъ отдѣльные какъ бы комитеты, — каждый изъ 2—3 профессоровъ, между которыми по крайней мѣрѣ одинъ долженъ быть спеціальнымъ знатокомъ предмета; напр. для ариѳметики назначить профессора математики, для русской грамматики профессора словесности и пр.

Въ случаѣ недостатка людей, одному и тому же комитету можно поручить испытаніе въ двухъ-трехъ предметахъ, или одно и тоже лицо назначить въ разные комитеты и расположить производство экзаменовъ такъ, чтобы ему возможно было участвовать въ двухъ-трехъ комитетахъ. Члены Правленія могутъ быть также членами комитетовъ; но имъ, особенно ректору, всего приличнѣе имѣть надзоръ за безпристрастнымъ производствомъ экзаменовъ; они должны слѣдить, не обнаруживается ли въ дѣйствіяхъ экзаминаторовъ или излишняя строгость, или потачливая снисходительность къ ученикамъ? Отмѣтки по ученическимъ отвѣтамъ должны быть записываемы такъ называемыми баллами каждымъ изъ экзаминаторовъ; въ случаѣ разногласія ихъ между собою берется среднее число. Для перевода въ семинарію нужно положить, какъ введено это въ университетахъ, чтобы каждый ученикъ непремѣнно имѣлъ по каждому предмету и по вѣмъ вообще не менѣе извѣстнаго количества балловъ. По окончаніи экзаменовъ пересматриваются всѣ баллы, слагается изъ нихъ общая сумма непремѣнно въ присутствіи всѣхъ членовъ правленія и всѣхъ экзаминаторовъ. Ректору предоставить право заставлять переэкзаменовывать нѣкоторыхъ мальчиковъ, которые, по его наблюденію, неправильно отмѣчены. *Но ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ рѣшать дѣло своимъ автократизмомъ.* По разсмотреніи полученныхъ каждымъ ученикомъ балловъ переводить только тѣхъ, которые оказались лучшими. И если бы изъ какого училища даже всѣ ученики были признаны

достойными для поступленія въ семинарію, а изъ другаго ни одинъ бы не заслужилъ этой чести; то этимъ нисколько не нужно затрудняться. Поэтому нѣтъ надобности предписывать училищнымъ начальствамъ, чтобы они высылали только извѣстное количество учениковъ для экзаменовъ; пусть пріѣзжаютъ всѣ ученики высшаго отдѣленія кромѣ тѣхъ, которые или по поведенію не заслуживаютъ этой чести, или сами найдутъ себя неспособными къ поступленію въ семинарію; чрезъ это злоупотребленія, нынѣ существующія при назначеніи учениковъ къ переводу, сами собою изчезнутъ; имъ не чѣмъ будетъ, такъ сказать, питаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ училищное начальство представляетъ списки учениковъ по каждому предмету съ отмѣтками ихъ успѣховъ, подписанные преподавателемъ предмета, чтобы экзаменаторы и особенно правленіе могли видѣть, съ какимъ безпристрастіемъ и умѣньемъ наставники оцѣниваютъ успѣхи учениковъ. Правила эти должны быть соблюдаемы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предъ самымъ переводомъ учениковъ въ семинарію производится ревизія даже самимъ ректоромъ. Ревизоръ пусть осмотритъ состояніе всего училища, опредѣлитъ способности служащихъ въ немъ; но ученики, долженствующіе поступить въ семинарію, пусть въ нее непремѣнно отправляются для экзаменовъ.

По всей вѣроятности, защитники теперешняго автократизма ректоровъ скажутъ, что профессоры могутъ ошибаться и даже рѣшаться на злоупотребленія. Вполнѣ отвергать этого невозможно; но сами защитники должны сознаться, что 10 или 20 чело-

вѣкъ менѣе способны ошибаться, нежели одно лице, какое бы мѣсто оно ни занимало; что подкупить или какимъ бы то ни было образомъ склонить въ свою пользу одного несравненно легче, нежели 10—20 человѣкъ; что ошибки, или злоупотребленія какого либо изъ этихъ 20 человѣкъ могутъ быть легко исправляемы догадливостію и благонамѣренностію другихъ; тогда какъ ошибки и злоупотребленія человѣка, никѣмъ не котролируемаго, никѣмъ и не исправляются. Наконецъ члены правленія семинаріи вообще и ректоръ въ особенности, слѣдя за производствомъ экзаменовъ, могутъ видѣть и приказывать исправлять вкрадывающіяся злоупотребленія или недосмотры. При такомъ производствѣ экзаменовъ трудно уже будетъ бездарному или нисколько не занимающемуся ученику перейти въ семинарію, какую бы онъ ни имѣлъ протекцію; уговорить 10—20 человѣкъ слишкомъ не легко. Съ другой стороны всякій, оставленный въ забвеніи или пренебреженіи бѣдный труженикъ училищными наставниками, легко можетъ себя выставить предъ глазами семинарскихъ экзаминаторовъ; тогда какъ въ настоящее время ему нѣтъ возможности этого сдѣлать. Особенно же при нашихъ экзаменахъ нѣвчіе, письмоводители и прочіе лѣнтяи и негодяи не были бы переводимы *за свою безуспѣшность* въ слѣдующіе классы, не оканчивали бы курса въ семинаріяхъ, не безславили бы духовенства своимъ невѣжествомъ и дурнымъ поведеніемъ, поступивши во священники и діаконы и наконецъ не отнимали бы возможности переходить изъ одного класса въ другой у умныхъ и прилежныхъ

мальчиковъ, которые теперь, при существующихъ семинарскихъ штатахъ должны исключаться изъ училища.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О ревизіяхъ духовно-учебныхъ заведеній.

Нужны ли ревизіи? Полезны ли разъѣзды ревизоровъ по семинаріямъ и низшимъ духовнымъ училищамъ? Не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ. Но безпристрастіе требуетъ сказать, что ревизіи могутъ быть полезны въ томъ только случаѣ, если 1) онѣ будутъ неожиданными и производиться не въ опредѣленные заранѣе сроки, а во всякое время, и 2) если ревизоръ не живетъ у начальника ревизуемаго заведенія и не содержится во время ревизіи на его счетъ. Въ этомъ отношеніи обыкновенно можно указать на училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Находящіеся въ каждомъ учебномъ округѣ попечитель и инспекторъ съ ихъ помощниками имѣютъ возможность ѣхать на ревизіи подвѣдомственныхъ имъ училищъ совершенно неожиданно; такъ что училища узнаютъ о ихъ пріѣздѣ отъ нихъ же самихъ, или развѣ за нѣсколько дней; и потомъ ревизоры не связываютъ, не безпокоятъ начальниковъ училища, никогда не останавливаются у него въ квартирѣ.

Такъ ли происходятъ ревизіи въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ? О назначеніи ревизіи въ

семинаріяхъ большею частію дѣлаетъ инициативу академическое Правленіе; слишкомъ рѣдко высшее начальство само безъ представленія Правленія назначаетъ эту мѣру. Но представленіе Правленія должно быть утверждено высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ начальникъ семинаріи отъ услужливыхъ знакомыхъ въ академіи узнаетъ мѣсяца иногда за два о предстоящей ревизіи. Понятно теперь, что̀ должно происходить въ семинаріяхъ? Если ревизія кончилась, то начальство семинарій года на четыре можетъ оставаться совершенно спокойнымъ; развѣ какіе либо особенные случаи сократятъ четырехъ-лѣтній срокъ для пріѣзда ревизора. Но вотъ приходитъ извѣстіе, что академія назначаетъ ревизію и готовитъ представленіе о томъ въ Санктъ-Петербургъ. Въ семинаріи начинается дѣятельность; — пересматриваются приходо-расходныя книги, приводятся въ порядокъ и къ окончанію дѣла семинарскаго правленія, составляются совѣты, что̀ нужно окрасить, обѣлить, подновить и пр. въ семинарскомъ зданіи, нельзя ли блеснуть новою какою либо одеждою на казенно-коштныхъ ученикахъ? Наставникамъ даютъ совѣты (да тѣ и сами уже слишкомъ хорошо смекаютъ), какъ можно усерднѣе заниматься лекціями; ученики получаютъ приказъ бросить всякую лѣнь и безъ всякой пощады въ свою голову вносить всѣ уроки старые и новые. Но вотъ новое извѣстіе, — представленіе академическаго правленія о ревизіи утверждено и въ слѣдъ за тѣмъ скоро получается предписаніе. Тутъ дѣятельность обнаруживается въ высшей степени; появляются въ зданіи семинарскомъ столяры, плот-

ники, маляры, печники, штукатуры, портные; кто стучитъ, кто скоблитъ, кто мажетъ, или забѣливаетъ, кто примѣриваетъ. Ученикамъ и наставникамъ новыя наименованія; послѣдніе уже получаютъ приказъ ходить въ классъ ранѣе; а про учениковъ и говорить нечего; дисциплина усиливается въ высшей степени; бѣда, если кто изъ нихъ или поздно придетъ въ классъ, или не во время выйдетъ изъ него, или имѣетъ длинные слишкомъ волосы, или одѣтъ въ какое либо слишкомъ модное платье, или очень громко изъявилъ свою радость въ коридорѣ; сразу, какъ выражаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, *онъ получитъ матеріи или на фуражку, или даже на панталоны.* Съ приближеніемъ пріѣзда ревизора дѣятельность принимаетъ какой-то лихорадочный характеръ; все бѣгаетъ, суетится, хлопочетъ, кричитъ; все находится въ натянутомъ положеніи, въ ожиданіи чего-то страннаго и необыкновеннаго, какъ это бываетъ въ природѣ предъ наступленіемъ бури или землетрясенія. Но вотъ и послѣднее извѣстіе; такого-то числа или выѣхалъ, или выѣдетъ ревизоръ; тутъ сейчасъ разсчитаютъ не только день, но даже часъ его пріѣзда; а за лучше считаютъ ждать его каждую секунду; устанавливаются караулы; въ старинное, говорятъ, время даже упрашивали смотрителя ближайшей станціи извѣстить нарочнымъ о пріѣздѣ великаго гостя. Мы случайно были свидѣтелями въ 184... году въѣзда ревизора въ одинъ губернскій городъ. Событіе это случилось въ первомъ часу по полудни, когда ученики разходились по квартирамъ. По вниманіе ихъ остановлено было ѣдущимъ тарантасомъ; смѣт-

ливые ребята живо догадались, кто это ѣдетъ, воротились назадъ и побѣжали одни около самаго экипажа, а другіе побыстрѣе въ обгонку, чтобы первыми принести извѣстіе въ семинарію; мимо нашей квартиры кавалькада эта пронеслась человѣкъ въ 50. Разумѣется, не всегда такъ бываетъ, но что нами описано, мы видѣли это.

Ревизоръ не останавливается гдѣ либо въ гостинницѣ, на подворьѣ, въ частномъ домѣ; тройка или четверка прямо несетъ его въ квартиру начальника семинаріи. Описывать самую встрѣчу не зачѣмъ; роли дѣйствующихъ лицъ понятны. Но вотъ наконецъ ревизоръ въ квартирѣ ректора. Странное и тягостное положеніе для того и другаго! Остановись ревизоръ въ другомъ мѣстѣ; — начальникъ, разумѣется, обязанъ былъ бы сдѣлать ему не одинъ визитъ, встрѣчать его въ семинарскомъ домѣ, когда тотъ явится туда, сидѣть съ нимъ вмѣстѣ при экзаменахъ, въ правленіи и пр.; даже могъ бы нѣсколько разъ пригласить его къ себѣ покушать. Но за то, сколько бы еще оставалось у него времени и на отдыхъ и на отданіе приказаній, и на обдумываніе распоряженій, на разныя приготовленія, на совѣты съ подчиненными и пр. и пр.? А теперь онъ знаетъ, что гость его есть вмѣстѣ лицо грозное для него, что отъ отзыва гостя зависитъ, можетъ быть, служба хозяина. Не долженъ ли послѣдній употреблять всѣ заботы на то, чтобы первый вполнѣ всѣмъ былъ доволенъ, не скучалъ, не могъ заподозрить хозяина въ невнимательности. Вставай хозяинъ ранѣе гостя; поздравь его съ добрымъ утромъ; сиди съ нимъ за

чаемъ и завтракомъ; распоряжайся ежедневно о приготовленіи обѣда и ужина, которые были бы достойны гостя; приглашай еще на нихъ нѣсколько человѣкъ, чтобы не было скучно дорогому посѣтителю; ложись спать послѣ него; ступай съ нимъ на экзамены; не отходи отъ него ни на шагъ, ни на минуту; разрѣшай его вопросы и запросы по ученой, экономической и административной частямъ; между тѣмъ не забывай наставниковъ и учениковъ; давай и совѣты, и приказы, и наставленія; — вѣдь тутъ не только убыточно, хлопотливо, даже, право, несносно; тутъ по неволѣ вмѣсто семи часовъ не соснешь и четырехъ; измучиться совершенно.

А съ другой стороны и ревизоръ живи въ отдѣльной гдѣ либо въ городѣ квартирѣ, — онъ, принявши визиты, съѣздивши въ семинарію разъ или два въ день, затѣмъ имѣлъ бы сколько свободнаго времени и на отдыхъ, и на обдумываніе своихъ распоряженій? А теперь, видя безпредѣльную внимательность хозяина, его услужливость, онъ старается отплатить тѣмъ же, занять его пріятными разговорами, и такимъ образомъ *оба изъ вѣжливости не даютъ покоя другъ-другу.* Откуда при такомъ положеніи дѣлъ ревизору взять и время и силы на безпристрастное и основательное производство ревизіи? Его еще желаютъ къ себѣ пригласить на вечеръ и инспекторъ и почетные наставники и нѣкоторые городскіе обыватели; самъ преосвященный тоже приглашаетъ къ себѣ. И этотъ человѣкъ въ какую либо недѣлю долженъ обревизировать иногда за нѣсколько лѣтъ, и покрайней мѣръ за полгода или за годъ эко-

номическую часть, дѣла семинарскаго правленія, проэкзаменовать до 400 учениковъ по всѣмъ предметамъ, узнать способности наставниковъ, оцѣнить заслуги ихъ и начальниковъ, вникнуть въ нравственное состояніе семинаріи. Да, если бы въ суткахъ было 100 часовъ, и тогда едвали бы онъ успѣлъ все сдѣлать. Живи въ отдѣльной квартирѣ, онъ могъ бы принять у себя порознь и начальниковъ и наставниковъ, поговорить съ каждымъ наединѣ, посовѣтываться съ сторонними лицами; а теперь онъ даже не можетъ ручаться за то, допускаются ли къ нему всѣ тѣ лица, которыя желаютъ съ нимъ видѣться? Нѣтъ ли часовыхъ, которымъ приказано не обо всѣхъ докладывать, особенно о нѣкоторыхъ?

По всему бываетъ конецъ; и ревизоръ сбирается въ дорогу, чтобы и себѣ и хозяину доставить отдыхъ. Тутъ окончательно усердіе обревизованныхъ обнаруживается; — не всегда, а не рѣдко вмѣстѣ съ тарантасомъ ревизора выѣзжаетъ карета, а иногда двѣ еще съ десяткомъ дрожекъ, а въ заключеніе даже простая телѣга, которая чѣмъ-то бываетъ наполнена и прикрыта. Все — и начальники и наставники — провожаетъ своего отца и благодѣтеля нѣсколько верстъ; все прощается, проситъ, извиняется, кланяется, обѣщаетъ и пр. и пр. Какое затрудненіе для ревизора при составленіи отчета? Если онъ замѣтилъ какія либо неисправности; то не совѣстно ли ему донести на своего хозяина, который цѣлую недѣлю угощалъ и услуживалъ ему до нельзя? Вѣдь, право, совѣстно. Если все нашелъ хорошимъ; то не родится ли мысль, все ли онъ видѣлъ при той обстановкѣ и

въ той атмосферѣ, въ которой онъ жилъ? Возможно ли ему было? Не станемъ продолжать болѣе; вещь сама по себѣ ясна. Большею частію оказывается все хорошимъ; начальникъ и его ближайшій помощникъ представляются къ наградамъ, и, ей Богу, стоютъ за одну проведенную ими въ хлопотахъ недѣлю; нѣсколько тоже наставниковъ получаютъ благодарность, благословеніе или признательность. А затѣмъ опять на четыре года тишина и спокойствіе; да и надобно. *Что было бы, если бы подобная кутерма происходила каждый годъ раза по два?*

Здѣсь мы находимъ нужнымъ пополнить высказанное нами выше замѣчаніе, что начальники-прогрессисты, не смотря на свое возвышенное положеніе, на всю власть и вліяніе, въ нихъ сосредоточенныя, даютъ возможность начальникамъ-непрогрессистамъ равняться съ собою. Вы, Г. читатель конечно понимаете, что угостить ревизора съ приличною для него компаніею, угостить всѣхъ почетныхъ посѣтителей на публичномъ экзаменѣ нельзя безъ порядочнаго количества денегъ. Но казна на эти оба столь необходимые предмета неположила (удивительный недосмотръ!) никакой суммы. Начальникъ, конечно, могъ бы употребить въ томъ и-другомъ случаѣ свои собственныя деньги; но онъ никакъ не рѣшается отнять у своихъ подчиненныхъ удоводьствіе принять участіе въ угощеніи высокихъ посѣтителей и еще болѣе ревизора. Не вездѣ конечно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальники и наставники дѣлали, а можетъ быть, и теперь дѣлаютъ поголовную складчину; и собранную сумму представляютъ своему начальнику

на его начальническое распоряженіе. Деликатность послѣдняго въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ очень замѣчательна. Въ самомъ дѣлѣ г. г. посѣтители и ревизоръ первые пообѣдавши, а послѣдній отъѣзжая, вѣдь должны же кого либо поблагодарить за угощеніе. Ну что̀ такое произошло бы, если бы они знали, что были угощаемы на счетъ 20 человѣкъ? Какихъ бы хлопотъ имъ стоило подходить къ каждому и благодарить его? Кромѣ того въ какомъ бы и сами наставники находились затрудненіи, отвѣчая на благодарность важныхъ особъ? Начальники въ этомъ случаѣ великодушно принимаютъ все на себя, такъ что посѣтители и ревизоръ только благодарятъ ихъ и частенько увѣрены, что всё угощеніе они сдѣлали на свой счетъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ начальники не прибѣгаютъ къ описанному способу, иные подчиненные по недальновидности часто не понимаютъ и потому не стоютъ чести участвовать въ угощеніи г. г. посѣтителей и ревизоровъ. Начальники приказываютъ всѣмъ дѣломъ заняться экономy и самому найти способы прикрыть расходы. Этотъ способъ гораздо проще прежняго, не требуетъ большихъ хлопотъ, не имѣетъ гласности. Но между экономами бываютъ тоже люди грубые и недальновидные. Мы знали одного подобнаго человѣка. Начальникъ его обыкновенно поручалъ ему дѣлать разныя покупки и при выдачѣ жалованья приказывалъ представлять счетъ издержаннымъ на него деньгамъ и тутъ же вычитать изъ жалованья. Разумѣется, на счетъ экзаменовъ экономъ также получалъ категорическій приказъ: *приготовь къ завтрашнему дню обѣдъ на 50 или*

60 человѣкъ. Экономъ былъ настоящій розиня, не зналъ, куда разложить истрачиваемыя на этотъ предметъ деньги, а сверхъ того руководствовался какими-то старинными понятіями о честности, доказывая, что на посѣтителей экзаменовъ нѣтъ надобности тратить казенныхъ денегъ. Года два экономъ терпѣлъ, по его словамъ, приплачивалъ свои деньги и наконецъ рѣшился на глупѣйшій поступокъ, за который его слѣдовало бы выгнать изъ службы; онъ былъ вмѣстѣ и профессоромъ. Послѣ одного публичнаго испытанія онъ приноситъ начальнику жалованье за два мѣсяца. Начальникъ привѣтливо принимаетъ его, тотчасъ расписывается въ полученіи денегъ и спрашиваетъ потомъ, не было ли какой траты на него? Экономъ подаетъ счетъ и вообразите удивленіе и гнѣвъ начальника; въ счетѣ были поставлены деньги, употребленныя на экзаменскій обѣдъ. Произошла сцена, которую описывать не беремся; но упрямецъ экономъ поставилъ на своемъ, и притомъ не былъ выгнанъ изъ службы. Судите же, какое терпѣніе, какое великодушіе со стороны начальника? И еще жалуются на начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній!!!... Впрочемъ въ избѣжаніе, вѣроятно, сценъ подобныхъ описанной нами, начальники семинарій и академій принимаютъ довольно хорошія мѣры. Они рѣдко и не охотно допускаютъ къ занятію экономскихъ должностей кого либо изъ свѣтскихъ профессоровъ; этотъ классъ нерѣдко пропитанъ бываетъ либеральными идеями и не захочетъ вынимать изъ своего кармана деньги, или даже тратить казенныя на угощеніе ревизора и посѣтителей. Званіе экпома большею ча-

стію поручается простымъ инокамъ, людямъ, привыкшимъ къ повиновенію и смиренію; поэтому они уже безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія своихъ отцовъ-начальниковъ. Да въ случаѣ непослушанія ихъ легко удалить отъ должности; а что станете дѣлать съ профессоромъ? Вздумай его отставить; онъ, пожалуй, пожалуется Оберъ-Прокурору Св. Синода.

Не скрыли мы отъ васъ, любезный читатель, тѣхъ хлопотъ, затрудненій и расходовъ, которые соединены съ пріѣздомъ ревизоровъ въ духовныя семинаріи и училища, описали ихъ съ всею искренностію и подробностію, какихъ вы еще не встрѣчали. Но для полноты нашего описанія не хотимъ скрыть и того, сколько благодѣяній *изливается* (другаго слова употребить не осмѣливаемся) на семинаріи, т. е. начальниковъ ея отъ отцовъ ревизоровъ. Не разсуждая, не мудрствуя, мы въ доказательство своихъ мыслей разскажемъ какимъ благодѣтелемъ былъ недавно, даже очень недавно почтеннѣйшій ревизоръ въ одной семинаріи. Петербургскіе контролеры, столоначальники и начальники отдѣленій возымѣли подозрѣніе, что будтобы экономическое управленіе этой семинаріи за нѣсколько лѣтъ было неудовлетворительно. И въ самомъ дѣлѣ за доказательствами недостатка не было. Даже по отчетамъ на каждаго ученика выходило въ годъ столько ржаной муки, что самый здоровый солдатъ преображенскаго полка не могъ бы ее съѣсть даже въ два года, — столько тратилось сукна на сюртукъ безъ брюкъ и жилета для мальчика въ 15 лѣтъ, что можно бы изъ него

сшить шинель для гренадера, и пр. и пр. И вотъ петербургскіе контролеры со всею братіею охлопотали ревизіею въ семинаріи и заранѣе восхищались тѣмъ, что ревизоръ подтвердитъ ихъ подозрѣніе документами, а они за свои открытія будутъ представлены къ наградамъ. Члены семинарскаго правленія перепугались, исхлопотались, избѣгались, но ни муки, ни сукна уже не могли воротить. Наконецъ является благодѣтель, т. е. ревизоръ. Замѣтивъ съ перваго раза безпокойство почтенныхъ начальниковъ, онъ началъ утѣшать ихъ, говоря: *не бойтесь, я вѣдь пріѣхалъ, чтобы какъ нибудь замазать дѣло.* Начальники были люди догадливые и благодарные; обѣды устроивали для его милости отличные; вина покупали превосходныя; и чай и дессертъ — все было приготовляемо въ лучшемъ вкусѣ; каждый вечеръ непремѣнно проводили гдѣ либо въ гостяхъ; услуживали, прислуживали, даже выслуживались. Отецъ ревизоръ еще болѣе убѣдился, что ему надобно все *позамазать.* И дѣйствительно въ слѣдствіе пріобрѣтенной практики опытъ этотъ онъ произвелъ блистательнымъ образомъ. Было доказано, что муки и сукна точно вышло въ томъ количествѣ, какъ замѣтили контролеры, но вовсе не отъ небрежности почтенныхъ начальниковъ, а отъ множества крысъ, отъ дурнаго эконома, который впрочемъ занялъ должность, когда уже мука и сукно употреблены были въ дѣло. Контролеры рѣшительно ничего не могли сдѣлать. А добрѣйшіе начальники получили награды за прекрасное угощеніе ревизора, ... да, да — извините за отличное исправленіе своихъ должностей. Эконому же сдѣла-

но строжайшее замѣчаніе за то, почему онъ не позаботился о благоразумной тратѣ той муки и того сукна, которыя израсходованы еще до его опредѣленія на должность. Скажите, Бога ради, неужели не слѣдуетъ назвать отца ревизора-замазывателя истиннымъ благодѣтелемъ начальниковъ семинаріи. Они боялись начетовъ, взысканій, отставки отъ службы, по крайней мѣрѣ выговоровъ, — а ихъ даже наградили. Конечно по слухамъ пріемъ и проводы ревизора имъ обошлись недешево, но взысканіе за 1000 пуд. муки, за 300 аршин. сукна и пр. и пр. составило бы еще большій расходъ. Нѣтъ; какъ угодно, а мы воскликнемъ вмѣстѣ съ начальниками: *да здравствуютъ ревизоры-замазыватели.* Не станемъ скрывать отъ васъ, любезные читатели, что ревизоры замазыватели изливаютъ свои благодѣянія почти на однихъ начальниковъ, особенно иночествующихъ, а о свѣтскихъ мало заботятся; даже не прочь иногда свалить на нихъ вину высокопочтеннѣйшихъ начальниковъ. Конечно наша мысль отчасти подтверждается предыдущимъ разсказомъ, гдѣ свѣтскій экономъ получилъ, Богъ знаетъ за что, строжайшее замѣчаніе. Но мы еще хотимъ прибавить разсказъ объ одной ревизіи. Начальникъ N-ой губерніи въ сор[illegible]ихъ годахъ возымѣлъ подозрѣніе, что семинаристы поджигаютъ его резиденцію. Дѣлать нечего, назначена была ревизія и ревизоромъ отправился то самое лицо, котораго астрономическія, физіологическія и пр. идеи мы выше изложили. Ревизія производилась строжайшимъ образомъ. Подозрѣніе къ поджогѣ, разумѣется, оказалось нелѣпостію, но отецъ ревизоръ счелъ обязан-

ностію найти множество недостатковъ и безпорядковъ по семинаріи. Кто же былъ виновникомъ открытаго разстройства? Кажется, всего естественнѣе обвинить въ этомъ ректора и инспектора. Нѣтъ извините, вы плохо понимаете теорію ревизій семинарскихъ, если такъ думаете. Мы вамъ скажемъ по секрету, что виновникомъ всего зла объявленъ секретарь былъ семинарскаго правленія, свѣтскій профессоръ на слѣдующемъ основаніи. Ревизоръ пишетъ; „*сей* секретарь имѣлъ сильное вліяніе на ректора и слѣдовательно, разсказавши Его Высокопреподобію о семинарскихъ безпорядкахъ, при помощи своего вліянія могъ бы все исправить. Но такъ какъ *онаго исправленія* не послѣдовало, то, значитъ, онъ секретарь ничего не говорилъ ректору и потому его надобно считать главною причиною разстройства.“ Намъ такъ и хочется здѣсь прибавить рѣшеніе секретаря-лисы въ баснѣ Крылова: *понеже куръ овца сильнѣе и съ ними ночь была, то я ..... нельзя, чтобъ .....* Къ счастію секретарь уже успѣлъ нѣсколько прежде выйти изъ духовно-училищнаго вѣдомства. Вы, можетъ быть, спросите, въ чемъ скрывается причина такихъ отзывовъ? Эхъ! недогадливые вы люди. Развѣ не знаете русскихъ пословицъ: *свой своему по неволѣ братъ и сватъ* или *ворона ворону глаза не выколетъ.* Ну и понимайте теперь!

Обозрѣніе академій и даже семинарій весьма нерѣдко поручается мѣстнымъ епархіальнымъ начальникамъ. Подобное распоряженіе не можетъ увѣнчиваться тѣмъ успѣхомъ, котораго, по всей вѣроятности, ожидаетъ высшее начальство. По уставу мѣст-

ный архіерей есть вмѣстѣ начальникъ всѣхъ духовныхъ училищъ, находящихся въ его епархіи, особенно же семинарій. Онъ аттестуетъ начальниковъ и наставниковъ послѣднихъ двухъ вѣденій, безъ его согласія Правленіе не имѣетъ права приводить въ исполненіе опредѣленія своихъ журналовъ, онъ не только можетъ, но даже обязанъ слѣдить за дѣятельностію начальниковъ и наставниковъ, посѣщать во всякое время семинаріи и академіи, предотвращать появляющіяся злоупотребленія, ему даже еженедѣльно инспекторъ и ректоръ репортуютъ о благосостояніи семинаріи и академіи, а объ экстренныхъ происшествіяхъ они должны доносить тотчасъ-же. И потому при назначеніи ихъ ревизорами надобно бы имѣть въ виду два слѣдующихъ обстоятельства. 1) Если епархіальный начальникъ нѣсколько лѣтъ удовлетворительно аттестуетъ всѣхъ начальниковъ и наставниковъ академіи и семинаріи, не доноситъ ни о какихъ злоупотребленіяхъ и опущеніяхъ, то очевидно, что онъ подвѣдомственныя ему училища находитъ въ удовлетворительномъ состояніи. Ревизія значитъ не нужна, онъ не захочетъ власть въ противорѣчіе съ самимъ собою. 2) Если бы епархіальный начальникъ, производя ревизію, открылъ какія либо важныя опущенія и застарѣлыя злоупотребленія и донесъ о томъ высшему начальству, то послѣднее имѣло бы право спросить его: почему же онъ прежде не обратилъ своего вниманія на эти упущенія и злоупотребленія? Почему предоставленною ему властію не позаботился уничтожить ихъ? Почему, по крайней мѣрѣ, въ свое время не доносилъ

объ нихъ высшему начальству? По этимъ ли или по другимъ причинамъ, только ревизіи, производимыя епархіальными начальниками, всегда почти оканчиваются благополучнымъ образомъ, впрочемъ и не сопровождаются тѣми хлопотами и заботами, которыхъ какъ выше показано, такъ много дѣлаетъ ревизоръ-членъ академической конференціи; развѣ какой либо горемыка наставникъ получитъ замѣчаніе или даже увольненіе отъ службы. Далѣе, ревизіи академій и семинарій назначаются почти всегда въ Іюнѣ и въ Іюлѣ мѣсяцахъ, въ то именно время, когда епархіальные начальники производятъ обзоръ ввѣренныхъ имъ епархій; возьмись они усердно за ревизію семинаріи, — часть епархіи останется необозрѣнною, поѣзжай обозрѣвать епархію; — не достанетъ времени для обозрѣнія семинаріи. Даже независимо отъ этого обстоятельства у епархіальныхъ начальниковъ такъ много дѣла, что имъ почти нѣтъ возможности произвести подобное обозрѣніе семинаріи или академіи, даже какъ-то нѣсколько не прилично ихъ высокому сану входить въ тѣ подробности, которыя неизбѣжно соединены со всякою ревизіею. Напр. ревизоръ долженъ лично убѣдиться въ успѣшномъ преподаваніи всякой науки. Но достанетъ ли у него и времени и терпѣнія проэкзаменовать учениковъ по каждому предмету семинарскаго или академическаго курса? Ему, какъ ревизору, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, правильно ли производились дѣла въ академическомъ или семинарскомъ правленіи, не было ли какихъ опущеній и злоупотребленій по экономической части? Неужели же ему высокому сановнику на-

добно будетъ взять въ руки входящую и исходящую тетради семинарскаго правленія, сличить ихъ съ журналами, пересмотрѣть со счетами въ рукахъ приходо-расходныя книги, заглянуть даже въ архивъ и пр.? Неужели въ самомъ дѣлѣ нужно себя до такой степени унизить? Отъ этихъ причинъ происходитъ, что высокій сановникъ-ревизоръ пріѣзжаетъ раза два или много три въ ревизуемое имъ учебное заведеніе на какой либо экзаменъ, иногда дѣло ограничивается даже только однимъ пріѣздомъ и притомъ на публичное испытаніе; за тѣмъ производство прочихъ экзаменовъ поручается ректору; а ревизія правленскихъ дѣлъ или экономической части развѣ состоитъ только въ томъ, что послѣ публичнаго испытанія пройдутъ по всѣмъ комнатамъ училища, побываютъ въ столовой и заглянутъ въ правленіе. Весьма нерѣдко случается, что конечно оффиціальнымъ образомъ неизвѣстно) составленіе отзыва по ревизіи поручается ревизоромъ самому ректору семинаріи, или академіи. Конечно, составитель отчета изъ скромности уволитъ себя отъ составленія панегирика своей дѣятельной службѣ, но *уже при сей вѣрной окказіи* не забудетъ тѣхъ наставниковъ, къ которымъ онъ питаетъ благорасположеніе и нерасположеніе. Въ одной изъ академій не слишкомъ въ давнее время былъ случай, что при составленіи отчета такимъ образомъ всѣ баккалавры превознесены были до небесъ, исключая тѣхъ, которые не пользовались благорасположеніемъ начальника академіи; но за то почти вовсе не было упомянуто ничего ни объ одномъ изъ ординарныхъ профессоровъ, хотя они почти

всѣ считались людьми дѣльными и наставниками опытными. Несчастіе ихъ состояло въ томъ, что составитель отчета былъ моложе ихъ всѣхъ и въ первые года своего управленія хотѣлъ дать замѣтить этимъ гордецамъ, что́ онъ можетъ для нихъ сдѣлать. Наконецъ ректоръ семинаріи или академіи есть первое лицо въ духовенствѣ послѣ епархіальнаго начальника кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть викарный епископъ. Поэтому они находятся слишкомъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ между собою. Необходимымъ послѣдствіемъ подобной близости бываетъ то, что ректоръ пользуется благорасположеніемъ епархіальнаго начальника. Но объ людяхъ всегда надобно судить какъ о людяхъ, а не какъ объ ангелахъ; а потому въ первомъ случаѣ нельзя же въ своемъ отчетѣ по ревизіи сказать, что семинарія или академія, состоящія подъ вѣдомствомъ любимца-ректора, находятся въ дурномъ положеніи; а во второмъ случаѣ трудно съ полнымъ безпристрастіемъ выставить на видъ высшему начальству всѣ отличныя качества нелюбимца-ректора. Какъ кому угодно, а ревизоромъ какого бы-то ни было учебнаго заведенія не можетъ быть то лицо, которое само обязано слѣдить за состояніемъ его; для этого нуженъ человѣкъ вполнѣ непричастный къ училищу.

Что еще сказать о ревизіяхъ низшихъ духовныхъ училищъ? Для этого обыкновенно ѣздятъ ректора семинаріи и притомъ не всегда въ опредѣленные сроки, а имѣютъ право являться неожиданно. Но и они также, какъ и ревизоры семинарій, останавливаются въ квартирахъ начальниковъ училищъ; и слѣ-

довательно опять все начинается, продолжается и оканчивается почти тѣми же церемоніями, которыя мы выше описали. Различіе развѣ состоитъ въ томъ только, что ректоры семинаріи бываютъ большею частію по своему политическому значенію равны ревизорамъ, а иногда и выше ихъ; объ нихъ можно думать, что имъ открыта дорога къ самымъ верхнимъ ступенямъ Іерархіи, поэтому и ревизоръ поневолѣ принужденъ бываетъ сдерживать себя. Между тѣмъ какъ начальникъ низшаго духовнаго училища, *будь хоть семи пядей во лбу*, далѣе не пойдетъ; протоіерейское мѣсто въ городѣ — вотъ высшая его ступенька! *Охъ*, недавно намъ сказалъ одинъ изъ отличныхъ и честныхъ такихъ начальниковъ; *чего намъ стоютъ ревизіи? Сколько перенесешь униженія? Сколько хлопотъ? Сколько еще кое чего? И за что? — за 150 рубл. сер. годичнаго жалованья!*

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера & Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

DE L'ORGANISATION

DES

ÉCOLES ECCLÉSIASTIQUES

EN RUSSIE.

Tome premier.

Deuxième Édition.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.
1866.

Imprimerie de Bär & Hermann à Leipzig.

2007081279